

Моральное и интеллектуальное разнообразие рас

Артур де Гобино

Артур де Гобино

Моральное и интеллектуальное разнообразие рас

С особым упором на их Соответствующее влияние в гражданской и политической истории человечества

Содержание

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ.

РАЗНООБРАЗИЕ РАС.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

ГЛАВА IV.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

ГЛАВА VII.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ПРИМЕЧАНИЕ К ГЛАВАМ VIII. И IX.

ГЛАВА VIII.

ГЛАВА IX.

ГЛАВА X.

ГЛАВА XI.

ГЛАВА XII.

ГЛАВА XIII.

ГЛАВА XIV.

ГЛАВА XV.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

A.

B.

C.

ШЕМИТСКИЙ ВИД.

ЯФЕТИЧЕСКИЙ ВИД.

ИЗМАИЛЬСКИЙ ВИД.

ХАНААНСКИЙ ВИД.

- **АНАЛИТИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ.**

Обсуждение морального и интеллектуального разнообразия рас, полностью независимое от вопроса о единстве или множественности происхождения — ведущие положения этого тома с иллюстрациями и комментариями.

- **ГЛАВА I.**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КАТАСТРОФЫ.

Бренное состояние всех человеческих обществ — Древние представления об этом явлении — Современные теории 105

- **ГЛАВА II.**

РАССМОТРЕНЫ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ПРИЧИНЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ.

Фанатизм—Империя ацтеков в Мексике.—*Роскошь*—Современные европейские государства столь же роскошны, как и древние.—Разложение морали —Уровень морали колеблется в разные периоды истории нации: например, Франция — В молодых сообществах не выше, чем в старых —Мораль Парижа.—*Безбожие*—Никогда не распространяется на все слои нации—Греция и Рим—Упорство язычества¹¹⁴

- **ГЛАВА III.**

ВЛИЯНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА НА ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ НАЦИЙ.

Неправильное управление в определенном смысле — Афины, Китай, Испания, Германия, Италия и т.д.— Само по себе не является достаточной причиной для гибели наций. ¹³⁸

- **ГЛАВА IV.**

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СЛОВА "ДЕГЕНЕРАЦИЯ" —ЕГО ПРИЧИНА.

Общая история нации —Происхождение каст, знати и т.д. —Жизнеспособность наций, не обязательно уничтоженных завоеванием—Китай, Индостан —Постоянство их своеобразных цивилизаций.¹⁴⁶

- **ГЛАВА V.**

МОРАЛЬНОЕ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ РАС НЕ ЯВЛЯЕТСЯ РЕЗУЛЬТАТОМ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ.

Антипатия рас —Результаты их смешения—Научная аксиома абсолютного равенства людей, но продолжение политической—Ее ошибочность—Всеобщая вера в неравные способности рас— Моральное и интеллектуальное разнообразие рас, не связанное с институтами—Местные институты являются выражением народных настроений; будучи иностранными и импортированными, они никогда не процветают—Иллюстрации: Англия и Франция—Римская империя—Европейские колонии—Сандвичевы острова—Сан—Доминго—Миссии иезуитов в Парагвае¹⁷²

- **ГЛАВА VI.**

ЭТО РАЗНООБРАЗИЕ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ РЕЗУЛЬТАТОМ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ.

Америка—Древние империи—Финикийцы и римляне—Евреи—Греция и Рим—Торговые города Европы—Дарьенский перешеек²⁰¹

- **ГЛАВА VII.**

ВЛИЯНИЕ ХРИСТИАНСТВА НА МОРАЛЬНОЕ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ РАС.

Рассмотренный термин "христианская цивилизация"—Причины его отклонения— Интеллектуальное разнообразие не препятствует повсеместному распространению христианства—Цивилизующее влияние христианской религии путем возвышения и очищения морали и т.д.; Но не устраняет интеллектуальные различия—Различные примеры—чероки— Разница между имитацией и пониманием цивилизованной жизни²¹⁵

- **ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ПРИМЕЧАНИЕ К ГЛАВАМ VIII. И IX.**

Краткий обзор популяций, объединенных под названием "тевтонские", — их нынешнего этнологического ареала и ведущих характеристик — Любви к морю, проявляемой тевтонскими племенами Северо-Западной Европы и заметной у их потомков²³⁴

- **ГЛАВА VIII.**

ЦИВИЛИЗАЦИЯ.

Рассмотрены определения Гизо и В. фон Гумбольдта. Его элементы²⁴⁶

- **ГЛАВА IX.**
ЭЛЕМЕНТЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ —ПРОДОЛЖЕНИЕ.
Определение термина—Специфические различия цивилизаций—Индуистская, китайская, европейская, греческая и римская цивилизации—Универсальность китайской цивилизации—Поверхностность нашей—Картина социального положения Франции272
 - **ГЛАВА X.**
ВОПРОС О ЕДИНСТВЕ Или МНОЖЕСТВЕННОСТИ РАС.
Системы Кампера, Блюменбаха, Мортонa, Каруса—Исследования Оуэна, Вролика, Вебера—Плодовитость гибридов, великий научный оплот сторонников единства видов312
 - **ГЛАВА XI.**
ПОСТОЯНСТВО ТИПОВ.
Язык Священного Писания в пользу общего происхождения—Постоянство их характеристик разделяет расы людей так же эффективно, как если бы они были отдельными творениями—арабы, евреи—Рассмотрен аргумент Причарда о влиянии климата—Этнологическая история турок и венгров336
 - **ГЛАВА XII.**
КЛАССИФИКАЦИЯ РАС.
Первичные разновидности—Тест для их распознавания; не всегда надежный—Эффекты смешения—Вторичные разновидности—Третичные разновидности—Слияние рас в больших городах—Относительный масштаб красоты в различных ветвях человеческого рода—Их неравенство в мышечной силе и выносливости368
 - **ПРИМЕЧАНИЕ К ПРЕДЫДУЩЕЙ ГЛАВЕ.**
Положение и обращение с женщиной среди различных рас мужчин доказательство их морального и интеллектуального разнообразия 384
 - **ГЛАВА XIII.**
СПОСОБНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ.
Несовершенные представления о возможностях диких племен—Параллель между нашей цивилизацией и теми, что ей предшествовали—Наши современные политические теории не новы—Политические партии Рима—Общества мира—Искусство печатать средства, результаты которого зависят от их использования—Что представляет собой "живая" цивилизация—Пределы сферы интеллектуальных приобретений391
 - **ГЛАВА XIV.**
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.
Необходимые последствия предполагаемого равенства всех рас —Единообразные свидетельства истории об обратном—Следы исчезнувших цивилизаций среди варварских племен—Законы, регулирующие переход покоренного населения к цивилизованному состоянию—Антагонизм различных форм культуры; эллинской и персидской, европейской и арабской и т.д.414
 - **ГЛАВА XV.**
МОРАЛЬНЫЕ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТРЕХ ВЕЛИКИХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ.
Неуместность делать общие выводы из отдельных случаев—Краткий обзор ведущих черт негритянской, желтой и Белой рас—Превосходство последней—Заключение тома первого 439
-

- **ПРИЛОЖЕНИЕ.**

Дж. К. Нотта, доктора медицины

A—Dr. Более поздние таблицы Мортонa [461](#)

B—Виды; разновидности. Последние эксперименты по изучению законов гибридности [473](#)

C—библейские связи вопроса о единстве или множественности видов [504](#)

- **СНОСКИ**

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ.

Содержание

Прежде чем отправиться в путешествие в чужую страну, полезно взглянуть на карту, и если мы ожидаем встретить и осмотреть множество диких видов, правильный маршрут не может стать неудобным спутником в путешествии. Представляя вниманию публики настоящую работу г-на Гобино, охватывающую столь безграничную область исследований и затрагивающую темы, имеющие такое огромное значение для всех, было сочтено не совсем бесполезным или неуместным дать краткий обзор тем, представленных вниманию читателя, — так сказать, общий план обширного здания, в которое его приглашают войти, чтобы он мог впоследствии изучить его на досуге и оценить симметрию его частей. Это, хотя автор полностью осознает недостаточность своих полномочий для надлежащего выполнения задачи, он попытался сделать, делая такие комментарии по ходу дела и используя такие дополнительные иллюстрации, каких, по-видимому, требовала природа предмета.

Рассматриваем ли мы человеческую семью с точки зрения натуралиста или философа, нас поражает заметное различие различных групп. Очевидные физические характеристики, по которым мы различаем так называемые различные расы, определены не более четко, чем психические различия, наблюдаемые среди них. "Если у человека", - говорит ученый поборник единства человеческого рода[1] "после инженерные некоторые блестящие церемонии и суд торжества в одном из самых великолепных городов Европы, вдруг понес в деревушке в Негро-земли, в час, когда соболь племен воссоздать себя танцы и музыку; или если он был перевезен в солевой равнины, над которыми лысый и рыжий монголы кочуют, отличающихся, но мало оттенков от желтого грунта из своих степей, заманчиво шафран цветы ирисов и тюльпанов; если бы он был размещен возле одинокого Дэнс бушменов, где худой и голодный дикарь садится на корточки, молча, как зверь на добычу, наблюдая с неподвижными глазами птиц, которые входят в его ловушку, и жадно пожирает насекомых и рептилий, которые случайно могут привезти в пределах его досягаемости; если он в разгар австралийского леса, где убогие сподвижники кенгуру может рассматриваться обход крестным ходом, в подражание извесно, бы зрителем такого явления, представить различные группы, которую он обследовал быть отпрыском одной семьи? И если бы его заставили принять это мнение, как бы он попытался объяснить поразительные различия в их облике и способе существования?"

Эти различия, столь наглядно описанные мистером Причардом, представляют собой проблему, решение которой занимало самые изобретательные умы, особенно нашего времени. Вопрос о единстве или множественности человеческого вида в последнее время вызвал много оживленных дискуссий; великие имена и весомые авторитеты представлены с обеих сторон, и вряд ли единогласное решение будет принято в ближайшее время. Но ни в мои намерения, ни в намерения автора, к трудам которого эти страницы являются вводными, не входит вступать в состязание, которое мне кажется скорее спором о словах, чем о сути. Отличительные физические характеристики того, что мы называем человеческими расами, признаются всеми сторонами, и являются ли эти расы *отдельными видами* или *постоянными разновидностями*[2] только одного и того же, не может повлиять на исследуемый предмет. Каким бы образом ни возникли различия между различными ветвями человеческой семьи, являются ли они изначальными или были вызваны внешними причинами, в настоящее время общепризнано их постоянство. "Эфиоп не может изменить свою кожу". Если существуют или когда-либо существовали внешние факторы, которые могли превратить белого человека в негра или *наоборот*, очевидно, что такие причины либо перестали действовать, либо действуют только по прошествии времени, столь несоизмеримого, что не поддается нашему восприятию, поскольку существующие сейчас расы можно проследить вплоть до зари истории, и не зарегистрировано ни одного достоверно подтвержденного случая трансформации ни при каких обстоятельствах. В человеческом мышлении, безусловно, законно судить о будущем по опыту прошлого, и поэтому мы вправе заключить, что если расы сохраняли свою самобытность в течение последних двух тысяч лет, они не утратят ее и в следующие две тысячи.

Однако несколько странно, что, хотя большинство авторов перестали объяснять физические различия рас внешними причинами, такими как климат, пища и т.д., тем не менее, многие по-прежнему упорствуют в поддержании абсолютного равенства всех в других отношениях, относя такие различия в характере, которые неоспоримы, исключительно к обстоятельствам, образованию, образу жизни и т.д. Эти авторы рассматривают все расы просто как находящиеся на разных стадиях развития и утверждают, что самый низший дикарь или, по крайней мере, его отпрыск может путем разумного обучения и с течением времени стать равным цивилизованному человеку. Прежде чем упоминать какие-либо факты, противоречащие этой доктрине, давайте рассмотрим рассуждения, на которых она основана.

"Человек - создание обстоятельств" - это изречение, распространенное от отдельных людей к расам и повторяемое многими, не задумываясь о его значении. Знаменитый автор книги "Богатство народов"[3] говорит, "что разница между самыми непохожими персонажами, например, между философом и обычным уличным носильщиком, проистекает не столько из природы, сколько из привычек и воспитания". То, что ум, который при надлежащем воспитании мог бы стать достоянием философа, при неблагоприятных обстоятельствах навсегда остался ограниченным узкой и скромной сферой, на самом деле вовсе не кажется невероятным; но доктор Смит, конечно, не имеет в виду отрицать существование природных талантов, врожденных особых способностей для достижения определенных целей. Именно так поступают те, кто приписывает умственное неравенство различных ветвей человеческого рода только внешним обстоятельствам. "Интеллектуальные качества человека, - говорят они, - развиваются исключительно благодаря образованию. Поначалу ум - это совершенная пустота, приспособленная и готовая воспринимать любые впечатления. В этом отношении мы зависим от политических, гражданских и религиозных институтов, в рамках которых мы живем, от людей, с которыми мы связаны, и от обстоятельств, в которые мы попадаем в разные периоды жизни.

Всецело являясь порождением ассоциаций и привычек, характеры людей формируются наставлениями, беседами и примером тех, с кем они вращаются в обществе или чьи идеи они впитывают в ходе чтения и учебы".[4] И снова: "Поскольку все люди во всех нациях принадлежат к одному виду, наделены одинаковыми органами чувств и переживания и получают свои восприятия и идеи через сходные органы, разница, будь то физическая или моральная, которая наблюдается при сравнении различных рас или групп людей, может возникать только из внешних и случайных обстоятельств".[5] Разница в характере людей. последнее положение полностью зависит от первого; если мы допускаем первое, относящееся к индивидам, то другое вытекает как необходимое следствие. Ибо, если мы предположим, что бесконечное интеллектуальное разнообразие индивидов обусловлено исключительно внешними влияниями, то самоочевидно, что такое же разнообразие в нациях, которые являются всего лишь скоплениями индивидов, должно быть результатом тех же причин. Но готовы ли мы согласиться с этой первой позицией — утверждать, что человек - всего лишь автомат, у которого нет никакого механизма управления, — просто буфет и игрушка случая и обстоятельств? Разве это не первый шаг к грубому материализму, не первый аргумент, выдвинутый этой школой, отцом которой был заклеямен великий Локк, потому что он также утверждает, что человеческий разум поначалу представляет собой чистую табличку. Но Локк, конечно, не мог иметь в виду, что все эти таблички были одинаковыми и имели одинаковую ценность. На восковой табличке остается отпечаток, которого не оставит мраморная; на первой легко стирается то, что другая сохраняет навсегда. Мы не отрицаем, что обстоятельства оказывают большое влияние на формирование как морального, так и интеллектуального характера, но мы настаиваем на том, что существует первичная основа, от которой зависит степень этого влияния, и которая является работой Бога, а не человека или случая. Какого агронома можно заставить поверить, что при одинаковом уходе все растения будут одинаково хорошо расти на любых почвах? Утверждать, что характер человека, будь он добрым или злым, благородным или подлым, является совокупным результатом влияний, над которыми он не властен, - значит отрицать, что человек является свободным агентом; это бесконечно хуже, чем вероучение буддиста, который верит, что все живые существа обладают отдельной частицей всеобъемлющего разума, который действует в соответствии с природой и возможностями глиняной машины, которую он на время занимает, а когда машина изнашивается или разрушается, возвращается, подобно ручью, в море, в безбрежный океан разума, откуда он пришел, и в том виде, в котором он существует. который снова теряется. Во имя здравого смысла, ежедневных наблюдений и, прежде всего, откровения, мы протестуем против доктрины, которая прокладывает путь к самым абсурдным и антирелигиозным выводам. В нем мы узнаем источник, из которого вытекают все разнообразные формы и названия, под которыми маскируется атеизм. Но бесполезно вдаваться далее в опровержение аргумента, который мало кто захотел бы всерьез поддерживать. Это одно из тех правдоподобных предположений, которые, будучи однажды допущены, служат основой для стольких блестящих, но воздушных теорий, которые ослепляют и привлекают тех, кто не утруждает себя проверкой их достоверности.

Как только мы признаем, что обстоятельства, хотя и могут препятствовать или благоприятствовать развитию способностей, не могут их дать; другими словами, что они могут призвать к действию моральные и интеллектуальные ресурсы, но не могут создать их; из единства видов нельзя извлечь никаких аргументов в пользу ментального равенства рас. Если два человека, отпрыски одних и тех же родителей, могут быть один тупицей, другой гением, то почему разные расы, хотя и происходящие от одного и того же происхождения, не

могут отличаться и интеллектуальными способностями? Нам следовало бы посмеяться или, скорее, пожалеть человека, который попытался бы убедить нас, что между скандинавами и африканцами нет разницы в цвете кожи и т.д., и все же некоторые считают чуть ли не ересью утверждать, что у них одинаковый разум так же, как и тела.

Нам говорят — и это возражение кажется действительно серьезным, — что если мы допускаем как психические, так и физические градации в шкале человеческих рас, то низшие должны быть настолько безнадежно ниже высших, их восприятие и интеллектуальные способности настолько тусклы, что даже свет Евангелия не может их осветить. Если бы это было так, мы должны были бы сразу же отказаться от аргумента, поскольку он выше человеческого понимания, а не предполагать, что Божья милость ограничена какой-либо конкретной расой или племенами. Но давайте серьезно исследуем этот вопрос. В столь важном вопросе священная летопись не может не быть ясной и недвусмысленной. Давайте обратимся к ней. У человека — даже у низшего представителя его вида — есть душа. Как бы сильно ни был искажен образ Божий, он оживляется Его дыханием. Чтобы спасти эту душу, освободить ее от рабства зла, Христос сошел на землю и дал человечеству не сложную философскую систему, которую никто, кроме образованных и интеллектуальных людей, не мог понять, но несколько простых уроков и заповедей, понятных самому простому человеку. Он не обращался к мудрецам этого мира, но просил их быть подобными детям, если они захотят прийти к нему. Ученые фарисеи иудеи глумились над ним, но бедная женщина из Ханаана жадно подбирала драгоценные крошки от той благословенной трапезы, которую они презирали. Его апостолы были избраны из числа низших и простых людей, его первые последователи принадлежали к этому классу. Он сам сказал:[6] "Я благодарю Тебя, о Отец, Господь Неба и земли, за то, что Ты скрыл это от мудрых и рассудительных и открыл это младенцам". Как же тогда нам судить о степени интеллекта, необходимой для того, чтобы быть последователем Иисуса? Являются ли самые интеллектуальные, наиболее информированные люди, как правило, лучшими христианами? Или же слово Божье где-либо заставляет нас предполагать, что на великом страшном суде ученый прелат или изобретательный толкователь веры будет предпочтен скромному, неграмотному дикарю с какого-нибудь почти неизвестного побережья, который жадно пьет живую воду, из которой всякий, кто пьет, никогда больше не будет жаждать?

Этот вопрос привлек к себе внимание, которого заслуживает его важность, со стороны мистера Гобино, и он также показывает ошибочность идеи о том, что христианство устраним ментальное неравенство рас. Истинная религия у всех народов, которые благословлены ею и искренне принимают ее, очистит их мораль и установит дружественные отношения между человеком и его ближними. Но это не сделает *интеллектуально* низшую расу равной высшей, потому что это не было разработано для того, чтобы наделять талантами или гениальностью тех, кто этого лишен. Цивилизация, по сути, является результатом интеллектуальных дарований человека и должна отличаться по своему характеру и степени, подобно им. Об этом мы еще поговорим при рассмотрении *специфических различий цивилизации*, когда также будет рассмотрен термин *христианская цивилизация*.

Одной из главных причин, по которой так много людей отказываются признавать умственные и физические различия между расами, является распространенная и любимая вера нашего времени в бесконечное совершенствование человека. В различных формах эта теория развития, столь лестная для человечества, приобрела невероятное количество приверженцев и защитников. Мы верим, что неуклонно движемся к некой блестящей цели, к которой нас

приближает каждое поколение. Мы смотрим с жалостью, почти граничащей с презрением, на тех, кто был до нас, и завидуем потомству, которое, как мы ожидаем, превзойдет нас в соотношении даже больше, чем, по нашему мнению, мы сами превзошли наших предков. Это действительно прекрасная и поэтичная идея о том, что цивилизация - это огромное и величественное здание, краеугольный камень которого заложило первое поколение и в которое каждая последующая эпоха вносит новые материалы и новые украшения. Это наша Вавилонская башня, с помощью которой мы, подобно первым людям после потопа, надеемся достичь небес и избежать жизненных невзгод. Какая-то подобная идея льстила всем векам, но в наши дни она приняла более определенную форму. Мы с гордостью указываем на наши изобретения, сокращающие, как мы говорим, время и расстояние; на наши трудосберегающие машины, совершенствующие механику и косвенно распространяющие информацию среди всех классов, и с уверенностью смотрим вперед, на приближающуюся новую эру, на грядущее тысячелетие. Давайте на мгновение избавимся от тщеславия, присущего каждой эпохе, а также каждой стране и отдельному человеку; и давайте спросим себя серьезно и откровенно: в чем мы превосходим наших предшественников? У нас есть изобретения, которых не было у них, это правда, и количество этих изобретений увеличивается в поразительной пропорции; у нас есть более четкие представления о законах, управляющих материальным миром, и лучшие приспособления для применения этих законов и подчинения стихий нашему комфорту. Но действительно ли человеческий разум расширился со времен Пифагора и Платона? Обладает ли мыслитель девятнадцатого века способностями и восприятием, которых у них не было? Стало ли у нас на одну добродетель больше или на один порок меньше, чем у предыдущих поколений? Изменилась ли природа человека или он хотя бы смягчил свои недостатки? Если нам удастся пересекать воздушные пространства так же легко и быстрее, чем мы сейчас преодолеваем обширные континенты и бурные моря; если мы насчитаем все миры в необъятном пространстве; если мы вырвем у природы ее самые сокровенные секреты, будем ли мы кем-то, кроме людей? Для истинного философа эти победы над материальным миром будут лишь дополнительными доказательствами величия Бога и ничтожности человека. Именно тщеславие и высокомерие глиняного создания заставляют его верить, что собственными усилиями он может достичь богоподобного совершенства. Безумные поиски философского камня и эликсира жизни можно отнести к числу многих других тщетных попыток человека нарушить непреложный указ: "До сих пор, и не дальше". Чтобы спастись от морального и интеллектуального несовершенства своей природы, есть только один путь; создание должно смиренно и преданно броситься в вечно распростертые объятия Творца и искать знания там, где никто не стучится напрасно. Этой привилегией он пользовался во все века, и я бы не решился ответить на вопрос, не привел ли прогресс физической науки, по крайней мере во многих случаях, скорее к тому, что он стал самодостаточным и слишком уверенным в своих силах, чем к тому, что приблизил его к познанию истинного Бога. В частности, это одна из фатальных ошибок нашего века - смешивать прогресс физической науки с предполагаемым моральным прогрессом человека. Если бы это было так, Библия была бы откровением как науки, так и религии, и сейчас начинают признавать, что это не так, хотя и не в такой общей форме, как того требует истинная теология; ибо закон Божий был предназначен для каждой эпохи, для каждой страны, для каждого человека, независимо от состояния науки или особой стадии цивилизации, и не должен был изменяться никакими изменениями, которые человек мог бы внести в свое материальное существование. Таким образом, с должным уважением к тем философам, которые утверждают, что моральная природа человеческого рода претерпевала изменения в различные периоды мировой истории; и тем энтузиастам, которые мечтают о приближающемся тысячелетии, мы считаем, что природа

человека всегда была одинаковой и всегда будет одинаковой, и что никакие изобретения или открытия, какими бы способствующими его материальному благополучию, не могут вызвать моральных изменений или приблизить его к Божественной сущности, чем он был в начале своего земного существования. Наука и познания действительно могут осветить его земную карьеру, но они не могут пролить свет на путь, по которому он должен пройти, чтобы достичь лучшего мира.

Сам Христос признал разнообразие интеллектуальных дарований в своей притче о талантах, из которой мы заимствуем сам термин для обозначения этих дарований; и если в сообществе чистых верных христиан все еще существует множество степеней и видов талантов, разумно ли предполагать, что в том тысячелетии — единственном, которое я могу себе представить, — когда все народы будут призывать Его имя с надеждой и хвалой, все интеллектуальные особенности рас будут уничтожены? В настоящее время есть нации, на которые мы смотрим свысока как на низшие по цивилизации по сравнению с нами, и все же они такие же хорошие — если, конечно, не лучшие — христиане, как и мы как народ. Прогресс физической науки, облегчая общение между отдаленными частями света, действительно, ведет к распространению истинной религии и таким образом — и только таким образом — способствует моральному благу человечества. Но здесь это всего лишь инструмент, а не агент, поскольку машины, которые архитектор использует для подъема своих строительных материалов, не возводят само сооружение.

Еще одна причина, по которой единство человеческого вида не может считаться доказательством равных интеллектуальных способностей рас. Проводить аналогию между человеком и животным миром — излюбленный метод натуралистов; и поскольку он принадлежит к животному царству, этот метод, несомненно, верен и законен. Но что касается высших качеств человека, то между ним и животным существует непреодолимый барьер, который в пылу спора противоборствующие стороны не всегда в достаточной степени уважали. Сам великий Причард, кажется, иногда упускал это из виду.[7] Таким образом, он говорит о "психологических" различиях в разновидностях одного и того же несомненного вида животных, хотя очевидно, что животные не могут обладать никакими психологическими атрибутами. Но я готов согласиться с мистером Причардом во всех выводах, которые он выводит из этой аналогии, в пользу единства человеческого вида. Все собаки, по его мнению, происходят от одной пары; тем не менее, существует множество разновидностей собак, и эти разновидности отличаются не только внешним видом, но и тем, что мистер Причард назвал бы психологическими качествами. Ни один пастух не рассчитывает обучить обычную дворняжку быть разумным стражем стада; ни один спортсмен не собирается учить своих гончих или их несмешанное потомство выполнять обязанности сеттеров. То, что характеристики каждой разновидности собак постоянны до тех пор, пока порода остается чистой, знает каждый, и что их отличительный тип остается неизменным во всех странах и во все времена, доказываются фресками Египта, которые показывают, что за 2000 лет до нашей эры они были так же хорошо известны, как и в наши дни.[8] Итак, если это постоянство "психологического" (по мнению мистера Причарда) разнообразия совместимо с единством происхождения у собаки, то почему не в случае человека? Я далек от желания подвергать сомнению единство нашего вида, но я утверждаю, что правило должно действовать в обоих направлениях, и если "психологические" различия могут быть постоянными в ветвях одного и того же вида животных, они могут быть постоянными и в ветвях человеческого семейства.

На предыдущих страницах я пытался показать, что единство видов не является доказательством равных интеллектуальных способностей рас, что ментальные особенности не противоречат универсальности евангельской вести и что постоянство этих особенностей согласуется с рассуждениями величайшего толкователя теории единства. Теперь я перейду к изложению фактов, которые доказывают интеллектуальные различия между человеческими расами. При этом важно остерегаться ошибки, в которую впадали столь многие способные писатели, - сравнения отдельных людей, а не масс.

То, что мы называем национальным характером, - это совокупность качеств, преобладающих в обществе. Очевидно, что когда мы говорим о художественном гении греков, мы не имеем в виду, что каждый уроженец Эллады и Ионии был художником; и когда мы называем нацию невоинственной или доблестной, мы тем самым ни клеймим каждого отдельного человека как труса, ни превозносим его как героя. То же самое происходит и с расами. Когда, например, мы утверждаем, что черная раса интеллектуально уступает белой, это не подразумевает, что самый умный негр все равно должен быть более тупым, чем самый глупый белый человек. Максимальный интеллект и способности одной расы могут значительно превышать минимальный уровень другой, не ставя их в равное положение. Свидетельства истории и результаты филантропических экспериментов - вот данные, на основе которых этнолог должен проводить свои исследования, если он хочет прийти к поучительным для человечества выводам.

Возьмем для иллюстрации белую и черную расы, которые, как полагают многие, представляют две крайности шкалы градации. Вся история первого показывает непрерывный прогресс; история второго - монотонный застой. Одному человечество обязано самыми ценными открытиями в области мысли и их практическим применением; другому оно не обязано ничем. На протяжении веков, погруженных в глубочайший мрак варварства, не было ни единого лучика хотя бы временного или заимствованного улучшения, которое могло бы оживить мрачную картину их истории или вселить надежду в отчаявшегося филантропа. На границе своей территории постоянно вторгающийся дух завоевания европейцев останавливается бессильным.[9] Никогда в мировой истории не проводился более грандиозный и убедительный эксперимент, чем в случае с негритянской расой. Мы видим, как они получили в непосредственное владение богатейший остров в богатейшей части земного шара, со всеми преимуществами, которые могут предоставить климат, почва, географическое положение; удалены от любых вредных контактов, но при этом имеют все возможности для постоянного общения с самыми утонченными нациями земли; наследуют все, что белая раса приобрела многовековым трудом в науке, политике и морали; и каков результат? Как будто для того, чтобы предоставить еще более неопровержимое доказательство умственного неравенства рас, мы находим отдельные районы одного и того же острова, населенные: один чистокровной, другой - полукровкой; и вливание белой крови в последнем случае формирует население, бесспорно и общепризнанно превосходящее их. В противовес таким фактам какой-нибудь специальный защитник, стремящийся утвердить предвзятое мнение, роется в исторических записях, чтобы найти несколько изолированных случаев, когда индивид низшей расы проявлял средние способности, и из таких исключительных случаев он делает выводы, применимые ко всей массе! Он с ликованием указывает на негра, который занимается подсчетом, на негра, который служит артиллерийским офицером в России, на нескольких других, которые работают в бухгалтерии. И все же он даже не говорит нам, чистокровны ли эти *редкие авы* или нет, как это часто бывает.[10] Более того, эти примеры объявляются миру с видом триумфатора, как если бы

они были взяты наугад из неисчерпаемого арсенала фактов, тогда как на самом деле это все, что могло бы обнаружить самое тщательное исследование, и составляют товарный запас каждого декламатора об абсолютном равенстве рас.

Если бы Создателю было угодно наделить все ветви человеческой семьи равным образом, все они тогда пошли бы по одному пути, хотя, возможно, не все с одинаковой быстротой. Некоторые, которым благоприятствовали обстоятельства, могли бы дистанцировать других в гонке; некоторые, оказавшиеся в особенно неудачном положении, отстали бы. Тем не менее, прогресс всех был бы в одном направлении, всем предстояло пройти одни и те же этапы. Так ли это сейчас? Немало тех, кто утверждает это. С самого раннего детства нам рассказывают о диких, варварских, полудивилизованных, цивилизованных и просвещенных государствах. Их нас учат рассматривать как ступени лестницы, по которой человек взбирается к бесконечному совершенству, причем мы сами находимся вблизи вершины, в то время как другие либо немного ниже нас, либо едва ли еще прочно утвердились на первых кругах. Говоря прекрасным языком Шиллера, эти последние являются для нас зеркалом, в котором мы видим наших собственных предков, подобно тому как взрослый в окружающих его детях заново видит свое собственное младенчество. В какой-то мере это верно для народов одной расы, но верно ли это по отношению к разным расам? Рисковать бороться с идеей, возможно, более распространенной, чем любая другая в наше время, - это почти самонадеянность, и все же мы постараемся это сделать. Если бы различия в цивилизации, которые мы наблюдаем у различных народов мира, были различиями только в степени, а не по характеру, то очевидно, что наиболее продвинутый индивид в одной степени должен вплотную приближаться к границам более высокой. Но это не так. Самая высокая степень культуры, известная индуистской или китайской цивилизации, ни на шаг не приближает ее обладателя к идеям и взглядам европейца. Китайская цивилизация по-своему так же совершенна, как и наша, даже более того.[11] Это не просто ребенок и даже не взрослый, еще не достигший зрелости; это скорее дряхлый старик. У него тоже есть свои степени; у него тоже были свои периоды младенчества, взросления, зрелости. И когда мы созерцаем его плоды, огромные работы, которые были предприняты и завершены под его руководством, системы морали и политики, которые он породил, изобретения, которые ознаменовали его более энергичные периоды, мы не можем не признать, что он в высокой степени заслуживает нашего почитания.[12] Более того, у него есть совершенства, которых пока нет у нашей цивилизации; он пронизывает все классы, но не наш. Во всей китайской империи, составляющей, как это и есть, треть человечества, мы находим мало людей, не умеющих читать и писать; в самом Китае - ни одного. Сколько европейских стран могут претендовать на это? И все же, поскольку китайская цивилизация имеет тенденцию, отличную от нашей, поскольку ее курс лежит в другом направлении, мы называем ее полудивилизацией. В какой же период мировой истории мы —*цивилизированные* нации — прошли через эту стадию полудивилизации?

Памятники санскритской литературы, великолепные остатки дворцов и храмов, огромное количество оригинальных искусств, сложные системы метафизики свидетельствуют о далеко не презренном уровне интеллектуальной культуры индусов. И все же их цивилизацию мы тоже называем полудивилизацией, хотя она так же мало похожа на китайскую, как и на все, что когда-либо видели в Европе.

Мало кто из тех, кто тщательно исследует и размышляет над этими фактами, усомнится в том, что термины "индийская", "китайская", "европейская цивилизация" указывают не только на

ступени, но и означают соответствующее развитие сил, существенно отличающихся по своей природе. Мы можем считать нашу цивилизацию лучшей, но это высокомерно и нефилософски - рассматривать ее как единственную или как стандарт, по которому можно мерить все остальные. Более того, эта идея не присуща ни нам, ни нашему веку. Китайцы до сих пор смотрят на нас как на варваров; индусы, вероятно, делают то же самое. Греки считали все неэллинские народы варварами. Римляне приписывали себе то же превосходство, и пристрастие к этим народам, которое мы впитали уже в академические годы из наших классических исследований, заставляет нас разделять то же мнение и рассматривать с их предрассудками народы, менее родственные нам, чем они. Например, персы, которых греки самодовольно называли внешними варварами, на самом деле были высокообразованным народом, чего не сможет отрицать никто, кто изучит факты, выявленные современными исследованиями. Их искусство, если и не эллинское, все же достигло высокой степени совершенства. Их архитектура, хотя и не в греческом стиле, не уступала им в великолепии. Более того, я, например, готов навлечь на себя обвинение в классической ереси, рассматривая чистокровных персов как народ, по крайней мере в некоторых отношениях, превосходящий греков. Их религиозная система кажется мне гораздо более чистой, благородной, чем непоследовательная, аморальная мифология наших фаворитов. Их идеи о добрых и злых силах, находящихся в постоянном конфликте, и о посреднике, который любит и защищает человеческую расу; их крайнее отвращение ко всем видам идолопоклонства, на мой взгляд, располагают меня в их пользу.

Теперь я вкратце изложил свои основные причины рассматривать цивилизации как специфически отличающиеся друг от друга. Дальнейшее развитие темы, хотя я и очень хочу это сделать, завело бы меня слишком далеко; на самом деле, это не выходит за рамки исследований, предложенных в этой книге, но выходит за рамки ограниченного пространства, отведенного для моего введения. Я добавлю только, что — предполагая интеллектуальное равенство всех ветвей человеческого семейства — мы не можем приписывать причины различиям только *в степени* их развития. Географическое положение не может объяснить их, потому что люди, добившиеся наибольшего прогресса, не всегда были расположены наиболее благоприятно. Величайшими географическими преимуществами обладали другие страны, которые ими не пользовались и приобрели значимость только при смене владельцев. Приведу один из тысячи подобных примеров. Великолепная долина Миссисипи с ее бесчисленными притоками, ее непревзойденным плодородием и минеральными богатствами, кажется, специально приспособленной природой для проживания великой сельскохозяйственной и коммерческой нации. Тем не менее, индейцы бродили по нему и плавали на своих каноэ по его рекам, даже не подозревая о преимуществах, которыми они обладали. Англосакс, напротив, как только увидел их, сразу же возмечтал о завоевании мира. Поэтому мы можем сравнить эти и другие преимущества с драгоценным инструментом, использование которого требует мастерства рабочего. Приписывать различия цивилизаций различиям в законах и политических институтах - это совершенно напрашивающийся вопрос, поскольку такие институты сами по себе являются следствием и неотъемлемой частью цивилизации и, будучи пересажены на чужую почву, никогда не будут процветать. Никто не может отрицать, что моральному и физическому благополучию нации будет способствовать больше, когда свобода председательствует в своих советах, чем когда у руля стоит суровый деспотизм; но очевидно, что сначала нация должна быть готова получить благословения свободы, чтобы они не оказались проклятием.

Здесь уместно сделать несколько замечаний по поводу эпитета "христианский", применяемого к нашей цивилизации. Г-н Гобино справедливо замечает, что ему неизвестно ни о каком социальном или политическом порядке вещей, к которому можно было бы с полным основанием отнести этот термин. Мы можем справедливо говорить о брахманической, буддийской, языческой, иудейской цивилизации, потому что социальные или политические системы, обозначаемые этими названиями, были тесно связаны с более или менее исключительной теократической формулой. Религия там предписывала все: социальные и политические законы, управление, манеры, более того, во многих случаях одежду и пищу. Но одной из отличительных характеристик христианства является его универсальность. С самого начала она отвергала любое вмешательство в мирские дела. Ее предписаниям можно следовать при любой системе правления, на любом жизненном пути, при любом разнообразии способов существования. Таков, по существу, взгляд г-на Гобино на этот предмет. К этому я бы добавил несколько собственных комментариев. Ошибка не относится к недавним. Его пагубные последствия ощущались почти с первых веков основания Церкви вплоть до наших дней. Человеческое законодательство действительно должно быть в строгом соответствии с законом Божиим, но восхвалять одну систему как христианскую и объявлять другую нехристианской - значит открывать дверь бесконечной череде ужасных зол. Фактически, это то, что делают те, кто назвал бы цивилизацию христианской, поскольку цивилизация - это совокупное социальное и политическое развитие нации или расы, а политическое всегда прямо пропорционально социальному прогрессу; и то, и другое взаимно влияет друг на друга. Таким образом, говоря о христианской цивилизации, мы утверждаем, что какая-то конкретная политическая и социальная система наиболее соответствует духу нашей религии. Отсюда союз церкви и государства и влияние первого на мирские дела — влияние, на которое мало кто из просвещенных церковников, по крайней мере в наше время, хотел бы претендовать. Не говоря уже об опасности передачи в руки какого-либо класса людей, какими бы выдающимися они ни были, полномочий объявлять, какое законодательство является христианским, а какое нет, и, таким образом, наделять их высшей политической, а также духовной властью; достаточно указать на катастрофические последствия такой системы для интересов самой церкви. Противники определенной политической организации становятся также противниками религии, которая ее защищает. Индифферентизм Германии, когда-то столь ревностной в деле религии, прослеживается из этого источника. Люди недовольны своей политической машиной и ненавидят церковь, которая ее отстаивает, и клеймят как нечестивую любую попытку перемен. Действительно, достаточно почитать религиозные журналы Пруссии, чтобы понять тепловатость этого народа. мистер Брейс, живя дома в Германии, говорит, что многие интеллигентные уроженцы этой страны рассказывали ему об этом: Почему мы должны идти в церковь, чтобы услышать проповедь, восхваляющую порядок вещей, который, как мы знаем, является порочным и в высшей степени отвратительным? Как может быть истинной религия, которая делает приверженность такому порядку фундаментальной статьей своего вероучения?

Одной из особенностей нашей конституции, которой г-н Де Токвиль больше всего восхищается, является полное отделение церкви от государства. Простая религиозная терпимость практически преобладает в большинстве европейских стран, но это полное разъединение религиозных и гражданских институтов характерно для Соединенных Штатов и является уроком, который они преподавали остальному миру.

Я не имею в виду, что каждый, кто использует слово "христианская цивилизация", подразумевает союз церкви и государства, но я хочу указать на принцип, на котором основано

это выражение, а именно: определенный социальный и политический порядок вещей больше соответствует духу христианской религии, чем другой; и на последствия, которые должны или, по крайней мере, могут последовать из практического принятия этого принципа. Принимая мой взгляд на этот предмет, я думаю, мало кто будет оспаривать, что термин "христианская цивилизация" является неправильным. О цивилизирующем влиянии христианства я говорил раньше, но это влияние было бы столь же велико в китайской или индуистской цивилизациях, ни в малейшей степени не стирая их характерных черт.

Немногие термины равной важности имеют столь расплывчатое определение, как термин **цивилизация**; немногие определения настолько сложны. В обиходе слово "цивилизация" используется для обозначения того морального, интеллектуального и материального состояния, к которому так называемая европейская раса, независимо от того, населяет ли она Восточный или Западный континент, достигла в девятнадцатом веке. Но нации, входящие в эту расу, так сильно отличаются друг от друга, что было сочтено необходимым изобрести новый термин: *просвещение*. Так, Великобританию, Францию, Соединенные Штаты, Швейцарию, несколько государств Германской Конфедерации, Швецию и Данию называют просвещенными; в то время как Россия, Испания, Португалия, Италия, Бразилия и южноамериканские республики являются просто цивилизованными. Теперь, я спрашиваю, в чем заключается разница?

Должно ли распространение знаний посредством народного образования быть тестом? Тогда Великобритания и Франция оказались бы намного ниже некоторых стран, занимающих сейчас второе или даже третье место. Дания и Китай были бы самыми цивилизованными странами в мире; более того, даже Тибет и остальная Центральная Азия имели бы преимущество перед нынешними поборниками цивилизации. Следующими должны были стать вся Германия и Швейцария, затем восточная и средняя части Соединенных Штатов, затем южная и западная, а за ними - Великобритания и Франция. Сохраняя ту же шкалу, Россия фактически оказалась бы выше Италии, родины искусства. В самой Великобритании Шотландия намного превзошла бы Англию по цивилизации[13].

Является ли совершенство, к которому доведено искусство, испытанием цивилизации? Тогда Бавария и Италия - самые цивилизованные страны. Тогда мы сильно отстаем от греков в цивилизации. Или полезные искусства - это то, что приносит приз? Тогда люди, демонстрирующие величайший механический гений, являются самыми цивилизованными.

Должны ли политические институты быть испытанием? Тогда вопрос: "Какое правительство является лучшим?" сначала необходимо решить. Но философский ответ был бы таков: "То, что наилучшим образом соответствует гению народа и, следовательно, наилучшим образом отвечает целям, ради которых учреждается любое правительство". Тех, кто верит в абстрактное превосходство какой-либо правительственной теории, можно сравнить с портным, который сшил бы какой-нибудь идеальный сюртук, не сняв мерку со своего заказчика. Мы могли бы позволить себе посмеяться над такими теоретиками, если бы их схемы не были так часто записаны кровью в анналах мира. Кроме того, если допустить этот тест, то никто из двоих не смог бы договориться о том, что такое цивилизованное сообщество. Панегирист конституционной монархии назвал бы Англию единственной цивилизованной страной; поклонник муниципальной свободы указал бы на ганзейские города Средневековья и их жалкие реликвии, нынешние свободные города Германии; друг трезвого республиканизма исключил

бы из среды цивилизации все, кроме Соединенных Штатов и Швейцарии; любитель чистой демократии утверждал бы, что человечество со времен Афин пошатнулось, и сожалел бы, что цивилизация теперь ограничена несколькими грубыми горными или кочевыми племенами с немногими и простыми потребностями; наконец, защитник отеческой автократии вздохнул бы. во времена Траяна или Марка Аврелия и сомневаемся, заслуживали ли в наш век короны Австрия или Россия.

Ни превосходство в искусствах и науках, ни в народном обучении, ни в управлении государством по отдельности не может рассматриваться как критерий цивилизованности. Превосходством во всем не обладает ни одна страна. И все же все это признаки цивилизации — единственные, по которым мы ее различаем и признаем. Как же тогда нам определить этот термин? Я бы предложил простое и, как мне кажется, достаточно четкое определение: Цивилизация - это непрерывное развитие моральных и интеллектуальных сил человека. Поскольку их совокупность различается у разных народов, то различается и характер их цивилизации. В одном случае цивилизация проявляется в совершенствовании искусств, полезных или вежливых; в другом - в развитии наук; в третьем - в заботе, уделяемой политике, или в распространении знаний среди масс. У каждого есть свои достоинства, у каждого - свои недостатки; ни один из них не сочетает в себе всех превосходств, но тот, который сочетает в себе больше всего недостатков, может считаться лучшим или наиболее совершенным. Именно из-за того, что Джон Буль не принимает во внимание эту очевидную истину, он самодовольно смеется (или раньше смеялся) над месье Крэпо, и мы сами иногда смеемся над его политическими уловками, забывая, что мыслители его страны, по крайней мере, в течение последнего столетия, лидировали в науке и политике — да, даже в политике.[14] По той же причине француз смеется над немцем или голландцем; что иностранец не может понять, что существует также *американская цивилизация*, и, принося с собой знамена своей страны, находит все либо слишком маленьким, либо слишком великим; или что американец, приезжающий на родину самых зрелых ученых в мире и видящий, как кирпич и раствор вручную поднимают на четвертый этаж здания в процессе возведения,[15] или видящий, как пятеро мужчин с трудом выполняют работу, которую его младший сын выполнил бы без них. испытывая затруднения из-за простейшего, возможно, изобретенного им самим изобретения, он размышляет о том, как возможно, что эти люди — когда школьный учитель тоже за границей — все еще на столько веков "отстали от времени". Таким образом, у каждой нации есть свой стандарт, по которому она судит своих соседей; но когда нужно судить неевропейские нации, такие как китайцы или индусы, все объединяются, отдавая предпочтение им, *а не варварам*.

Таким образом, здесь мы имеем несомненные доказательства моральных и интеллектуальных различий не только среди тех, кого обычно называют разными расами, но даже в нациях, очевидно принадлежащих к одной и той же расе. Я также не вижу в этом разнообразии ничего такого, что могло бы помешать нашим идеям всеобщего братства. Среди людей разнообразие талантов не препятствует дружескому общению; напротив, оно способствует ему, поскольку соперники редко бывают друзьями. Высшие способности также не освобождают нас от обязанностей, которые мы несем по отношению к нашим ближним.

Я неоднократно использовал аналогию между обществами и индивидами, которые их составляют. Я не могу более четко выразить свою идею цивилизации, чем вернувшись к ней снова. Таким образом, цивилизация для наций - это то же самое, что развитие своих физических и интеллектуальных сил для отдельного человека; на самом деле, это не что иное,

как совокупный результат всех этих индивидуальных способностей; общий резервуар, в который каждый вносит свою долю, большую или малую. Аналогия можно продолжить. Нации можно рассматривать как самих членов обществ, поддерживающих те же отношения друг к другу и к целому, что и индивиды. Таким образом, все нации Европы вносят свой вклад, каждая по-своему и в степени, в то, что было названо *европейской* цивилизацией. И точно так же народы Азии образуют различные системы цивилизаций. Но все эти системы в конечном счете стремятся к одной великой цели — общему благосостоянию человечества. Поэтому я бы тщательно различал цивилизации отдельных наций, групп наций и всего нашего вида в целом. Если позаимствовать метафору из "Механизма вселенной", то первые подобны планетам солнечной системы, вращающимся — хотя и по разным орбитам и с разными скоростями — вокруг одного и того же общего центра; но опять же, солнечные системы — со всеми их планетами — вращаются вокруг другой, более удаленной точки.

Давайте возьмем двух людей с несомненным интеллектом. Один может быть великим математиком, другой - великим государственным деятелем. Поставьте первого во главе кабинета, второго - в обсерватории, и математик потерпит столь же явную неудачу в правильном наблюдении за изменениями на политическом небосклоне, как и другой - в замечании изменений на небесах. И все же, кто бы мог решить, у кого из них более высокий интеллект? Такое разнообразие дарований не является результатом образования. Никакое обучение, каким бы гениальным оно ни было, не смогло бы превратить Араго в Питта или наоборот. Рафаэль ни при каких обстоятельствах не смог бы стать Генделем, а любой из них - Мильтоном. Нет, мужчины отличаются тем, что следуют одной и той же карьере. Может ли кто-нибудь представить себе, что Микеланджело когда-либо писал картины Вандайка, Шекспир писал стихи Мильтона, Моцарт сочинял музыку Россини или Джефферсон следовал политике Гамильтона? Таким образом, здесь мы имеем превосходства, возможно, равной степени, но очень разного рода. Природа из своего неисчерпаемого запаса не только неравномерно, но и по-разному одаривала своими благосклонностями, и это бесконечное разнообразие даров, столь же бесконечное, как и разнообразие лиц, Бог, несомненно, предназначил для счастья людей и для их более тесного союза, делая их зависимыми друг от друга. Подобно тому, как каждое создание воспевает хвалу своему Создателю своим собственным голосом и интонацией, воробей - своим щебетом, соловей — своей трелью, так и каждый человек возвещает славу Всевышнего законным использованием своих талантов, больших или малых, для содействия счастью своих собратьев; у одного может пробудить благочестивые чувства в груди мелодичная мелодия его песни; у другого — красота и живость его образов на холсте или в стихах; третий открывает для себя новые миры - дополнительные доказательства Его всемогущества, создавшего их, - и, благодаря его расчеты демонстрируют даже скептику удивительный механизм вселенной; другому, опять же, дано руководить советами нации и, с Его помощью, предотвращать опасность или исправлять зло. Тьфу на тех, кто ставит силы человека выше сил Бога и приписывает разнообразие талантов образованию и случайности, а не Его мудрости и замыслу. Разве мы не можем восхищаться Всевышним как вразнообразии, так и в воображаемом единообразии Его деяний? Гармония заключается в соединении различных звуков; гармония вселенной - в разнообразии ее частей.

То, что верно для общества, состоящего из индивидов, верно и для этого огромного политического сообщества, состоящего из наций. Я твердо и непоколебимо верю в то, что у каждого есть карьера, которую нужно пройти, судьба, которую нужно выполнить. То, что каждый должен быть одарен особыми качествами для этой цели, является простым следствием этого

утверждения. Таково было мнение всех эпох: "Мужчины Беотии известны своей флегматичностью, мужчины Аттики - своим остроумием". Обыденный язык доказывает, что сейчас, в наши дни, это мнение всего человечества, что бы ни говорили теоретики. Многие притворяются, что высмеивают идею "явного предначертания", которая владеет нами, англо-американцами, но кто в основном сомневается в этом? Кто, бросив лишь один взгляд на карту или оглянувшись назад, на нашу вчерашнюю историю, сможет всерьез отрицать, что великие цели были достигнуты, все еще будут достигнуты, и что эти цели были задуманы и направляемы чем-то большим, чем слепой случай? Раскройте страницу истории — в великой цепи человеческих событий, это правда, мы видим лишь несколько звеньев; подобно вечности, ее начало окутано мраком, ее конец — тайна, недоступная человеческому пониманию, - но в представшей нам огромной драме, в которой нации образуют актерский состав, мы видим, как каждая играет свою роль, а затем исчезает. Одни, как выразился г-н Гобино, изображают королей и правителей, другие довольствуются второстепенными ролями.

Поскольку предположение, что каждый народ не был специально приспособлен [16] для отведенной ему роли, несовместимо с мудростью Творца, мы можем судить о том, на что они были способны, по тому, чего они достигли.

Таким образом, история должна быть нашим путеводителем; и никогда еще эпоха не была более благоприятной, ибо никогда еще ее светильник не сиял ярче. Изучение этой важной науки, которую Нибур справедливо называет *magistra vitae*, получило в наши дни такой импульс, какого оно никогда раньше не имело. Бесценные археологические сокровища, которые лингвисты и антиквары Европы извлекли из литературы и памятников великих народов прошлых эпох, как бы возвращают к жизни истлевшие поколения смутного прошлого. Мы больше не довольствуемся хронологическими схемами, простыми именами и неважными рассказами о королях и их расправах; мы стремимся проникнуть во внутреннюю жизнь тех множества людей, которые играли свою роль на сцене истории, а затем исчезли, чтобы понять образ мыслей, чувства, идеи, *инстинкты*, которые приводили их в действие и делали их такими, какие они были. Древние пирамиды долины Нила вынуждены разглашать свой возраст, дату возникновения прежней цивилизации; храмы и гробницы - давать подробный отчет даже о частной жизни их строителей; [17] символы в виде стрел на извлеченных из земли кирпичях Вавилона и Ниневии больше не являются секретом для неутомимых востоковедов; классические писатели Индостана и Китая находят своих самых ревностных схоластов и самых глубоких критиков в столицах Западной Европы. Отбросы детских басен, которые из века в век передавались своим преемникам под именем истории, подвергаются воздействию мощного горнила разума и критики и являются чистой рудой, добытой такими людьми, как Нибур, Херен, Ранке, Гиббон, Гроте. Восторженная любительница древнего Рима теперь видит свою раннюю историю в более ясных, правдивых красках, чем это делали ее собственные историки.

Но если история необходима для этнологии, то последняя не менее важна для истинного понимания истории. Эти две науки взаимно проливают свет на пути друг друга, и хотя одна из них все еще находится в зачаточном состоянии, ее удивительный прогресс за столь короткое время и почти беспрецедентное внимание, которое она привлекла у всех, являются светлыми предзнаменованиями на будущее. Будет очевидно, что под *этнологией* мы не подразумеваем *этнографию*, с которой она долгое время была синонимом. Их значение отличается таким же образом, они имеют почти такое же отношение друг к другу, как *геология* и *география*. В то время как этнография довольствуется простым описанием и классификацией человеческих рас,

этнология, позаимствовав выразительный язык редактора лондонского этнологического журнала, "исследует умственные и физические различия человечества и органические законы, от которых они зависят; стремится вывести из этих исследований принципы руководства человеком во всех важных отношениях социального и национального существования".[18] Важность этого исследования нельзя выразить лучше, чем словами автора в "North British Review" за август 1849 г.: "Никто, кто мало работал в области истории, не может осознавать важность этого исследования". об огромной важности четкого учета расовых различий, которые заметны среди наций, населяющих разные части мира. ... В спекулятивной истории, в вопросах, касающихся прошлой карьеры и будущих судеб наций, *только благодаря твердому и эффективному использованию этой концепции нашего вида, разделенного на такое количество групп или масс, физиологически различных в определенной степени, может быть достигнут какой-либо прогресс или точно сделаны любые доступные выводы*".[19]

Но при попытке разделить человечество на такие группы этнолог сталкивается с серьезной и, по-видимому, непреодолимой трудностью. Градация цвета настолько незаметна от чистейшего белого до угольно-черного; и даже анатомические особенности, нормальные для одной ветви, обнаруживаются, хотя и в исключительных случаях, во многих других; так что этнографы едва ли знают, на чем остановиться в своей классификации, и в то время как одни признают только три большие разновидности, другие утверждают о пяти, одиннадцати или даже гораздо большем количестве. Эта трудность возникает, по моей оценке, главным образом из-за попытки разделить человечество на разные виды, то есть группы, имеющие отдельное происхождение; а также из-за склонности делать выводы из отдельных примеров, с помощью которых можно подтвердить почти любой абсурд или опровергнуть истину. Поскольку мы уже выступали против последней ошибки и поэтому постараемся не впадать в нее; и поскольку у нас нет желания вступать в область дискуссий о единстве или множественности видов, мы надеемся в значительной степени устранить трудности, которые встают на пути стольких исследователей. Под словом *раса*[20] мы подразумеваем, как здесь, так и в основной части работы, такие ветви человеческой семьи, которые в совокупности отличаются определенными четко определенными физическими или психическими особенностями, независимо от того, имеют ли они одинаковое или различное происхождение. Для простоты эти расы подразделяются на несколько основных классов в соответствии с их относительным родством. Наиболее популярной системой расстановки является система Блюменбаха, который признает пять основных подразделений, различающихся названиями, описывающими либо цвет, либо географическое положение, а именно: белые, черкесы или европейцы; Желтые, алтайцы, азиаты или монголы; Красные, американцы или индейцы; Коричневые или малайцы; и, наконец, черные, африканцы или негры. Это деление, хотя и является наиболее общепринятым, не претендует на превосходство над любым другим. Его обозначения не только вызывают очень серьезные возражения, но и само по себе является полностью произвольным. Готтентот отличается от негра так же сильно, как последний от малайца; а полинезиец от малайца больше, чем американец от монгола. Исходя из того же принципа, число классов может быть неограниченно увеличено. Г-н Гобино считал, что для достижения любой цели достаточно трех классов, и он называет их соответственно белыми, желтыми и черными. г-н Лэтем, [21] великий этнограф, придерживается системы, почти в точности аналогичной системе нашего автора, но на совершенно иных основаниях. Хотя, со своей стороны, я предпочел бы большее количество первичных подразделений, я признаю, что это совпадение мнений двух людей, идущих независимыми и неизвестными друг другу разными путями исследования, является

убедительным доказательством правильности их системы, которая, более того, обладает достоинством большой простоты и ясности.

Следует иметь в виду, что расы, включенные в эти подразделения, ни в коем случае нельзя считать равными между собой. Мы должны принять это за общую истину, что, хотя целые группы различаются главным образом по *степени* интеллектуальных способностей, расы, входящие в каждую из них, различаются между собой скорее по характеру. Таким образом, мы утверждаем на основании свидетельств истории, что белые расы превосходят желтые, а те, в свою очередь, черные. Но литовцы и англосаксы принадлежат к одной и той же группе рас, и все же история показывает, что они различаются; то же самое делают самоеды и китайцы, негры Нижней Гвинеи и феллахи. Эти различия, наблюдаемые между нациями, отнесенными к одной категории, как, например, разница между русскими и итальянцами (оба белые), мы выражаем в повседневном языке словом "гений". Таким образом, мы постоянно слышим лица говорят о художественной, административной, морских гений греков, римлян и Phenicians, соответственно; или, таким фразам, как эти, которые я заимствую у г-Гобино: "Наполеон верно понял *гений* своего народа, когда он восстановил Церковь и поместил верховную власть на гарантированной основе; Карла I. и его советник не стал, когда они пытались согнуть шею англичан под гнетом абсолютизма." Но, поскольку слово "*гений*", применяемое к способностям или тенденциям нации, в целом подразумевает либо слишком много, либо слишком мало, в этой работе было сочтено удобным заменить его другим термином — "*инстинкт*". Использование этого слова не имело целью уподобить человека животному, выразить что-либо отличное от интеллекта или способности рассуждать; но только для обозначения особого способа, которым проявляется этот интеллект или способность рассуждать; другими словами, особая адаптация нации к той роли, которая отведена ей в мировой истории; и, поскольку эта роль выполняется произвольно и, по большей части, бессознательно, термин не был сочтен ни неподходящим, ни неуместным. Я, однако, не оспариваю его правильность, хотя я мог бы сослаться на авторитет высоких имен для его использования в этом смысле; я оспариваю его просто для удобства, поскольку таким образом мы получаем простой метод проведения различий *рода* в умственных способностях рас в случаях, когда мы не решились бы проводить различия *степени*. Фактически, о множествах говорится только то, что мы говорим об индивидууме, говоря о его *таланте*; с той разницей, однако, что под талантом мы понимаем превосходство определенного порядка, в то время как инстинкт применим ко всем степеням. Два человека равного интеллектуального уровня могут обладать талантом к математике, другой - к литературе; то есть один может с пользой проявить свой интеллект только в расчетах, другой - только в письме. Таким образом, из двух наций, стоящих одинаково высоко на интеллектуальной лестнице, одна должна отличаться высоким совершенством, достигнутым в изящных искусствах, другая - таким же совершенством в полезных.

Рискуя утомить читателя своими определениями, я все же должен предложить ему другое, важное для правильного понимания следующих страниц. В обиходе термины "*нация*" и "*народ*" стали строго синонимичными. Мы безразлично говорим о французском народе или французской нации; об английском народе или английской нации. Если мы вообще проводим какое-либо различие, то, возможно, первым выражением мы обозначаем массы; вторым, скорее, суверенитет. Таким образом, мы говорим, что французский народ разносторонен, французская нация находится в состоянии войны с Россией. Но даже это различие проводится не всегда.

Моя цель - вернуть слову "нация" его первоначальное значение, в котором оно выражает то же самое, что и слово "раса", включая, кроме того, идею какой-либо политической организации. Это, на самом деле, не что иное, как латинский эквивалент этого слова, и применялось, как племя, к совокупности индивидов, не только живущих при одном правительстве, но и претендующих на более тесное кровное родство друг с другом, чем со своими соседями. Оно отличается от племени только в том отношении, что применяется к большим массам, как, например, к объединению нескольких тесно связанных племен, что порождает более сложные политические формы. Следовательно, этнолог может определить его как *популяцию, состоящую из однородных этнических элементов*.

Слово *народ*, напротив, применительно к совокупности индивидов, живущих при одном правительстве, не подразумевает непосредственных кровных связей между ними. *Нация* не обязательно подразумевает политическое единство; *народ* - всегда. Таким образом, мы говорим о греческой *нации*, хотя греки были разделены на ряд независимых и очень непохожих друг на друга государств; но мы говорим о римском *народе*, хотя все население империи подчинялось одному и тому же верховному главе. Российская империя содержит в своих пределах, помимо собственно русских, почти равное количество казаков, калмыков, татар, финнов и ряд других рас, все они очень отличаются друг от друга и еще больше от русских не только языком и внешним обликом, но и манерами, образом мышления: одним словом, инстинктами. Таким образом, под выражением "русский народ" я должен понимать все население этой империи; под русской нацией - только господствующую расу, к которой принадлежит царь. Вряд ли возможно преувеличивать важность учета этого различия, как я докажу на другом примере. Венгерский народ разделен почти поровну (за исключением примерно миллиона немцев) на две нации: мадьяр и склавов. Мало того, что эти двое, хотя и веками жили на одной и той же земле, оставались несмешанными и разными, но между ними существует сильнейшая антипатия, которой нужен только повод, чтобы проявить себя в актах кровопролития и безжалостной жестокости, которые заставили бы содрогнуться обитателей ада. Таким поводом стала недавняя революция, в ходе которой, в то время как мадьяры сражались как львы за свою независимость, склавы, зная, что они не получают никаких преимуществ, которые могли бы получить другие, оказались более грозными противниками, чем австрийцы.[22]

Если я преуспел в различении этих двух слов, то из этого ясно следует, что представитель одной нации, строго говоря, не может стать членом другой в силу закона, так же как мужчина, усыновив ребенка, не может сделать его плодом своих чресел. Это правило, хотя и верно абстрактно, не всегда применимо к отдельным случаям; но они, как уже было отмечено, не могут быть положены в основу общих умозаключений. В заключение этого несколько отступающего от темы определения я хотел бы заметить, что из-за большого смешения населения Европы, вызванного их разнообразными и близкими взаимоотношениями, оно не применимо к ним с той же силой, что и к другим, и это я рассматриваю как причину, по которой значение этого слова изменилось.

Если мы внимательно изучим историю великих империй, то сможем почти в каждом случае проследить их начало до деятельности того, что в самом строгом смысле этого слова можно назвать нацией. Постепенно, по мере расширения сферы деятельности этой нации, она вбирает в себя иностранные элементы и со временем сливается с ними.

Нимрод, как мы узнаем из священной истории, основал Ассирийскую империю. Сначала это был всего лишь город Вавилон, и в нем обязательно должно было быть очень однородное население, хотя бы по какой-либо другой причине, кроме его узких географических границ. Однако назаре мирской истории мы обнаруживаем, что эта империя простиралась на бескрайние просторы и объединяла под единым правлением племена и нации с самыми непохожими нравами и языками.

Ассирийская империя пала, и Мидийская поднялась на ее руинах. У мидийской монархии было скромное начало. Дейоки, как гласит предание, объединили независимые племена Мидии. Позже мы обнаруживаем, что они правили народами, языка которых не понимали, а нравы презирали.

Персидская империя превзошла по величию своих могущественных предшественников. Возникнув в результате восстания нескольких свободолюбивых племен, согласованного и успешно осуществленного популярным лидером (Киром), два поколения правителей расширили его границы до берегов Нила. Во времена Александра это был конгломерат бесчисленного количества народов, многие из которых оставались под властью своих наследственных правителей, проявляя верность и платя дань великому царю.

Я опускаю Македонскую империю как слишком недолговечную, чтобы служить наглядной иллюстрацией. Зародыш Римской империи состоял из объединения очень тесно связанных племен: банды авантюристов Ромула (которые, должно быть, были выходцами из соседних общин), сабинян, альбанов и латинов. В период своего падения он правил, по крайней мере номинально, всеми известными тогда расами.

Во всех этих случаях, число которых могло бы быть еще увеличено, мы обнаруживаем сначала однородность населения, этническое смешение и путаницу в конце. "Но что это доказывает? спросят. Что слишком большое расширение территории является причиной слабости? Идея старая и устарела в наше время, когда пар и электричество приближают окраины крупнейшей империи к более близким границам, чем раньше были границы самого скромного суверенитета". Расширение территории само по себе не является причиной слабости и разорения. Крупнейшей империей в мире является империя Китая, и без пара или электричества она просуществовала 4000 лет и, несмотря на нынешнюю революцию, вполне может просуществовать еще довольно долго. Но когда расширение территории сопровождается объединением разнородных масс, имеющих отличные от завоевателя интересы, инстинкты, тогда действительно расширение должно быть элементом слабости, а не силы.

Армии, которые Ксеркс повел в Грецию, не были персидскими; но небольшая часть этого пестрого сборища, *элита*, закваска всей массы, состояла из соотечественников царя. На этот небольшой отряд он возлагал свои основные надежды, и когда в роковой битве при Саламине он увидел истребление этого доблестного и благородного отряда, хотя в его распоряжении все еще были сотни тысяч человек, он разорвал свои одежды и бежал из страны, которую он почти завоевал. Вот в чем разница между армиями Кира и армиями Ксеркса и Дария. Чернь, подчинявшаяся последнему, возможно, отличалась такой же отвагой, как и ряды восторженных последователей первого, хотя факт их сражения под персидскими знаменами можно было бы рассматривать как доказательство их неполноценности. Но какой интерес был у них в успехе великого царя? Чтобы еще крепче сковать свои собственные оковы? Могло ли имя Кира, воспоминания о штурме Сард, осаде Вавилона, завоевании Египта воспламенить их

энтузиазмом? Возможно, в некоторых из тех славных событий их предки стали рабами тиранов, которым они сейчас служат, тиранов, самого языка которых они не понимают.

Последние армии пошатнувшегося Рима были собраны со всех концов его безграничных владений, и из людей, посланных противостоять угрожающим варварам севера, некоторые, возможно, чувствовали в своих жилах кровь униженной Греции; некоторые были вырваны из далекого дома в Египте или Ливии; другие, возможно, с гордостью вспоминали, как их предки сражались с римлянами во времена Джубы или Митридата; третьи, опять же, кипели от негодования по поводу угнетения их галльских братьев; могли ли эти люди уважать славные традиции Рима, могли ли они предполагается, что они должны подражать бывшим легионам гордого города?

Таким образом, нации разрушает не обширная территория, а разнообразие инстинктов, столкновение интересов различных слоев населения. Когда каждая провинция изолирована в своих чувствах и интересах от любой другой, никто не хочет, чтобы внешний враг довершил разрушение. Скоро появятся честлюбивые и ловкие люди, которые знают, как сыграть на этих интересах и использовать их для продвижения своих собственных планов.

Нации на различных этапах их жизненного пути часто сравнивали с отдельными людьми. Говорят, что у них есть свой период младенчества, юности, возмужания, старости. Но сходство, каким бы поразительным оно ни было, не распространяется дальше, и, в то время как отдельные люди умирают естественной смертью, предполагается, что нации всегда приходят к насильственному концу. Вероятно, нам не нравится признавать, что все нации, как и все люди, в конечном счете должны умереть естественной смертью, даже если никакая болезнь этого не предвосхищает; потому что нам не нравится признавать правило, которое должно применяться и к нам. Каждая нация воображает свою собственную жизнеспособность нетленной. Когда мы молоды, мы редко всерьез думаем о смерти; точно так же общества в период их юношеской бодрости не могут представить себе возможности своего распада. В старости и дряхлости они подобны чахоточному больному, который, хотя смертельная болезнь обрывает последнюю нить, связывающую его с землей, все еще строит планы на долгие годы. Падающий Рим мечтал о вечности. И все же смертность наций подтверждает то же самое, что и смертность отдельных людей, — всеобщий опыт. Великие империи, которые затмили мир, где они? Память о некоторых увековечена в сердцах человечества нетленными памятниками; о других стерт малейший след, исчезло самое смутное воспоминание. Как великие индивидуальные разумы, чье появление знаменует собой эпоху в истории человеческой мысли, живут в умах потомков, даже если ни одно великолепное надгробие не указывает на место упокоения их глиняной оболочки; в то время как мавзолей того, чье величие было лишь временным, чье влияние лишь преходяще, не несет никакого значения на своей скульптурной поверхности в последующие века; точно так же древние цивилизации, украшавшие земной шар, если их памятники не относятся к сфере мысли, их гигантские остатки служат лишь для того, чтобы вызывать изумление путешественников и антикваров и ставить в тупик историка. Их гробницы, какими бы величественными они ни были, немые.[23]

Предпринималось много попыток выявить причины, по которым умирают нации, чтобы предотвратить эту катастрофу; как врачи средневековья, которые считали смерть всегда следствием болезни, искали панацею, которая должна была излечить все болезни и таким образом продлить жизнь навсегда. Но нации, как и отдельные люди, часто переживают

тяжелейшие приступы самой страшной болезни и умирают, не болея. В древние времена те великие катастрофы, которые сводили на нет политическое существование миллионов, рассматривались как прямое вмешательство Провидения, карающего в своем гневе грехи нации и служащего предостерегающим примером для других; точно так же, как поразительная гибель известного человека или возникновение необычного явления приписывались, и многими приписывается даже сейчас, тому же непосредственному действию. Но когда философия открыла, что вселенная управляется заранее установленными, неизменными законами, и отказалась верить в чудеса, не санкционированные религией; тогда утвердилась догма о том, что наказание следует за совершением греха, как следствие следует за причиной; и национальные бедствия пришлось объяснять другими причинами. Затем было сказано, что нации умирают от роскоши, безнравственности, плохого правительства, безбожия и т.д. Другими словами, успех был сделан испытанием на превосходство, а провал - на преступление. Если бы в личной жизни мы установили как непогрешимое правило, что тот, кто не совершает излишеств, живет вечно или, по крайней мере, очень долго; а тот, кто совершает, немедленно умрет; что тот, кто честен в своих поступках, всегда будет преуспевать больше, чем тот, кто таковым не является; у нас был бы очень неустойчивый стандарт морали, поскольку Богу было угодно иногда испытывать добрых жестокими страданиями и позволять процветать злым. Поэтому нас следует часто призывать восхищаться тем, что заслуживает презрения или наказания, и искать вину в невиновных. Это то, что мы делаем в странах. Порочные учреждения назывались хорошими, потому что их посещали с успехом; хорошие были объявлены плохими, потому что они потерпели неудачу.

Более критическое изучение истории продемонстрировало ошибочность этой теории, которая сейчас в значительной степени отброшена и вместо нее принята другая. Утверждается, что в определенный период своего существования нация неизбежно вырождается и, таким образом, падает. Но, спрашивает г-н Гобино, что такое вырождение? Говорят, что нация вырождается, когда утрачиваются добродетели ее предков. Но почему они утрачиваются? Потому что нация вырождается. Разве это не похоже на рассуждения из детской сказки: почему Джек плохой мальчик? Потому что он не слушается своих родителей. Почему он не слушается своих родителей? Потому что он плохой мальчик.

Следовательно, необходимо показать, что такое вырождение. Этот предварительный шаг пытается сделать г-н Гобино. Он показывает, что каждая раса отличается определенными способностями, которые, если ее цивилизационный гений достаточно силен, чтобы позволить ей занять место среди наций мира, определяют характер ее социального и политического развития. Подобно финикийцам, оно может стать мировым торговцем; или, подобно грекам, учителем будущих поколений; или, подобно римлянам, образцом законов и форм. Его роль в исторической драме может быть скромной или гордой, но она всегда пропорциональна его силам. Эти силы и инстинкты или стремления, которые проистекают из них, никогда не меняются, пока раса остается чистой. Они прогрессируют и развиваются сами по себе, но никогда не меняют своей природы. Цели расы всегда одни и те же. Он может достичь большого совершенства в полезных искусствах, но без проникновения другого элемента никогда не будет выделяться в поэзии, живописи, скульптуре и т.д.; *инаоборот*. Его натура может быть воинственной, и он всегда найдет повод для ссоры; или же он может быть миролюбивым, и тогда ему удастся жить в мире или стать добычей соседа.

Точно так же управление расой будет осуществляться в соответствии с ее инстинктами, и здесь в мою пользу говорит весомый авторитет автора книги "Демократия в Америке" и автора, которого я иллюстрирую. "Правительство, - говорит Де Токвиль[24], - сохраняет свою власть над большим числом граждан гораздо меньше благодаря добровольному и рациональному согласию массы, чем тому *инстинктивному*, до известной степени, произвольному соглашению, которое является результатом сходства чувств и мнений. Я никогда не признаю, что люди составляют социальное тело просто потому, что они подчиняются одному и тому же руководителю и одним и тем же законам. Общество может существовать только тогда, когда большое количество людей рассматривают большое количество вещей с одной и той же точки зрения; когда они придерживаются одинаковых мнений по многим предметам и когда одни и те же события вызывают в их умах одни и те же мысли и впечатления ". Законы и правительство нации всегда являются точным отражением ее манер и образа мышления. "Если поначалу может показаться, - говорит г-н Гобино, - что в некоторых случаях они были порождением некоего превосходящего индивидуального интеллекта, подобного великим законодателям древности, то стоит более тщательно изучить факты, и окажется, что законодатель - если он мудр и рассудителен — удовлетворился тем, что обратился к гению своей нации и выразил общее мнение. Если, напротив, он будет теоретиком, как Драко, его система останется мертвой буквой, которую вскоре заменят более разумные институты Солона, который стремится дать своим соотечественникам не лучшие законы из возможных, а лучшее, что, по его мнению, они способны получить ". Это большая и очень распространенная ошибка - полагать, что чувство нации всегда будет принимать решение в пользу того, что мы называем "народными" институтами, то есть такими, в которых каждый индивид более или менее непосредственно участвует в управлении государством. Его гениальность может привести к установлению абсолютной власти, и в этом случае автократ является всего лишь олицетворением *голоса народа*, которым он должен руководствоваться в своей политике. Если он будет слишком глух или опрометчив, чтобы прислушаться к этому, неизбежным следствием станет его собственная гибель, но нация будет упорствовать в том же направлении.

Значение слова "вырождение" теперь очевидно. Это неизбежное зло скрывается в тех самых успехах, которым нация обязана своим величием. Независимо от того, будет ли она, подобно персам, римлянам и т. Д., поглощена множеством людей, которым подчинило ее оружие, или этническое смешение протекает мирным путем, результат один и тот же. Даже там, где никакие иностранные завоевания не добавляют внезапно сотни тысяч иностранного населения к первоначальной массе, плодородие неводеланных полей, богатство больших торговых городов и все преимущества, которые можно найти в недрах растущей нации, достигают этого, хотя и менее ощутимым, но не менее определенным образом. Две молодые нации мира - это сейчас Соединенные Штаты и Россия. Посмотрите на толпы, которые толпятся у границ обеих. В обеих странах иностранное население уже исчисляется миллионами. Поскольку первоначальное население — иницирующий элемент всей массы — не увеличивает своей численности, кроме естественного прироста, из этого следует, что приток элементов должен со временем стать равным по силе, и приток, все еще продолжающийся, в конце концов поглотит его полностью. Иногда нация утверждается на основе гораздо более многочисленного покоренного населения, как в случае с франкскими завоевателями Галлии; тогда слияние рангов и классов приводит к тем же результатам, что и иностранная иммиграция. Ясно, что каждый новый этнический элемент приносит с собой свои собственные характеристики или инстинкты, и в зависимости от их относительной силы будут происходить изменения в

правительстве, социальных отношениях и тенденциях расы в целом. Изменения могут быть к лучшему, они могут быть к худшему; они могут быть очень постепенными или очень внезапными, в зависимости от заслуг и силы иностранного влияния; но со временем они приведут к радикальным, позитивным изменениям, и тогда первоначальная нация перестанет существовать.

Это естественная смерть человеческих обществ. Иногда они умирают мягко и почти незаметно; чаще с конвульсиями и грохотом. Я попытаюсь объяснить, что я имею в виду, используя знакомое сравнение. Строится особняк, который во всех отношениях соответствует вкусу и желаниям владельца. Последующие поколения находят его слишком маленьким, слишком темным или иным образом плохо приспособленным для их целей. Уважение к своему прародителю и семейная связь поначалу препятствуют очень обширным изменениям, тем не менее каждый вносит что-то свое; и по мере того, как эти ассоциации становятся слабее, изменения становятся более радикальными, пока, наконец, от старого дома ничего не остается. Но если бы он ранее перешел в руки незнакомца, у которого не было ни одной из этих ассоциаций, вызывающих почтение, он, вероятно, сразу же снес бы его и построил другой.

Таким образом, империя рушится, когда жизненный принцип, породивший ее, исчерпан; когда ее части соединены только искусственными узами, а искусственные узы - это все то, что объединяет расы, обладающие различными инстинктами. Эта идея выражена в прекрасном образе вдохновенного пророка, когда он говорит могущественному царю ту великую истину, в которую столь многие отказываются верить, что все земные царства должны погибнуть, пока "Бог Небесный не установит царство, которое никогда не будет разрушено".[25] "Ты, о царь, увидел и узрел великий образ. Этот великий образ, чья яркость была превосходна, стоял перед тобою, и вид его был ужасен. Голова этого истукана была из чистого золота, грудь и руки - из серебра, живот и бедра - из меди, ноги - из железа, ступни частично из железа, частично из глины. Ты видел до тех пор, пока не был отесан камень без помощи рук, который ударил истукана по ногам его, сделанным из железа и глины, и разбил их вдребезги. Тогда железо, глина, медь, серебро и золото были разбиты на куски и стали подобны мякине на летних гумнах; и ветер унес их прочь, так что для них не нашлось места".[26]

Теперь я проиллюстрировал, насколько это было в моих силах, несколько наиболее важных положений г-на Гобино и попытался подкрепить их аргументами и примерами, отличными от тех, которые использовал автор. Для более совершенного изложения я должен отослать читателя к основной части произведения. Моей целью было смиренно устранить те препятствия, которые автор оставил на своем пути, и устранить трудности, которые ускользнули от его внимания. Задача, которую я поставил перед собой, была бы, однако, далека от выполнения, если бы я обошел молчанием то, что я считаю серьезной ошибкой с его стороны, не прилагая усилий к исправлению.

Цивилизация, говорит г-н Гобино, возникает в результате совместного действия и взаимной реакции моральных устремлений человека и давления его материальных потребностей. В общем смысле это, очевидно, верно. Но давайте посмотрим на практическое применение. Я попытаюсь кратко изложить его взгляды, а затем указать, где и почему он заблуждается.

У некоторых рас, говорит он, духовные устремления преобладают над физическими желаниями, у других все наоборот. Ни у кого из них нет полного недостатка ни в том, ни в другом. В зависимости от относительной пропорции и интенсивности любого из этих влияний, которые

противодействуют и в то же время помогают друг другу, тенденции цивилизации меняются. Если какой-либо из них одержим лишь в слабой степени, или если один из них настолько сильно перевешивает другой, что полностью нейтрализует его воздействие, цивилизации нет и никогда не может быть, пока раса не будет изменена путем смешения с одним из более высоких дарований. Но если оба преобладают в достаточной степени, преобладание любого из них определяет характер цивилизации. У китайцев преобладает материальная тенденция, у индусов - другая. Следовательно, мы обнаруживаем, что в Китае цивилизация в основном направлена на удовлетворение физических потребностей, достижение материального благополучия. Другими словами, она носит в высшей степени утилитарный характер, который препятствует любым спекуляциям, не имеющим непосредственного практического применения.

Это хорошо описывает китайцев, и именно такую картину дает о них М. Хук, который прожил среди них много лет и имел больше возможностей для изучения их гения, чем любой другой писатель, в своей последней публикации.[27]

Индуистская культура, напротив, демонстрирует совершенно противоположную тенденцию. У этой нации все спекулятивно, ничего практического. Усилия человеческого интеллекта сосредоточены в областях абстрактного, где разум часто теряется в глубинах, недоступных его восприятию. Материальные потребности невелики и легко удовлетворяются. Если предпринимаются великие дела, то это делается в честь богов, так что даже их физический труд отдает дань уважения невидимому, а не видимому миру. Это тоже довольно правильная картина.

Поэтому он делит все расы на эти две категории, принимая китайцев за тип одной, а индусов - за тип другой. Согласно ему, желтые расы принадлежат преимущественно к первым, черные - ко вторым, в то время как белые отличаются большей интенсивностью и лучшим соотношением качеств обеих. Но это разделение, и никакое другое, не согласуется с утверждением автора, предполагающего, что у черных рас нравственность преобладает над физической склонностью, и вступает в прямое противоречие не только с простыми учениями анатомии, но и со всем, что мы знаем об истории этих рас. Я попытаюсь показать, в чем заключается ошибка г-на Гобино, ошибка, последствий которой я не вижу для него возможности избежать, и предложить исправление, которое не только не опровергает его общую позицию, но скорее подтверждает и усиливает ее. Поступая таким образом, я руководствуюсь верой в то, что даже если я ошибаюсь, я могу быть полезен, пригласив других, более способных, к выполнению задачи расследования. Предложения на важные темы, если они не служат никакой другой цели, кроме как спровоцировать расспросы, никогда не бывают бесполезными. Средневековые алхимики в своей легкомысленной погоне за невозможным открыли множество бесценных секретов природы и заложили основы той науки, которая, объясняя тесное взаимодействие всех природных тел, стала незаменимой помощницей почти для всех остальных.

Ошибка, как мне кажется, заключается в той же путанице различных идей, на которую я уже имел случай обратить внимание. На обычном языке мы говорим о физической и моральной природе человека, называя физическим все, что относится к его материальному существованию, и моральным то, что относится к его нематериальному существу. Опять же, мы говорим о *разуме*, и хотя теоретически мы рассматриваем его как синоним души, в практическом применении оно имеет совсем другое значение. Человек может развивать свой разум, не принося пользы своей душе, и термин *высший разум* обязательно подразумевает

моральное превосходство. Я уже указывал ранее, что умственные качества или приобретения никоим образом не связаны со здоровой моралью или истинным благочестием. Если потребуются какие-либо дополнительные иллюстрации, я мог бы заметить, что величайшими чудовищами, запятнавшими страницу истории, были, по большей части, люди того, что называется высшим умом, великих интеллектуальных достижений. Действительно, зло редко бывает очень опасным, если только оно не соединено с интеллектом, как здравый смысл человечества выразил в пословице, что дурак редко бывает лжецом. Мы ежедневно видим, как люди извращают высшие умственные способности ради самых низменных целей, и этот факт должен быть тщательно взвешен теми, кто верит, что образование заключается только в развитии интеллекта. Поэтому я рассматриваю моральные способности человека как практически отличные от ментальных или интеллектуальных, по крайней мере, в их проявлениях, если не в их сути. Чтобы более четко сформулировать мою идею, позвольте мне попытаться объяснить разницу между тем, что я называю моральной и интеллектуальной природой человека. Я осознаю опасный характер почвы, по которой ступаю, но, тем не менее, попытаюсь показать, что духу религии соответствует рассмотрение того, что в просторечии называется моральными качествами человека и что лучше было бы выразить словом *психический*, как разделяемое на два: строго моральное и интеллектуальное.

Первое - это то, что заставляет человека заглянуть за пределы своего земного существования и дает даже самому жестокому дикарю некоторое смутное представление о Божестве. Я не делаю опрометчивых или голословных утверждений, когда заявляю, несмотря на веское мнение м-ра Локка об обратном, что никогда не было обнаружено племени, в котором отсутствовало бы какое-либо понятие такого рода, каким бы грубым оно ни было, и я считаю его врожденным — так сказать, стремление души к областям, к которым она принадлежит. Чувство религии заложено в нашей груди; оно не является продуктом интеллекта, и это подтверждает христианская церковь, когда заявляет, что верой мы обязаны милости Божьей.

Интеллект - это та способность души, с помощью которой она познает, классифицирует и сравнивает факты *материального* мира. Поскольку все восприятия происходят через органы чувств, из этого следует, что от тонкости этих органов в значительной степени должна зависеть их сила. Сила и тонкость нервов, а также размер и структура мозга, в котором все они сосредоточены, формируют то, что мы называем врожденными интеллектуальными способностями. Следовательно, когда ослаблено тело, страдает ум; "*mens sana in corpore sano*"; следовательно, лихорадка повергает ниц и может навсегда уничтожить самый мощный интеллект; бокал вина может затуманить и исказить его. Итак, вот великое различие между душой и разумом. Последнее может уничтожить человеческая порочность; первое - человек не убивает. Я бы хотел более подробно остановиться на этом исследовании, на самом деле не новом в спекулятивной науке, но новом в том применении, которое я намереваюсь применить к нему, если бы не опасение утомить моего читателя, перед которым я могу извиниться только за то, что обсуждение необходимо для надлежащего исследования моральных и интеллектуальных различий рас. Когда я говорю о моральных различиях, я не имею в виду, что моральные способности человека, строго говоря, неодинаковы. Я не готов делать это утверждение, потому что, поскольку религия доступна и понятна им всем, можно предположить, что они во всех случаях равны. Но я имею в виду, что проявление этих моральных дарований варьируется в зависимости от причин, которые я сейчас собираюсь рассмотреть. Я уже говорил, что нравственная природа человека побуждает его смотреть за пределы материального мира. Это, когда ему не помогает откровение, он пытается сделать с помощью своего интеллекта.

Интеллект - это, так сказать, орган зрения, с помощью которого душа осматривает пропасть между настоящим и будущим существованием. В соответствии с тусклостью или яркостью этого ментального ока зависит и его восприятие. Если интеллектуальные способности слабы, он довольствуется пресмыкающимся представлением о Божестве; если силен, он выстраивает сложную систему философских спекуляций. Но поскольку Всемогущий постановил, что человеческий интеллект, даже в своем самом возвышенном полете, не может воспарить к Его присутствию, из этого следует, что самая сложная ткань философа все еще является *человеческой* тканью, что самая совершенная человеческая теология все еще *человеческая*, и отсюда — необходимость откровения. Этот божественный свет, которым Его милость удостоил нас, обходится без слабых проблесков человеческого интеллекта и затмевает их. Она освещает душу как грубого дикаря, так и ученого богослова; как неграмотного, так и эрудита. Более того, очень часто первое имеет преимущество, поскольку эрудированный философ склонен считать свою собственную лампу самодостаточной. Если кто-то возразит, что высоко развитый ум, если его направить на праведные цели, поможет обрести *более благородную*, я не стану возражать, поскольку, изучая Его работы, мы еще больше учимся восхищаться Творцом. Но я настаиваю на том, что истинное благочестие может существовать и действительно существует без него, и пусть те, кто так сильно доверяет своим собственным силам, остерегаются опираться на сломанный посох.

Следовательно, строго моральные атрибуты человека, те атрибуты, которые позволяют ему общаться со своим Создателем, являются общими — вероятно, в равной степени — для всех людей и для всех человеческих рас. Но его общение с внешним миром зависит от его физического состояния. Тело является связующим звеном между духом и материальным миром и, благодаря своей тесной связи с обоими, специально приспособлено для того, чтобы быть средством общения между ними. Мне не кажется ничего иррационального или нерелигиозного в доктрине, согласно которой, согласно совершенству этого средства коммуникации, должно быть общение между ними. Человек с притупленными органами слуха никогда не сможет оценить музыку, и какими бы другими талантами он ни обладал, никогда не сможет стать Мейербером или Моцартом. От быстроты восприятия, способности к анализу и комбинированию, настойчивости и выносливости зависят наши интеллектуальные способности, как в их степени, так и в их виде; и не притупляются ли они или иным образом изменяются при болезненном состоянии тела? Таким образом, я считаю неоспоримо установленным, что определенное общее физическое телосложение порождает соответствующие психические характеристики. Человек, которого Бог создал с черепом негра и общим *телосложением*, никогда не сможет сравняться по развитию с черепом Ньютона или Гумбольдта, хотя душа обоих одинаково драгоценна в глазах Господа и должна быть такой в глазах всех его последователей. В этой идее нет склонности к материализму; я не испытываю симпатии к тем, кто отрицает существование души, потому что они не могут найти ее под скальпелем, и я считаю тело не ментальным агентом, а слугой, инструментом.

Это правда, что наука не открыла и, возможно, никогда не откроет, какие физические различия соответствуют различиям в индивидуальных умах. Френология, начавшаяся с блестящих обещаний и приведшая к выполнению задачи силы недюжинного порядка, потерпела неудачу. Но существует огромная разница между характеристиками, по которым мы отличаем индивидов одной и той же расы, и теми, по которым мы отличаем сами расы. Первые не являются строго — по крайней мере, не сразу — наследственными, поскольку ребенок чаще всего отличается от обоих родителей телом и разумом, потому что нет двух совершенно одинаковых личностей, как

нет двух листьев одного дерева. Но, хотя каждый дубовый лист отличается от своего собрата, мы отличаем лист дуба от листа бука или любого другого дерева; и точно так же расы различаются особенностями, которые являются наследственными и постоянными. Таким образом, каждый негр отличается от любого другого негра, иначе мы не смогли бы отличить их друг от друга; и все же все, если они чистокровны, имеют одни и те же общие черты, которые отличают их от белых. Я был многословен, но намеренно, в своем различении индивидуальных различий и различий расы, поскольку в последнем принимает во внимание сравнительная анатомия; первые оставлены френологии, и я хотел устранить любое подозрение, что при исследовании моральных и интеллектуальных различий рас приходится прибегать к плохо проверенным спекуляциям сомнительной науки. Но из данных сравнительной анатомии, полученных путем медленного и осторожного прогресса, мы заключаем, что расы отличаются определенными постоянными физическими характеристиками; и если эти физические характеристики соответствуют умственным, то из этого следует очевидный вывод, что последние также постоянны. История подтверждает этот вывод, и здравый смысл человечества практически соглашается с ним.

Тогда вернемся к нашему автору. Я бы добавил к двум его элементам цивилизации третий — интеллект*как таковой*; или, скорее, чтобы выразиться более корректно, я бы разделил один из его элементов на два, из которых один, вероятно, зависит от физического сложения. Тогда комбинации будут более сложными, но устранят все трудности.

Я заметил, что, хотя мы можем рассматривать все расы как обладающие равными моральными способностями, мы все же можем говорить о моральных различиях; потому что без света откровения у человека нет ничего, кроме своего интеллекта, с помощью которого он может охватить нематериальный мир, и поэтому проявление его моральных способностей должно быть пропорционально ясности его интеллекта и их преобладанию над животными наклонностями. Я считаю, что эти три расы существуют примерно в следующих относительных пропорциях в трех больших группах, к которым м—р Гобино и м-р Лэтем[28] отнесли различные расы, - классификация, однако, которую, как я уже заметил, я не могу полностью одобрить.

	ЧЕРНЫЕ РАСЫ, ИЛИ АТЛАНТИДЫ.[29]	ЖЕЛТЫЕ РАСЫ, ИЛИ МОНГОЛЬСКИЕ.[29]	БЕЛЫЕ РАСЫ, ИЛИ ЯПОНЦЫ.[29]
Интеллект	слабый,	посредственный,	энергичный.
Склонности к животным	Очень сильные	Умеренно	Сильные.
Моральные проявления	Частично скрытые	Сравнительно развитые	высококультурные.

Но расы, входящие в каждую группу, различаются между собой, если не в отношении относительной доли, в которой они обладают элементами цивилизации, то, по крайней мере, по их интенсивности. Следующие формулы, я думаю, будут применимы к большинству случаев и в то же время представят мою идею в более ясном свете:—

Если животные склонности сильно развиты и не смягчаются интеллектуальными способностями, то моральные представления должны быть чрезвычайно низкими, потому что они неизбежно зависят от ясности, утонченности и всесторонности идей, почерпнутых из материального мира посредством органов чувств. Таким образом, религиозные влечения будут удовлетворяться грубым поклонением материальным объектам, а моральное чувство вырождается в пресмыкающееся суеверие. Предельным возвышением, которого может достичь население, сформированное таким образом, будет бессознательное олицетворение добрых устремлений и дурных тенденций своей природы в форме доброго и злого духа, последнему из которых воздается абсурдное и часто кровавое почести. Государственное управление не может быть ничем иным, кроме права, которое сила дает сильному, и его формами будут рабство между собой, и покорность всех тираническому абсолютизму.

Когда те же животные склонности сочетаются с интеллектом более высокого порядка, моральные способности имеют больше простора для действия. Проницательный интеллект не заставит себя долго ждать, чтобы обнаружить, что удовлетворение физических желаний является самым простым и безопасным в состоянии порядка и стабильности. Отсюда более сложная система законодательства, как социального, так и политического. Представления о Божестве будут более возвышенными и утонченными, хотя идея будущего состояния, вероятно, будет связана с представлениями о материальных наслаждениях, как в раю мусульман.

Там, где животные наклонности слабы, а интеллект немощен, возникает прозябающая национальная жизнь. Никакой политической организации, или самой простой. Мало законов, зачем обуздывать страсти, которых не существует. Моральное чувство довольствуется смутным признанием высшего существа, которому мало или вообще не совершается никаких обрядов.

Но когда животные склонности настолько умеренны, что подчиняются более или менее сильному интеллекту, моральные устремления устремляются в области абстрактного. Религия становится системой метафизики и часто теряется в лабиринтах своей собственной утонченности. Политическая организация и гражданское законодательство будут простыми, поскольку страстей, которые нужно обуздывать, будет немного; но законы, регулирующие общественные отношения, будут многочисленными и разнообразными, и предполагается, что они исходят непосредственно от Божества.

Сильные животные страсти, соединенные с не менее сильным интеллектом, дают наибольший простор нравственному чувству. Политические организации, наиболее сложные и разнообразные, социальные и гражданские законы, наиболее изученные, будут внешним характером общества, состоящего из таких элементов. Внутренне мы почувствуем величайшие контрасты индивидуальной доброты и порочности. Религия станет символом человеческих страстей и природных стихий для многих, хитроумной структурой моральных спекуляций для немногих.

Здесь я быстро набросал серию снимков с натуры, которые не преминут узнать историк и этнограф. Объясняются ли столь бегло очерченные черты причинами, которым я их приписываю, я должен предоставить решать читателю. Мое пространство слишком ограничено, чтобы позволить мне вдаваться в сложную аргументацию. Но я хотел бы заметить, что, принимая такой взгляд на предмет, мы можем понять, почему все человеческие - и, следовательно, ложные — религии так тесно связаны с социальной и политической организацией народов, которые их исповедуют, и почему они так четко обозначены на земном

шаре как принадлежащие определенным расам, к которым единственным они применимы, и за пределы чьей территории они не могут распространяться: в то время как христианство не знает ни политических или социальных форм, ни географических или этнологических границ. Первые, будучи порождениями человеческого интеллекта, должны изменяться вместе с его вариациями и погибать в своем упадке, в то время как откровение универсально и неизменно, подобно Разуму, эманацией которого оно является.

Теперь пришло время завершить задачу, выполнение которой вывело меня далеко за пределы, которые я поначалу себе предлагал. Если я так долго задерживал читателя на пороге этого здания, то только для того, чтобы облегчить ему дальнейшее продвижение и дать ему схему, чтобы он не заблудился в обширном поле, которое оно охватывает. Там он может часто встречаться со мной снова, и если меня иногда сочтут назойливым с моими предложенными объяснениями, он, по крайней мере, воздаст мне должное за добрые намерения и может, если захочет, пройти мимо, не узнав меня. Как это введение, так и примечания в основной части работы были сочтены необходимыми по нескольким причинам. Во-первых, тема в какой-то мере новая, и было важно уберечься от неправильного представления и с самого начала показать, что именно пытались доказать и каким образом. Во-вторых, автор писал для европейской публики, и многие намеки или позиции основаны на предполагаемом знании фактов, о которых обычный читатель по эту сторону океана, как можно предположить, имеет лишь слабое и смутное представление. В-третьих, автор во многих случаях довольствовался абстрактными рассуждениями, и поэтому его иногда обвиняют в неясности, в связи с чем были приведены знакомые иллюстрации. В-четвертых, представленный читателю том является одним из серии из четырех, остальная часть которой, если она получит общественное одобрение, со временем может появиться в английском варианте. Но было важно сделать это, насколько это возможно, независимым от других и завершенным само по себе. Обсуждение моральных и интеллектуальных различий различных групп человеческого семейства, как я уже показывал ранее, совершенно независимо от вопроса о единстве или разнообразии видов; однако, поскольку это повышает интерес, проявляемый к решению этого вопроса, который был лишь частично рассмотрен автором, мой уважаемый друг, доктор Дж. К. Нотт, который так часто и так умело рассматривал этот предмет, пообещал представить в примечаниях и приложении такие дополнительные факты, относящиеся к его области деятельности как натуралиста, которые могут помочь читателю прийти к правильному мнению.

Что касается перевода, следует отметить, что он не является *буквальным* воспроизведением оригинала. Переводчик стремился скорее передать смысл, чем точные слова или фразеологию автора, ни на минуту, однако, не отступая от первого. В некоторых случаях он сократил или опустил то, что казалось неуместным или бесполезным для обсуждения вопроса в этой стране, а в нескольких случаях он перенес предложение в другую часть параграфа, где оно казалось более уместным и более эффективным. Чтобы объяснить и оправдать эти изменения, мы должны напомнить нашим читателям, что автор писал для публики, существенно отличной от публики переводчика; что континентальные писатели на серьезные темы, как правило, больше стремятся отстаивать свои мнения, чем форму, в которой они их выражают, и редко уделяют стилю то внимание, которого ожидают английские или американские читатели; к этому можно добавить, что граф Гобино писал в разгар множества дипломатических дел, и у него не было времени, даже если бы он счел, что это того стоит, придать своему произведению ту литературную отделку, которая удовлетворила бы самых привередливых. Если бы позволяли

обстоятельства, этот перевод был бы представлен на его утверждение, но на момент выхода его в печать он занят на службе своей стране при персидском дворе.

За доведение настоящей работы до сведения американской общественности извинений не требуется. Этот вопрос имеет огромное значение, особенно в нашей стране, где его редко можно обсуждать без того, чтобы случайные обстоятельства не повлияли на интересующихся. Для филантропа ведущая идея книги, "что разные расы, как и разные индивидуумы, специально приспособлены для особых целей, за выполнение которых они несут ответственность в той мере, в какой это предусмотрено Священным Писанием: "Кому много дано, с того много и спросится", и что они *равны* только тогда, когда они искренне и добросовестно выполняют обязанности своего положения" — для филантропа эта идея должна быть сопряжена со многими ценными предложениями. Это не только не ослабляет узы братства, но и сближает их, потому что учит нас не презирать тех, кто одарен иначе, чем мы; и показывает нам, что у них тоже могут быть достоинства, которых нет у нас.

Хочется надеяться, что для государственного деятеля, изучающего историю и обычного читателя этот том не будет совершенно бесполезным и, возможно, поможет лучше понять многие проблемы, которые так долго ставили философа в тупик. Величайшие революции в национальных отношениях были совершены миграциями рас, самые пагубные войны, опустошавшие земной шар, были результатом вражды рас. Даже сейчас на горизонте опускается туча. Друг мира и порядка наблюдает за ней с тихой тревогой, чтобы не ускорить ее приход. Дух озорства радуется своему приближению, но боится выдать свои планы. Таким образом, западная и центральная Европа сейчас представляет собой зрелище затишья перед бурей. Монархи, дрожа, восседают на своих тронах, в то время как народы бормочут проклятия. Не обошлось и без предупреждающих симптомов. Трижды, в течение немногим более чем полувека, извержения этого вечно горящего политического вулкана — Франции - потрясли социальную и политическую систему цивилизованного мира и демонстрировали количество горючих материалов, которые все усилия правящего класса не всегда могут уберечь от воспламенения. Великая катастрофа может произойти в наше время. И является ли это результатом каких-либо конкретных социальных условий, действий какого-либо определенного класса на социальной шкале, распространения каких-либо конкретных политических принципов? Нет, потому что революционные тенденции различны и даже противоположны; если республиканские в одном месте, то монархические в другом; если демократические во Франции, то аристократические в Польше. Это также не особый социальный класс, в котором процветает революционный принцип, поскольку классы, которые в одной стране желают подрывной деятельности, в другой твердо привержены установленному порядку вещей. Бедняки в Германии - пролетарии и революционеры; в Испании, Португалии и Италии - восторженные поклонники своего короля. Лучшие классы в первой стране в основном консервативны; во второй они являются создателями или, скорее, попытчиками революций. И это не какое-то особое социальное условие, поскольку ни один класс не находится в такой деградации, как это было раньше; никогда бедность в Европе не была меньше, а процветание - больше, чем в нынешнем столетии; и везде политические институты более либеральны, чем когда-либо прежде. Откуда же тогда эта надвигающаяся буря? Существует ли она только в умах провидцев, или это просто пугало робких? Спросите благоразумного государственного деятеля, путешественника, который знакомится с различными слоями населения; загляните за решетки государственных тюрем; подсчитайте — если это возможно — количество жертв военных казней в Германии и Австрии в 1848 и 1849 годах; прочтите страшные отчеты о взятии Вены,

Рима, Анконы, Венеции за тот же короткий промежуток времени. Повсюду один и тот же крик: национальность. Это не временный бред толпы, обезумевшей от голода и нищеты. Это вопрос национальности, война рас. Счастливы мы, те, кто удален от непосредственной сцены борьбы и может быть лишь отдаленно затронут ею. И все же, пока я пишу, создается впечатление, что штормы Атлантики принесли на наши мирные берега какие-то следы эпидемии, бушующей в Старом Свете. Пусть это поскорее пройдет, и снова воцарится здоровая атмосфера!

Х. Х.

Мобил, 20 августа 1855 г.

РАЗНООБРАЗИЕ РАС.

Содержание

ГЛАВА I.

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КАТАСТРОФЫ.

Бренное состояние всех человеческих обществ —Древние представления об этом явлении—
Современные теории.

Крушение цивилизаций - самое поразительное и в то же время самое неясное из всех явлений истории. Если возвышенное величие этого зрелища внушает уму благоговейный трепет, то тайна, в которую оно окутано, открывает перед рефлексирующим умом безграничное поле для исследований и медитации. Изучение зарождения и роста наций, действительно, таит в себе множество ценных наблюдений: постепенное развитие человеческих обществ, их успехи, завоевания и триумфы живо поражают воображение и возбуждают все возрастающий интерес. Но эти явления, какими бы грандиозными и интересными они ни были, кажутся поддающимися простому объяснению. Мы рассматриваем их как необходимые следствия интеллектуальных и моральных способностей человека. Как только мы признаем существование этих дарований, их результаты больше не будут нас удивлять.

Но мы понимаем, что после периода славы и могущества все общества, созданные человеком, начинают шататься и падать; все, как я сказал, потому, что нет исключений. Разбросанные по поверхности нашего земного шара, мы видим следы предшествующих цивилизаций, многие из которых известны нам только по названию или не оставили после себя даже этого слабого воспоминания, а отмечены только немymi камнями в глубине первобытных лесов.[30] Если мы взглянем на наши современные государства, то вынуждены будем прийти к выводу, что, хотя они появились всего лишь вчера, некоторые из них уже проявляют признаки старости. Ужасная

правда пророческого языка о нестабильности всего человеческого с равной силой применима к политическим организациям и отдельным людям, к нациям и их цивилизациям. Каждое объединение людей для достижения социальных и политических целей, хотя и защищено самыми хитроумными социальными и политическими связями и ухищрениями, таит в самих элементах своей жизни зародыш неизбежного разрушения, заразившийся в тот день, когда оно было создано. Этот ужасный факт подтверждается историей всех эпох, так же как и нашей собственной. Это происходит из-за естественного закона смерти, который, по-видимому, управляет обществами так же, как и отдельными людьми; но действует ли этот закон одинаково во всех случаях? однородна ли она, как и результат, к которому она приводит, и все ли цивилизации погибают от одной и той же ранее существовавшей причины?

Поверхностный взгляд на страницу истории побудил бы нас ответить отрицательно, поскольку очевидные причины падения великих империй древности в каждом конкретном случае были очень разными. И все же, если мы заглянем глубже, то обнаружим в самой этой необходимости распада, которая столь властно тяготеет над всеми обществами без исключения, свидетельство существования некой общей, хотя и скрытой причины, вызывающей естественную смерть, даже там, где никакие внешние причины не предвосхищают ее насильственным разрушением. Мы также обнаруживаем, что все цивилизации через короткое время проявляют, для проницательного наблюдателя, определенные внутренние нарушения, которые трудно определить, но существование которых неоспоримо; и что они во всех случаях носят аналогичный характер. Наконец, если мы отличаем гибель цивилизаций от гибели государств (ибо мы иногда видим, как одна и та же культура сохраняется в стране, находящейся под иностранным господством, и переживает разрушение политического организма, который ее породил; в то время как, опять же, сравнительно незначительные несчастья вызывают ее трансформацию или полное исчезновение), мы все больше и больше утверждаемся в идее, что этот принцип смерти во всех обществах является не только необходимым условием их жизни, в значительной степени независимым от внешних причин, но также единообразен для всех. Зафиксировать и определить этот принцип и проследить его влияние на жизнь тех народов, о которых история оставила нам свидетельства, было моей целью и стремлением в исследованиях, результаты которых я сейчас представляю читателю.

Тот факт, что каждая человеческая агломерация и возникающая в результате нее особая культура обречены на гибель, не был известен древним. Даже в эпохи, непосредственно предшествовавшие нашей, в это не верили. Религиозный дух азиатской древности рассматривал великие политические катастрофы в том же свете, в каком они рассматривали внезапную гибель отдельного человека: как проявление Божественного гнева, посещающего нацию или отдельного человека, чьи грехи были отмечены для показательного наказания, которое послужит примером для тех преступников, которых розга пока пощадила. Евреи, неправильно понимая смысл обетования, верили, что их империя нетленна. Рим, в тот самый момент, когда угрожающие тучи опустились на горизонте его величия, не сомневался в своей вечности.[31] Но наше поколение извлекло пользу из опыта; и, поскольку никто не смеет сомневаться в том, что все люди должны умереть, потому что все, кто был до нас, умерли; поэтому мы твердо убеждены, что дни наций, как и отдельных людей, сколько бы их ни было, сочтены. Таким образом, мудрость древних окажет нам лишь небольшую помощь в раскрытии нашего предмета, если мы исключим одну фундаментальнуюмаксиму: перст Божественного Провидения всегда виден в ведении дел этого мира. От этой прочной основы мы не отступим, принимая ее в той полной мере, в какой она признана церковью. Нельзя оспаривать, что ни

одна цивилизация не погибнет без воли Бога, и применять к смертному состоянию всех обществ священную аксиому, с помощью которой древние объясняли некоторые замечательные и, по их мнению, изолированные случаи разрушения, - это всего лишь провозглашение истины первого порядка, которую мы никогда не должны упускать из виду в наших исследованиях истин второстепенной важности. Если еще добавить, что общества гибнут из-за своих грехов, я охотно соглашусь с этим; это всего лишь проведение параллели между ними и отдельными людьми, которые также находят свою смерть или ускоряют ее из-за неповиновения законам Создателя. Пока что нет ничего противоречащего разуму, даже когда он не опирается на Божественный свет; но эти две истины, однажды признанные и должным образом взвешенные, мудрость древних, повторяю, больше не может помочь. Они не исследовали пути, с помощью которых Божественная воля приводила к гибели народы; напротив, они были скорее склонны рассматривать эти пути как по существу таинственные и недоступные пониманию. Охваченные благочестивым ужасом при виде обломков, они легко вообразили, что Провидение специально вмешалось таким образом, чтобы нанести удар и полностью уничтожить некогда могущественные государства. Там, где Священное Писание описывает чудо, я охотно подчиняюсь; но там, где этого высокого свидетельства не хватает, как это бывает в большом количестве случаев, мы можем справедливо считать древнюю теорию ущербной и недостаточно просвещенной. Мы можем даже заключить, что поскольку Божественное Правосудие неустанно наблюдает за народами, и его постановления были провозглашены еще до образования первого человеческого общества, они также исполняются предопределенным образом и в соответствии с неизменяемыми законами Вселенной, которые управляют как одушевленной природой, так и неорганическим миром.

Если у нас есть основания упрекать философов более ранних эпох за то, что они довольствовались в попытках постичь тайну подтверждением неоспоримой теологической истины, которая сама по себе является еще одной тайной, то, по крайней мере, они не увеличивали трудности вопроса, превращая его в тему для лабиринта ошибок. В этом отношении они стоят высоко над рационалистическими школами различных эпох.

Мыслители Афин и Рима установили доктрину, которая сохранила свою силу до наших дней, что государства, нации, цивилизации погибли только из-за роскоши, истощения, плохого правления, развращения нравов, фанатизма. Предполагалось, что все эти причины, по отдельности или в сочетании, объясняют гибель цивилизаций. Необходимым следствием этой доктрины является то, что там, где не действует ни одна из этих причин, не действует никакой разрушительный фактор. Общества, следовательно, обладали бы тем преимуществом перед отдельными людьми, что они не могли умереть ничем иным, кроме насильственной смерти; и для создания политического тела, столь же прочного, как сам земной шар, не требовалось бы ничего другого, кроме как избегать опасностей, которые я перечислил выше.

Авторы этого тезиса не понимали его смысла. Они считали это прекрасным средством для иллюстрации доктрины морали, которая, как хорошо известно, была единственной целью их исторических трудов. В своих рассказах о событиях они были так сильно озабочены тем, чтобы показать счастливые награды за добродетель и катастрофические последствия преступлений и пороков, что их мало заботило то, что, казалось, не давало никакой иллюстрации. Эта ошибочная и ограниченная система часто действовала вопреки намерениям авторов, поскольку в ней при случае весьма произвольно применялись названия добродетели и порока; тем не менее, в значительной степени суровое и похвальное чувство, на котором она была

основана, оправдывает ее. Если бы гений Плутарха или Тацита мог извлечь из истории, изученной таким образом, ничего, кроме романов и сатиры, все же романы были возвышенными, а сатиры щедрыми.

Я хотел бы быть столь же снисходительным к писателям восемнадцатого века, которые по-своему применили ту же теорию; но между ними и их учителями слишком большая разница. В то время как древние были привязаны к устоявшейся социальной системе, даже к недостаткам, наши современники стремились к разрушению и были жадны до неопробованных новшеств. Первые приложили все усилия, чтобы извлечь полезные уроки из своей теории; вторые превратили ее в страшное оружие против всех рациональных принципов правления, которые они клеймили всеми терминами, вызывающими ужас у человечества. Чтобы спасти общества от разорения, ученики Вольтера уничтожили бы религию, закон, промышленность, коммерцию; потому что, если мы им верим, религия - это фанатизм; законы - деспотизм; промышленность и коммерция - роскошь и коррупция.

У меня нет ни малейшего намерения вступать в область полемики; я хотел просто привлечь внимание к широко расходящимся результатам применения этого принципа Фукидидом или аббатом Рейналем. Консервативный в одном, цинично агрессивный в другом, он ошибочен в обоих.

Причины, которым обычно приписывают падение наций, не являются истинными, и хотя я допускаю, что эти бедствия могут проявляться сильнее всего на последних стадиях разложения народа, я отрицаю, что сами по себе они обладают достаточной силой и настолько разрушительной энергией, чтобы вызвать окончательную, непоправимую катастрофу.

ГЛАВА II.

Содержание

РАССМОТРЕНЫ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ПРИЧИНЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ.

Фанатизм—Империя ацтеков в Мексике.—*Роскошь*—Современные европейские государства столь же роскошны, как и древние.—*Разложение морали*—Уровень морали колеблется в разные периоды истории нации: например, Франция—В молодых сообществах не выше, чем в старых—*Мораль Парижа*.—*Безбожие*—Никогда не распространяется на все слои нации—Греция и Рим—Упорство язычества.

Прежде чем перейти к обоснованию моего мнения, выраженного в конце предыдущей главы, необходимо объяснить и определить, что я понимаю под термином "общество". Я не применяю этот термин к более или менее широкому кругу лиц, принадлежащих к отдельному суверенитету. Афинская республика не является обществом в моем понимании этого слова; так же как и королевство Магадха, Понтийская империя или египетский халифат времен Фатимитов. Это фрагменты обществ, которые трансформируются, объединяются или подразделяются в результате действия тех изначальных законов, которые я исследую, но чье существование или

уничтожение не является существованием или аннигиляцией общества. Их формирование - это, по большей части, преходящее явление, оказывающее лишь ограниченное или даже косвенное влияние на породившую его цивилизацию. Под термином "общество" я понимаю объединение людей, движимых сходными идеями и обладающих одними и теми же общими инстинктами. Это объединение ни в коем случае не обязательно должно быть совершенным в политическом смысле, но должно быть завершенным с социальной точки зрения. Таким образом, Египет, Ассирия, Греция, Индия, Китай были или остаются театрами военных действий, на которых различные общества вершили свои судьбы, по сравнению с которыми пертурбации в их политических отношениях были лишь второстепенными. Поэтому я буду говорить о фракциях этих обществ только тогда, когда мои рассуждения в равной степени применимы к целому. Теперь я готов перейти к рассмотрению стоящего перед нами вопроса и надеюсь доказать, что фанатизм, роскошь, разложение нравов и безбожие *необязательно* приводят к гибели наций.

Все эти болезни, по отдельности или в сочетании, поражали, и иногда с большой силой, народы, которые, тем не менее, выздоравливали от них и, возможно, становились еще более сильными впоследствии.

Империя ацтеков в Мексике, казалось, процветала ради особой славы и возвышения фанатизма. Что может быть более фанатичным, чем социальная и политическая система, основанная на религии, которая требует непрерывного и обильного пролития крови ближних?[32] Наши далекие предки, варварские народы Северной Европы, действительно практиковали этот нечестивый обряд, но они никогда не выбирали для своих жертвоприношений невинных жертв,[33] или, по крайней мере, таких, каких они считали таковыми: потерпевшие кораблекрушение и военнопленные не считались невинными. Но для мексиканцев все жертвы были одинаковы; с той свирепостью, которую современный физиолог[34] признает характерной чертой рас Нового Света, они убивали своих сограждан без разбора, без угрызений совести или жалости. И все же это не помешало им быть могущественной, трудолюбивой и богатой нацией, которая, возможно, еще долго продолжала бы хулить Божество своим мрачным вероучением, если бы не гений Кортеса и храбрость его товарищей. Таким образом, в данном случае фанатизм не был причиной падения.[35]

Ни роскошь, ни истощение не являются более сильными по своему воздействию. Эти пороки почти всегда свойственны высшим классам и редко охватывают всю массу населения. Но я сомневаюсь, что среди греков, персов или римлян, причиной падения которых они, как говорят, стали, роскошь и истощение, хотя и в другой форме, достигли более высокого уровня, чем мы видим их сегодня в некоторых наших современных государствах, например, во Франции, Германии, Англии и России. Две последние страны особенно отличаются роскошью, распространенной среди высших классов, и все же эти две страны, кажется, наделены жизненной силой, гораздо более энергичной и многообещающей, чем большинство других европейских государств. В средние века венецианцы, генуэзцы, пизанцы накапливали в своих хранилищах сокровища и предметы роскоши мира; и все же великолепное убранство их дворцов и великолепных сосудов, конечно, не уменьшало их могущества и не подрывало их господства.[36]

Даже разложение нравов, это самое страшное из всех бедствий, не обязательно является причиной национальной гибели. Если бы это было так, процветание нации, ее мощь и превосходство были бы прямо пропорциональны чистоте ее нравов; и вряд ли нужно говорить,

что это не так. Странная мода приписывать первым римлянам всевозможные воображаемые добродетели сейчас в значительной степени устарела.[37] Мало кто сейчас осмелился бы выставить в качестве образцов морали тех крепких патрициев старой школы, которые обращались со своими женщинами как с рабынями, со своими детьми как со скотом, а со своими кредиторами как с дикими зверями. Если бы все еще нашлись те, кто стал бы защищать столь плохое дело, их рассуждения можно было бы легко опровергнуть и показать их недостаточную основательность. Злоупотребление властью во все эпохи вызывало одинаковое возмущение; были более глубокие причины для упразднения королевской власти, чем изнасилование Лукреции, для изгнания децемвиров, чем возмущение Аппия; но эти предлоги для двух важных революций в достаточной степени демонстрируют общественное мнение в отношении морали. Большой ошибкой было бы приписывать энергию молодой нации ее высшим добродетелям; с начала исторических времен не было сообщества, каким бы маленьким оно ни было, в котором не были бы заметны все предосудительные тенденции человеческой природы, несмотря на которые, оно росло и процветало. Есть даже случаи, когда великолепие государства было обусловлено самыми отвратительными институтами. Своей известностью и местом в истории спартанцы обязаны законодательству, пригодному только для сообщества бандитов.[38]

Я далек от того, чтобы признавать за молодыми сообществами какое-либо превосходство в вопросах морали, но не сомневаюсь, что по мере того, как нации стареют и, следовательно, приближаются к периоду упадка, они представляют для глаз моралиста гораздо более удовлетворительное зрелище.[39] Нравы становятся мягче; люди легче приспосабливаются друг к другу; средства к существованию становятся если не проще, то, по крайней мере, разнообразнее; взаимные обязательства лучше определяются и понимаются; более утонченные теории добра и зла получают распространение. Было бы трудно доказать, что в то время, когда греческое оружие победило Дария, или когда сама греческая свобода навсегда покинула поле битвы при Херонее, или когда готы вошли в Рим победителями, что персидская монархия, Афины или имперский город в те времена их падения содержали меньшую долю честных и добродетельных людей, чем в самые славные эпохи их национального существования.

Но нам не нужно так далеко возвращаться за иллюстрациями. Если бы от кого-нибудь потребовали назвать место, где дух нашего века проявил себя в самом полном контрасте с добродетельными эпохами мира (если бы таковые существовали), он, несомненно, указал бы на Париж. И все же многие ученые и благочестивые люди уверяли меня, что нигде и ни в какую эпоху нельзя было найти больше практической добродетели, твердого благочестия, большей деликатности совести, чем в пределах этого великого и развращенного города. Идеал добра столь же возвышен, обязанности христианина столь же хорошо поняты, как и самыми блестящими светилами Церкви семнадцатого века. Я мог бы добавить, что эти добродетели лишены горечи и суровости, от которых в те времена они не всегда были свободны; и что они в большей степени связаны с чувствами терпимости и всеобщей филантропии.[40] Таким образом, мы обнаруживаем, как бы в противовес ужасающим заблуждениям нашей собственной эпохи, в главном театре этих заблуждений контрасты более многочисленные и поразительные, чем, вероятно, радовали взор верующих в предшествующие века.

Я даже не могу предположить, что в эти периоды разложения не хватает великих людей; напротив, эти периоды часто отмечаются появлением людей, отличающихся энергией

характера и суровой добродетелью.[41] Если мы посмотрим на список римских императоров, мы обнаружим, что многие из них столь же возвышенны как по заслугам, так и по рангу; мы встречаем такие имена, как Траян, Антонин Пий, Септимий Север, Александр Север, Иовиан; и если мы заглянем под трон, мы увидим славное созвездие великих учителей нашей веры, мучеников и апостолов первоначальной церкви; не говоря уже о количестве добродетельных язычников. Активные, твердые и доблестные умы заполняли лагеря и форумы, так что можно обоснованно усомниться в том, что Рим во времена Цинцинната обладал таким большим количеством выдающихся людей во всех областях человеческой деятельности. Можно привести много других примеров, доказывающих, что дряхлые и пошатывающиеся сообщества не только не испытывают недостатка в добродетельных, талантливых идейных людях, но и обладают ими, вероятно, в большем количестве, чем молодые и растущие государства; и что их общий уровень морали часто выше.

Общественная мораль, действительно, сильно различается в разные периоды истории нации. История французской нации лучше, чем какая-либо другая, иллюстрирует этот факт. Мало кто будет отрицать, что галло-римляне пятого и шестого веков, хотя и были покоренной расой, значительно превосходили в моральном плане своих героических завоевателей.[42] Взятые по отдельности, они часто не уступали последним в храбрости и воинской доблести.[43] Смешение двух рас в течение восьмого, девятого и десятого веков снизило уровень морали всей нации до позорного уровня. В течение трех последующих столетий картина снова проясняется. Однако за этим периодом сравнительного света последовали мрачные сцены четырнадцатого и пятнадцатого веков, когда тирания и разврат буйствовали по всей стране и заразили все классы общества, не исключая духовенство; когда знать грабила своих вассалов, а простые люди продавали свою страну иностранному врагу. Этот период, столь отличавшийся полным отсутствием патриотизма и всякого честного чувства, был подчеркнут периодом упадка; государство было потрясено до самого своего основания и, казалось, готово было похоронить под своими руинами столько стыда и бесчестия. Но кризис миновал; внешние и внутренние враги были побеждены; правительственный аппарат перестроился на более прочной основе; состояние общества улучшилось. Несмотря на свои кровавые безумства, шестнадцатый век меньше позорит летописи нации, чем его предшественники, и он стал переходным периодом к эпохе таких чистых и всегда блистательных светил, как Фенелон, Боссюэ, Монтэзье и другие. За этим периодом снова последовали пороки регентства и ужасы революции. С тех пор мы были свидетелями почти невероятных колебаний общественной морали каждое десятилетие.

Я быстро набросал и просто указал на наиболее заметные изменения. Чтобы сделать даже это должным образом, а тем более углубиться в детали, потребовалось бы больше места, чем позволяют ограничения и дизайн данной работы. Но я думаю, что сказанного мною достаточно, чтобы показать, что разложение общественной морали, хотя оно всегда велико, часто является преходящим злом, болезнью, которую можно исправить или которая исправляется сама по себе, и поэтому не может быть единственной причиной национального разорения, хотя и может ускорить катастрофу.

Разложение общественной морали почти неразрывно связано с другим злом, которое считается одной из причин падения империй. Об Афинах и Риме известно, что слава этих двух содружеств поблекла примерно в то же время, когда они отказались от своих национальных вероучений. Это, однако, единственные примеры такого совпадения, которые можно привести. Религия Зороастра никогда не была более процветающей в персидской империи, чем во время

ее падения. Тир, Карфаген, Иудея, Мексиканская и Перуанская империи скончались в тот момент, когда они с величайшим рвением и преданностью обнимали свои алтари. Нет, я не верю, что даже в Афинах и Риме от древнего вероучения отказались до того дня, когда оно было заменено в сознании каждого полным торжеством христианства. Я твердо убежден, что с политической точки зрения безбожия никогда не существовало ни среди одного народа и что никто никогда не отказывался от веры своих предков, кроме как в обмен на другую. Другими словами, никогда не было такого явления, как религиозное междуцарствие. Галльские тевтаты уступили место Юпитеру римлян; поклонение Юпитеру, в свою очередь, было заменено христианством. Верно, что в Афинах, незадолго до времен Перикла, и в Риме, ближе к эпохе Сципионов, среди высших классов вошло в моду сначала рассуждать на религиозные темы, затем сомневаться в них и, наконец, совсем им не верить и гордиться скептицизмом. Но хотя многие разделяли мнение древнего "вольнодумца", который призывал авгуров смотреть друг на друга без смеха, все же этот скептицизм так и не получил распространения в массах людей.

Аспазия на своих званых вечерах и Лелий среди своих близких друзей могли высмеивать религиозные догмы своей страны и развлекаться за счет тех, кто в них верил. Но в обе эти эпохи, самые блестящие в истории Греции и Рима, было бы крайне опасно публично выражать подобные чувства. Неосторожность его любовницы едва не дорого обошлась самому Периклу, и слезы, которые он пролил перед трибуналом, сами по себе были недостаточно сильны, чтобы спасти честного скептика. Поэты того времени, Аристофан, Софокл, а впоследствии и Эсхил, считали необходимым, каковы бы ни были их личные чувства, льстить религиозным представлениям масс. Весь народ считал Сократа нечестивым новатором и предал бы смерти Анаксагора, если бы не энергичное заступничество Перикла. Философские и скептические теории также не проникли в массы в более поздний период. Никогда, ни в какое время они не выходили за пределы сферы элегантного и утонченного. Могут возразить, что мнение остальных - механиков, торговцев, сельского населения, рабов и т.д. - не имело большого значения, поскольку они не имели никакого влияния на политику государства. Если это было так, то почему было необходимо до последнего угасающего биения язычества сохранять его храмы и платить иерофантам? Почему люди, самые выдающиеся и просвещенные, самые скептические в своих религиозных представлениях, не только облачались в священнические одежды, но даже опускались до самых отвратительных служб народного богослужения? Ежедневному читателю Лукреция[44] приходилось улучать моменты досуга от всепоглощающей политической игры, чтобы сочинить трактат о гаруспиях. Я имею в виду первого цезаря.[45] И все его преемники, вплоть до Константина, были вынуждены сочетать папское с императорским достоинством. Даже сам Константин, хотя как христианский правитель у него было гораздо больше причин для отвращения к такой должности, чем у любого из его предшественников, был вынужден пойти на компромисс со все еще могущественной древней религией нации.[46] Это ясное доказательство преобладания народных настроений над мнением высших и просвещенных классов. Они могли бы апеллировать к разуму и здравому смыслу против абсурдности масс, но последние не хотели, не могли отречься от одной веры, пока не примут другую, подтверждая старую истину, что в делах этого мира положительное всегда берет верх над негативным. Народные настроения были настолько сильны, что в третьем веке они в некоторой степени заразили даже высшие классы и вызвали среди них серьезную религиозную реакцию, которая полностью утихла только после окончательного триумфа христианства. Революция идей, которая постепенно распространила истинную религию среди всех классов, в высшей степени

интересна, и, возможно, не совсем уместно для моего предмета указать на основные причины, вызвавшие ее.

На последних этапах существования Римской империи армии приобрели такой неоправданный политический перевес, что от императора, который неизбежно избирался ими, до самого мелкого губернатора округа, все правительственные чиновники были уволены из рядов. Они происходили из тех народных масс, о страстной привязанности которых к своей вере я уже говорил, и, достигнув высокого положения, вступили в контакт с бывшими правителями страны, старыми знатными семьями, муниципальными сановниками городов, фактически с теми классами, которые гордились скептической литературой и получали от нее удовольствие. Сначала между этими последними и настоящими правителями государства возникла враждебность, с которыми они охотно обошлись бы как с выскочками, если бы осмелились. Но поскольку тон задавал двор, а все второстепенные военные начальники были, по большей части, набожны и фанатичны, скептики были вынуждены скрывать свои истинные чувства, и философы принялись изобретать системы для согласования рационалистических теорий с государственной религией. Это возрождение языческого благочестия вызвало еще большее число гонений. Сельское население, терпевшее поругание своей веры атеистами до тех пор, пока над ними господствовали высшие классы, теперь, когда имперская демократия низвела всех до одного уровня, жаждало мести; но, ошибочно приняв своих жертв, они направили свою ярость против христиан. Настоящими скептиками были такие люди, как царь Агриппа, который желает послушать святого Павла[47] из простого любопытства; который слушает его, спорит с ним, считает его глупцом, но никогда не думает преследовать его за то, что он расходится во мнениях; или историк Тацит, который, хотя и полон презрения к верующим в новую религию, обвиняет Нерона в его жестокости по отношению к ним.

Агриппа и Тацит были языческими скептиками. Диоклетиан был политиком, который уступил крикам возмущенного населения. Деций и Аврелиан были фанатиками, как и массы, которыми они управляли и из которых вышли.

Даже после того, как христианская религия стала религией государства, с какими огромными трудностями пришлось столкнуться при попытке привлечь массы в ее пределы! В некоторых местах борьба с местными божествами была настолько безнадежной, что во многих случаях обращение было скорее результатом обращения, чем эффектом убеждения. Гений святых проповедников нашей религии свелся к изобретению благочестивых обманов. Божествам рощ, полей и фонтанов по-прежнему поклонялись, но под именами святых, мучеников и Девы Марии. После того, как какое-то время эти почитатели были сбиты с толку, они, наконец, нашли правильный путь. И все же упорство, с которым массы цепляются за однажды принятую веру, таково, что следы его сохранились и в наши дни. Во Франции все еще есть приходы, где некоторые языческие суеверия вызывают тревогу у благочестивых людей и не поддаются усилиям священника. В католической Бретани даже в последние столетия епископ тщетно пытался отучить свою паству от поклонения каменному идолу. Грубая статуя была брошена в воду, но ее спасли упрямые поклонники; и потребовалась помощь военных, чтобы разбить ее на куски. Так было и такова долговечность язычества. Следовательно, я заключаю, что ни одна нация, ни в древние, ни в современные времена, никогда не отказывалась от своей религии, не приняв должным образом и искренне другую, и что, следовательно, ни одна нация никогда не оказывалась ни на мгновение в состоянии безрелигиозности, которое могло бы стать причиной ее гибели.

Отрицая разрушительные последствия фанатизма, роскоши и безнравственности, а также политическую возможность нерелигиозности, я теперь расскажу о последствиях плохого правления. Эта тема вполне достойна целой главы.

ГЛАВА III.

Содержание

ВЛИЯНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА НА ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ НАЦИЙ.

Неправильное управление определено — Афины, Китай, Испания, Германия, Италия и т.д.— Само по себе не является достаточной причиной для гибели наций.

Я осознаю трудность задачи, которую я взял на себя в попытке установить истину, которая многими моими читателями будет расценена как простой парадокс. То, что хорошие законы и хорошее правительство оказывают прямое и мощное влияние на благосостояние и процветание нации, является неоспоримым фактом, в котором я полностью убежден; но я думаю, что история доказывает, что они не являются абсолютными условиями существования общества; или, другими словами, что их отсутствие не обязательно приводит к разорению. Нации, как и отдельные люди, часто страдают от страшных болезней, которые не обнаруживают внешних следов внутренних разрушений и которые, хотя и опасны, не всегда смертельны.

Действительно, если бы это было так, то лишь немногие общины пережили бы первые несколько лет своего становления, поскольку именно в этот период правительство работает хуже всего, законы наиболее несовершенны и наименее соблюдаются. Но здесь сравнение между политическим телом и человеческой организацией прекращается, ибо, в то время как последнее больше всего боится приступа болезни в младенчестве, первое легко преодолевает ее в этот период. История дает бесчисленные примеры успешной борьбы молодых сообществ с самым грозным и разрушительным политическим злом, из которых ни одно не может быть хуже непродуманных законов, принимаемых репрессивным или небрежным образом.[48]

Давайте сначала определим, что мы понимаем под плохим правительством. Разновидности этого зла столь же разнообразны, как нации, страны и эпохи. Невозможно перечислить их все. Тем не менее, классифицируя их по четырем основным категориям, мы опустим несколько разновидностей.

Правительство плохо, когда оно навязано иностранным влиянием. Афины испытали это зло при тридцати тиранах. И все же она сбросила с себя отвратительное ярмо, и патриотизм, отнюдь не угасший, с новой силой набрал силу благодаря угнетению.

Правительство плохо, когда основано на абсолютном и безоговорочном завоевании. Почти вся территория Франции в четырнадцатом веке стонала под владычеством Англии. Испытание было пройдено, и нация вышла из него более могущественной и блистательной, чем прежде. Китай был захвачен монгольскими ордами. Они были изгнаны с его территорий после того, как ранее

претерпели странную трансформацию. Затем он попал в руки маньчжурских завоевателей, но, хотя они уже исчисляют годы своего правления столетиями, сейчас их ожидает та же участь, что и их монгольских предшественников.

Правительство особенно плохо, когда принципы, на которых оно было основано, игнорируются или забываются. Такова была судьба испанской монархии. Она была основана на военном духе нации и на ее муниципальной свободе и пришла в упадок вскоре после того, как эти принципы были забыты. Невозможно представить себе большую политическую дезорганизацию, чем представляла эта страна. Нигде власть суверена не была более номинальной и презираемой; нигде духовенство не было более открыто для порицания. Сельское хозяйство и промышленность, следуя тому же упадочному импульсу, также были вовлечены в национальный маразм. И все же Испания, от которой так многие отчаивались, в момент, когда ее звезда, казалось, закатилась навсегда, дала великолепный пример героического и успешного сопротивления оружию того, кто до сих пор не испытывал никаких препятствий в своей завоевательной карьере. С тех пор поднялся дух нации, и, вероятно, в настоящее время нет ни одного европейского государства с более многообещающими перспективами и более сильной жизнеспособностью.[49]

Правительство также очень плохо, когда своими институтами оно санкционирует антагонизм либо между верховной властью и нацией, либо между различными классами, из которых оно состоит. Так было в Средние века, когда короли Франции и Англии находились в состоянии войны со своими великими вассалами, а крестьяне - в постоянной вражде с лордами. В Германии первыми проявлениями свободы мысли стали гражданские войны гуситов, анабаптистов и других сектантов. Италия в более отдаленный период была настолько отвлечена разделением верховной власти, за которое боролись император, папа, знать и муниципалитеты, что массы, не зная, кому подчиняться, во многих случаях заканчивали тем, что не подчинялись ни тому, ни другому. И все же среди всех этих бед итальянская национальность не погибла. Напротив, его цивилизация никогда не была более блестящей, его промышленность никогда не была более производительной, его иностранное влияние никогда не было большим.

Если общины пережили такие страшные политические бури, то вряд ли можно сказать, что национальная разруха является необходимой причиной плохого правления. Кроме того, мудрые и счастливые правления были редкостью в истории каждой нации; и эти немногие не всеми считаются таковыми. Историки не единодушны в своих похвалах Елизавете, и не все они считают правление Вильгельма и Марии эпохой процветания Англии. Поистине, эта наука государственного управления, высочайшая и наиболее сложная из всех, настолько несоразмерна способностям человека,[50] и мнения о ней настолько различны, что нации имеют раннюю и частую возможность научиться приспосабливаться к неправильному управлению, которое в своих наихудших формах все же предпочтительнее анархии. Это хорошо доказанный факт, который ясно демонстрирует даже поверхностное изучение истории, что сообщества часто гибнут при лучшем правительстве из длинной череды предшествовавших.[51]

ГЛАВА IV.

Содержание

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СЛОВА ДЕГЕНЕРАЦИЯ —ЕГО ПРИЧИНА.

Общая история нации —Происхождение каст, знати и т.д. —Жизнеспособность наций, не обязательно уничтоженных завоеванием—Китай, Индостан—Постоянство их специфических цивилизаций.

Если дух предыдущих страниц был хоть сколько-нибудь понят, то станет ясно, что я далек от того, чтобы рассматривать эти великие национальные болезни, неправильное управление, фанатизм, безбожие и безнравственность как простые пустяки, не имеющие влияния или важности. Напротив, я искренне сочувствую сообществу, которое страдает от таких бедствий, и думаю, что никакие усилия, направленные на их смягчение или устранение, не могут быть направлены не по назначению. Но я повторяю, что если эти дезорганизирующие элементы не привиты к другому, более разрушительному принципу, если они не являются последствиями большего, хотя и скрытого зла, мы можем быть уверены, что их разрушительное воздействие не смертельно и что общество после более короткого или длительного периода страданий избежит их пут, возможно, с новой силой и молодостью.

Приведенные мною примеры кажутся мне убедительными; их количество, при необходимости, может быть увеличено до любой степени. Но уже утвердилось убеждение, что это всего лишь второстепенное зло, которому до сих пор придавалось чрезмерное значение, и что закон, управляющий жизнью и смертью обществ, следует искать в другом месте и глубже. Общеизвестно, что зародыш разрушения заложен в устройстве сообществ; что до тех пор, пока он остается скрытым, внешних опасностей бояться не стоит; но когда он однажды достигнет полного роста и зрелости, нация должна погибнуть, даже если ее окружают самые благоприятные обстоятельства, точно так же, как ломается измученный конь, какой бы гладкой ни была дорога.

Дегенерация - таково было название, данное этой причине распада. Такой взгляд на вопрос был большим шагом к истине, но, к сожалению, дальше этого дело не пошло; первая трудность оказалась непреодолимой. Термин, безусловно, был правильным, этимологически и во всех других отношениях, но как обстоит дело с определением? Говорят, что народ вырождается, когда им плохо управляют, он злоупотребляет своими богатствами, фанатичен или нерелигиозен; короче говоря, когда он утратил характерные добродетели своих предков. Напрашивается вопрос. Таким образом, сообщества гибнут под бременем социального и политического зла только тогда, когда они дегенерируют, и они дегенерируют только тогда, когда такое зло преобладает. Этот круговой спор не доказывает ничего, кроме небольшого прогресса, достигнутого до сих пор в отечественной биологии. Я охотно допускаю, что нации гибнут от вырождения, и ни от какой другой причины; именно в этом плачевном состоянии иностранные нападения оказываются для них фатальными, ибо тогда у них больше нет сил защитить себя от неблагоприятной судьбы или оправиться от ее ударов. Они умирают, потому что, хотя и подвергаются тем же опасностям, что и их предки, у них нет таких же сил преодолевать их. Я повторяю, термин *дегенерация* верен; но необходимо дать ему определение, придать ему реальное и осязаемое значение. Необходимо сказать, как и почему теряется эта бодрость, эта

способность преодолевать окружающие опасности. До сих пор мы довольствовались простым словом, но сама вещь известна так же мало, как и прежде.[52] Я попытаюсь сделать следующий шаг.

По моему мнению, нация вырождается, когда в ее жилах больше не течет кровь ее основателей, а постепенно портится из-за последовательных иностранных примесей; так что нация, сохраняя свое первоначальное название, больше не состоит из тех же элементов. Ослабление первоначальной крови сопровождается модификацией первоначальных инстинктов или способов мышления; новые элементы заявляют о своем влиянии, и когда они однажды приобрели совершенное и абсолютное преобладание, дегенерацию можно считать завершенной. С последними остатками первоначального этнического принципа истекает жизнь общества и его цивилизации. Массы, составлявшие его, отныне не имеют отдельного, независимого социального и политического существования; их привлекают различные центры цивилизации, и они пополняют ряды новых обществ, обладающих новыми инстинктами и новыми целями.

Пытаясь установить эту теорему, я сталкиваюсь с вопросом, который предполагает решение гораздо более сложной задачи, чем любая из тех, к которым я когда-либо подходил. Этот вопрос, столь важный по своей сути, заключается в следующем:—

Существует ли на самом деле серьезная и ощутимая разница в способностях и внутренней ценности различных ветвей человеческой семьи?

Для ясности я подчеркну, *априори*, что это различие существует. Затем остается показать, как этнический характер нации может претерпеть такое тотальное изменение, которое я обозначаю термином *дегенерация*.

Физиологи утверждают, что человеческий организм подвержен постоянному износу, который вскоре разрушил бы всю машину, если бы не новые частицы, которые постоянно принимают форму и занимают место старых. Говорят, что это изменение настолько быстрое, что за несколько лет вся структура обновляется, и материальная идентичность индивида меняется. То же самое в значительной степени можно сказать и о нациях, с той лишь разницей, что, в то время как индивидуум всегда сохраняет определенное сходство формы и черт, черты нации подвержены бесчисленным и постоянно меняющимся изменениям. Давайте возьмем нацию в тот момент, когда она обретает политическое существование и начинает играть свою роль в великой драме на мировой арене. В зачаточном состоянии мы называем это племенем.

Простейшим и наиболее естественным политическим институтом является институт племен. Это единственная форма правления, известная грубым и диким народам. Цивилизация является результатом огромной концентрации мощных физических и интеллектуальных сил,[53] что в небольших и разрозненных фрагментах невозможно. Поэтому первым шагом к этому, несомненно, является объединение нескольких племен путем союза или завоевания. Такое объединение и есть то, что мы называем нацией или империей. Я думаю, это легко продемонстрировать, что по мере того, как человеческая семья наделяется способностью к интеллектуальному прогрессу, она проявляет тенденцию расширять круг своего влияния и господства. Напротив, там, где эта способность слаба или отсутствует, мы обнаруживаем, что население разделено на бесчисленное множество мелких фрагментов, которые, хотя и находятся в постоянном столкновении, навсегда остаются обособленными и изолированными.

Более сильный может истреблять более слабого, но никогда не предпринимается попыток постоянного завоевания; грабительские набеги являются единственной целью и всем размахом войны. Так обстоит дело с аборигенами Полинезии, многих частей Африки и арктических регионов. Их застойное состояние также нельзя объяснить местными или климатическими причинами. Мы видели такие жалкие орды, безразлично населяющие умеренные, а также жаркие или морозные зоны; плодородные прерии и бесплодные пустыни; берега рек, а также внутренние регионы. Следовательно, она должна быть основана на врожденной неспособности к прогрессу. Чем цивилизованнее раса, тем сильнее тенденция к объединению масс. Сложные политические организации являются не столько следствием, сколько причиной цивилизации.[54] Племя, обладающее превосходящими интеллектуальными и физическими способностями, вскоре понимает, что для увеличения своей мощи и процветания оно должно вынудить своих соседей войти в сферу своего влияния. Там, где мирные средства терпят неудачу, прибегают к войне. Завоевываются территории, устанавливается разделение на классы между победившей и поработанной расой; одним словом, нация появляется на театре истории. Однажды заданный импульс не остановит вас на пути к завоеваниям. Если в его советах будут преобладать мудрость и умеренность, следы его армий не будут отмечены бессмысленными разрушениями и кровопролитием; памятники, учреждения и нравы побежденных будут пользоваться уважением; место старого займут превосходные творения, где перемены необходимы и полезны; — будет сформирована великая империя.[55] Поначалу, и, возможно, надолго, победители и побежденные будут оставаться разделенными и обособленными. Но постепенно, по мере того, как гордость завоевателя становится менее навязчивой, а побежденные забывают горечь поражения; по мере того, как узы общих интересов становятся крепче, граница между ними стирается. Политика, страх или естественная справедливость побуждают хозяев к уступкам; происходят смешанные браки, и со временем различные этнические элементы смешиваются, и разные нации, составляющие государство, начинают считать себя единым целым. Это общая история возникновения всех империй, записи о которых были переданы нам.[56] Низшая раса, попав в руки сильных хозяев, таким образом, призвана разделить судьбу, на которую сама по себе она была бы неспособна. Посмотрите на саксов во время нормандского завоевания.[57] Но если существует явное несоответствие в способностях двух рас, то их смешение, хотя и облагораживает низшую, ухудшает более благородную; возникает новая раса, более низкая по сравнению с первой, хотя и превосходящая другую, и, возможно, обладающая особыми качествами, неизвестными ни той, ни другой. Изменение этнического характера нации, однако, на этом не заканчивается.

Каждое новое приобретение территории путем завоевания или договора влечет за собой приток чужой крови. Богатство и великолепие великой империи привлекают толпы иностранцев в ее столицу, большие внутренние города или морские порты. Помимо того факта, что раса завоевателей — та, что основывает империю, поддерживает и оживляет ее, — в большинстве случаев уступает по численности массам, которые она покорила и ассимилировала; заметное участие, которое она принимает в делах государства, делает ее более подверженной роковым результатам сражений, проскрипций и восстаний.[58] Кроме того, в некоторых случаях случается, что субстрат коренного населения необычайно плодovit — примером могут служить кельты и склавы. Следовательно, рано или поздно победившая раса будет поглощена массами, которых объединили ее энергия и превосходство. Те самые материалы, из которых он возвел свое великолепие и на которых основал свою силу, в конечном счете являются средством его слабости и разрушения. Но цивилизация, которую он развил, может просуществовать

ограниченный период. Поступательный импульс, однажды переданный массе, еще некоторое время будет двигать ее, но его сила постоянно уменьшается. Нравы, законы и учреждения остаются, но дух, который их оживлял, улетучился; безжизненное тело все еще проявляет видимые признаки жизни и, возможно, даже усиливается, но реальная сила ушла; здание вскоре начинает шататься, при малейшем столкновении оно рухнет и похоронит под своими руинами цивилизацию, которую оно развило.

Если принять это определение вырождения и признать его последствия, проблема взлета и падения империй больше не представляет никаких трудностей. Нация живет до тех пор, пока она сохраняет этнический принцип, которому она обязана своим существованием; вместе с этим принципом она теряет *primum mobile* своих успехов, своей славы и своей цивилизации: следовательно, она должна исчезнуть со сцены истории. Кто может сомневаться в том, что если бы Александру противостояли настоящие персы, люди арийского происхождения, которых Кир привел к победе, исход битвы при Арбеле был бы совсем другим. Или, если бы в Риме в период его упадка были солдаты и сенаторы, подобные тем, что были во времена Фабия, Сципиона и Катона, стал бы он такой легкой добычей северных варваров?

Мне возразят, что, даже если бы целостность изначальной крови оставалась нетронутой, должно было наступить время, когда они нашли бы своих хозяев. Они бы сдались под серией хорошо организованных атак, под длительным подавляющим давлением или просто из-за шансов на проигрыш битвы. Таким образом могло быть разрушено политическое здание, но не цивилизация, не социальная организация. Вторжение и поражение были бы неудачами, печальными, конечно, но не непоправимыми. Нет недостатка в фактах, подтверждающих это утверждение.

В наше время китайцы пережили два полных завоевания. В каждом случае они навязывали завоевателям свои нравы и институты; они много давали им и мало получали взамен. Первые захватчики, претерпев это изменение, были изгнаны; та же участь теперь угрожает вторым.[59] В данном случае побежденные интеллектуально и численно превосходили своих победителей. Я упомяну другой случай, когда победители, несмотря на интеллектуальное превосходство, не обладают достаточной численностью, чтобы изменить интеллектуальный и моральный облик побежденных.

Политическое превосходство британцев в Индостане безупречно, однако они практически не оказывают морального влияния на массы, которыми управляют. Все, на что предельное напряжение их власти может повлиять на страхи их подданных, - это внешняя уступчивость. Представления индусов не могут быть заменены европейскими идеями — дух индуистской цивилизации не может быть побежден никакой властью закона, какой бы великой она ни была. Политические формы могут меняться, и действительно меняются, не оказывая существенного влияния на основу, на которой они покоятся; Хайдарабад, Лахор и Дели могут перестать быть столицами; тем не менее индуистское общество будет существовать. Рано или поздно должно наступить время, когда Индия восстановит отдельное политическое существование и публично провозгласит свои собственные законы, которым она сейчас тайно подчиняется или которые ей молчаливо оставлены во владении.

Простая случайность завоевания не может разрушить принцип жизнеспособности в народе. Самое большее, это может приостановить на время внешние проявления этой жизнеспособности и лишить его внешних почестей. Но до тех пор, пока кровь и, следовательно,

культура нации обнаруживают достаточно сильные следы расы посвящения, эта нация существует; и независимо от того, приходится ли ей иметь дело, подобно китайцам, с завоевателями, превосходящими ее только материально; или же, подобно индусам, она ведет терпеливую борьбу с расой, намного превосходящей ее во всех отношениях, эта нация может быть уверена в своем будущем — однажды для нее наступит рассвет независимости. Напротив, когда нация полностью исчерпала инициатический этнический элемент, поражение равносильно верной смерти; она израсходовала срок существования, дарованный ей Небесами, — ее предназначение выполнено.[60]

Поэтому я считаю решенным вопрос, который так часто обсуждался, о том, что было бы, если бы карфагеняне, вместо того чтобы уступить удаче Рима, завоевали Италию. Поскольку они принадлежали к финикийской семье, значительно уступавшей итальянской по политическим способностям, они были бы поглощены высшей расой после победы, точно так же, как это было после поражения. Следовательно, конечный результат был бы одинаковым в любом случае.

Судьбами цивилизаций правит не случайность; они зависят не от исхода битвы, удара меча, благосклонности или неодобрения переменчивой фортуны. Самые воинственные, грозные и победоносные нации, когда они не отличались ничем, кроме храбрости, стратегического мастерства и военных успехов, никогда не имели более благородной судьбы, чем учиться у своих подданных, возможно, слишком поздно, искусству жить в мире. Кельты, орды кочевников Центральной Азии, являются запоминающимися иллюстрациями этой истины.

Вся моя демонстрация теперь основывается на одной гипотезе, доказательство которой я приберег для последующих глав: **моральные и интеллектуальные различия различных ветвей человеческой семьи.**

ГЛАВА V.

Содержание

МОРАЛЬНОЕ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ РАС НЕ ЯВЛЯЕТСЯ РЕЗУЛЬТАТОМ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ.

Антипатия рас —Результаты их смешения—Научная аксиома абсолютного равенства людей, но продолжение политической —Ее ошибочность—Всеобщая вера в неравные способности рас—Моральное и интеллектуальное разнообразие рас, не связанное с институтами—Местные институты являются выражением народных настроений; будучи иностранными и импортированными, они никогда не процветают—Иллюстрации: Англия и Франция—Римская империя—Европейские колонии—Сандвичевы острова—Сан—Доминго—Миссии иезуитов в Парагвае.

Идея о врожденных и постоянных различиях в моральных и умственных способностях различных групп человеческого вида является одним из самых древних, а также общепринятых мнений. За немногими исключениями, и это в основном в наше время, она легла в основу почти

всех политических теорий и была фундаментальной максимой правления каждой нации, большой или малой. Национальные предрассудки не имеют другой причины; каждая нация верит в свое собственное превосходство над соседями, и очень часто разные части одной и той же нации относятся друг к другу с презрением. По-видимому, существует инстинктивная антипатия между различными расами и даже между подразделениями одной и той же расы, от которой ни одна не является полностью исключенной, но которая действует с наибольшей силой в наименее цивилизованных или наименее поддающихся цивилизации странах. Мы видим это в характерной подозрительности и враждебности дикарей; в изоляции китайцев и японцев от иностранного влияния и общения; в различных различиях, основанных на рождении в более цивилизованных сообществах, таких как касты, сословия знати и аристократические привилегии.[61] Даже общая религия не может погасить наследственного отвращения араба[62] к турку, курда к сирийскому несторианцу; или ожесточенной враждебности мадьяр и славян, которые, не смешиваясь, веками населяли одну и ту же страну. Но по мере того, как различные типы теряют свою чистоту и смешиваются, эта расовая вражда ослабевает; максима абсолютного и постоянного неравенства сначала обсуждается, а затем подвергается сомнению. Человек смешанной расы или касты не склонен признавать неравенство в своем двойном происхождении. Превосходство определенных типов и их вытекающие претензии на господство находят все меньше сторонников. Это владычество клеймится как тираническая узурпация власти.[63] Смешение каст порождает политическую аксиому о том, что все люди равны и, следовательно, обладают одинаковыми правами. Действительно, поскольку больше не существует отдельных наследственных классов, ни один из них не может справедливо претендовать на высшие заслуги и привилегии. Но это утверждение, которое верно только там, где произошло полное слияние, применимо ко всей человеческой расе — ко всем нынешним, прошлым и будущим поколениям. За политической аксиомой равенства, которая, подобно эолу мешку, таит в себе так много бурь, вскоре следует научная. Говорят — и чем разнороднее этнические элементы нации, тем шире распространяется теория, — что "все ветви человеческого рода наделены интеллектуальными способностями одинаковой природы, которые, хотя и находятся на разных стадиях развития, все в равной степени подвержены совершенствованию". Возможно, это не точный язык, но, безусловно, значение. Таким образом, гуны, при надлежащей культуре, могли бы стать равными англичанину и французу. Почему же, тогда, я хотел бы спросить, он так и не изобрел за столетия искусство книгопечатания или применил силу пара; почему среди воинов его племени так и не появился цезарь или Карл Великий, среди его бардов и знахарей - Гомер или Гиппократ?

Эти вопросы обычно решаются за счет усиления влияния климата, местных условий и т.д. Говорят, что остров никогда не сможет стать ареной великих социальных и политических событий в той же степени, что континент; уроженцы южного климата не будут проявлять энергию северян; морские побережья и большие судоходные реки будут способствовать развитию цивилизации, которая никогда не смогла бы процветать во внутреннем регионе; и многое другое для той же цели. Но всем этим остроумным и правдоподобным гипотезам противоречат факты. Одна и та же почва и один и тот же климат попеременно подвергались воздействию варварства и цивилизации. Опустившийся феллах обуглен тем же солнцем, которое когда-то сожгло могущественного священника из Мемфиса; ученый профессор из Берлина читает лекции под тем же ненастным небом, которое было свидетелем страданий дикого финна.

Что наиболее любопытно, так это то, что, хотя вера в равенство может влиять на институты и нравы, нет ни нации, ни отдельного человека, которые отдавали бы дань уважения противоположному чувству. Кто не слышал об отличительных чертах француза, немца, испанца, англичанина, русского. Одного называют жизнерадостным и непостоянным, но храбрым; другой трезв и задумчив; третий известен своей серьезностью; четвертый известен своей холодностью и сдержанностью, а также стремлением к наживе; пятый, напротив, печально известен своими безрассудными расходами. Я не буду высказывать никакого мнения о точности этих различий, я просто укажу, что они проводятся ежедневно и принимаются по общему согласию. То же самое делалось во все века. Римлянин Италии отличал римлянина Греции эпитетом *Грекулус* и приписывал ему в качестве характерных черт недостаток храбрости и хвастливую болтливость. Он смеялся над карфагенским колонистом, которого, как он притворился, узнал среди тысяч людей по его склонности к тяжбам и недобросовестности. Александрийцев считали коварными, наглыми и мятежными. И все же доктрина равенства была столь же общепринята среди римлян того периода, как и среди нас. Итак, если разные нации проявляют такие разные качества; если одни жаждут войны и славы; другие любят легкость и комфорт, то из этого следует, что их судьбы должны быть очень разнообразными. Сильнейшие будут играть в великой трагедии истории роли королей и героев, более слабые будут довольствоваться более скромными ролями.

Я не верю, что изобретательность нашего времени преуспела в примирении общепринятой веры в особый характер каждой нации с не менее общим убеждением в том, что все они равны. И все же это противоречие очень вопиющее, тем более что его сторонники не отстают в превознесении превосходства англосаксов Северной Америки над всеми другими нациями того же континента. Это правда, что они приписывают это превосходство влиянию политических институтов. Но они вряд ли станут оспаривать характерную способность соотечественников из Пенсильвании и Вашингтона устанавливать везде, куда бы они ни отправились, либеральные формы правления и их еще более ценную способность сохранять их, когда они однажды установлены. Разве это не очень высокая прерогатива, предоставленная этой ветви человеческой семьи? тем более ценная, что так мало групп, когда-либо населявших земной шар, обладали ею.

Я знаю, что мои соперники не дадут мне легкой победы. Они возразят мне против огромного могущества нравов и институтов; они покажут мне, насколько дух правительства, благодаря присущей ему непреодолимой силе, влияет на развитие нации; насколько разительно будет отличаться ее прогресс, когда он поощряется свободой или подавляется деспотизмом. Этот аргумент, однако, ни в коей мере не опровергает мою позицию.

Политические институты могут иметь только два источника: либо они исходят от народа, которым они должны управлять, либо они являются изобретением иностранной нации, которой они навязаны или у которой они скопированы.

В первом случае институты неизбежно формируются на основе инстинктов и потребностей людей; и если по небрежности или невежеству они в чем-то несовместимы ни с тем, ни с другим, такие недостатки вскоре будут устранены или исправлены. Можно сказать, что в каждом независимом сообществе закон исходит от народа; ибо, хотя они, по-видимому, и не обладают властью его обнародовать, он не может быть применим к ним, если не согласуется с их взглядами и чувствами: это должно быть отражением национального характера.[64] Мудрый

законодатель, чьему высочайшему гению, по-видимому, исключительно обязаны его соотечественники, всего лишь высказал нужды и вожеления всех. Простой теоретик, такой как Драко, считает, что его кодекс - мертвая буква, и ему суждено вскоре уступить место институтам более рассудительного философа, который дал бы своим соотечественникам "не самые лучшие законы из возможных, а только такие, какие они были способны воспринять". Когда Карл I, руководствуясь роковыми советами графа Страффорда, попытался обуздать английскую нацию под игом абсолютизма, король и министр увязли в кровавой трясине теорий. Но когда Фердинанд католик отдал приказ о тех ужасных, но в тогдашнем состоянии нации политически необходимых преследованиях испанских мавров, или когда Наполеон восстановил религию и власть во Франции и польстил воинскому духу нации - оба этих властителя правильно поняли гениальность своих подданных и строили на прочном практическом фундаменте.

Ложные институты, часто красивые на бумаге, - это те, которые не соответствуют национальным добродетелям *или недостатками*, следовательно, непригодны для страны, хотя, возможно, вполне осуществимы и весьма полезны в соседнем государстве. Такие институты, будь они заимствованы из законодательства ангелов, не породили бы ничего, кроме раздора и анархии. Другие, напротив, которых теоретик будет избегать, а моралист обвинять во многих моментах или, возможно, во всем, могут быть наилучшим образом адаптированы к обществу. Ликург не был теоретиком; его законы находились в строгом соответствии с духом и нравами его соотечественников.[65] Дорийцы Спарты были немногочисленны, доблестны и жадны; ложные институты сделали бы их всего лишь мелкими злодеями — Ликург превратил их в героических разбойников.[66]

Влияние законов и политических институтов, безусловно, очень велико; они сохраняют и укрепляют гений нации, определяют ее цели и помогают их достичь; но хотя они могут развивать силы, они не могут создать их там, где их еще нет. Сначала они получают свой отпечаток от нации, а затем возвращаются и подтверждают его. Другими словами, именно нация формирует законы, прежде чем законы, в свою очередь, смогут сформировать нацию. Еще одним доказательством этого факта являются изменения, которым они подвергаются с течением времени.

Я уже говорил выше, что по мере того, как нации развиваются в цивилизации и расширяют свою территорию и власть, их этнический характер, а вместе с ним и их инстинкты, претерпевают постепенные изменения. Преобладают новые манеры и тенденции, которые вскоре приводят к ряду модификаций, тем более частых и радикальных, чем больше приток крови и полное слияние.

Англия, где этнические изменения происходили медленнее и менее значительны, чем в любой другой европейской стране, по сей день сохраняет основы социальной системы четырнадцатого и пятнадцатого веков. Муниципальная организация времен Плантагенетов и Тюдоров процветает почти во всей своей древней силе. Налицо то же участие знати в управлении государством и тот же способ формирования этой знати; то же уважение к древним семьям, соединенное с признательностью к тем, чьи заслуги возвышают их над своим классом. Со времени восшествия на престол Якова I, и в еще большей степени со времени унии, в правление королевы Анны, действительно произошел приток шотландской и ирландской крови; иностранные нации также, хотя и незаметно, предоставили свой контингент для

смешения; следовательно, в последнее время изменения стали более частыми, но пока еще не затрагивающими первоначальный дух конституции.

Во Франции этнические элементы гораздо многочисленнее, а их смеси более разнообразны; и там неоднократно случалось, что основная государственная власть внезапно переходила из рук одной расы в руки другой. Таким образом, в социальной и политической системе произошли изменения, а не модификации; и изменения были резкими или радикальными, в зависимости от того, были ли эти расы более или менее непохожими. До тех пор, пока север Франции, где преобладал германский элемент, доминировал в политике страны, структура феодализма, или, скорее, его остатки, сохраняли свои позиции. После изгнания англичан в пятнадцатом веке ведущую роль взяли на себя центральные провинции. Их усилия под руководством Карла VII недавно восстановили национальную независимость, и галло-римская кровь, естественно, преобладала в лагере и совете. С этого времени начинается привнесение вкуса к военной жизни и иностранным завоеваниям, свойственного кельтской расе, и тенденции к концентрации и упрочению суверенной власти, которая была характерна для римлян.

Поскольку путь был таким образом подготовлен, следующий шаг к установлению абсолютной власти был сделан в конце шестнадцатого века аквитанскими последователями Генриха IV, в жилах которых было больше римской, чем кельтской крови. Централизация власти, возникшая в результате господства населения юга, вскоре дала Парижу подавляющее превосходство и, наконец, сделала его тем, чем он является сейчас, сувереном государства. Эта великая столица, этот современный Вавилон, население которого представляет собой пеструю смесь самых разнообразных этнических элементов, больше не имела никаких мотивов любить или уважать какие-либо традиции или особые тенденции и, полностью порвав с прошлым, подтолкнула Францию к серии политических и социальных экспериментов с доктринами, наиболее далекими от древних обычаев и традиционных тенденций королевства и отталкивающими их.

Мне кажется, этих примеров достаточно, чтобы доказать, что политические институты, если они не навязаны иностранным влиянием, берут свое начало из национального характера не только в первую очередь, но и на протяжении всех последующих изменений. Давайте теперь рассмотрим второй случай, когда иностранный кодекс *невольно* навязывается нации высшей силой.

Примеров таких попыток немного. На самом деле, они никогда не предпринимались в больших масштабах ни по-настоящему мудрыми правительствами ни древних, ни современных времен. Римляне были слишком политичны, чтобы предаваться таким опасным экспериментам. Александр до них никогда не отваживался на это, а его преемники, убежденные разумом или инстинктом в тщетности подобных усилий, довольствовались тем, что правили, подобно победителю Дария, огромной мозаикой наций, каждая из которых сохраняла свои привычки, манеры, законы и административные формы и, по крайней мере, до тех пор, пока сохраняла свою этническую идентичность, ничем не походила на своих собратьев-подданных, кроме подчинения тем же налоговым и военным правилам.

Правда, среди народов, покоренных римлянами, были такие, чьи кодексы содержали обычаи, настолько отвратительные их хозяевам, что последние, возможно, не смогли бы их терпеть. Таковы были человеческие жертвоприношения друидов, за которые, действительно, полагались самые суровые наказания. Но римлянам, при всей их мощи, так и не удалось

полностью искоренить этот варварский обряд. В Нарбоннезе победа была легкой, поскольку галльское население было почти полностью вытеснено римскими колонистами; но более нетронутые племена внутренних провинций оказали упорное сопротивление; а на полуострове Бретань, куда в четвертом веке британская колония реэкспортировала древние инстинкты вместе с древней кровью, население, вопреки римлянам, продолжало, либо из патриотизма, либо из уважения к своим древним традициям, убивать ближних на их алтарях, как только могло ускользнуть от бдительности своих хозяев. Все восстания начинались с восстановления этой страшной черты национального вероучения, и даже христианство не могло полностью стереть ее следы, пока не были предприняты длительные и напряженные усилия. Еще в семнадцатом веке потерпевшие кораблекрушение были убиты, а обломки разграблены во всех приморских провинциях, где кровь кимриков сохранилась незамешанной. Эти варварские обычаи соответствовали нравам расы, которая, будучи еще недостаточно смешанной, все же оставалась верной своим неукротимым инстинктам.

Одной из характерных черт европейской цивилизации является ее нетерпимость. Сознвая его превосходство, мы склонны отрицать существование любого другого или, по крайней мере, рассматривать его как всеобщий стандарт. Мы с величайшим презрением смотрим на все нации, которые не входят в ее черту, и когда они попадают под наше влияние, мы пытаемся обратить их в нашу веру и образ мышления. Институты, которые, как мы знаем, хороши и полезны, но убеждение которых не может быть распространено среди народов, инстинктам которых они чужды, мы навязываем им силой нашего оружия. Каковы результаты? С шестнадцатого века, когда европейский дух открытий и завоеваний проник на восток, он, по-видимому, не вызвал ни малейших изменений в нравах и способе существования покоренного им населения.

Я уже приводил пример Британской Индии. Все остальные европейские владения представляют собой то же зрелище. Аборигены Явы, хотя и полностью поработаны голландцами, еще не сделали первого шага к усвоению нравов своих завоевателей. Ява и по сей день сохраняет социальные нормы времен своей независимости. Какой эффект это произвело в Южной Америке, где Испания правила с неограниченной властью на протяжении веков? Древних империй, это правда, больше нет; даже их следы почти стерты. Но пока туземец не поднялся до уровня своего завоевателя, последний был унижен смешением кровей.[67] На Севере применялся другой метод, но с результатами столь же негативными; более того, в глазах филантропии более плачевными; ибо, в то время как испанские индейцы, по крайней мере, увеличились в численности,[68] и даже смешались со своими хозяевами, для краснокожих северян контакт с англосаксонской расой был смертелен. Жалкие остатки этих несчастных племен быстро исчезают, и исчезают столь же нецивилизованно, как и их предки. В Океанике справедливо то же наблюдение. Число аборигенов с каждым днем уменьшается. Европейец может обезоружить их и помешать им причинить ему вред, но изменить их он не может. Где бы он ни был хозяином, они больше не едят друг друга, но наполняют себя огненной водой, и этот новый вид жестокости - все, что они узнают о европейской цивилизации.

Действительно, существуют два правительства, созданные народами другой расы по нашим образцам: правительство Сандвичевых островов и правительство Сан-Доминго. Достаточно взглянуть на эти две страны, чтобы окончательно убедиться в тщетности любых попыток дать нации институты, не предложенные ее собственным гением.

На Сандвичевых островах представительная система сияет во всем блеске. Мы находим там Верхнюю палату, Нижнюю палату, министерство, которое управляет, и короля, который правит; здесь ничего не требуется. Однако все это лишь декорация; колесом, приводящим в движение всю машину, незаменимой движущей силой является корпус миссионеров. Только им принадлежит честь находить идеи, представлять их и доводить до конца, либо оказывая личное влияние на своих неофитов, либо, при необходимости, угрожая. Однако можно усомниться в том, что миссионеры, если бы у них не было других инструментов, кроме короля и палаты представителей, после некоторой борьбы с неспособностью своих учеников не оказались бы вынуждены принимать более непосредственное и, следовательно, более очевидное участие в управлении делами. Эта трудность устраняется учреждением министерства, состоящего из европейцев, или полукровок. Между ними и миссионерами все общественные дела решаются заранее; остальное только для вида. Король Камехамеха III, похоже, человек способный. По его собственному признанию, он отказался от татуировок, и хотя ему еще не удалось отговорить всех своих придворных от этой приятной практики, он испытывает удовлетворение, видя, что их лица украшены сравнительно легкими узорами. Основная масса нации, деревенская знать и простой люд, настаивают на этом, как и на всех других пунктах, в древних идеях и обычаях.[69] Тем не менее, множество причин, как правило, ежедневно увеличивают европейское население островов. Близость Калифорнии делает их объектом большого интереса для дальновидной энергии наших стран. Беглые моряки и мятежники больше не единственные белые колонисты; торговцы, спекулянты, авантюристы всех мастей собираются там в значительных количествах, строят дома и становятся постоянными поселенцами. Коренное население постепенно поглощается смесью с белыми. Весьма вероятно, что в скором времени нынешняя представительная форма правления будет заменена администрацией, состоящей из делегатов от одной или всех великих морских держав.

В одном я твердо убежден: эти импортированные институты прочно укоренятся в стране, но днем их окончательного триумфа, благодаря необходимой синхронности, станет вымирание местной расы.

В Сан-Доминго национальная независимость не нарушена. Здесь нет миссионеров, осуществляющих абсолютный, хотя и скрытый, контроль, нет министерства иностранных дел, управляющего в европейском духе; все предоставлено гению и вдохновению населения. В испанской части острова это население состоит из мулатов. Я не буду говорить о них. Кажется, что они каким-то образом имитируют самые простые черты нашей цивилизации. Как и все полукровки, они склонны ассимилироваться с той ветвью своей генеалогии, которая делает им больше всего чести. Следовательно, они способны в какой-то степени следовать нашим обычаям. Абсолютный вопрос о возможностях рас не может быть изучен среди них. Давайте пересечем горный хребет, который отделяет республику Доминика от империи Хайти.

Там мы находим институты, не только похожие на наши, но и основанные на самых последних принципах нашей политической мудрости. Все, что на протяжении шестидесяти лет голос самого утонченного либерализма провозглашал в совещательных ассамблеях Европы, все, что написали самые ревностные друзья свободы и достоинства человека, все декларации прав и принципов, нашло отклик на берегах Артибонита. Ни *вписанных* законах, ни в *официальном* языке не осталось и следа Африки; воспоминания о стране Хам *официально* стерты из памяти каждого; институты здесь снова полностью европейские. Давайте теперь рассмотрим, как они гармонируют с манерами поведения.

Какой контраст! Нравы здесь такие же порочные, такие же звериные, такие же свирепые, как в Дагомее[70] или стране Феллатов. Та же варварская любовь к украшениям в сочетании с тем же безразличием к форме; красота заключается в цвете, и при условии, что одежда ярко-красного цвета и украшена имитацией золота, вкус мало заботит бесполезное внимание к материалам или пригодности; а что касается чистоты, то это излишество, о котором никто не заботится. Вы желаете аудиенции у какого-нибудь высокопоставленного чиновника: вас проводят к атлетически сложенному негру, растянувшись на деревянной скамье, его голова замотана грязным, изодранным носовым платком, а сверху надета треуголка, обильно украшенная золотом. Общая одежда состоит из расшитого плаща (без подходящей нижней одежды), огромного меча и тапочек. Вы беседуете с этой массой плоти и стремитесь выяснить, какие идеи могут занимать ум под столь бесперспективной внешностью. Вы обнаруживаете интеллект низшего порядка в сочетании с самой дикой гордыней, сравниться с которой может только столь же глубокая и неизлечимая лень. Если человек, стоящий перед вами, откроет рот, он выложит все избитые общие места, которыми газеты утомляли вас за последние полвека. Этот варвар знает их наизусть; у него совсем другие интересы, другие инстинкты; у него нет собственных идей. Он будет говорить, как барон Гольбах, рассуждать, как Гримм, и в глубине души не имеет никаких серьезных забот, кроме как жевать табак, пить крепкие напитки, убивать своих врагов и умиловать своих колдунов. Все остальное время он спит.

Государство разделено на две фракции, разделенные не политической несовместимостью, а цветом кожи — неграми и мулатами. Последние, несомненно, превосходят их по уму, как я уже отмечал относительно доминиканцев. Европейская кровь изменила природу африканца, и в сообществе белых, когда у них постоянно перед глазами хорошие образцы, эти люди могли бы превратиться в полезных членов общества. Но, к сожалению, численное превосходство в настоящее время принадлежит неграм, и они, хотя и изгнаны из Африки несколькими поколениями, остаются такими же, как и в их родном климате. Их высшее блаженство — праздность; их высшая причина — убийство. Между двумя частями острова всегда преобладала самая сильная ненависть. История независимого Хайти — это не что иное, как длинная серия массовых убийств: массовые убийства мулатов неграми, когда последние были сильнее; мулатов негров, когда власть была в их руках. Эти учреждения, при всей их хваленой щедрости и филантропии, совершенно бесполезны. Они безмятежно и бессильно спят на бумаге, на которой были написаны, и дикие инстинкты населения господствуют безраздельно. Согласно закону природы, на который я указывал ранее, негр, принадлежащий к расе, проявляющей мало склонности к цивилизации, внушает глубочайший ужас перед всеми другими расами. Таким образом, мы видим, что негры-хайтьены энергично отталкивают белого человека со своей территории и запрещают ему даже заходить на нее; они также изгнали бы мулатов и задумались об их окончательном истреблении. Враждебность к иностранцам — это *primum mobile* их местной политики. Из-за врожденной лени расы сельское хозяйство заброшено, промышленность не известна даже по названию, торговля заглохла; нищета препятствует увеличению населения, в то время как непрерывные войны, восстания и военные казни постоянно сокращают его. Неизбежным и не очень отдаленным следствием такого положения вещей является превращение в пустыню страны, плодородие и природные ресурсы которой обогатили поколения плантаторов, которая по экспорту и коммерческой активности превзошла даже Кубу.[71]

Эти примеры Сан-Доминго и Сандвичевых островов кажутся мне убедительными. Однако, прежде чем окончательно оставить эту тему, я не могу удержаться от упоминания другого

аналогичного факта, своеобразный характер которого в значительной степени подтверждает мою позицию. Я имею в виду попытки миссионеров-иезуитов цивилизовать коренных жителей Парагвая.[72]

Эти миссионеры своим возвышенным умом и самоотверженным мужеством вызвали всеобщее восхищение; и самые решительные враги их ордена никогда не отказывали им в безграничной дани похвалы. Если у иностранных институтов когда-либо и был малейший шанс на успех у нации, то у этих он, несомненно, был, поскольку они были основаны на силе религиозных чувств и поддерживались и применялись с тактом, столь же правильным, сколь и утонченным. Отцы церкви придерживались довольно общего мнения, что варварство для наций было тем же, чем детство для отдельного человека, и что чем более диким и необразованным мы находим народ, тем моложе мы можем считать его. Чтобы довести своих неофитов до подросткового возраста, они обращались с ними как с детьми. Их правительство было столь же твердым в своих взглядах и приказах, сколь мягким и ласковым в своих формах. Аборигены американского континента в целом склонны к республиканизму; монархия или аристократия среди них встречается редко, да и то в очень ограниченной форме. Парагвайские гуарани в этом отношении ничем не отличались от своих сородичей. Однако по счастливому стечению обстоятельств эти племена проявили гораздо больше ума и меньше свирепости, чем их соседи, и, казалось, были в какой-то степени способны осознавать новые потребности и перенимать новые идеи. Под руководством отцов в деревнях миссий было собрано около ста двадцати тысяч душ. Весь опыт, ежедневная учеба и активная благотворительность, которым могли научить иезуиты, использовались на благо их учеников; прилагались непрестанные усилия, чтобы ускорить успех, не подвергая его риску опрометчивостью. Однако, несмотря на все эти заботы, вскоре стало ясно, что самая абсолютная власть над неофитами едва ли могла заставить их упорствовать на правильном пути, и не было недостатка в случаях, которые свидетельствовали бы о малой реальной прочности здания.[73]

Когда меры графа Аранды лишили Парагвай его благочестивых и умелых цивилизаторов, печальная правда предстала в полном свете. Гуарани, лишённые своих духовных наставников, отказались от всякого доверия к мирским руководителям, присланным им испанской короной. Они не проявляли никакой привязанности к своим новым учреждениям. Их вкус к дикой жизни возродился, и в настоящее время на берегах Параны, Парагвая и Урагая сохранилось всего тридцать семь маленьких деревень, и в них проживает значительное ядро населения-полукровки. Остальные вернулись в леса и живут там в таком же диком состоянии, как западные племена того же происхождения, гуарани и киринос. Я не скажу, что дезертиры полностью переняли свои древние манеры, но от трудов благочестивых миссионеров мало что осталось, и это потому, что ни одному человеческому роду не дано забывать о своих инстинктах или сходить с пути, на который их поставил Создатель.

Можно предположить, что, если бы иезуиты продолжали руководить своими миссиями в Парагвае, их усилия, подкрепленные временем, увенчались бы большим успехом. Я готов признать это, но только при одном условии, всегда одном и том же: чтобы группа европейцев постепенно обосновалась в стране под защитой директоров-иезуитов. Они модифицировали бы и, в конце концов, полностью трансформировали местную кровь, и образовалось бы государство, носящее, вероятно, аборигенное название, жители которого могли бы гордиться тем, что произошли от автохтонных предков, хотя и полностью принадлежали Европе, как и институты, с помощью которых они могли бы управляться.

ГЛАВА VI.

Содержание

ЭТО РАЗНООБРАЗИЕ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ РЕЗУЛЬТАТОМ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ.

Америка—Древние империи—Финикийцы и римляне—Евреи—Греция и Рим—Торговые города Европы—Дарьенский перешеек.

Невозможно полностью исключить из рассмотрения влияние, которое климат, характер почвы и топографические условия оказывают на развитие наций. Это влияние, столь переоцениваемое многими учеными, я исследую более подробно, хотя я уже бегло взглянул на него, в другом месте.

Очень распространено мнение, что нация, живущая под умеренным небом, не слишком теплым, чтобы ослабить человека, и не слишком холодным, чтобы сделать почву неплодородной; на берегах больших рек, где имеются обширные и удобные средства сообщения; на равнинах и долинах, приспособленных для разнообразной обработки; у подножия гор, изобилующих полезными и драгоценными рудами, — что нация, столь облагодетельствованная природой, вскоре будет вынуждена отказаться от варварства и быстро прогрессировать в цивилизации.[74] С другой стороны, и исходя из тех же рассуждений, легко допустить, что племена, обугленные палящим солнцем или оцепеневшие от непрекращающегося холода и не имеющие территории, кроме бесплодных скал, были бы гораздо более склонны оставаться в состоянии варварства. Согласно этой гипотезе, интеллектуальные силы человека могли быть развиты только с помощью внешней природы, и вся его ценность и величие заложены не в нем самом, а во внешних и окружающих предметах. Каким бы благовидным ни было это мнение на первый взгляд, оно опровергается всеми многочисленными фактами, которые дает наблюдение.

Безусловно, нигде нет большего разнообразия почв и климата, чем на обширном Западном континенте. Нигде нет более плодородных регионов, более мягкого неба, более крупных и многочисленных рек. Побережья изрезаны заливами; изобилуют глубокие и великолепные гавани; из земли вырастают самые ценные богатства минерального царства; природа щедро одарила почву своими отборными и самыми разнообразными растениями, а леса и прерии кишат видами животных, питающихся пищей, представляя собой еще более существенные ресурсы. И все же большая часть этих счастливых стран населена, и так было на протяжении ряда веков, племенами, которые игнорируют самое посредственное освоение всех этих сокровищ.

Некоторые из них, похоже, были на пути к улучшению. Скучную культуру, грубые знания в области искусства обработки металлов можно наблюдать более чем в одном месте. Некоторые полезные искусства, применяемые с некоторой изобретательностью, до сих пор удивляют

путешественников. Но все это на самом деле в очень скромных масштабах и так и не сформировало того, что можно было бы назвать цивилизацией. Несомненно, в какой-то очень отдаленный период существовала нация, населявшая обширный регион, простиравшийся от озера Эри до Мексиканского залива. Не может быть никаких сомнений в том, что страна, лежащая между Аллегани и Скалистыми горами и простирающаяся от озера Эри до Мексиканского залива, в какую-то очень отдаленную эпоху была населена народом, который оставил после себя замечательные следы своего существования.[75] Остатки зданий, надписи на скалах, курганы[76] и мумии, которые в них заключены, указывают на высокий уровень интеллектуальной культуры. Но нет никаких свидетельств того, что между этим таинственным народом и племенами, которые сейчас бродят над его гробницами, существует какое-либо очень близкое родство. Как бы то ни было, если по наследству или рабскому подражанию существующие ныне аборигены получили свои первые знания об искусствах, которыми они теперь грубо занимаются, от бывших хозяев земли, мы не можем не поражаться их неспособности усовершенствовать то, чему их научили; и я вижу в этом новый мотив для того, чтобы придерживаться моего мнения, что нации, находящейся в наиболее благоприятных географических условиях, следовательно, не суждено прийти к цивилизации.

Напротив, между благоприятностью почвы и климата и установлением цивилизации существует полная независимость. Индия была страной, которая нуждалась в оплодотворении; таким же был Египет.[77] Здесь мы имеем два очень знаменитых центра человеческой культуры и развития. Китай, хотя и был очень продуктивным в некоторых частях страны, в других испытывал трудности очень серьезного характера. Первые события, зафиксированные в его истории, - это борьба с разорвавшими свои оковы реками; его герои - победители над безжалостным наводнением; древние императоры отличились тем, что выкапывали каналы и осушали болота. Страна Тигра и Евфрата, театр ассирийского великолепия, освященный нашими самыми священными традициями, те регионы, где, по словам Синцелла, пшеница произрастала спонтанно, обладают почвой, столь малопродуктивной без помощи искусства, что только обширная и трудоемкая система орошения может сделать ее способной обеспечивать средствами к существованию ее жителей. Теперь, когда каналы засыпаны или засорены, стерильность вернула себе прежнее господство. Поэтому я склонен думать, что природа не так уж благоволила этим странам, как обычно предполагается. Тем не менее, я не буду обсуждать этот момент.

Я готов признать, что Китай, Египет, Индия и Месопотамия были регионами, идеально приспособленными во всех отношениях для создания великих империй и последующего развития блестящих цивилизаций. Но нельзя оспаривать, что эти нации, чтобы воспользоваться этими превосходящими преимуществами, должны были предварительно довести свою социальную систему до высокой степени совершенства. До того, как великие реки стали магистралями торговли, промышленность или, по крайней мере, сельское хозяйство, должно быть, в какой-то степени процветали. Огромные преимущества, предоставленные этим странам, предполагают, следовательно, у народов, которые ими воспользовались, особое интеллектуальное призвание и даже определенный предшествующий уровень цивилизации. Но из этих особо благоприятных регионов давайте заглянем в другое место.

Когда финикийцы мигрировали с юго-востока, они обосновались на засушливом скалистом побережье, окруженном крутыми и неровными горами. Такое географическое положение, по-видимому, препятствует какой-либо экспансии народа и вынуждает его навсегда оставаться

зависимым от продуктов своего рыболовства в целях пропитания. Самое большее, чего от них можно было ожидать, - это увидеть в них мелких пиратов. Они действительно были пиратами, но в великолепных масштабах; и, более того, они были смелыми и преуспевающими торговцами и спекулянтами. Они повсюду основали колонии, в то время как бесплодные скалы метрополии были покрыты дворцами и храмами богатого и роскошного сообщества. Кто-то скажет, что "сама неблагоприятность внешних обстоятельств вынудила основателей Тира и Сидона стать теми, кем они были. Необходимость - мать изобретательности; их нищета побуждала их к напряжению; если бы они населяли равнины Дамаска, они довольствовались бы мирными продуктами сельского хозяйства и, вероятно, никогда бы не стали прославленной нацией".[78]

И почему нищета не подстегивает другие нации, оказавшиеся в аналогичных обстоятельствах? Кабилы Марокко - древняя раса; у них было достаточно времени для размышлений и, более того, все возможные стимулы для простого подражания; и все же они никогда не представляли себе никакого другого способа облегчить свою жалкую участь, кроме мелкого пиратства. Беспрецедентные возможности для торговли, предоставляемые Индийским архипелагом и группами островов Тихого океана, никогда не использовались местными жителями; все мирные и выгодные отношения были оставлены в руках иностранных народов — китайцев, малайцев и арабов; там, где торговля попадала в руки полукоренного населения или метисов, она немедленно начинала приходить в упадок. Какие выводы мы можем сделать из этих наблюдений, кроме того, что насущных потребностей недостаточно для того, чтобы побудить нацию извлекать выгоду из природных возможностей своих побережий и островов, и что необходимы определенные способности для создания коммерческого государства даже в местах, наиболее приспособленных для этой цели.

Но я не буду довольствоваться доказательством того, что социальные и политические склонности рас не зависят от географических условий, будь то благоприятные или неблагоприятные; более того, я попытаюсь показать, что эти склонности не имеют никакого отношения к каким-либо внешним обстоятельствам. Армяне в своих почти неприступных горах, где так много других народов из поколения в поколение прозябали в состоянии варварства и не имели никакого доступа к морю, достигли, уже в отдаленный период, высокого уровня цивилизации. Евреи оказались в аналогичном положении; они были окружены племенами, говорившими на родственных диалектах и которые, по большей части, были близки им по крови. Тем не менее, они превосходили все эти группы. Они были воинами, земледельцами и торговцами. При правительстве, в котором теократия, монархия, патриархальная власть и народная воля были необычайно сложными и сбалансированными, они пережили столетия процветания и славы. Трудности, которым узкие границы их родовых владений препятствовали их расширению, были преодолены разумной системой эмиграции. Что это был за знаменитый Ханаан? Современные путешественники являются свидетелями кропотливых и хорошо направленных усилий, с помощью которых еврейские земледельцы поддерживали искусственное плодородие своей почвы. Поскольку избранная раса больше не населяет эти горы и равнины, колодцы, из которых пили стада Иакова, пересохли; виноградник Навуфея захвачен пустыней, дворцовые сады Ахава заросли чертополохом. Кем были евреи в этом жалком уголке мира? Народ, ловкий во всем, за что он брался, свободный, могущественный, умный народ, который, прежде чем храбро проиграть в схватке с гораздо более сильным врагом титул независимой нации, предоставил миру почти столько же врачей, сколько купцов.[79]

Давайте посмотрим на Грецию. Аркадия была раем пастуха, а Беотия - любимой землей Цереры и Триптолема, и все же Аркадия и Беотия играют в истории лишь очень незначительную роль. Богатый Коринф, любимец Плута и Венеры, также фигурирует во втором ряду. Кому принадлежит слава греческой истории? В Аттику, чья беловатая песчаная почва давала скудное пропитание хилым оливковым деревцам; в Афины, основная торговля которых заключалась в книгах и статуях. Затем в Спарту, запертую в узкой долине между нагромождениями скал, куда виктори отправилась на ее поиски.

Кто осмелится утверждать, что Рим обязан своей всемирной империей своему географическому положению? В бедном районе Лациум, на берегу крошечного ручья, впадающего в почти неизвестное побережье, куда никогда не причаливали ни греческие, ни финикийские суда, разве что случайно, родилась будущая владычица мира. Как только народы земли подчинились римскому стандарту, политики сочли, что метрополия находится в неподходящем положении, а вечным городом пренебрегли, даже забросили. Первые императоры, будучи в основном заняты Востоком, почти постоянно проживали в Греции. Тиберий выбрал Капрею, центр своей империи. Его преемники отправились в Антиохию. Несколько человек жили в Требии. Наконец, указ лишил Рим самого названия столицы и передал его Милану. Если римляне и завоевали мир, то, несомненно, вопреки местности, откуда выступили их первые армии, а не из-за ее преимуществ.

В современной истории доказательств правильности моей позиции настолько много, что я с трудом знаю, как их выбрать. Я вижу, как процветание покидает берега Средиземного моря, что свидетельствует о том, что оно не зависело от них. Великие торговые города средневековья возникают там, где ни один теоретик предшествующей эпохи не мог их предсказать. Новгород процветает в почти арктическом регионе, Бремен расположен на побережье, почти таком же холодном. Ганзейские города Германии возникают в стране, где цивилизация едва зародилась; Венеция появляется на берегу длинного, узкого залива. Политическое преобладание принадлежит местам, ранее неизвестным. Лион, Тулуза, Нарбонна, Марсель, Бордо теряют значение, придаваемое им римлянами, и Париж становится метрополией — Париж, тогда третьеразрядный городок, слишком далекий от моря для торговли, слишком близкий к нему для нормандских барж. В Италии города, ранее малоизвестные, превосходят столицу пап. Равенна возвышается посреди болот; Амальфи долгое время пользуется обширным владычеством. Следует отметить, что во всех этих изменениях случайность не играет никакой роли: все они являются результатом присутствия победоносной и доминирующей расы. Не место определяет важность нации, именно нация придает этому месту его политическое и экономическое значение.

Я, однако, не отрицаю важности определенных ситуаций для коммерческих складов или для столиц. Наблюдения, сделанные в отношении Александрии и Константинополя, неоспоримы.[80] На нашем земном шаре есть различные точки, которые можно назвать ключами мира. Таким образом, очевидно, что город, построенный на предполагаемом канале, который должен пронзить Дарьенский перешеек, сыграл бы важную роль в мировых делах.

Но с такой стороны нация может действовать хорошо или плохо, или даже не действовать вообще, в зависимости от ее достоинств. Возвеличь Чагрес и позволь двум океанам объединиться под его стенами, судьба города полностью зависела бы от расы, населяющей его. Если эта раса достойна своей удачи, они скоро обнаружат, является ли Чагрес той точкой,

откуда можно извлечь наибольшие выгоды из объединения двух океанов; а если нет, они покинут его и затем, ничем не стесненные, будут развивать свою блестящую судьбу в другом месте.[81]

ГЛАВА VII.

Содержание

ВЛИЯНИЕ ХРИСТИАНСТВА НА МОРАЛЬНОЕ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ РАС.

Рассмотренный термин "христианская цивилизация"—Причины его отклонения—Интеллектуальное разнообразие не препятствует повсеместному распространению христианства—Цивилизующее влияние христианской религии путем возвышения и очищения нравственности и т.д.; Но не устраняет интеллектуальные различия—Различные примеры—чероки—Разницу между имитацией и пониманием цивилизованной жизни.

Из приведенных выше наблюдений мне кажутся ясно установленными два факта: во-первых, что существуют ветви человеческой семьи, неспособные к спонтанной цивилизации, пока они остаются несмешанными; и, во-вторых, что эта врожденная неспособность не может быть преодолена внешними факторами, какими бы могущественными по своей природе они ни были. Теперь остается поговорить о цивилизующем влиянии христианства - теме, которую из-за ее обширности я приберегу напоследок при рассмотрении инструментов цивилизации.

Первый вопрос, который напрашивается на ум мыслящему разуму, является поразительным. Если некоторые расы настолько сильно уступают во всех отношениях, могут ли они постичь истины Евангелия, или они навсегда будут лишены благословения спасения?

В ответ я без колебаний заявляю о своем твердом убеждении, что чертог спасения открыт для всех и что все наделены равной способностью войти в него. Нет недостатка в писателях, придерживающихся противоположного мнения. Они осмеливаются противоречить священному обетованию Евангелия и отрицать особую особенность нашей веры, которая заключается в ее доступности для всех людей. Согласно им, религии ограничены географическими рамками, которые они не могут преступить. Но христианская религия не знает градусов широты или долготы. Едва ли найдется нация или племя, среди которых она не обратила бы в свою веру новообращенных. Статистика — без сомнения, несовершенная, но, насколько она достоверна, — показывает, что они в большом количестве обитают в самых отдаленных частях земного шара: монголы-кочевники в степях Азии, дикие охотники на плоскогорьях Анд; темнокожие уроженцы африканского климата; преследуемые в Китае;[82] подвергнутые пыткам на Мадагаскаре; погибать под плетью в Японии.

Но эту универсальную способность воспринимать свет Евангелия не следует путать, как это часто делается, со способностью совершенно иного характера - способностью к социальному совершенствованию. Это последнее состоит в способности осознавать новые потребности,

которые, будучи удовлетворенными, порождают другие и постепенно приводят к тому совершенству социальной и политической системы, которое мы называем цивилизацией. В то время как первое в равной степени принадлежит всем расам, какими бы ни были их различия в других отношениях, последнее носит чисто интеллектуальный характер и является прерогативой определенных привилегированных групп при частичном или даже полном исключении других.

Что касается христианства, интеллектуальные недостатки не могут быть препятствием для расы. Наша религия обращается к низшим и простым, даже отдавая предпочтение великим и мудрым этой земли. Интеллект и ученость не являются необходимыми для спасения. Самые яркие представители нашей церкви не всегда были среди образованных людей. Славные мученики, которых мы почитаем даже выше искусных и эрудированных защитников догмы или красноречивых панегиристов вере, были людьми, вышедшими из народных масс; людьми, не отличавшимися ни мирской ученостью, ни блестящими талантами, но простыми добродетелями своей жизни, своей непоколебимой верой, своим самопожертвованием. Именно в этом состоит одно из величайших преимуществ нашей религии перед самыми сложными и изобретательными системами, созданными философами, - в том, что она понятна как для самых скромных, так и для самых высоких способностей. Бедный эскимос Лабрадора может быть таким же хорошим и чистым христианином, как самый ученый прелат Европы.

Но теперь мы подходим к ошибке, которая на различных этапах привела к серьезным последствиям. Утилитарная тенденция нашего века делает нас склонными искать, даже в священных вещах, характер материальной полезности. Мы приписываем влиянию христианства определенный порядок вещей, который мы называем *христианской цивилизацией*.

Признаюсь, я сам не могу себе представить, к каким политическим или социальным условиям можно было бы применить этот термин. Несомненно, существует языческая, браминская и буддийская, иудейская цивилизации. Существовали и до сих пор существуют общества, настолько тесно связанные более или менее исключительной теологической формулой, что характерные для них цивилизации могут быть обозначены только названием их вероучения. В таких обществах религия является единственным источником всех политических форм, всего гражданского и социального законодательства; основой всей цивилизации. Этот союз религиозных и светских институтов мы находим в истории каждого народа древности. У каждой страны было свое особое божество, которое оказывало более или менее прямое влияние на правительство,^[83] и от которого, как говорили, непосредственно произошли законы и цивилизация. Только когда язычество начало приходить в упадок, римские политики вообразили разделение светской и религиозной власти, попытавшись объединить различные формы богослужения и провозгласив догму юридической терпимости. Когда язычество было в расцвете сил, в каждом городе были свои Юпитер, Меркурий или Венера, и местное божество не признавало ни в этом, ни в загробном мире никого, кроме соотечественников.

Но с христианством все иначе. Оно не выбирает конкретных людей, не предписывает никакой формы правления, никакой социальной системы. Оно не вмешивается во временные дела, не имеет ничего общего с материальным миром, "царство его - иное". При условии, что ему удастся изменить внутреннего человека, внешние обстоятельства не имеют значения. Если новообращенный горячо принимает веру и во всех своих действиях старается соблюдать ее предписания, это не касается постройки его жилища, покроя его одежды или материалов, из

которых она сшита, его повседневных занятий, правил его правительства, степени деспотизма или свободы, которыми пронизаны его политические институты. Китаец остается в своих одеждах, эскимос - в тюленьих шкурах; первый - со своим рисом, второй - со своим рыбьим жиром; и кто осмелится утверждать, что молитвы обоих не могут дышать такой же чистой верой, как молитвы *цивилизированного* европейца? Ни один способ существования не может вызвать его предпочтения, ни одно, каким бы скромным оно ни было, презрение. Он не нападает ни на одну форму правления, ни на один социальный институт; ничего не предписывает, потому что сам ничего не принял. Она учит не искусству продвижения мирских удобств, она учит презирать их. Что же тогда мы можем назвать христианской цивилизацией? Если бы Христос или его ученики предписывали или даже рекомендовали какие-либо конкретные политические или социальные формы, [84] тогда этот термин был бы применим. Но его закон может соблюдаться при всех — любой природы - и поэтому превосходит их все. Его справедливо и правдиво называют *Католическим*, или *Вселенским*.

А разве христианство, в таком случае, не оказывает цивилизующего влияния? Меня спросят. Несомненно; и очень большое. Его заповеди возвышают и очищают душу и, благодаря своей чисто духовной природе, отвлекают разум от мирских дел и расширяют его возможности. С чисто человеческой точки зрения, материальные блага, которые она приносит своим последователям, неоценимы. Это смягчает манеры и облегчает общение между человеком и его ближними; это смягчает насилие и отучает его от разрушительных пороков. Следовательно, это мощный проводник его мирских интересов. Но это расширяет ум пропорционально восприимчивости ума к расширению. Это не дает интеллекта или талантов, хотя может возвысить и то, и другое и сделать их более полезными. Это не создает новых способностей, хотя и поощряет и развивает те, которые находит. Там, где способности индивида или расы таковы, что допускают улучшение способа существования, они стремятся произвести его; там, где таких способностей еще нет, они их не дают. Поскольку она не принадлежит ни к одной конкретной цивилизации, она не вынуждает нацию менять свою собственную. В конце концов, поскольку это не ставит всех людей на один и тот же интеллектуальный уровень, это также не поднимает все расы на один и тот же ранг в политическом сообществе наций земли. Поэтому неправильно рассматривать равную склонность всех рас к истинной религии как доказательство их интеллектуального равенства. Хотя, приняв это, они по-прежнему будут демонстрировать те же характерные различия и расходящиеся или даже противоположные тенденции. Несколько примеров будет достаточно, чтобы представить мою идею в более ясном свете.

Большая часть индейских племен Южной Америки на протяжении веков принималась в черте церкви, однако европейская цивилизация, с которой они находятся в постоянном контакте, так и не стала их собственной. [85] Чероки, проживающие в северной части того же континента, почти все были обращены методистскими миссионерами. Это меня не удивляет, но я был бы очень удивлен, если бы эти племена, не смешиваясь с белыми, когда-нибудь образовали один из Штатов и оказали какое-либо влияние в Конгрессе. Моравы и датские лютеранские миссионеры на Лабрадоре и в Гренландии открыли глаза эскимосов на свет религии; но их неофиты остались в тех же социальных условиях, в которых они прозябали раньше. Еще более убедительную иллюстрацию дают шведские лапландцы, которые так и не вышли из состояния варварства своих предков, хотя учение о спасении было им проповедано и в него они верили столетия назад.

Я искренне верю, что все эти народы могут произвести и, возможно, уже произвели на свет людей, замечательных благочестием и чистой моралью; но я не ожидаю когда—либо увидеть среди них ученых богословов, великих государственных деятелей, способных военачальников, глубоких математиков или выдающихся художников; любого из тех выдающихся умов, количество и постоянная преемственность которых являются причиной могущества преобладающей расы; тем более тех редких гениев, чье метеоритное появление приносит постоянное благо только тогда, когда их соотечественники так устроены, что способны понимать их и продвигаться под их руководством. направление. Поэтому мы не можем назвать христианство движущей силой цивилизации в узком и чисто материальном смысле некоторых авторов.

Многие из моих читателей, признавая мои наблюдения в основном правильными, возразят, что модифицирующее влияние религии на нравы должно вызывать соответствующую модификацию институтов и, в конечном итоге, всей социальной системы. Распространители Евангелия, скажут они, почти всегда — хотя и не обязательно — принадлежат к нации, более высокоразвитой по сравнению с той, которую они посещают. Таким образом, в личном общении со своими неофитами последние не могут не приобрести новых представлений о материальном благополучии. Даже политическая система может сильно зависеть от отношений между преподавателем и учеником. Миссионер, заботясь о духовном благополучии своей паствы, не будет также пренебрегать их материальными нуждами. Благодаря его учению и примеру дикарь научится обеспечивать себя от голода, возделывая землю. Однажды достигнув такого улучшения в своем состоянии, он вскоре будет вынужден построить себе жилище получше и практиковать некоторые из более простых полезных искусств. Постепенно и путем тщательной тренировки он может приобрести достаточный вкус к вещам чисто интеллектуального характера, выучить алфавит или даже, как в случае с индейцами чероки, изобрести его самостоятельно. Со временем, если труды миссионеров увенчаются успехом, они, возможно, так прочно привьют свои манеры и образ жизни этому некогда дикому племени, что путешественник найдет среди них хорошо возделанные поля, многочисленные стада и, подобно тем же чероки и крикам на южных берегах Арканзаса, черных рабов для работы на их плантациях.

Давайте посмотрим, насколько факты соответствуют этому правдоподобному аргументу. Я выберу две нации, которые упоминаются как наиболее развитые в европейской цивилизации, и их пример, как мне кажется, со всей очевидностью продемонстрирует, насколько невозможно для какой-либо расы сделать карьеру, к которой ее не предназначила их собственная природа.

Говорят, что чероки и крики являются остатками или потомками аллеганской расы, предполагаемых строителей тех великих памятников, следы которых мы до сих пор находим в долине Миссисипи. Если это так, то эти два народа могут претендовать на естественное превосходство над другими племенами Северной Америки.

Лишенные американским правительством своих наследственных владений, они были вынуждены — в соответствии с договором о трансплантации — эмигрировать в регионы, выбранные для них последним. Там они были отданы под надзор военного министра и протестантских миссионеров, которым в конце концов удалось убедить их принять образ жизни, который они сейчас ведут. мистер Причард,^[86] я подтверждаю эти факты, и кто сам черпает их из великой работы мистера Галлатина,^[87] утверждает, что, в то время как все другие индейские

племена постоянно сокращаются, численность этих неуклонно увеличивается. В качестве доказательства этого он утверждает, что, когда Адэр посетил племена чероки в 1762 году, численность их воинов оценивалась в 2300 человек; в настоящее время их общее население составляет 15 000 душ, включая около 1200 негров, находящихся в их владении. Когда мы учитываем, что их школами, а также церквями руководят белые миссионеры; что большее число этих миссионеров — протестантов — вероятно, женаты и имеют детей и слуг, также белых, к тому же, весьма вероятно, что—то вроде свиты клерков и других европейских служащих;— увеличение численности коренного населения становится крайне сомнительным,^[88] хотя легко представить давление белой расы на население. на его зрачках. Окруженные со всех сторон могуществом Соединенных Штатов, несоизмеримым с их воображением; обращенные в религию своих хозяев, которую они, я думаю, искренне приняли; с которыми их духовные наставники обращались доброжелательно и рассудительно; и подвергнутые чередованию работы и голодной смерти на их законтрактованной территории; — я могу понять, что было возможно сделать их землепашцами.

Было бы недооценивать интеллект самого скромного, подлого представителя нашего вида, выражая удивление такому результату, когда мы видим, что, ловко и терпеливо воздействуя на страсти и потребности животных, мы преуспеваем в обучении их тому, чему их никогда не научили бы их собственные инстинкты. Каждая деревенская ярмарка полна животных, обученных выполнять самые странные трюки, и стоит ли удивляться, что люди, подчиненные строгой системе дрессировки и лишенные средств избежать ее, в конце концов должны быть принуждены выполнять определенные механические функции цивилизованной жизни; функции, которые даже в диком состоянии они способны понять, хотя у них и нет желания практиковать их? Это ставило людей ниже по шкале мироздания, чем ученую свинью или собак, играющих в домино мистера Леонарда.^[89] Такое ликование со стороны верующих в равенство рас мало льстит тем, кто его возбуждает.

Я знаю, что это преувеличение интеллектуальных способностей определенных рас в значительной степени вызвано представлениями некоторых очень ученых и выдающихся людей, которые утверждают, что между низшими расами людей и высшими из обезьян существует лишь тень различия. Столь грубое оскорбление человеческого достоинства я с негодованием отвергаю. Конечно, по моей оценке, разные расы очень неодинаково одарены как физически, так и умственно; но мне было бы неприятно думать, что у какой-либо, даже самой деградировавшей, была стерта безошибочная демаркационная линия между человеком и животным. Я не признаю никакого звена градации, которое ментально связывало бы человека с грубым творением.

Но следует ли из этого, что, поскольку низший из человеческих видов все еще безошибочно является человеком, все эти виды способны к одинаковому развитию? Возьмите бушмена, самую отвратительную и глупую из человеческих семей, и путем тщательного обучения вы сможете научить его или, если он уже взрослый, его сына изучать и практиковать какое-либо ремесло, даже такое, которое требует определенной степени интеллекта. Но имеем ли мы право отсюда делать вывод, что нация, к которой принадлежит этот индивид, способна перенять нашу цивилизацию? Существует огромная разница между механическим занятием рукоделием и искусством, продуктами развитой цивилизации, и самой этой цивилизацией. Предположим, что племена чероки были внезапно прерваны всеми связями с американским правительством, путешественник несколькими годами позже обнаружил бы среди них весьма неожиданные и

необычные институты, возникшие в результате их смешения с белыми, но лишь в малой степени напоминающие характер европейской цивилизации.

Мы часто слышим о неграх, разбирающихся в музыке, о неграх, которые работают клерками в конторах, которые умеют читать, писать, говорить, как белые. Мы восхищаемся и приходим к выводу, что негры способны на все, на что способны белые. Несмотря на это восхищение и эти поспешные выводы, мы выражаем удивление контрастом славянской цивилизации с нашей. Мы утверждаем, что русские, поляки, сервишные нации цивилизованны только внешне, что никто, кроме высших классов, не владеет нашими идеями, и это благодаря их смешению с английским, французским и немецким корнями; что массы, напротив, демонстрируют безнадежную неспособность участвовать в поступательном движении Западной Европы, хотя эти массы были христианами на протяжении веков, многие из них в то время, как наши предки были язычниками. Являются ли негры, таким образом, более близкими родственниками нашей расы, чем славянские народы? С одной стороны, мы утверждаем интеллектуальное равенство белой и черной рас; с другой - неравенство между подразделениями нашей собственной расы.

Существует огромная разница между имитацией и пониманием. Имитация цивилизации не обязательно подразумевает искоренение наследственных инстинктов. О *нации* можно сказать, что она приняла цивилизацию, только когда у нее есть силы прогрессировать в ней без каких-либо стимулов и руководства. Вместо того чтобы превозносить интеллект дикарей в обращении с плугом, после того как их покажут; в правописании и чтении, после того как их научат; давайте приведем хотя бы один пример племени в любой из многочисленных стран, контактирующих с европейцами, которое благодаря нашей религии также сделало идеи, институты и нравы европейской нации настолько полностью своими, что вся социальная и политическая машина движется вперед так же легко и естественно, как в наших Штатах. Давайте приведем пример неевропейской нации, среди которой искусство книгопечатания производит эффекты, аналогичные тем, которые оно производит у нас; где предпринимаются попытки нового применения наших открытий; где наши философские системы порождают новые системы; где процветают наши искусства и науки.

Но нет; я буду более умерен в своих требованиях. Я не буду просить эту нацию принять вместе с нашей верой все, из чего состоит наша индивидуальность. Я предположу, что он полностью отвергает его и выбирает что-то совершенно иное, приспособленное к его особому гению и обстоятельствам. Когда глаза этой нации открываются к истинам Евангелия, она понимает, что ее земной путь столь же обременителен и убог, сколь до сих пор была ее духовная жизнь. Теперь оно начинает работу по совершенствованию, собирает свои идеи, которые до сих пор оставались бесплодными, исследует представления других, трансформирует их и приспособливает к своим особым обстоятельствам; фактически, своими силами возводит социальную и политическую систему, цивилизацию, какой бы скромной она ни была. Где есть такая нация? Можно тщетно перелистывать все исторические хроники в поисках единственного примера нации, которая вместе с христианством приняла европейскую цивилизацию или которая — в результате той же грандиозной перемены в своих религиозных идеях — была вынуждена сформировать собственную цивилизацию, если она не обладала таковой ранее.

Напротив, я покажу, что в каждой части мира этнические особенности ни в малейшей степени не стерты принятием христианства. Христианские монгольские и татарские племена ведут ту же беспорядочную жизнь, что и их необращенные братья, и так же отличаются от русских той же

религии, которые возделывают землю или занимаются своим ремеслом среди них, как и столетия назад. Более того, сама расовая вражда переживает принятие общей религии, как мы уже указывали в предыдущей главе. Таким образом, христианская религия не уравнивает интеллектуальные различия рас.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

К

ГЛАВАМ VIII. И IX.

Содержание

Краткий обзор популяций, объединенных под названием "тевтонские", — их нынешнего этнологического ареала и ведущих характеристик — Любви к морю, проявляемой тевтонскими племенами Северо-Западной Европы и заметной у их потомков.

Некоторые идеи, высказанные автором в двух следующих главах, показались составителю аннотации этого тома заслуживающими нескольких замечаний с его стороны, которые неудобно было бы сжать в ограниченном пространстве примечаний. Кроме того, текст и без того достаточно перегружен ими, и любое увеличение их длины или количества не могло не вызывать неприятных ощущений, в то время как это отвлекало бы внимание от основного предмета. Поэтому он взял на себя смелость — возможно, неоправданную — представить свои замечания в такой форме и в таком месте.

Ведущее положение этого тома состоит в том, что цивилизация, возникшая и развитая расой, является наиболее четким показателем ее характера — зеркалом, в котором правдиво отражаются ее основные черты. Другими словами, каждая раса, способная развить цивилизацию, будет развивать цивилизацию, присущую только ей и невозможную для любой другой. Это автор иллюстрирует фактическим состоянием нашей цивилизации, которая, как он утверждает, была порождена тевтонской расой, но видоизменялась пропорционально примеси к этой расе другой крови. Поэтому, чтобы ясно понять его идею и оценить ценность его аргументов, читателю необходимо провести краткий обзор популяций, объединенных под названием *тевтонские*, и изучить нынешнее географическое распространение этой расы. Я попытаюсь сделать это, на самом деле, не вдаваясь в подробное этнологическое исследование — задача, выходящая далеко за рамки моих сил, и надлежащее выполнение которой потребовало бы места, намного превышающего весь этот том, — а просто сгруппировав хорошо известные факты таким образом, чтобы представить идею автора в более ясном свете.

Слова *тевтонский* и *германский* обычно используются как синонимы, и мы не будем отступать от этого обычая. Строгая точность, однако, потребовала бы, чтобы термин "тевтонский" использовался в качестве общего наименования всех тех полчищ северных воинов, которые под разными именами преследовали и, в конце концов, ниспровергли разрастающееся господство древнего Рима, в то время как термин "германский" применялся бы только к части из них. Все северные варвары, как презрительно называли их римляне,

утверждали, что принадлежат к "*Thiudu*", или нации *по преимуществу*, и предполагается, что от этого слова произошел термин "тевтонский". Многие из их потомков до сих пор сохраняют фамилию: *Teutsch* или *Deutsch* (немецкий). Римляне называли их *германцами* от хвастливого титула "воинственные", или "люди войны", который присвоили себе первые вторгшиеся племена. Эти *германцы* римлян были снова разделены на два класса, саксонские племена и свевов; термины, выражающие их образ жизни: первые имели постоянные жилища и огороженные фермы, вторые обрабатывали поля по очереди и были склонны менять свое местожительство. К первому классу относились многие другие племена, помимо тех, которые фигурируют в истории под именем саксов как захватчики и завоеватели Британии. Но поскольку я хочу избежать всех не совсем устоявшихся различий, я буду использовать термины "тевтонский" и "германский" без разбора.

Немцы, по-видимому, во все времена были в высшей степени воинственной и отважной расой. История впервые говорит о них как о воинах, вызывающих тревогу, более того, ужасающих высокомерных римлян, и это не в период зарождения могущества Рима, когда самниты и вольски были грозными противниками, но в самом расцвете его сил, в первом расцвете юношеской зрелости, когда Италия, Испания, часть Галлии, северные побережья Африки, Греция, Сирия и Малая Азия были подчинены республиканскому игу. Затем кимбры и германцы вторглись в Италию и преследовали ее, вселяя страх в владычицу мира.

Затем немцы встречаются с нами в Комментариях Цезаря. Основное сопротивление, которое будущий узурпатор испытал при покорении Галлии, по-видимому, было оказано не галльским населением, а либо германскими племенами, поселившимися в этой стране, либо германскими армиями с правых берегов Рейна, которые жаждали оспорить заманчивый приз у римлян. Великий полководец дважды переходил Рейн, но, вероятно, больше ради блеска такого подвига, чем с надеждой на постоянные завоевания. Временные успехи, достигнутые его императорскими преемниками, были в значительной степени уравновешены массовым уничтожением цветка римских армий.

В конце первых пяти веков после Рождества Христова от великой Римской империи не осталось ничего, кроме руин. Каждая страна Северной, Западной и Южной Европы признавала немецких хозяев. Племена крайнего севера вторглись в Россию и основали там могущественную республику; племена северо-запада (англы и саксы) завоевали Британию; конфедерация южных племен под именем франков завоевала Галлию; различные готские племена востока, герулы, лонгобарды, остготы и т. Д., Подчинили Италии свое оружие и оспаривали между собой ее обладание. Другие готские племена (вестготы, бургунды и вандалы) делили с франками прекрасные земли Галлии или принесли свое победоносное оружие в Испанию и на северные побережья Африки. Три самые красивые и плодородные страны Европы по сей день сохраняют названия своих завоевателей — Англия, Франция, Ломбардия.

В настоящее время невозможно с точностью определить количество немецкой крови в населении различных государств, основанных тевтонскими племенами. Тем не менее, в ходе этого интересного исследования легко получить определенные общие результаты.

Таким образом, мы знаем, что в Германии, несмотря на ее название, ни в коем случае нет чисто германского населения. Свирепые скифские орды, которых Атила повел на опустошительную работу, после смерти своего вождя объединились с различными тевтонскими племенами. Они составляют один из этнических элементов населения Италии, но особенно юга и юго-востока

Германии. Таким образом, в то время как население Северной Германии сравнительно чисто тевтонское, население южной и восточной части представляет собой смесь тевтонских и славянских элементов.

Датчане, шведы и норвежцы, вероятно, самые германские народы континентальной Европы.

В Испании вестготы были в значительной степени поглощены коренным населением, состоящим из коренных кельтиберов и многочисленных римских колонистов. В десятом веке началось смешение восточной крови, принесенной арабскими завоевателями.

Уже во времена падения Рима в Италии жило чрезвычайно смешанное население, втянутое туда всепоглощающим водоворотом Вечного города. На севере германский элемент успел в какой-то мере укорениться; но юг, перейдя в руки византийских императоров, получил приток уже смешанной греческой крови востока.

Галлия во времена франкского завоевания была чрезвычайно густонаселенной страной. Помимо галлов-аборигенов, население состояло из многочисленных римских колонистов. Средиземноморское побережье Галлии с древнейших времен принимало финикийских, карфагенских и греческих поселенцев, которые основали там большие и процветающие города. Первоначальные различия в населении Галлии заметны и по сей день. Германский элемент преобладает на севере, где уже во времена Цезаря германцам удалось основать постоянные поселения, и на северо-востоке, где бургунды почти полностью истребили галльских аборигенов.^[90] Но везде еще,^[91] Германский элемент составляет лишь небольшую часть населения, и это хорошо иллюстрируется поразительным сходством характера современных французов с характером древних галлов. Но, хотя потомки немецких завоевателей значительно уступали им в численности, в течение тысячи лет они были доминирующей расой во Франции. До пятнадцатого века вся высшая знать была франкского или бургундского происхождения. Но после того, как кельтские и кельто-римские провинции к югу от Луары сплотились вокруг молодого короля, чтобы отвоевать свою столицу и лучшие территории у английского врага, франкская кровь стала править с меньшим влиянием на всех высших государственных должностях; и это различие было почти полностью утрачено с приходом к власти первой южной династии, Бурбонов, к концу шестнадцатого века. Соответствующие вариации в национальной политике и внешних проявлениях национального характера г-н Гобино быстро указал в другом месте.^[92]

В то время как население Франции представляет собой столь значительную смесь различных рас и лишь незначительную вливание немецкой крови, население Англии, напротив, почти чисто тевтонское. Коренные жители страны были, по большей части, изгнаны немецкими захватчиками в горные крепости Уэльса, где они по сей день сохраняют свой первоначальный язык. Каждое последующее значительное пополнение населения Англии происходило за счет германской расы. Датчане, а вслед за ними и норманны были племенами того же происхождения, что и саксы, и все они происходили почти из одной и той же части Европы. Следовательно, очевидно, что Англия, даже после нормандского завоевания, когда какое-то время высший и низший классы говорили на разных языках, содержала более однородное население, чем Франция в ту же или любую последующую эпоху. В Англии все, от саксонского йомена до самого гордого нормандского лорда, принадлежали к великой германской расе; во Франции только дворянство, в то время как крестьяне были галлами. Войны между двумя странами являются ярким доказательством различия этих двух рас. Битвы при Кресси, Пуатье и

Азенкуре, которые никогда не будут забыты, пока английская поэзия может находить отклик в сердцах англичан, были выиграны англичанами против значительно превосходящих сил. "Это действительно были победы, - говорит Маколей, - которыми нация может по праву гордиться; ибо они должны быть приписаны моральному превосходству победителей, *превосходству, которое было наиболее поразительным в низших слоях*. Рыцари Англии нашли достойных соперников в рыцарях Франции. Чандос столкнулся с равным противником при Дю Геклене. Но у Франции не было пехоты, которая осмелилась бы противостоять английским лукам и клювам." Кельт, вероятно, никогда не уступал тевтону в доблести; в боевом энтузиазме он превосходит его. Но в то время, когда физическая сила решала исход боя, разница между крепким саксом и маленьким, хрупким, хотя и активным галлом, должно быть, была велика.

В этом кратком и неизбежно несовершенном наброске я попытался показать относительную долю тевтонской крови в населении различных стран Европы. Я попытался привлечь внимание читателя на тот факт, что, хотя она составляет элемент населения всего мира, она существует в совершенной чистоте лишь у немногих и что Англия представляет собой счастливое слияние некоторых из самых выдающихся ветвей немецкой семьи. Если мы теперь взглянем на Соединенные Штаты, мы найдем там — по крайней мере, в первые годы их национального существования — подтверждение тому, что утверждалось об Англии. Элементы населения первоначальных тринадцати штатов были почти исключительно английской, равнинной шотландской, голландской и шведской крови; то есть, определенно германской. Ирландия была тогда еще представлена слабо. Франция внесла лишь незначительный вклад в увеличение численности населения. С тех пор как мы заняли место среди великих держав земли, каждая часть обитаемого земного шара прислала нам свой контингент крови, но даже сейчас большая часть нации принадлежит тевтонской расе.

Много говорилось о последствиях этнического смешения. Многие считают его безусловно полезным, другие - определенно вредным. Мне кажется, это поддается математическому доказательству, что когда очень низшая раса сливается с расой более высокого порядка, соединение, хотя и превосходящее одну, должно быть ниже другой. Следовательно, в этом случае смесь вредна. Но когда смешиваются различные ветви одной и той же расы или почти родственные расы, как в случае с саксами, англами, датчанами и норманнами, это смешение не может не быть полезным. Ибо, хотя ни одно из высших качеств не утрачено, соединение представляет собой удачное сочетание некоторых добродетелей, присущих каждому из них.

Если наша цивилизация унаследовала свой тон и характер от тевтонской расы, как утверждает г-н Гобино, этот характер должен наиболее ярко проявляться везде, где эта раса составляет преобладающий элемент населения.

Прежде чем исследовать этот вопрос, мы должны бросить взгляд на нравы и способы мышления, которые характеризовали эту расу в древнейшие времена. К сожалению, сохранилось очень мало записей, которые помогли бы нам составить суждение. Знаменитый трактат Тацита был, вероятно, скорее воображаемым наброском, который он хотел показать народу, погрязшему в роскоши и пороке, как и его соотечественники. В наше время североамериканских индейцев часто считают образцом неиспорченной простоты, и на эту тему было написано много трогательных романсов, ныне довольно избитых и вышедших из моды. Но хотя благородный римлянин, возможно, сильно раскрасил картину, неподкупная любовь к истине, которая так ярко сияет во всех его работах, убеждает нас в правдивости ее очертаний.

В одном мы не можем сомневаться, а именно в том, что история нигде не показывает нам наших германских предков в том же состоянии варварства, в каком мы находим другие расы — многих американских индейцев, жителей островов Южных морей и других. В древнейшие времена они занимались сельским хозяйством, выращивали рожь, ячмень, овес и пшеницу. У многих племен были обычные фермы, которые были огорожены. Они умели обрабатывать железо - искусство, которому никогда не учились даже самые цивилизованные американские индейцы. У них были обширные и сложные политические отношения, часто они объединялись в обширные конфедерации. Но, прежде всего, они были в высшей степени целомудренным народом; они уважали женщину,^[93] и отводили ей законное место в социальном кругу. Брак у них был священным институтом.

Величайший момент превосходства нашей цивилизации над всеми предшествующими и современными — момент, о котором г-н Гобино умолчал, — это высокое положение, которое женщина занимает в современной структуре общества. Хваленые цивилизации Греции и Рима, если и превосходят другие, то значительно уступают нам в этом отношении. И этим славным превосходством мы обязаны чистым и целомудренным нравам наших предков.

Представительное правление, суд присяжных и все открытия в политической науке, которыми мы гордимся больше всего, являются необходимым развитием их простых институтов, к которым, действительно, можно отчетливо отнести.

Я намеренно выбрал эти две характеристики немецких рас — уважение к женщине и любовь к свободе, или, что более важно, способность устанавливать и сохранять либеральные институты. Теперь вопрос сводится к следующему: занимает ли женщина высшее положение, процветают ли либеральные институты наилучшим образом там, где германская раса наиболее чиста? Я не буду отвечать на этот вопрос, но попрошу читателя сравнить более германские страны с теми, которые менее таковы: Англию, Голландию, Данию, Швецию, Норвегию и Северную Германию с Францией, Испанией, Италией, Грецией и Россией; Соединенные Штаты и Канаду с Мексикой и южноамериканскими республиками.

Г-н Гобино говорит об утилитарном характере германских рас, но не приводит никаких доказательств своего утверждения. Поэтому я постараюсь восполнить этот недостаток.

Те страны, в которых, по данным этнологии, проживает наибольшее количество германского населения, а именно: Англия, северные штаты Европы, включая Голландию, и Соединенные Штаты, держат в своих руках всю торговлю и почти всю мануфактуру всего мира. Они подарили человечеству все великие изобретения, которые проливают вечный свет на нашу эпоху. Им, вместе взятым, принадлежит девять десятых всех железных дорог, построенных в мире, а большая часть оставшейся десятой была построена за счет их предприимчивости и капитала. Какого бы совершенства в полезных искусствах ни достигла одна из этих стран, оно легко усваивается всеми; только медленно, а иногда и никогда никем из других.

С другой стороны, мы обнаруживаем, что вежливые искусства не имеют в этих странах благоприятной почвы. Художники могут стекаться туда и, возможно, собирать золотой урожай; но они редко остаются. Восхищение, которое они получают, чаще всего является простым велением моды. Это правда, что Англия, Дания, Голландия, Швеция и Соединенные Штаты произвели на свет нескольких выдающихся художников, но основная масса населения не проявляет того врожденного вкуса, той страстной любви к искусству, которые мы находим среди

представителей всех слоев общества в Италии, Испании и в некоторой степени во Франции и Южной Германии.

Прежде чем завершить этот поспешный набросок, за который я прошу снисхождения читателя, я хотел бы привлечь внимание к поразительному примеру постоянства этнических характеристик. Нации, которые с наибольшей любовью и успехом обрабатывают соленый майн, - это англичане, американцы, шведы, датчане, голландцы. Несмотря на малочисленность этих последних, они успешно конкурировали в морских открытиях с более крупными нациями и даже сейчас владеют значительными и отдаленными колониальными владениями. Голландцы какое-то время были величайшей морской державой в мире и по сей день ведут обширную и прибыльную торговлю. История говорит нам, что предки этих народов отличались одним и тем же мореходным гением.

Настоящие саксы — захватчики Англии - упоминаются Птолемеем уже в середине второго века как искусные моряки. В четвертом и пятом веках их стали бояться из-за их пиратства. Они и их союзники, англ, первоначально населяли нынешнюю Гольштейн и острова вблизи Балтийского побережья. Их соседи, датчане, были не менее известны морскими подвигами. Их знаменитые викинги до сих пор живут в песнях и сказаниях. Их пиратские набеги и поселения в Англии известны каждому школьнику. История убедительно доказывает, насколько хорошо норманны были знакомы с водной стихией. Они поднялись по Рейну и другим рекам на сотни миль, отметив место своей высадки разрушениями.

Англ, саксы, датчане и норманны, нынешний англичанин и его предприимчивый брат из Массачусетса являются прямыми потомками. Лучшими моряками в нашем торговом флоте, помимо местных моряков, являются датчане и шведы. Нормандия и по сей день поставляет лучшее для французской службы.—X.

ГЛАВА VIII.

Содержание

ЦИВИЛИЗАЦИЯ.

Рассмотрены определения Гизо и В. фон Гумбольдта. Его элементы.

Здесь читатель простит мне непременно отступление. Я почти каждый момент использую термин, включающий в своем обширном значении совокупность идей, которым важно дать точное определение: *цивилизация*. Большая или меньшая степень, в которой этот термин применим к социальному положению различных наций, является моим единственным критерием сравнительных достоинств рас. Я также говорю о *европейской* цивилизации в отличие от других цивилизаций иного характера. Тем более необходимо избегать малейшей расплывчатости, поскольку я нахожусь в неприятной необходимости отличаться от знаменитого писателя, взявшего на себя особую задачу определения значения и полноты этого выражения.

Г-н Гизо в своей "Истории цивилизации современной Европы" использует термин, который, как мне кажется, порождает серьезную путаницу идей и приводит к положительным ошибкам. Он говорит, что цивилизация - это *факт*.

Итак, либо слово "факт" здесь следует понимать в смысле гораздо менее строгом и четком, чем требует обычное употребление, в смысле настолько расплывчатом — я бы даже сказал, эластичном, — который никогда к нему не относился, либо то, что мы понимаем под термином "цивилизация", не может быть выражено словом "факт". Цивилизация - это *нефакт*; это *серия, совокупность фактов*, более или менее логически объединенных и являющихся результатом идей, часто достаточно разнообразных: идеи и факты постоянно воспроизводят друг друга. Цивилизация — это термин, применяемый к определенному состоянию, в котором существует общество, - состоянию, которое является его собственным творением, носит его характер и, в свою очередь, реагирует на него. Это состояние настолько изменчиво по своей природе, что его нельзя назвать фактом; ибо факт не может быть изменчивым, не переставая быть фактом. Другими словами, существует не одна цивилизация: существуют различные виды. Таким образом, цивилизация может процветать при любой форме правления, и она не прекращает свое существование, когда гражданские волнения разрушают или изменяют эту форму.

Пусть это не будет понято так, что я придаю государственным формам малое значение. Их выбор тесно связан с процветанием общества: если он разумный, то способствует его развитию; если непрактичный, то ставит под угрозу его разрушение. Но я говорю здесь не о временном процветании или нищете общества. Я говорю о его цивилизации; и это явление, причины которого следует искать в другом месте и глубже, чем в преходящих политических формах. Его характер, рост, плодовитость или бесплодие зависят от элементарных принципов, имеющих гораздо большее значение.

Но, по мнению г-на Гизо, цивилизация - это факт, единство; и оно носит по существу политический характер. Давайте посмотрим, как он это определяет. Он выбрал ряд гипотез, описывающих общество в различных условиях, а затем спрашивает, является ли описанное таким образом состояние, по общему мнению человечества, состоянием народа, продвигающегося по пути цивилизации, — соответствует ли оно значению, которое человечество обычно придает этому слову.^[94]

"Сначала представьте себе людей, внешние обстоятельства которых легки и приятны; мало налогов; мало лишений; правосудие осуществляется справедливо; одним словом, физическое существование, взятое в целом, регулируется удовлетворительно и счастливо. Но, несмотря на все это, моральная и интеллектуальная энергия этого народа старательно поддерживается в состоянии оцепенения и инертности. Вряд ли это можно назвать угнетением; его тенденция не такого характера — это скорее сжатие. У нас есть примеры такого состояния общества. Существовало огромное количество маленьких аристократических республик, в которых с людьми обращались как со стадом овец, за ними тщательно ухаживали, они были физически счастливы, но без малейшей интеллектуальной и моральной активности. Является ли это цивилизацией? Признаем ли мы здесь народ, находящийся в состоянии морального и социального развития?"

Я не знаю, находится ли такой народ в состоянии прогресса, но он определенно может находиться на очень высоком уровне цивилизации, иначе мы оказались бы вынуждены отнести к дикарям все те аристократические республики древних и современных времен, которые

соответствуют описанию Гизо. Но здравый смысл человечества никогда не одобрил бы метод, который изгнал из пределов цивилизации не только финикийцев, карфагенян и лакедемонян, но даже Венецию, Геную, Пизу, вольные города Германии — фактически, все могущественные муниципалитеты последних столетий. Но, помимо того, что этот способ действий слишком парадоксален и ограничивает, мне кажется, я сталкиваюсь с другой трудностью. Эти маленькие аристократические государства, которым г-н Гизо из-за их формы правления отказывает в склонности к цивилизации, по большей части никогда не обладали особой культурой, присущей им самим. Какими бы могущественными ни были многие из них, в этом отношении они ассимилировались с нациями, управляемыми по-разному, но имеющими кровное родство; они составляли лишь фрагмент более великой и повсеместной цивилизации. Таким образом, карфагеняне и финикийцы, хотя и находились на большом расстоянии друг от друга, имели схожий образ жизни, тип которого следует искать в Ассирии. Итальянские республики разделяли те же идеи и воззрения, которые развивались в недрах соседних монархий. Имперские города Тюрингия и Швабия, хотя и были совершенно независимы с политической точки зрения, тем не менее были тесно связаны с общим прогрессивным или регрессивным движением всей немецкой расы. Г-н Гизо, следовательно, присваивая народам разных стран степени заслуг, пропорциональные степени и форме их свободы, создает неоправданные подразделения внутри одной и той же расы и проводит различия без какого-либо различия. Долгая дискуссия здесь неуместна, и поэтому я продолжу быстро. Однако, если бы потребовалось вступить в полемику, не могли бы мы справедливо протестовать против признания какой-либо неполноценности Генуи, Пизы, Венеции и других стран по сравнению с такими странами, как Милан, Неаполь или Рим?

Г-н Гизо сам предвидел это затруднение и снял возражение. Если он не признает состояние цивилизации среди народа, "мягко управляемого, но находящегося в состоянии сжатия", он также не предоставляет эту прерогативу другому, "чьи внешние обстоятельства менее благоприятны и приятны, хотя и поддаются поддержке, но чьи интеллектуальные и моральные устремления не были полностью проигнорированы; среди которых культивировались чистые и возвышенные чувства, а религиозные и моральные представления достигли определенной степени совершенствования, но среди которых желание свободы было подавлено; где каждому раздается определенная доля истины, но никому не разрешается искать ее самому". Это состояние, до которого доведено большинство населения Азии, потому что теократические правительства там сдерживают прогресс человечества; таково, например, состояние индусов".

Таким образом, помимо аристократических наций земли, мы должны исключить из сферы цивилизации индусов, египтян, этрусков, перуанцев, тибетцев, японцев — нет, даже современный Рим и его территории.

Я опускаю последние две гипотезы, потому что благодаря первым двум состояние цивилизации уже ограничено границами, настолько сжатыми, что едва ли у кого-либо на земном шаре есть основания претендовать на это. Таким образом, нацию можно назвать цивилизованной только тогда, когда она пользуется институтами, удачно сочетающими народную свободу и необходимую силу власти для поддержания порядка; когда ее прогресс в материальном благосостоянии и ее моральное развитие координируются определенным образом, и никаким другим; где религия, так же как и правительство, ограничены точно определенными рамками, которые ни одна из них никогда не преступает; где каждый индивид обладает четко определенными и неотъемлемыми правами. Согласно этой формуле, ни одна нация не может

быть цивилизованной, если ее политические институты не имеют конституционной и представительной формы, и, следовательно, невозможно спасти многие европейские нации от упреков в варварстве. Затем, измеряя *степень* цивилизации совершенством этой же и единственной политической формы, мы вынуждены поставить на второй план все те конституционные государства, которые плохо использовали механизм парламента, и оставить корону исключительно за теми, кто знает, как ею правильно распорядиться. Исходя из этих рассуждений, я вынужден считать по-настоящему цивилизованной, как в прошлом, так и в настоящем, только единственную английскую нацию.[95]

Я искренне уважаю и восхищаюсь этим великим народом, чьи победы, трудолюбие и всемирная торговля не оставили ни одной части нашего земного шара в неведении о его могуществе и чудесах, которые он совершил. Но все же я не чувствую склонности уважать и восхищаться ничем другим в мире: мне показалось бы слишком унижительным и жестоким по отношению к человечеству признаться, что с начала времен ему никогда не удавалось создать цивилизацию где-либо, кроме как на маленьком острове в Западном океане, никогда не открывал законов и форм, которые создают это государство, до правления Вильгельма и Марии. Многим такая концепция цивилизации может показаться чересчур узкой и ограничительной. Но есть и другое возражение. Если мы придадим идее цивилизации политическую форму, разум, наблюдение и наука вскоре потеряют свой голос при решении вопроса, который отныне должен быть оставлен страстям и предрассудкам партий. Найдутся такие, чьи предпочтения заставят их решительно отрицать, что институты Британских островов являются "совершенством человеческого разума": их энтузиазм, возможно, будет израсходован на восхваление порядка, установленного в Санкт-Петербурге или Вене. Опять же, многие, и, возможно, большее число всех живущих между Рейном и Пиренеями, будут до последнего настаивать на том, что, несмотря на некоторые недостатки, самой изысканной, самой цивилизованной страной мира является *прекрасная Франция*. В тот момент, когда решение о степени интеллектуальной культуры становится вопросом предпочтения, вопросом сентиментальности, прийти к пониманию становится невозможным. Каждый будет считать того человека, наиболее продвинутого в цивилизации, который будет совпадать с его взглядами на соответствующие обязанности правящего и управляемых; в то время как те, кому посчастливится с ними не согласиться, будут представлены как люди, отсталые от века, немногим лучше варваров, просто "старые чудаки", чьи органы зрения слишком слабы для ослепительного света эпохи; или же как дерзкие, зажигательные новаторы, желающие разрушить весь установленный порядок и подорвать саму основу цивилизации. Я думаю, мало кто согласится со мной в том, что определение Гизо является ошибочным, а источник, из которого он черпает цивилизацию, - ненастоящим.

Давайте теперь рассмотрим определение барона В. Фон Гумбольдта. "Цивилизация, - говорит этот знаменитый государственный деятель, - это гуманизация наций в их внешних институтах, в их манерах и во внутренних чувствах, от которых они зависят".[96]

Здесь мы сталкиваемся с недостатком, прямо противоположным тому, на который я взял на себя смелость указать в определении Гизо. Формула слишком расплывчата, границы слишком расплывчаты. Если цивилизация заключается в смягчении нравов, то более чем одно необразованное племя, некоторые из которых стоят чрезвычайно низко по шкале рас, может иметь преимущество над несколькими европейскими нациями, в характере которых больше резкости. На островах Южного моря и в других местах есть очень безобидное население с

чрезвычайно мягкими манерами и добрым, покладистым нравом; и все же, хотя мы можем восхвалять их, никому не придет в голову ставить их на ступени цивилизации выше грубых норвежцев или даже свирепых малайцев, которые, одетые в блестящие одежды из собственной ткани и на искусно сконструированных судах собственного изготовления, пересекают индийские моря, являясь в то же время ужасом и бичом морской торговли и ее наиболее преуспевающих приверженцев. Это наблюдение не могло ускользнуть от такого великого ума, как Вильгельм Фон Гумбольдт; и поэтому он воображает, помимо цивилизации, более высокую степень развития, которую он называет *культурой* благодаря которой, как он заявляет, нации получают, помимо своих мягких манер, "*науку и искусства*".^[97] Когда мир достигнет этого более высокого состояния, он будет населен *любящими* и *сочувствующими* существами, очень эрудированными, поэтичными и артистичными, но, по причине того же сочетания качеств, игнорирующими более грубые потребности существования: чуждыми необходимости войны, равно как и необходимости грубого механического труда.

Когда мы размышляем об ограниченном досуге, которым может наслаждаться масса даже тех, чей жребий выпал на долю в самую счастливую эпоху, чтобы предаваться чисто интеллектуальным занятиям, когда мы рассматриваем, какой непрерывной и тяжелой должна быть борьба человека с природой и стихиями за обеспечение простых средств существования, вскоре становится очевидным, что берлинский философ стремился не столько к изображению реальности, сколько к извлечению из области абстракции определенных сущностей, которые казались ему прекрасными и возвышенными, и которые действительно таковыми являются, и к тому, чтобы заставить их действовать и двигаться в сфере столь же идеальной, как они сами. Если какие-либо сомнения все еще остаются в этом отношении, они вскоре рассеиваются, когда мы достигаем кульминационной точки системы, состоящей из третьей и последней ступени, превосходящей две другие. Эта величайшая точка совершенства - та, на которой стоит *законченный* человек (*der Gebildete*); то есть человек, который по своей природе обладает "чем-то более высоким и более внутренним или существенным; ясной и всеобъемлющей способностью видеть все вещи в их истинном свете; признанием и оценкой конечной цели моральных и интеллектуальных устремлений человека, которая гармонично распространяется на все его чувства и его характер".^[98]

Здесь мы имеем правильную градацию от человека в цивилизованном или "очеловеченном" состоянии к человеку культурному — философу, поэту, художнику; и оттуда еще выше к *законченному, совершенному* человеку, достигшему величайшего возвышения, возможного для нашего вида; человеку, который, если я правильно понимаю идею м-ра Гумбольдта, имел своего живого двойника в Гете, как этот возвышающийся ум описывается нам в его олимпийской безмятежности. Эта теория основывается не на чем ином, как на представлении г-на фон Гумбольдта об огромной разнице между цивилизацией нации и сравнительной высотой совершенства, достигнутой великими изолированными индивидуальностями. Это различие настолько велико, что цивилизации, отличные от нашей и, возможно, уступающие ей, породили людей, в некоторых отношениях превосходящих тех, кем мы восхищаемся больше всего.

В этом пункте я полностью совпадаю с великим философом, теорию которого я раскрываю. Совершенно верно, что наше состояние развития — то, что мы называем европейской цивилизацией, — не порождает ни самых глубоких и возвышенных мыслителей, ни величайших поэтов, ни самых искусных художников. И все же я осмелюсь не согласиться с выдающимся филологом в том, что для придания практического значения слову "цивилизация" необходимо

хотя бы на мгновение освободиться от предрассудков или предубеждений, возникающих в результате изучения простых деталей любой конкретной цивилизации. Мы должны брать совокупный результат из целого и не делать необходимых условий ни слишком малыми, как в случае с человеком первой ступени, которого я упорно не признаю цивилизованным только потому, что у него мягкие манеры; ни слишком многочисленными, как в случае с мудрецом третьей ступени, ибо тогда развитие человеческих способностей было бы ограничено несколькими индивидуумами и приводило бы к результатам чисто изолированным и типичным.

Система барона фон Гумбольдта, однако, делает честь той изысканной и великодушной чувствительности, той величественной возвышенности, которая была доминирующей характеристикой этого великого ума; и по своей чисто абстрактной природе ее можно сравнить с хрупкими мирами философии браминов. Рожденные из мозга дремлющего бога, они поднимаются в воздух подобно радужным пузырькам, которые ребенок выдувает из пены, лопаясь и сменяя друг друга, как сны, которые забавляют небесного спящего.

Но характер моих исследований позволяет мне не предаваться простым абстракциям, какими бы блестящими и привлекательными они ни были; я должен приходить к результатам, осязаемым для практического смысла и обычного опыта. Я не желаю, подобно Гизо, исследовать условия, более или менее благоприятные для процветания обществ, и, подобно г-ну Вильгельму Фон Гумбольдту, не спекулирую на изолированном возвышении индивидуального интеллекта; моя цель - охватить, если возможно, совокупную силу, как моральную, так и материальную, которая развита в огромных массах людей. Не без трепета вступаю я на путь, на котором заблудились двое из самых почитаемых людей нашего столетия; и чтобы избежать ошибок, в которые они впали, я перейду к первым принципам и дам определение цивилизации, сначала исследовав, из каких причин она возникает. Итак, если читатель будет терпеливо и внимательно следовать за мной по лабиринтам, в которые я вынужден вступать, я постараюсь пролить как можно больше света на этот, по сути своей, темный и заумный предмет.

Нет такого деградировавшего, такого жестокого человека, в котором не проявлялся бы двойной инстинкт, если мне будет позволено так его назвать: инстинкт, побуждающий к удовлетворению материальных потребностей, и инстинкт, ведущий к более высоким устремлениям. Степень интенсивности любого из этих двух инстинктов является первым и основным показателем различий между расами. Ни в одном из них, даже в самых низших племенах, эти два инстинкта не уравновешены в точности. У одних преобладают физические потребности или животные наклонности; у других они подчинены спекулятивным тенденциям — тяге к абстрактному, сверхъестественному. Таким образом, низшая из желтых рас, как мне кажется, находится скорее во власти первого, физического инстинкта, не будучи, однако, абсолютно лишенной всякой способности к абстракциям. Напротив, у большинства черных рас соответствующего ранга привычки менее активны, чем у задумчивых; воображение там придает большую ценность вещам невидимого мира, чем вещам видимого. Отсюда я не делаю никакого вывода о превосходстве этих последних рас в способности к цивилизации над первыми, поскольку история показывает, что обе они в равной степени невосприимчивы к ее достижению. Столетия, тысячи лет прошли без того, чтобы кто-либо из них сделал что-либо для улучшения своего положения, потому что они никогда не были в состоянии связать достаточное количество идей с таким же количеством фактов, чтобы начать движение прогресса. Я хочу

просто привлечь внимание к тому факту, что даже среди низших рас мы находим этот двойной поток по-разному составленным. Теперь я прослежу восходящую шкалу.

Выше самоедов, с одной стороны, и фидов и пелагианских негров - с другой, мы должны поставить те племена, которые не довольствуются простой хижинной из веток и социальными условиями, основанными только на силе, но которые способны понимать и стремиться к лучшему положению. Они на одну ступень выше самых варварских.

Если они принадлежат к первой категории рас — к тем, кто действует больше, чем думает, среди которых материальная склонность преобладает над абстрактной, — их развитие проявится в большем совершенстве их орудий труда и войны, в большей тщательности и мастерстве в их украшениях и т.д. В правительстве воины будут иметь приоритет над священниками; в своих отношениях с другими людьми они будут демонстрировать определенные способности и готовность к торговле людьми. Их войны, хотя и по-прежнему характеризующиеся жестокостью, будут происходить скорее из жажды наживы, чем из простого удовлетворения мстительных страстей. Одним словом, материальное благополучие, физические наслаждения будут главным стремлением каждого человека. Я нахожу, что эта картина реализована среди нескольких монгольских рас, а также, в некоторой степени, среди кичуа и азмара в Перу.

С другой стороны, если они принадлежат ко второй категории — к тем, у кого преобладает склонность к спекулятивному, абстрактному, — материальным интересам будет уделяться меньше внимания; влияние священников будет преобладать в правительстве; фактически, мы наблюдаем полную противоположность вышеописанному состоянию. Дагомейцы в Западной Африке и Кафры на юге являются примерами этого государства.

Оставляя те расы, тенденция к прогрессу которых недостаточно сильна, чтобы позволить им распространить свое влияние на огромные массы людей,^[99] мы переходим к расам более высокого порядка, в которых эта тенденция настолько сильна, что они способны включать в сферу своего действия всех, с кем они вступают в контакт. Они вскоре прививают свою собственную социальную и политическую систему огромным массам людей и навязывают обширным странам господство той комбинации фактов и идей — более или менее согласованных, - которую мы называем *цивилизацией*. Среди этих рас, опять же, мы находим то же различие, то же разделение, на которое я уже указывал в отношении представителей низших рас — в одних преобладает спекулятивная, в других - более материально активная тенденция. Действительно, только среди этих рас это различие имеет важные последствия и отчетливо заметно. Когда племя, объединив в себе огромное множество людей, становится народом, основывает обширное владычество, мы обнаруживаем, что эти два течения или тенденции увеличиваются в силе в соответствии с характером населения, которое вступает в объединение, и там смешиваются. Какие бы тенденции ни преобладали среди этих групп населения, они пропорционально изменяют характер целого. Более того, следует отметить, что в различные периоды жизни народа и в строгом соответствии со смешением крови и различных элементов колебания между двумя тенденциями становятся более сильными, и может случиться, что их относительное соотношение совершенно меняется; что одна из них, поначалу второстепенная, со временем становится преобладающей. Результаты такой мобильности важны, поскольку они ощутимым образом влияют на характер цивилизации и ее стабильность.^[100]

Для простоты я буду различать две категории рас по обозначениям, выражающим преобладающую в них тенденцию, и буду называть их соответственно: *спекулятивными* или *утилитарными*.^[101] Как я уже отмечал ранее, эти термины не подразумевают ни похвалы, ни порицания. Я использую их просто для удобства, чтобы обозначить ведущую характеристику, не выражая тем самым полного отсутствия другой. Таким образом, наиболее утилитарная из спекулятивных рас была бы очень близка к наиболее спекулятивной из утилитаристских. Во главе утилитарной категории, как ее типа, я ставлю китайцев; во главе другой категории, как ее тип, я ставлю индусов. Рядом с китайцами я бы поставил большинство населения древней Италии, первых римлян времен республики и германские племена. С другой стороны, среди умозрительных рас я бы поставил их рядом с индусами, египтянами и народами Ассирийской империи.

Я уже говорил, что колебания двух принципов или тенденций иногда приводят к преобладанию одного, который раньше был подчиненным, и таким образом меняется характер цивилизации. Незначительные изменения представлены в истории почти каждого народа. Таким образом, даже материалистическая утилитарная тенденция китайцев была несколько изменена их слиянием с племенами другой крови и другой тенденцией. На юге, особенно в Юньнани, где преобладало это население, жители гораздо менее настроены исключительно на утилитарность, чем на севере, где китайский элемент более чистый. Если эта примесь крови произвела столь незначительные изменения в гении этой огромной нации, что ее воздействие прекратилось или становится заметным лишь чрезвычайно медленно, то это потому, что ее количество было чрезвычайно малым по сравнению с утилитарным населением, которым она была поглощена.

В настоящее население Европы германские племена привнесли сильную утилитарную тенденцию, и на севере она постоянно пополнялась новыми представителями того же этнического элемента; но на юге (за некоторыми исключениями, например, в Пьемонте и на Севере Испании) германский элемент составляет не столь значительную долю от общей массы, и утилитарная тенденция там была перевешена противоположным гением коренного населения.

Среди умозрительных рас мы выделили индусов. Они в высокой степени наделены склонностью к сверхъестественному, абстрактному. Их характер скорее медитативный, чем активный и практичный. Поскольку их древние завоевания включали в себя расы со схожим характером, утилитарный элемент никогда не преобладал в достаточной степени, чтобы добиться решающих результатов. Таким образом, хотя их цивилизация достигла высокой степени совершенства в других отношениях, она сильно отстала во всем, что способствует материальному комфорту, во всем, что является строго полезным и практичным.

Рим, поначалу строго утилитарный, постепенно менял свой характер по мере слияния с греческими, азиатскими и африканскими элементами, и когда это этническое наводнение поглотило древнее утилитарное население, практический характер Рима был утрачен.

Из рассмотрения этих и подобных фактов я прихожу к выводу, что вся интеллектуальная или моральная деятельность является результатом совместного действия и взаимной реакции этих двух тенденций и что социальная система может достичь такого развития, которое дает ей право называться цивилизацией, только у рас, которые в высокой степени обладают любой из двух, не испытывая слишком большого недостатка в другой.

Теперь я перехожу к рассмотрению других моментов, также заслуживающих внимания.

ГЛАВА IX.

Содержание

ЭЛЕМЕНТЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ —ПРОДОЛЖЕНИЕ.

Определение термина—Специфические различия цивилизаций—индуистская, китайская, европейская, греческая и римская цивилизации—Универсальность китайской цивилизации—Поверхностность нашей—Картина социального положения Франции.

Когда племени, движимому более сильными инстинктами, чем его соседи, удастся собрать до сих пор разрозненные фрагменты в компактное целое, тем самым дается первый толчок прогрессу, закладывается краеугольный камень цивилизации. Но для достижения больших и долговременных результатов простого политического перевеса недостаточно. Господствующая раса должна знать, как завладеть чувствами собранных ею масс, ассимилировать их индивидуальные интересы и сконцентрировать их энергию на тех же целях. Когда различные элементы, составляющие нацию, таким образом смешиваются в более или менее однородную массу, определенные принципы и способы мышления становятся общими и образуют стандарт, вокруг которого все спланивается. Однако эти принципы и способы мышления не могут быть навязаны произвольно и должны быть результатом ранее существовавших чувств и желаний и в основном соответствовать им.^[102] Они будут характеризоваться утилитарной или спекулятивной тенденцией, в зависимости от степени преобладания того или иного инстинкта в составляющих элементах нации.

Эта гармония взглядов и интересов является первым необходимым условием цивилизации; второе - стабильность, которая является естественным следствием первого. Общие принципы, на которых зиждется политическая и социальная система, основанные на общих для всех инстинктах, всеми воспринимаются с самым нежным почтением и, как твердо верят, являются вечными. Чем чище остается раса, тем консервативнее она будет в своих институтах, ибо ее инстинкты никогда не меняются. Но примесь чужой крови вызывает соответствующие изменения в национальных идеях. Новички привносят инстинкты и представления, которые не были учтены в общественном здании. Таким образом, изменения становятся необходимыми, и они часто благотворны, особенно в период молодости общества, когда новые этнические элементы еще не приобрели чрезмерного преобладания. Но по мере того, как империя увеличивается и включает в себя элементы все более и более разнородные, изменения становятся все более радикальными и не всегда к лучшему. Наконец, по мере исчезновения инициативного и консервативного элемента различные части нации больше не объединяются общими инстинктами и интересами; первоначальные институты не приспособлены к их нуждам; внезапные и тотальные преобразования становятся обычным делом, и тщетный призрак стабильности преследуется путем бесконечных экспериментов. Но, колеблясь таким образом между конфликтующими интересами и ежечасно меняя свою цель, нация воображает, что продвигается к некой воображаемой цели совершенства. Твердо убежденный в собственной

вечности, он твердо придерживается доктрины, которую опровергают его повседневные действия, о том, что одной из главных черт цивилизации является богоподобная неизменность. И хотя каждый день приносит новое недовольство и новые перемены, столь же бесполезные, дневные опасения успокаиваются ожиданиями завтрашнего дня.

Я уже говорил, что условиями, необходимыми для развития цивилизации, являются объединение больших масс и стабильные институты, возникающие на основе общих взглядов и интересов. Общительные наклонности человека и менее благородные качества его натуры довершают остальное. В то время как первые приводят его к тесным и разнообразным связям с ближними, вторые порождают постоянные соперничества и соперничество. В большом сообществе сильного кулака уже недостаточно для обеспечения защиты и выделения отличия, и ресурсы разума находят применение и развиваются. Интеллект постоянно ищет и находит новые области для приложения усилий, либо в областях абстрактного, либо в материальном мире. По его результатам в том и другом мы распознаем развитое состояние общества. Наиболее распространенный источник ошибок при оценке иностранных наций заключается в том, что мы склонны смотреть только на внешние проявления их цивилизации, и поскольку в этом отношении их цивилизация не похожа на нашу, мы поспешно заключаем, что они варвары или, по крайней мере, значительно уступают нам. Вывод, сделанный из таких предпосылок, должен быть очень поверхностным, и поэтому к нему следует относиться с осторожностью.

Я полагаю, что теперь я готов выразить свое представление о цивилизации, определив ее как

Состояние сравнительной стабильности, при котором большое количество людей стремятся мирными средствами удовлетворить свои потребности и усовершенствовать свой интеллект и манеры.

Это определение включает в себя, без исключения, все нации, которые я упомянул как цивилизованные. Но, поскольку у этих наций мало общего, напрашивается вопрос: не стремятся ли все цивилизации к одним и тем же результатам? Я думаю, что нет; ибо, поскольку нации, призванные к благородной задаче создания цивилизации, наделены утилитарными и спекулятивными наклонностями в различной степени и пропорциях, их пути неизбежно должны лежать в очень разных направлениях.

Каковы материальные потребности индуса? Рис и масло для его питания и кусок хлопчатобумажной ткани для его одежды. Эта воздержанность также не может быть объяснена климатом, поскольку уроженец Тибета под гораздо более суровым небом проявляет те же качества. У этих народов в значительной степени преобладает способность к воображению, их интеллектуальные усилия направлены на абстракции, и поэтому плоды их цивилизации редко носят практический или утилитарный характер. Великолепные храмы высекаются из гор цельного камня ценой труда и времени, которые ужасают воображение; возводятся гигантские сооружения; — и все это в честь богов, в то время как для блага человека ничего не делается, если только это не гробницы. Рядом с чудесами, сотворенными резцом скульптора, мы восхищаемся законченными шедеврами литературы, полной энергии, столь же изобретательной и утонченной в теологии и метафизике, столь же прекрасной в своем разнообразии: в умозрительных попытках человеческая мысль без трепета нисходит на неизмеримые глубины; ее лирическая поэзия вызывает восхищение всего человечества.

Но если мы оставим область идеалистических мечтаний и поищем изобретения, имеющие практическую ценность, и науки, которые являются их теоретической основой, мы обнаружим прискорбный недостаток. С ослепительной высоты мы внезапно оказываемся низвергнутыми в глубокую и мрачную пропасть. Полезные изобретения редки, носят мелкий характер и, будучи запущенными, остаются безрезультатными. В то время как китайцы много наблюдали и изобрели, индусы изобрели лишь немного, и об этом малом не позаботились; греки также оставили нам много информации, но мало достойной их гения; и римляне, однажды достигнув кульминационной точки своей истории, больше не могли добиться какого-либо реального прогресса, поскольку азиатская примесь, в которую они были поглощены с удивительной быстротой, породила население, неспособное к терпеливому и кропотливому исследованию суровых реалий. Однако их административный гений, их законодательство и полезные памятники, которыми они снабдили почву своих территорий, в достаточной степени свидетельствуют о практическом характере, который в свое время был в высшей степени характерен для этого народа; и доказывают, что, если бы Юг Европы не был так быстро наводнен колонистами из Азии и Севера Африки, позитивная наука выиграла бы, и германским расам оставалось бы сделать меньше, что впоследствии придало ей новый импульс.

Германские завоеватели пятого века обладали инстинктами, сходными с китайскими, но более высокого порядка. Хотя они обладали утилитарной тенденцией столь же сильно, если не сильнее, они обладали, в то же время, гораздо большим даром спекулятивного. Их характер представлял собой счастливое сочетание этих двух основных движущих сил деятельности. Где бы ни преобладала тевтонская кровь, утилитарная тенденция, облагороженная спекулятивностью, безошибочна. В Англии, Северной Америке и Голландии эта тенденция господствует над всеми другими национальными инстинктами. Так обстоит дело, в меньшей степени, в Бельгии и даже на Севере Франции, где все, что может быть применено на практике, понимается с удивительной легкостью. Но по мере того, как мы продвигаемся дальше на юг, эта предрасположенность становится менее очевидной и, наконец, совсем исчезает. Мы не можем приписать это действию солнца, поскольку пьемонтцы живут в гораздо более теплом климате, чем провансальцы и жители Лангедока; это влияние крови.

Ряд спекулятивных рас, или тех, которые стали таковыми вследствие смешения, занимает большую часть земного шара, и это наблюдение особенно применимо к Европе. За исключением тевтонской семьи и части славянства, все остальные группы в нашей части света лишь в малой степени наделены способностью к полезному и практичному; или, уже сыграв свою роль в мировой истории, не смогут возобновить ее. Все эти расы, от галлов до кельтиберов и далее до разнородных соединений италийского населения, представляют собой нисходящую шкалу с утилитарной точки зрения. Не то чтобы они были лишены всех качеств, присущих этой тенденции, но им не хватает некоторых из самых существенных.

Союз германских племен с расами древнего мира, привитие сильного утилитарного принципа идеям этого пестрого соединения породили нашу цивилизацию; богатство, разнообразие и плодovitость нашего культурного уровня являются естественным результатом сочетания стольких различных элементов, каждый из которых внес свою лепту и которые благодаря практической энергии наших германских предков удалось объединить в более или менее гармоничное целое.

Везде, где простирается наше цивилизационное состояние, оно характеризуется двумя чертами; первая - население содержит большую или меньшую примесь тевтонской крови; вторая - оно христианское. Однако эта последняя черта, как я уже говорил ранее, хотя и является наиболее очевидной и поразительной, ни в коем случае не является существенной, потому что многие народы являются христианами, и многие другие могут стать таковыми, не участвуя в нашей цивилизации. Но первая черта положительная, решающая. Там, куда не проник германский элемент, наша цивилизация не может процветать.[\[103\]](#)

Это подводит меня к исследованию серьезного и значимого вопроса: "Можно ли утверждать, что все европейские нации действительно и полностью цивилизованны?" Проникают ли идеи и факты, всплывающие на поверхность нашей цивилизации, в основу нашей социальной и политической структуры и черпают ли свою жизненную силу из этого источника? Соответствуют ли результаты этих идей и фактов инстинктам, тенденциям масс? Или, другими словами, придерживаются ли низшие слои нашего населения того же направления мыслей и действий, что и высшие, — того направления, которое мы можем назвать духом или гениальностью нашего прогрессивного движения?

Чтобы прийти к истинному и непредвзятому решению этого вопроса, давайте рассмотрим другие цивилизации, отличные от нашей, а затем проведем сравнение.

Сходство взглядов и идей, единство цели, которые характеризовали всю совокупность граждан греческих государств в блестящий период их истории, вызывают справедливое восхищение. По каждому существенному вопросу мнения каждого человека, хотя и часто противоречивые, были, тем не менее, взяты из одного источника, проистекали из одних и тех же общих взглядов и чувств; люди могли отличаться в политике, один желал более олигархического, другой - более демократического правления; или они могли отличаться в религии, один предпочитал элевсинскую Цереру, другой - Минерву Парфенона; или в вопросах вкуса кто-то мог предпочесть Эсхила Софоклу, Алкея Пиндару. По сути, все спорящие придерживались одних и тех же взглядов и идей, идей, которые вполне можно было бы назвать национальными. Вопрос заключался в степени, а не в виде.[\[104\]](#)

Рим до Пунических войн представлял собой то же зрелище; цивилизация страны была единообразной и охватывала всех, от господина до раба.[\[105\]](#) Возможно, не все участвовали в нем в одинаковой степени, но все участвовали в нем и ни в каком другом.

Но в Риме после Пунических войн и в Греции вскоре после Перикла, и особенно после Филиппа Македонского, этот характер однородности начал исчезать. Большее смешение наций породило соответствующее смешение цивилизаций, и образовавшееся таким образом соединение превзошло по разнообразию, элегантности, утонченности и образованности древний образ культуры. Но у него было то серьезное неудобство, как в Элладе, так и в Италии, что он принадлежал исключительно высшим классам. Его природа, его достоинства, его тенденции игнорировались низшими слоями населения. Возьмем римскую цивилизацию после азиатских войн. Это был грандиозный памятник человеческого гения. Она имела космополитический характер: риторы Греции привнесли в нее трансцендентальный дух, юристы и публицисты Сирии и Александрии создали кодекс атеистических, уравнилельных и монархических законов — каждая часть империи предоставила в общее хранилище некоторую часть своих идей, своих наук и своего характера. Но кого охватила эта цивилизация? Людей, занятых в государственном управлении или крупных финансовых предприятиях, людей богатых

и праздных. Массам просто подчинились, а не приняли. Население Европы ничего не понимало в этом азиатском и африканском вкладе в цивилизацию; жителей Египта, Нумидии или Азии в равной степени не интересовало то, что приходило из Галлии и Испании, стран, с которыми у них не было ничего общего. Но небольшое меньшинство римского народа стояло на вершине и, обладая секретом, ценило его. Остальные, те, кто не принадлежал к богатой и высокопоставленной аристократии, сохранили цивилизацию, свойственную стране их рождения, или, возможно, вообще не имели таковой. Таким образом, перед нами пример великой и высокоразвитой цивилизации, господствующей над бесчисленными миллионами людей, но основывающей свое господство не на их желаниях или убеждениях, а на их истощении, их слабости, их апатии.

Совсем иное зрелище представлено в Китае. Безграничная территория этой империи действительно включает в себя несколько заметно отличающихся друг от друга рас, но я буду говорить сейчас только о национальной расе, собственно китайцах. Один дух одушевляет все это огромное множество, которое исчисляется сотнями миллионов. Что бы мы ни думали об их цивилизации, восхищаемся ли мы или осуждаем принципы, на которых она основана, результаты, к которым она привела, и направление, которое она принимает, мы не можем отрицать, что она пронизывает все слои общества, что каждый индивид принимает в ней определенное и разумное участие. И это не потому, что страна свободна в нашем смысле этого слова: не существует демократического принципа, который законом гарантировал бы каждому положение, которого могут достичь его усилия, и таким образом побуждал бы его к активным действиям. Нет, я отбрасываю все утопические картины. Крестьянин и человек среднего класса в Поднебесной не более уверены в возвышении только за счет своих собственных заслуг, чем где-либо еще. Это правда, что теоретически общественные почести являются исключительно наградой за заслуги, и каждому разрешается предлагать себя в качестве кандидата;[106] но хорошо известно, что на самом деле семьи крупных функционеров монополизируют все прибыльные должности, и что академические дипломы часто стоят больше денег, чем усилия по обучению. Но разочарованные или безнадёжные амбиции никогда не приводят владельца к мысли о другой системе; цель реформатора - исправить недостатки существующей организации, а не заменить ее другой. Массы могут стонать от бед и злоупотреблений, но вина возлагается не на социальную и политическую систему, которая для них является объектом безоговорочного восхищения, а на лиц, на чью заботу возложено выполнение ее обязанностей. Глава правительства или его функционеры могут стать непопулярными, но сама форма правления - никогда. Очень примечательной особенностью китайцев является то, что среди них начальное обучение настолько универсально; оно распространяется на классы, которые, как мы предполагаем, вряд ли в нем нуждаются. Дешевизна книг, огромное количество и низкая стоимость обучения в школах позволяют даже самым бедным приобретать элементарные знания, такие как чтение и письмо.[107] Законы, их дух и тенденции хорошо известны и понятны всем слоям населения, и правительство гордится тем, что содействует изучению этой полезной науки.[108] Инстинкт масс решительно отвергает любые политические потрясения. Мистер Дэвис, который был уполномоченным Его Величества в Китае и который изучал его дела с усердием человека, заинтересованного в их хорошем понимании, говорит, что характер народа нельзя лучше выразить, чем назвав его "нацией стойких консерваторов".[109]

Таким образом, здесь мы имеем самый разительный контраст с цивилизацией Рима в ее последние дни, когда правительственные изменения происходили в устрашающе быстрой последовательности, вплоть до прихода народов севера. В каждой части этой огромной

империи были целые народы, которые не были заинтересованы в сохранении установленного порядка и всегда были готовы поддержать самые безумные планы, пуститься в любое предприятие, которое, казалось, сулило выгоду или было представлено в соблазнительных красках каким-нибудь амбициозным демагогом. В течение этого долгого периода в несколько столетий ни одна схема не осталась неиспробованной: собственность, религия, святость семейных отношений - все было поставлено под сомнение, и новаторы в каждой части империи находили множество людей, всегда готовых претворить свои теории в жизнь силой. Ничто в греко-римском мире не опиралось на прочную основу, даже имперское единство, столь необходимое, казалось бы, для простого самосохранения такого состояния общества. Не только армии с их роем *импровизаторов* цезарей взяли на себя задачу поколебать этот палладиум национальной безопасности; сами императоры, начиная с Диоклетиана, так мало верили в монархию, что охотно проводили эксперимент с дуализмом в правительстве и в конце концов обнаружили, что четверо одновременно - не слишком много для управления империей.^[110] Я повторяю, ни один институт, ни один принцип не был устойчив в том жалком состоянии общества, которое продолжало сохранять какую-то внешнюю форму только из-за физической невозможности принять какие-либо другие, пока люди севера не пришли помочь в его разрушении.

Таким образом, между этими двумя великими обществами - Римской империей и Китайской - мы наблюдаем наиболее полный контраст. Говоря о цивилизации Восточной Азии, я могу упомянуть цивилизацию Индии, Тибета и других частей Центральной Азии, которая в равной степени универсальна и распространена среди всех рангов и классов. Как в Китае существует определенный уровень информации, которого достигают все, так и в Индостане каждый одушевлен тем же духом; каждый индивид точно знает, что его каста требует от него учиться, думать, верить. Среди буддистов Тибета и плоскогорья Азии нет ничего более редкого, чем встретить крестьянина, не умеющего читать, и там у всех одинаковые убеждения по важным вопросам.

Обнаруживаем ли мы подобную однородность в европейских нациях? Вряд ли стоит задавать этот вопрос. Даже греко-римская империя не представляет столь странных несоответствий или столь разительных контрастов, какие можно найти у нас; не только среди различных национальностей Европы, но и в недрах одного и того же суверенитета. Я не буду говорить о России и государствах, образующих Австрийскую империю; демонстрация моей позиции была бы там слишком поверхностной. Давайте обратимся к Германии; к Италии, в частности, к Южной Италии; к Испании, которая, хотя и в меньшей степени, представляет аналогичную картину; или к Франции.

Я выбираю Францию. Разница нравов в различных частях этой страны поражает даже самого поверхностного наблюдателя, и уже давно было замечено, что Париж отделен от остальной Франции демаркационной линией, настолько четкой и точно очерченной, что у самых ворот столицы находится нация, совершенно отличная от той, что находится за городскими стенами. Ничто не может быть более правдивым: те, кто придает нашему политическому единству идею схождения мыслей, характеров, в конце концов, национальности, находятся в большом заблуждении. Нет ни одного принципа, управляющего обществом и связанного с нашей цивилизацией, который понимался бы одинаково во всех наших ведомствах. Я говорю здесь не только об особенностях, которые характеризуют уроженцев Нормандии, Бретани, Анжуйи, Лимузена, Гаскони, Прованса. Каждый знает, как мало похожи эти различные популяции,^[111] и

как они различаются по своим тенденциям и способам мышления. Я хочу обратить внимание на тот факт, что в то время как в Китае, Тибете, Индии наиболее важные идеи, на которых основана цивилизация, являются общими для всех классов, в них участвуют все, у нас это ни в коем случае не так. Самые зачатки наших знаний, самая элементарная и наиболее общедоступная их часть, остаются непроницаемой тайной для нашего сельского населения, среди которого лишь немногие люди знакомы с чтением и письмом. Это происходит не из—за нехватки возможностей - это происходит потому, что этим приобретениям не придается никакой ценности, потому что их полезность не воспринимается. Я говорю на основании моих собственных наблюдений и наблюдений людей, которые располагали достаточными возможностями и использовали обширную информацию и здравый смысл для решения задачи расследования. Правительство предприняло самые похвальные усилия, чтобы исправить это зло, поднять крестьянство из пучины невежества, в которой оно прозябает. Но самые мудрые законы и самые тщательно просчитанные институты оказались несостоятельными. Самая маленькая деревня предоставляет широкие возможности для общего образования; даже взрослый человек, когда его по призыву отправляют в армию, находит в полковых школах все возможности для приобретения самых необходимых знаний. Прибегают к принуждению — каждый, кто жил в провинции, знает, с каким успехом. Родители отправляют своих детей в школу с нескрываемым отвращением, ибо они сожалеют о потраченном таким образом времени как о потраченном впустую, и поэтому охотно хватаются за самый пустяковый предлог, чтобы отозвать их, и никогда не позволяют им превышать установленный законом срок посещения занятий. Как только молодой человек заканчивает школу или солдат отслужил свой срок, они спешат забыть то, чему их заставляли учиться и чего они искренне стыдятся. После этого они навсегда возвращаются к местному *наречию* ^[112] места своего рождения и притворяются, что забыли французский язык, что, на самом деле, слишком часто оказывается правдой. Это болезненный вывод, но к которому меня привели многочисленные и тщательные наблюдения, а именно, что все щедрые частные и общественные усилия по обучению нашего сельского населения абсолютно тщетны и не могут привести ни к чему, кроме как к внешнему соблюдению. Их не интересуют знания, которые мы хотим им дать — они их не получают, и это не из-за простой небрежности или апатии, а из чувства позитивной враждебности к нашей цивилизации. Это поразительное утверждение, но я еще не привел всех доказательств в его поддержку.

В тех частях страны, где рабочие классы заняты главным образом на мануфактурах, и в больших городах рабочих легко заставить научиться читать и писать. Обстоятельства, которыми они окружены, не оставляют им никаких сомнений относительно практических преимуществ, получаемых ими от этих приобретений. Но как только эти люди в достаточной степени овладевают первыми элементами знания, для какой пользы они, по большей части, применяют их? Впитывать или давать волю идеям и чувствам, самым подрывным из всех общественных порядков. Инстинктивная, но пассивная враждебность к нашей цивилизации сменяется ожесточенной и активной враждой, часто приводящей к самым страшным бедствиям. Именно среди этих классов проектировщики самых диких, самых зажигательных планов с готовностью вербуют своих сторонников; что сторонники социализма, общности имущества и жен, фактически все, кто под предлогом устранения болезней и злоупотреблений, от которых страдает социальная система, предлагают разрушить ее, находят готовых слушателей и ревностных верующих.

Однако есть части страны, к которым эта картина неприменима; и эти исключения дают мне еще одно доказательство в пользу моего предположения. Среди сельскохозяйственного и производящего населения севера и северо-востока информация является общей; она легко воспринимается, а после получения сохраняется и приносит хорошие плоды. Эти люди умны, хорошо информированы и аккуратны, как и их соседи в Бельгии и во всех Нидерландах. И это также население, наиболее близкое к тевтонской расе, расе, которая, как я уже говорил в другом месте, дала начало нашей цивилизации.

Отвращение к нашей цивилизации, о котором я говорил, - не единственная особенность в характере нашего сельского населения. Если мы проникнем в тайну их мыслей и верований, мы сделаем открытия, столь же поразительные. Епископам и приходскому духовенству по сей день приходится, как и одно, пять или пятнадцать столетий назад, бороться с таинственными суевериями или наследственными склонностями, некоторые из которых тем более опасны, что о них редко говорят открыто, и поэтому их нельзя ни атаковать, ни победить. Нет просвещенного священника, который всем сердцем заботился бы о своей пастве, но по опыту знает, с какой глубокой хитростью крестьянин, каким бы набожным он ни был, умеет прятать в своей груди какую-нибудь нежно лелеемую традиционную идею или верование, которые проявляются лишь через длительные промежутки времени и без его ведома. Если с ним заговаривают об этом, он отрицает или уклоняется от обсуждения, но остается непоколебимым в своих убеждениях. Он безгранично доверяет своему пастору, безгранично, за исключением одного предмета, который вполне уместно было бы назвать его тайной религией. Отсюда та молчаливость и сдержанность, которые во всех наших провинциях являются наиболее заметной чертой крестьянина и которые он ни на минуту не оставляет в стороне по отношению к классу, который он называет буржуа; этот непреодолимый барьер между ним и даже самым популярным и благонамеренным землевладельцем своего района.

Не следует предполагать, что это происходит просто от грубости и невежества. Если бы это было так, мы могли бы утешать себя надеждой, что они постепенно исправятся и ассимилируются с более просвещенными классами. Но эти люди в точности похожи на некоторых дикарей; на поверхностный взгляд они кажутся непрофессиональными и грубыми, потому что их внешность скромна, а их характер требует изучения. Но как только мы проникаем, пусть даже немного, в их собственный круг идей, в чувства, которые управляют их частной жизнью, мы обнаруживаем, что в их упрямой изоляции от нашей цивилизации ими движет не чувство деградации. Их привязанности и антипатии возникают не из простых случайных обстоятельств, а, напротив, находятся в соответствии с логическими рассуждениями, основанными на четко определенных и понятных идеях.^[113] Говоря некоторое время назад об их религиозных представлениях, я должен был бы отметить, какая огромная дистанция существует между нашими доктринами морали и доктринами крестьянства, как сильно их идеи отличаются от тех, которые мы связываем с тем же словом.^[114] С каким упрямством они продолжают смотреть на каждого, кто не похож на них самих, крестьянина, как люди далекой древности смотрели на иностранца. Это правда, что они не убивают его благодаря странному и таинственному ужасу, который внушают им законы, в создании которых они не принимают участия; но они искренне ненавидят его, не доверяют ему и, если могут сделать это без слишком большого риска, обируют его без зазрения совести и с огромным удовлетворением. Тем не менее, они не злые и не склонны к недоброжелательности. Между собой они добросердечны, милосердны и услужливы. Но тогда они считают себя особой расой — расой, как они вам говорят, — которая слаба, угнетена и которая вынуждена прибегать к хитрости и стратагеме, чтобы получить по заслугам, но которая,

тем не менее, сохраняет свою гордость и презрение ко всем остальным. Во многих наших провинциях рабочий считает себя гораздо более обеспеченным, чем его бывший господин или нынешний работодатель. Семейная гордость многих наших крестьян, мягко говоря, столь же велика, как и у знати в средние века.[115]

Не подлежит сомнению, что низшие слои населения Франции имеют мало общего с высшими. Наша цивилизация лишь немногим проникает под поверхность. Огромная масса безразлична — нет, положительно враждебна к этому. Самые трагические события обагрили страну потоками крови, беспрецедентные потрясения разрушили все древние устои, как социальные, так и политические. И все же сельскохозяйственное население так и не вышло из состояния апатичного безразличия,[116] никогда не принимали никакого другого участия, кроме того, к которому их вынудили. Когда их собственные и сиюминутные интересы не были поставлены на карту, они беззаботно позволяли бурям проноситься мимо, не проявляя даже пассивного сочувствия ни с одной, ни с другой стороны. Многие люди, напуганные и шокированные этим зрелищем, объявили крестьянство неисправимо порочным. Это одновременно несправедливость и очень ложная оценка их характера. Крестьяне считают нас почти что своими врагами. Они ничего не понимают в нашей цивилизации, ничего не вносят в нее по собственной воле и считают себя вправе извлекать выгоду из ее бедствий, когда только могут. Помимо этого антагонизма, который иногда проявляется активным, но чаще пассивным образом, не подлежит сомнению, что они обладают моральными качествами высокого порядка, хотя часто применяются необычно.

Таково состояние цивилизации во Франции. Можно утверждать, что из тридцати шести миллионов населения десять придерживаются идей и образа мышления, на которых основана наша цивилизация, в то время как остальные двадцать шесть полностью игнорируют их, безразличны и даже враждебны к ним, и это вычисление, я думаю, было бы даже более лестным, чем реальная правда. Франция также не является исключением в этом отношении. Приведенная мною картина применима к большей части Европы. Наша цивилизация как бы подвешена над бездонной пропастью, на дне которой дремлют элементы, которые однажды могут пробудиться и оказаться устрашающе, непреодолимо разрушительными. Это ужасная, зловещая правда. Больно размышлять о ее конечных последствиях. Мудрость, возможно, и может предвидеть бурю, но мало что может сделать, чтобы ее предотвратить.

Но какой бы игнорируемой, презираемой или ненавидимой ни была большая часть тех, над кем она распространяет свое господство, наша цивилизация, тем не менее, является одним из самых грандиозных и славных памятников человеческого разума. По изобретательскому, инициативному качеству он не превосходит и даже не равен некоторым своим предшественникам, но по полноте охвата превосходит всех. Из этой всеобъемлющести возникают его способности к присвоению, завоеванию; ибо постигать — значит захватывать, обладать. Он присвоил все их приобретения и переделал, реконструировал их. Она не создала точных наук, но придала им их точность и избавила от заблуждений, от которых, по странному парадоксу, они были в древности менее свободны, чем любая другая отрасль знания. Благодаря его открытиям материальный мир известен лучше, чем в любую другую эпоху. Законы, по которым управляется природа, ей в значительной степени удалось раскрыть, и она применила их так, чтобы добиться поистине замечательных результатов. Постепенно, благодаря ясности и правильности своей индукции, он реконструировал огромные фрагменты истории, о которых древние ничего не знали; и по мере того, как он удаляется от первобытных эпох мира, он все

глубже проникает в туман, который их скрывает. Это большие преимущества, которые невозможно оспорить.

Но, признав это, имеем ли мы право заключить — как обычно считается само собой разумеющимся, — что характеристики нашей цивилизации таковы, что дают ей право на превосходство среди всех других? Давайте рассмотрим, в чем заключаются его особые достоинства. Благодаря огромному количеству различных элементов, которые способствовали его формированию, он обладает эклектичным характером, которого нет ни у его предшественников, ни у современников. Она объединяет так много различных качеств и способностей, что ее прогресс одинаково легок во всех направлениях; и она обладает настолько большими способностями к анализу и обобщению, что может охватить и присвоить все вещи и, более того, применять их для практических целей. Другими словами, она продвигается сразу в нескольких различных направлениях и добивается ценных завоеваний во всех, но нельзя сказать, что она продвигается *одновременно дальше всего* во всех. Возможно, его характерной чертой является разнообразие, а не большая интенсивность. Если мы сравним ее прогресс в каком-либо одном направлении с тем, что было сделано другими в том же направлении, мы обнаружим, что лишь в немногих областях наша цивилизация действительно может претендовать на превосходство. Я выделю три наиболее поразительные черты каждой цивилизации: искусство управления, состояние изящных искусств и утонченность манер.

В искусстве управления европейская цивилизация не достигла никаких положительных результатов. В этом отношении она не смогла принять определенный характер. Она не заложила никаких принципов. В каждой стране, на которую распространяется его владычество, он подчиняется требованиям различных рас, которые он объединил, но не объединил. В Англии, Голландии, Неаполе и России политические формы все еще находятся в состоянии сравнительной стабильности, поскольку либо все население, либо преобладающая его часть состоит из одних и тех же или однородных элементов. Но повсюду в других странах, особенно во Франции, Центральной Италии и Германии, где этническое разнообразие безгранично, правительственные теории никогда не поднимались до уровня признанной истины; политическая наука состояла из бесконечной серии экспериментов. Таким образом, наша цивилизация, будучи неспособной принять определенные политические черты, лишена в этом отношении той стабильности, которую я включил в качестве существенной черты в свое определение цивилизации. Такого бессилия нет во многих других цивилизациях, которые мы считаем низшими. В Поднебесной империи, в буддийских и брахманических обществах политическая особенность цивилизации четко сформулирована и понятна каждому отдельному члену. В вопросах политики все мыслят одинаково; при мудром управлении, когда светские институты приносят благотворные плоды, все радуются; когда в неумелых или злонамеренных руках они ставят под угрозу общественное благосостояние, об этом сожалеют, как мы сожалеем о своих собственных ошибках; но никакие обстоятельства не могут уменьшить уважение и восхищение, с которым к ним относятся. Возможно, было бы желательно исправить злоупотребления, которые вкрались в них, но никогда не заменять их другими. Следовательно, нельзя отрицать, что эти цивилизации, что бы мы ни думали о них в других отношениях, обладают гарантией прочности, долговечности, которой нашей, к сожалению, не хватает.

В том, что касается искусства, наша цивилизация решительно уступает другим. Независимо от того, стремимся ли мы к великому или прекрасному, мы не можем соперничать ни с внушительным величием цивилизации Египта, Индии или даже древних американских

империй, ни с элегантною красотою цивилизации Греции. Столетия спустя — когда истечет отведенный нам промежуток времени, когда наша цивилизация, как и все, что ей предшествовало, канет в тусклые тени прошлого и станет предметом изучения только изучающего историю — какой-нибудь будущий путешественник может побродить среди лесов и болот на берегах Темзы, Сены или Рейна, но он не найдет никаких великолепных памятников нашего величия; никаких роскошных или гигантских руин, подобных руинам Филы, Ниневии, Афин, Сальсетты или Теночтитлана. Далекие потомки могут почитать нашу память как своих наставников в точных науках. Они могут восхищаться нашей изобретательностью, нашим терпением, совершенством, до которого мы довели индуктивное мышление, но не нашими завоеваниями в области абстрактного. В поэзии мы ничего не можем им завещать. Безграничное восхищение, с которым мы относимся к творениям зарубежных цивилизаций как прошлого, так и настоящего, является положительным доказательством нашей собственной неполноценности в этом отношении.^[117]

Возможно, наиболее поразительными чертами цивилизации, хотя и не являющимися истинным мерилем ее достоинств, является достигнутая ею степень утонченности. Под утонченностью я подразумеваю всю роскошь и удобства жизни, правила общения, утонченность привычек и вкусов. Нельзя отрицать, что во всем этом мы не превосходим и даже не равняемся многим прежним, а также современным цивилизациям. Мы не можем соперничать с великолепием последних дней Рима или Византийской империи; мы можем только представить себе великолепную роскошь восточных цивилизаций; и в нашей собственной прошлой истории мы находим периоды, когда образ жизни был более роскошным, изысканное общение регулировалось более высокими и требовательными стандартами, когда вкус был более развитым, а привычки — более утонченными. Это правда, что мы с избытком компенсируемся большим и повсеместным распространением жизненных удобств; но по своим внешним проявлениям наша цивилизация неблагоприятно отличается от многих других, и ее можно было бы назвать почти убогой.

Прежде чем завершить это отступление от цивилизации, которая уже распространилась, возможно, слишком далеко, не лишним будет повторить основные идеи, которые я хотел донести до сознания читателя. Я попытался показать, что каждая цивилизация получает свой особый характер от расы, давшей импульс к посвящению. Изменение этого принципа посвящения приводит к соответствующим модификациям и даже полным изменениям в характере цивилизации. Таким образом, наша цивилизация обязана своим происхождением тевтонской расе, ведущей чертой которой был повышенный утилитаризм. Но поскольку эти расы привили свой образ культуры к корням, существенно отличающимся друг от друга, характер цивилизации был по-разному изменен в соответствии с элементами, которые она сочетала. Таким образом, цивилизация нации отражает вид и степень их способностей. Это зеркало, в котором они отражают свою индивидуальность.

Теперь я вернусь к естественному порядку моих умозаключений, ряд которых еще далек от завершения. Я начал с провозглашения истины о том, что существование и уничтожение человеческих обществ зависят от неизменных и единообразных законов. Я доказал недостаточность случайных обстоятельств для возникновения этих явлений и проследил их причины до различных способностей различных человеческих групп; другими словами, до морального и интеллектуального разнообразия рас. Следовательно, логика требует, чтобы я определил значение слова "раса", и это будет предметом следующей главы.

ГЛАВА X.

Содержание

ВОПРОС О ЕДИНСТВЕ Или МНОЖЕСТВЕННОСТИ ВИДОВ.

Системы Кампера, Блюменбаха, Мортонна, Каруса —Исследования Оуэна, Вролика, Вебера — Плодовитость гибридов, великий научный оплот сторонников единства видов.

Сначала необходимо определить физиологический смысл слова *раса*.

По мнению многих научных наблюдателей, которые судят по первому впечатлению и принимают крайности[118] в качестве основы своих рассуждений, группы человеческого семейства отличаются различиями настолько радикальными и существенными, что невозможно поверить, что все они произошли от одного и того же происхождения. Следовательно, они предполагают несколько других генеалогий, помимо генеалогии Адама и Евы. Согласно этой доктрине, вместо одного вида в роде *homo* было бы три, четыре или даже больше совершенно различных видов, смешение которых привело бы к тому, что натуралисты называют *гибридами*.

Общее убеждение в пользу этой теории легко получить, представив перед глазами наблюдателя примеры очевидных и разительных различий между различными группами. Критик, перед которым находится человек с кожей оливково-желтого цвета; черными, прямыми и тонкими волосами; небольшой бородой, бровями и ресницами, если они вообще есть; широким и приплюснутым лицом с не оченьчеткими чертами; пространство между глазами широкое и плоское; орбиты большие и открытые; нос приплюснутый; щеки высокие и выпуклые; приоткрытые веки узкое, линейное и наклонное, внутренний угол самый низкий; уши и губы большие; лоб низкий и скошенный, что позволяет видеть значительную часть лица при взгляде сверху. ; голова несколько пирамидальной формы; конечности неуклюжие; телосложение скромное; вся фигура выдает заметную склонность к ожирению:[119] критик, рассматривающий этот образец человечности, сразу распознает хорошо охарактеризованный и четко очерченный тип, основные черты которого легко запечатлеются в его памяти.

Давайте предположим, что теперь он исследует другую особь: негра с западного побережья Африки. Этот экземпляр крупного размера и энергичного вида. Цвет иссиня-черный, волосы жесткие, обычно называемые *пушистыми*; глаза выпуклые, с большими орбитами; нос толстый, плоский и сливается с выступающими щеками; губы очень толстые и вывернутые; челюсти выступающие, а подбородок отступающий; череп принимает форму, называемую прогнатической. Низкий лоб и мордоподобная удлиненность челюстей придают всему существу почти животный вид, который усиливается большой и мощной нижней челюстью, достаточным количеством мышечных вставок, большим размером полостей, предназначенных для размещения органов обоняния и зрения, длиной предплечья по сравнению с рукой, узкими

и сужающимися пальцами и т.д. "У негра кости голени изогнуты наружу; большеберцовая и малоберцовая кости спереди более выпуклые, чем у европейца; икры ног очень высокие, так что переходят в окорока; ступни и кисти, но особенно первые, плоские; пяточная кость, вместо того чтобы быть дугообразной, продолжается почти по прямой линии с другими костями стопы, которая удивительно широкая".[120]

Рассматривая человека такого сложения, мы невольно вспоминаем о строении обезьяны и почти склонны признать, что племена Западной Африки произошли от племени, которое имеет лишь слабое и общее сходство с монгольским семейством.

Но есть некоторые группы, внешний вид которых еще менее лестен для самолюбия человечества, чем у Конго. Своеобразным отличием "Океаники" является представление о наиболее деградировавших и отталкивающих из тех жалких существ, которые, по-видимому, занимают своего рода промежуточное положение между человеком и простым животным. Многие группы этого недавно открытого мира из-за чрезмерной худобы и истощающего развития своих конечностей;[121] непропорциональный размер их голов; чрезмерная, безнадежная глупость, отпечатавшаяся на их лицах; представляют собой аспект настолько отвратительный, что — по сравнению с ними — даже негры Западной Африки выигрывают в наших оценках и, кажется, претендуют на меньшую привлекательность. более низкого происхождения, чем они.

Мы испытываем еще большее искушение принять выводы сторонников множественности видов, когда, изучив типы, взятые со всех концов земного шара, возвращаемся к обитателям Европы, Южной и Западной Азии. Какое огромное превосходство они демонстрируют в красоте, правильности пропорций и правильности черт лица! Именно им выпала честь стать живыми моделями для непревзойденных шедевров древней скульптуры. Но даже среди этих рас с самых отдаленных времен существовала градация красоты, во главе которой по праву может быть поставлен европеец, как по симметрии конечностей, так и по сильному развитию мускулатуры. Таким образом, ничто не представляется более разумным, чем объявить различные типы человечества такими же чуждыми друг другу, как животные разных видов.

К такому выводу действительно пришли те, кто впервые систематизировал свои наблюдения и попытался установить классификацию; и поскольку эта классификация основывалась на общих фактах, она казалась неоспоримой.

Кемпер взял на себя инициативу. Он не довольствовался определением только поверхностных проявлений, но хотел основать свои демонстрации на математической основе, определив анатомически отличительные характеристики различных типов. Если бы он преуспел в этом, то тем самым установил бы строгий и логичный метод рассмотрения предмета, исключил бы все сомнения и придал бы своим мнениям ту строгую точность, без которой нет истинной науки. Я заимствую у мистера Причарда,[122] Собственный отчет Кемпера о его методе. "Основа, на которой основано различие наций"[123], - говорит он, - может быть изображена двумя прямыми линиями; одна из которых должна быть проведена через *слуховой проход* (наружный вход в ухо) к основанию носа; а другая касается выступающего центра лба и падает оттуда на наиболее выступающую часть верхней челюсти, если смотреть на голову в профиль. Можно сказать, что угол, производимый этими двумя линиями, определяет не только различия между черепами нескольких видов животных, но также и те, которые, как обнаруживается, существуют между различными нациями; и можно заключить, что природа воспользовалась этим углом, чтобы

выделить разнообразие животного царства и в то же время установить шкалу от низших племен до самых красивых форм, которые встречаются у человеческого рода. Таким образом, можно обнаружить, что головы птиц имеют наименьший угол наклона и что он всегда становится больше по мере того, как животное приближается к человеческой фигуре. Так, есть один вид из племени обезьян, у которого голова имеет лицевой угол в сорок два градуса; у другого животного того же семейства, которое является одним из тех обезьян, фигура которых наиболее приближена к человеческой, лицевой угол составляет ровно пятьдесят градусов. Рядом с этим находится голова африканского негра, которая, так же как и у калмука, образует угол в семьдесят градусов; в то время как угол, обнаруженный у голов европейцев, составляет восемьдесят градусов. От этой разницы в десять градусов в углах лиц зависит превосходная красота европейца; в то время как тот высокий характер возвышенной красоты, который так поражает в некоторых произведениях античной скульптуры, таких как голова Аполлона и Медуза Сисокла, определяется углом, равным ста градусам".

Этот метод был соблазнителен своей чрезвычайной простотой. К сожалению, факты были против него, как это случается со многими теориями. Любопытные открытия профессора Дж. Оуэн неоспоримо доказал, что Кемпер, а также другие анатомы после него, основывали все свои наблюдения на орангах незрелого возраста и что, хотя челюсти увеличиваются и удлиняются с увеличением верхнечелюстного аппарата, а скуловая дуга удлиняется, соответствующего увеличения мозга не происходит. Важность этой возрастной разницы в отношении угла наклона лица у симий очень велика. Так, Кемпер, измеряя череп молодых человекообразных обезьян, обнаружил, что лицевой угол достигает шестидесяти четырех градусов; в действительности у наиболее предпочтительных экземпляров он никогда не превышает тридцати-тридцати пяти. Между этой цифрой и семьюдесятью градусами негра и калмука слишком большой разрыв, чтобы допустить возможность восходящего ряда Кемпера.

Сторонники френологической науки горячо поддерживали теорию голландского ученого. Они воображали, что могут обнаружить развитие инстинктов, соответствующих рангу, который занимало животное в своей шкале. Но даже здесь факты были против них. Было высказано возражение, что слон — не говоря уже о множестве других экземпляров, — интеллект которого бесспорно превосходит интеллект оранга, имеет гораздо более острый угол лица, чем у последнего. Даже среди племен обезьян самые умные, наиболее восприимчивые к образованию, ни в коем случае не являются самыми высокими в рейтинге кемперов.

Помимо этих серьезных недостатков, теория обладала еще одним очень слабым местом. Она не была применима ко всем разновидностям человеческого вида. Расам с пирамидальными черепами в ней не нашлось места. И все же это достаточно яркая характеристика.

Теория Кемпера была опровергнута, и Блюменбах предложил другую систему. Он назвал свое изобретение *norma verticalis*, вертикальный метод. По его словам,^[124] сравнение ширины головы, особенно макушки, указывает на принципиальные и наиболее сильно выраженные различия в общей конфигурации черепа. Он добавляет, что весь череп подвержен стольким разнообразиям в своей форме, части, которые в большей или меньшей степени определяют национальный характер, демонстрируют такие разные пропорции и направления, что невозможно измерить все это разнообразие какими-либо линиями и углами. При сравнении и расположении черепов в соответствии с разновидностями их формы предпочтительно рассматривать их таким методом, который представляет с одного взгляда наибольшее

количество характерных особенностей. "Лучший способ достичь этой цели - поместить ряд черепов так, чтобы скулы располагались на одной горизонтальной линии, опираясь на нижние челюсти, а затем, рассматривая их сзади и фиксируя взгляд на макушке каждого, отметить все разновидности формы частей, которые в наибольшей степени вносят вклад в национальный характер, будь то направление верхнечелюстных и скуловых костей, ширина или узость овальной фигуры, представленной макушкой, или уплощенная или сводчатая форма лобной кости".

Результаты, которые Блюменбах вывел из этого метода, заключались в разделении человечества на пять больших категорий, каждая из которых снова подразделялась на множество семейств и типов.

Эта классификация также вызывает множество возражений. Как и классификация Camper, в ней не учтены несколько важных характеристик. Оуэн предположил, что эти возражения можно было бы устранить, измерив основание черепа, а не вершину. "Относительные пропорции и протяженность, - говорит Причард, - а также особенности формирования различных частей черепа более полно раскрываются при таком способе сравнения, чем при любом другом". Одним из наиболее важных результатов этого метода было открытие демаркационной линии между человеком и человекообразными обезьянами, настолько отчетливой и четко проведенной, что с этого момента становится невозможным найти между двумя родами связующее звено, которое, как предполагал Кемпер, существовало. Действительно, достаточно бросить один взгляд на основания двух черепов, одного человеческого, а другого орангутанга, чтобы заметить существенные и решающие различия. Переднезадний диаметр основания черепа у оранга намного больше, чем у человека. Скуловая кость расположена в средней части черепа, вместо того чтобы быть включенной, как у всех человеческих рас и даже у идиотов, в переднюю половину основания черепа; и она занимает в основании всего лишь одну третью часть всей длины его диаметра. Более того, положение большого затылочного отверстия на двух черепах очень различно; и эта особенность очень важна из-за ее связи с общим характером строения и влияния на привычки всего существа. Это отверстие в голове человека находится очень близко к середине основания черепа, или, скорее, оно расположено сразу за средним поперечным диаметром; в то время как у взрослых шимпанзе оно расположено в середине задней трети основания черепа.[\[125\]](#)

Оуэн, безусловно, заслуживает большой похвалы за свои наблюдения, но я бы предпочел самую современную и оригинальную краниоскопическую систему, разработанную ученым американцем доктором Мортоном, которая была принята мистером Карусом.[\[126\]](#)

Суть этой теории заключается в том, что индивидуумы превосходят друг друга в интеллекте пропорционально размеру их черепа.[\[127\]](#) Принимая это за общее правило, доктор Мортон и мистер Карус продолжают демонстрировать разницу рас. Вопрос, который необходимо решить, заключается в том, все ли типы человеческой расы обладают одинаковым краниологическим развитием.

Чтобы прояснить этот факт, доктор Мортон взял определенное количество черепов, принадлежащих к четырем основным человеческим семействам — белым, монголам, неграм и североамериканским индейцам, — и, тщательно закрыв все отверстия, за исключением *большого затылочного отверстия*, он измерил их вместимость, заполнив их хорошо

высушенными зернами перца. Результаты этого измерения представлены в прилагаемой таблице.^[128]

	Количество of skulls измеренны х черепов.	Средняя вместимост ь.	Максималь ная.	Минимальн ая.		
Белые расы	52	87	109	75		
Желтых рас	{	Монголы	10	83	93	69
малайцы	18	81	89	64		
расы с медным цветом кожи	147	82	100	60		
негров	29	78	94	65		

Результаты, приведенные в первых двух столбцах, безусловно, очень любопытны, но тем, что приведены в последних двух, я придаю мало значения. Эти две колонки, показывающие максимальную и минимальную вместимость, настолько сильно отличаются от второй, показывающей среднее значение, что они могли бы иметь значение только в том случае, если бы мистер Мортон экспериментировал с гораздо большим количеством черепов и если бы он уточнил социальное положение особей, которым они принадлежали. Таким образом, для своих образцов белой и меднокожей рас он мог выбрать черепа, принадлежавшие особям, стоящим несколько выше обычного стада.^[129] Но чернокожие и монголы не были представлены черепами своих великих вождей и мандаринов. Это объясняет, почему доктор Мортон мог приписать цифру 100 аборигену Америки, в то время как самый умный монгол, которого он обследовал, не превышал 93, и его превосходит даже негр, который достигает 94. Такие результаты совершенно неполны, случайны и не представляют научной ценности. В вопросах такого рода нельзя проявлять слишком большую осторожность, чтобы отвергать выводы, основанные на изучении индивидуальностей. Поэтому я не могу согласиться со второй половиной расчетов доктора Мортон.

Я также склонен усомниться в одной из деталей другой половины. Цифры 100, 83 и 78, соответственно, указывающие на среднюю вместительность черепа белого, монгольского и негритянского, следуют четкой и очевидной градации. Но цифры 83, 81 и 82, приведенные для монгола, малайца и краснокожего, противоречат друг другу; тем более, что м-р Карус без колебаний причисляет монголов и малайцев к одной и той же расе и, таким образом, объединяет цифры 83 и 81, по которым он получает в качестве средней способности желтой расы 82, или столько же, сколько у краснокожих. Итак, возьмем цифру 82 как характеристику отдельной расы и, таким образом, совершенно произвольно создадим четвертое крупное подразделение нашего вида.

Эта аномалия подтверждает слабую сторону системы мистера Каруса. Ученый саксонец забавляется, предполагая, что подобно тому, как мы видим, как наша планета проходит через

четыре стадии дня, ночи, утренних сумерек и вечерних сумерек, так и у людей должно быть четыре подразделения, соответствующие этим вариациям освещения. Он усматривает в этом символ, [130] который всегда является опасным искушением для ума с утонченной восприимчивостью. Белые расы для него - народы дня; черные - народы ночи; желтые - народы утра; красные - народы вечера. Станет понятно, сколько остроумных аналогий можно привести в поддержку этого причудливого изобретения. Таким образом, европейские нации, благодаря блеску своих научных открытий и своей высокоразвитой цивилизации, находятся в просвещенном состоянии, в то время как чернокожие погружены в мрачную тьму невежества. Восточные нации живут в своего рода сумерках, которые обеспечивают им неполное, хотя и мощное социальное существование. А что касается индейцев Западного мира, которые быстро исчезают, то можно ли найти более прекрасное изображение их судьбы, чем заходящее солнце?

К сожалению, притчи не являются аргументами, и мистер Карус несколько повредил своей прекрасной теории, чрезмерно отдавшись этому поэтическому течению. Более того, то, что я сказал относительно всех других этнологических теорий — теорий Кемпера, Блюменбаха и Оуэна, — подтверждается следующим: м-ру Карусу не удастся систематизировать регулярно все физиологические различия, наблюдаемые у рас. [131]

Сторонники единства видов не преминули воспользоваться этой неспособностью их противников найти систему, которая включала бы в себя множество разновидностей человеческого семейства; и они утверждают, что, поскольку наблюдения за строением черепа не могут быть сведены к системе, демонстрирующей первоначальное разделение типов, различные разновидности следует рассматривать как простые расхождения, вызванные случайными и вторичными причинами, и которые не доказывают различия в происхождении.

Это слишком преждевременная победа. Трудность поиска метода не всегда доказывает, что его вообще нельзя найти. Но сторонники единства видов не допускали этой оговорки. Чтобы подкрепить свою теорию, они указывают на тот факт, что некоторые племена, принадлежащие к одной и той же расе, вместо того чтобы представлять один и тот же физический тип, очень значительно отличаются от него. Они ссылаются на различные группы смешанной малайско-полинезийской семьи; и, не обращая внимания на соотношение элементов, составляющих смеси, они говорят, что если группы одного и того же происхождения могут принимать такие совершенно разные краниологические и лицевые формы, то величайшие различия такого рода не доказывают изначального множественного происхождения. [132] Как это ни странно для европейского глаза, различные типы негров и монголов, таким образом, не свидетельствуют о различии видов; и различия в человеческом семействе должны быть приписаны просто определенным местным причинам, действовавшим в течение большего или меньшего промежутка времени. [133]

Защитники множественности рас, столкнувшись со столькими возражениями, как хорошими, так и плохими, попытались расширить круг своих аргументов и, перестав изучать только череп, перешли к исследованию личности в целом. Они справедливо показали, что различия существуют не только в форме лица и строении черепа, но, что не менее важно, они существуют также в форме таза, относительных пропорциях конечностей и природе волосистой системы.

Кемпер и другие натуралисты уже давно заметили, что таз негра имеет определенные особенности. Доктор Вролик расширил свои исследования дальше и заметил, что у

европейской расы различия между мужским и женским тазом гораздо менее отчетливо выражены, в то время как таз негра любого пола в очень значительной степени обладает животными чертами. Ученый из Амстердама, отталкиваясь от идеи, что формирование таза обязательно влияет на формирование плода, приходит к выводу, что должно быть различие в происхождении.^[134]

Мистер Вебер атаковал эту теорию, но без особого успеха. Он был вынужден признать, что определенные образования таза встречаются чаще у одной расы, чем у другой; и все, что он мог сделать, это показать, что правило не лишено исключений и что некоторые особи американской, африканской или монгольской расы имели формы, распространенные среди европейцев. Это мало что доказывает, тем более что мистеру Веберу, похоже, никогда не приходило в голову, что эти исключения могут быть вызваны смешением кровей.

Противники доктрины единства делают вид, что европеец лучше сложен. Им отвечают, что чрезмерная худоба конечностей у тех народов, которые питаются преимущественно растительной пищей или чье питание несовершенно, несколько не удивляет; и этот ответ, безусловно, справедлив. Но гораздо менее убедительный ответ дается на аргумент, основанный на чрезмерном развитии бюста у горцев Перу (кичуа) теми, кто не желает признавать это специфической чертой; ибо делать вид, как это делают они, что это может быть объяснено высотой Анд, - не очень серьезная причина.^[135] В мире существует множество горных популяций, состав которых сильно отличается от кичуа.^[136]

Цвет кожи - еще один аргумент в пользу разнообразия происхождения. Но противоположная сторона отказывается принять это как специфическую характеристику по двум причинам: во-первых, потому что, по их словам, такая окраска зависит от климатических условий и не является постоянной — что, мягко говоря, очень смелое утверждение; во-вторых, потому что цвет подвержен неопределенным градациям, при которых белый незаметно переходит в желтый, желтый - в черный, так что невозможно найти достаточно четкую демаркационную линию. Этот факт просто доказывает существование бесчисленных гибридов; наблюдение, к которому сторонники единства постоянно невнимательны.

Что касается конкретных различий в формировании кучи, мистер Флуранс приводит свой огромный авторитет в пользу изначального единства расы.^[137]

Я быстро перешел к рассмотрению более или менее противоречивых аргументов сторонников единства, но самый сильный из них по-прежнему остается. Это имеет огромную силу, и поэтому я приберег ее напоследок — легкость, с которой различные ветви человеческого семейства производят гибриды, и плодовитость самих этих гибридов.

Наблюдения натуралистов, по-видимому, хорошо подтвердили тот факт, что полукровки могут происходить только от близкородственных видов, и что даже в этом случае они обречены на бесплодие. Далее было замечено, что даже среди близкородственных видов, где возможно оплодотворение, совокупление вызывает отвращение и достигается, как правило, либо силой, либо хитростью, что заставляет нас предположить, что в естественном состоянии число гибридов еще более ограничено, чем то, которое получается при вмешательстве человека. Таким образом, был сделан вывод, что среди ряда специфических характеристик мы должны выделить способность производить плодовитое потомство.

Поскольку ничто не дает нам права полагать, что человеческая раса освобождена от этого закона, ничто до сих пор не смогло поколебать силу этого возражения,^[138] которое больше, чем все остальные, сдерживает сторонников плюрализма. Действительно, утверждается, что в некоторых частях Океаники женщины из числа коренного населения, родив ребенка-полукровку-европейца, больше не могут быть оплодотворены соотечественниками. Если бы это утверждение было признано правильным, оно могло бы послужить отправной точкой для дальнейших исследований; но в настоящее время его нельзя использовать для опровержения общепринятых принципов науки о зарождении гибридов — против выводов, сделанных из них, это ничего не доказывает.

ГЛАВА XI.

Содержание

ПОСТОЯНСТВО ТИПОВ.

Язык Священного Писания в пользу общего происхождения—Постоянство их характеристик разделяет расы людей так же эффективно, как если бы они были отдельными творениями—арабы, евреи—Рассмотрен аргумент Причарда о влиянии климата—Этнологическая история турок и венгров.

Сторонники единства расы утверждают, что типы различаются только внешне; что на самом деле существующие между ними различия обусловлены все еще действующими местными обстоятельствами или случайной особенностью строения у прародителя ветви, и что, хотя все они в большей или меньшей степени расходятся с первоначальным прототипом, все они способны снова вернуться к нему. Таким образом, в соответствии с этим негр, североамериканский дикарь, тунгус Северной Сибири могли бы при благоприятных обстоятельствах приобрести все физические и умственные качества, которые в настоящее время отличают европейца. Такая теория недопустима.

Выше мы показали, что единственным надежным научным оплотом сторонников единства видов является плодovitость человеческих гибридов. Этот факт, который в настоящее время кажется столь трудным для опровержения, не всегда может представлять те же трудности, и его самого по себе было бы недостаточно, чтобы остановить мои выводы, если бы он не подкреплялся другим аргументом, который, признаюсь, кажется мне более важным: сказано, что Священное Писание выступает против различия происхождения.

Если текст ясен, безапелляционен и неоспорим, мы должны подчиниться; самые серьезные сомнения должны исчезнуть; человеческий разум, в его несовершенстве, должен склониться перед верой. Лучше позволить завесе неизвестности покрыть эрудицию, чем подвергать сомнению столь высокий и неоспоримый авторитет. Если Библия заявляет, что человечество произошло от одного общего происхождения, все, что доказывает обратное, является простой видимостью, недостойной рассмотрения. Но действительно ли Библия разъясняет этот момент? Священные писания имеют гораздо более высокую цель, чем разъяснение этнологических

проблем; и если допустить, что в данном конкретном случае они могли быть неправильно поняты и что, не углубляясь в текст, его можно истолковать иначе, я возвращаюсь к своему первому впечатлению.

Библия, очевидно, говорит об Адаме как о прародителе белой расы, потому что от него произошли поколения, которые — в этом нет сомнений — были белыми. Но ничто не доказывает, что при первой редакции генеалогий адамитов цветные расы рассматривались как составляющие часть вида. О желтых нациях не сказано ни слова, и я надеюсь доказать во втором томе, что якобы черный цвет Ветчины-патриарха основан не на чем ином, как на произвольной интерпретации. Несомненно, в более поздний период переводчики и комментаторы, утверждавшие, что Адам был отцом всех существ, называемых людьми, были вынуждены называть потомками сыновей Ноя все различные разновидности, с которыми они были знакомы. Таким образом, Иафет считался прародителем европейских народов, в то время как на жителей большей части Азии смотрели как на потомков Сима, а на жителей Африки — как на Хама. Такое расположение превосходно подходит для одной части земного шара. Но что происходит с населением остального мира, которое не включено в эту классификацию?

В настоящее время я не буду особенно настаивать на этой идее. Мне не нравится сама видимость оспаривания даже простых толкований, если они имеют санкцию церкви, и я хочу просто намекнуть, что их авторитет, возможно, можно поставить под сомнение, не выходя за рамки, установленные церковью.^[139] Если это не так, и мы должны принять, в основном, мнения сторонников единства, я все же не отчаиваюсь в том, что факты могут быть объяснены иным образом, чем у них, и что принципиальные физические и моральные различия между ветвями человеческой семьи могут существовать, со всеми их необходимыми последствиями, независимо от единства или множественности происхождения.

Специфическая идентичность всех собак признана,^[140] но кто возьмется за трудную задачу доказать, что все эти животные, к какой бы разновидности они ни принадлежали, обладали одинаковыми формами, инстинктами, привычками, качествами? То же самое происходит со многими другими видами, такими как лошади, крупный рогатый скот, медведи и т.д. Здесь мы обнаруживаем совершенную идентичность происхождения и, тем не менее, разнообразие во всех других отношениях, причем разнообразие настолько радикальное, что даже смешение не может привести к реальной идентичности характеров у нескольких типов. Напротив, пока каждый тип остается чистым, их отличительные черты постоянны и воспроизводятся без каких-либо заметных отклонений в каждом последующем поколении.^[141]

Этот неоспоримый факт привел к исследованию того, сохранились ли еще у тех видов, которые в результате одомашнивания утратили свои первоначальные привычки и усвоили другие, формы и инстинкты первобытной породы. Я считаю это в высшей степени невероятным и с трудом могу поверить, что мы когда-либо сможем определить форму и характеристики прототипа каждого вида и насколько сильно или насколько мало к нему приближаются отклонения, которые сейчас находятся перед нашими глазами. Очень большое количество овощей представляет собой ту же проблему, а что касается человека, происхождение которого для нас наиболее интересно и важно знать, то исследование, по-видимому, сопряжено с величайшими и непреодолимыми трудностями.

Каждая раса убеждена, что ее прародитель обладал именно теми характеристиками, которые сейчас отличают ее. Это единственный пункт, по которому их традиции полностью совпадают.

Белые расы представляют собой Адама и Еву, которых Блюменбах сразу же объявил бы европеоидами; негры-мусульмане, напротив, верят, что первая пара была черной; поскольку они созданы по образу и подобию Бога, отсюда следует, что Высшее Существо, а также ангелы имеют тот же цвет кожи, и сам Пророк, несомненно, был слишком любим своим Пославшим, чтобы демонстрировать бледную кожу своим ученикам.[142]

К сожалению, современная наука пока не нашла ключа к разгадке этого лабиринта мнений. Не было выдвинуто ни одной приемлемой теории, которая пролила бы хоть малейший свет на этот предмет, и, по всей вероятности, различные типы так же сильно отличаются от своего общего прародителя — если он у них есть, — как и между собой. Причины этих отклонений чрезвычайно трудно установить. Сторонники единства происхождения делают вид, что находят их, как я отмечал ранее, в различных местных обстоятельствах, таких как климат, привычки и т.д. Согласиться с таким мнением невозможно, ибо, хотя эти обстоятельства существовали всегда, они в течение исторического времени не производили таких изменений в расах, которые подвергались их влиянию, чтобы сделать хотя бы вероятным, что они были причинами столь обширного и радикального различия, какое мы сейчас видим перед собой. Предположим, что два племени, еще не отошедшие от первобытного типа, населяют: одно - альпийскую область в глубине континента, другое - какой-нибудь изолированный остров в безбрежности океана. Их атмосферные и пищевые условия, конечно, были бы совершенно иными. Если мы далее предположим, что одно из этих племен в изобилии обеспечено пищей, а другое обладает лишь ненадежными средствами существования; одно обитает в холодных широтах, а другое подвергается воздействию тропического солнца; мне кажется, что мы накопили наиболее существенные местные контрасты. Если допустить, чтобы эти физические причины действовали в течение достаточного промежутка времени, то эти две группы, без сомнения, в конечном счете приобрели бы определенные особые характеристики, по которым их можно было бы отличить друг от друга. Но никакой вообразимый промежуток времени не мог вызвать какого-либо существенного, органического изменения строения; и в качестве доказательства этого утверждения я бы указал на популяции противоположных частей земного шара, живущие в наиболее сильно отличающихся физических условиях, которые, тем не менее, представляют совершенное типовое сходство.

Готтентоты настолько сильно напоминают жителей Поднебесной, что даже предполагалось, хотя и без веских оснований, что первоначально они были китайской колонией. Существует большое сходство между древними этрусками, портреты которых дошли до нас, и арауканцами Южной Америки. Черты и очертания чероки, по-видимому, совершенно идентичны чертам некоторых итальянских народов, например, калабрийцев. Жители Оверни, особенно женская часть, гораздо больше напоминают по физиономии несколько индейских племен Северной Америки, чем какой-либо европейский народ. Таким образом, мы видим, что в самых разных краях и при столь непохожих условиях жизни природа может воспроизводить одни и те же формы. Особые характеристики, которые в настоящее время отличают различные типы, не могут, следовательно, быть следствием местных условий, подобных тем, которые существуют сейчас.[143]

Хотя невозможно установить, какие физические изменения могли претерпеть различные ветви человеческого семейства до начала исторической эпохи, все же у нас есть лучшие доказательства того, что с тех пор ни одна раса не изменила своих специфических характеристик. Историческая эпоха охватывает примерно половину времени, в течение

которого, как предполагается, была населена наша земля, и есть несколько народов, которые мы можем проследить вплоть до границы доисторических эпох; однако мы обнаруживаем, что известные тогда расы остались теми же самыми до наших дней, даже если они перестали населять те же местности и, следовательно, больше не подвергались влиянию тех же внешних условий.

Посмотрите на арабов. В том виде, в каком они представлены на памятниках Египта, мы находим их в настоящее время не только в засушливых пустынях их родной земли, но и в плодородных регионах с влажным климатом Малабара, Короманделя и островов Индийского океана. Мы снова находим их, хотя и более смешанных, на северных побережьях Африки, и, хотя с момента их вторжения прошло много веков, следы арабской крови все еще заметны в некоторых частях Руссильона, Лангедока и Испании.

Рядом с арабами я бы привел евреев. Они эмигрировали в страны, во всех отношениях наиболее непохожие на Палестину, и даже не сохранили своих древних привычек жизни. И все же их тип всегда оставался своеобразным и неизменным на любой широте и при любых физических условиях. Воинственные рехавиты в пустынях Аравии представляют нам те же черты, что и наши миролюбивые евреи. Не так давно мне представился случай осмотреть польского еврея. Разрез его лица, и особенно глаза, прекрасно выдавали его происхождение. Этот житель северной зоны, чьи прямые предки на протяжении нескольких поколений жили среди снегов и льдов негостеприимного климата, казалось, только накануне загорел под палящими лучами сирийского солнца. То же самое шемитское лицо, которое египетский художник изобразил около четырех тысяч или более лет назад, мы ежедневно узнаем вокруг себя; и его основные и действительно характерные черты столь же поразительно сохраняются в самых разнообразных климатических условиях. Но сходство не ограничивается только лицом, оно распространяется на строение конечностей и характер темперамента. Немецкие евреи, как правило, меньше и стройнее ростом, чем европейские нации, среди которых они жили веками; и половое созревание у них наступает раньше, чем у их соотечественников другой расы.^[144]

Я осознаю, что это утверждение диаметрально противоположно мнению мистера Причарда. Этот знаменитый физиолог в своем рвении доказать единство видов пытается доказать, что возраст половой зрелости у обоих полов везде одинаков и среди всех рас. Его аргументы основаны на заповедях Ветхого Завета и Корана, согласно которым брачный возраст женщин установлен в пятнадцать и даже восемнадцать лет, согласно Абу-Ханифе.^[145]

Я вряд ли думаю, что библейские свидетельства допустимы в вопросах подобного рода, потому что Священные Писания часто повествуют о фактах, которые не могут быть объяснены обычными законами природы. Таким образом, беременность Сарры в преклонном возрасте, когда сам Авраам был столетним стариком, является событием, на котором нельзя основывать обычные рассуждения. Что касается предписаний мусульманского закона, я бы заметил, что они были предназначены для обеспечения не только физической пригодности к браку, но и той степени умственной зрелости и образования, которая подобает женщине, собирающейся приступить к исполнению обязанностей столь серьезного положения. Пророк особо предписывает, чтобы религиозное образование молодых женщин продолжалось до момента их вступления в брак. Принимая эту точку зрения, законодатель, естественно, был бы склонен как можно дольше оттягивать период вступления в брак, чтобы дать время для развития мыслительных способностей, и поэтому он был бы менее поспешен в своих разрешениях, чем

природа в ее. Но есть некоторые другие доказательства, которые я хотел бы привести против серьезных аргументов мистера Причарда, которые, хотя и имеют менее весомый характер, не менее убедительны и, я думаю, решат вопрос в мою пользу.

Поэты в своих рассказах о любви в основном заботятся о том, чтобы показать своих героинь в первом расцвете красоты, не особо заботясь об их моральном и умственном развитии. Соответственно, мы обнаруживаем, что восточные поэты всегда изображали своих возлюбленных намного моложе возраста, предписанного Кораном. Зелике и Лейле, конечно же, нет четырнадцати лет. В Индии это различие еще более разительно. В Европе Саконтала была бы совсем маленькой девочкой, совсем ребенком. Весеннее время жизни индуистской женщины приходится на период с девяти до двенадцати лет. В китайском романе "Юй-Киао-ли" героине шестнадцать лет; ее отец в большом горе и трогательно сетует, что в столь преклонном возрасте она все еще не замужем. Римские писатели, следуя по стопам своих греческих наставников, считали пятнадцать лет периодом расцвета жизни женщины; наши собственные авторы долгое время придерживались этих моделей, но с тех пор, как идеи Севера начали оказывать свое влияние на нашу литературу, героинями наших романов становятся совершеннолетние юные леди восемнадцати лет, а очень часто и больше.[146]

Но в аргументах более серьезного характера недостатка нет. Помимо того, что я сказал о преждевременном развитии евреев в Германии, я могу указать на обратное как на особенность населения многих районов Швейцарии. Среди них физическое развитие идет настолько медленно, что половая зрелость не всегда достигается в двадцать лет. Зингарцы, или цыгане, демонстрируют такое же развитое физическое развитие, как и их индуистские предки, и под суровым небом России и Молдавии они сохраняют, вместе со своими древними представлениями и привычками, общий вид и фигуру париев.[147]

Однако я не хочу нападать на мистера Причарда по всем пунктам. Вот один из его выводов, который я с готовностью принимаю, а именно: *"разница в климате вызывает очень небольшое, если вообще имеет место, существенное разнообразие в отношении периодов жизни и физических изменений, которым подвержена конституция человека"*. [148] Этот вывод очень хорошо обоснован, и я не буду пытаться опровергнуть его; но мне кажется, что он несколько противоречит принципам, столь умело отстаиваемым ученым-физиологом и антикваром.

Читатель, должно быть, понял, что дискуссия ведется исключительно о постоянстве типа. Если можно доказать, что каждая из различных ветвей человеческого семейства обладает определенной индивидуальностью, которая не зависит от климата и течения веков и может быть стерта только смешением, вопрос о происхождении теряет малую важность; ибо в этом случае различные типы разделяются не менее полностью и бесповоротно, чем если бы их специфические различия проистекали из разнообразия происхождения.

То, что это так, мы уже доказали на основании свидетельств египетских скульптур об арабах и наших наблюдений за евреями и цыганами. Если потребуются какие-либо дополнительные доказательства, мы бы упомянули, что росписи в храмах и подземных сооружениях долины Нила, несомненно, свидетельствуют о постоянстве негритянского типа. Там мы видим те же вшлочноченные волосы, выступающий череп и толстые губы. Недавнее открытие барельефов Хорсабада [149] не вызывает сомнений в выводах, сделанных ранее на основе фигурных

памятников Персеполя, а именно: что нынешние ассирийские народы физиологически идентичны тем, кто ранее населял те же регионы.

Если бы аналогичные исследования можно было провести в отношении большего числа существующих рас, результаты были бы такими же. Мы установили факт постоянства типов во всех случаях, когда возможно расследование, и, следовательно, бремя доказывания ложится на несогласную сторону.

Их аргументы, действительно, находятся в прямом противоречии с самыми очевидными фактами. Таким образом, они утверждают, хотя самое обычное наблюдение показывает обратное, что климат *has*-то, что он вызвал изменения в еврейском типе, поскольку в Германии много светловолосых и голубоглазых евреев. Чтобы этот аргумент имел какой-либо вес в их позиции, сторонники единства расы должны признать климат единственной или, по крайней мере, главной причиной этого явления. Но приверженцы этой доктрины в других местах утверждают, что цвет глаз, волос и кожи никоим образом не зависит от географического положения или действия жары и холода.^[150] В качестве доказательства этого они справедливо ссылаются на сингалезцев, у которых голубые глаза и светлые волосы;^[151] они даже отмечают среди них очень значительную разницу в цвет лица варьируется от светло-коричневого до черного. Опять же, они признают, что самоеды и тунгусы, хотя и живут на границах Замерзшего океана,^[152] имеют чрезвычайно смуглый цвет лица. Таким образом, если климат не оказывает влияния на цвет лица, волос и глаз, эти приметы следует рассматривать как не имеющие значения или относящиеся к расовой принадлежности. Мы знаем, что рыжие волосы вовсе не редкость на Востоке и никогда такими не были; поэтому не может вызвать особого удивления, если мы время от времени встречаем их у евреев Германии. Этот факт не может быть приведен в качестве доказательства ни в пользу, ни против постоянства типов.

Сторонники единства не менее неудачливы в своих исторических аргументах. Они приводят только двоих: турок и мадьяр. Предполагается, что азиатское происхождение первых установлено вне всякого сомнения, так же как и их тесное родство с финскими ветвями лапландцев и остяков. Из этого следует, что изначально они, должно быть, обладали желтой кожей, выступающими скулами и низким ростом, характерными для монгольских рас. Когда этот вопрос решен, нам предлагается взглянуть на турок наших дней, которые демонстрируют все характеристики европейского типа. Таким образом, типы не являются постоянными, делается победоносный вывод, потому что турки претерпели такую трансформацию. "Это правда, - говорят приверженцы школы единства, - что некоторые утверждают, что в нем была примесь греческой, грузинской и черкесской крови. Но это смешение могло иметь место лишь в очень ограниченной степени; не все турки достаточно богаты, чтобы покупать себе жен на Кавказе или заполнять серали белыми рабынями; с другой стороны, ненависть, которую греки питают к своим завоевателям, и религиозные антипатии обеих наций не благоприятствовали союзу между ними, и, следовательно, мы видим, что они — хотя и населяют одну и ту же страну — в наши дни столь же различны, как и во времена завоевания".^[153]

Эти аргументы скорее надуманны, чем убедительны. Во-первых, я сильно склонен сомневаться в финском происхождении тюркской расы, потому что единственным доказательством, которое до сих пор приводилось в пользу этого предположения, является языковое родство, и ниже я приведу свои причины полагать, что этот аргумент — когда он не подкреплён никакими другими — крайне ненадежен и может быть подвергнут сомнению. Но даже если мы предположим, что

предки турецкой нации принадлежали к желтой расе, легко показать, почему их потомки так сильно отошли от этого типа.

Со времени первого появления туранских орд до того дня, когда они стали хозяевами города Константина, прошли столетия, и за этот период произошли разнообразные события; судьба западных турок была неоднозначной. Попеременно становясь завоевателями или покоренными, хозяевами или рабами, они объединялись с различными национальностями. Согласно летописцам, [154] их предки—оргузы, спустившиеся с гор Алтая, населяли во времена Авраама огромные степи Верхней Азии, которые простираются от Каята до Аральского моря, от Сибири до Тибета, и которые, как недавно было доказано, были тогда обителью многочисленных германских племен. [155] Станным обстоятельством является то, что восточные писатели впервые упоминают племена Туркестана, прославляя их за красоту лица и телосложения. [156] На них без утайки расточаются самые экстравагантные гиперболы, и поскольку у этих авторов были перед глазами самые красивые типы старого света, с которыми их можно было сравнить, маловероятно, чтобы они растратили свой энтузиазм на создания столь уродливые и отталкивающие, какими обычно являются расы чистокровной монгольской крови. Таким образом, несмотря на требования филологии, я думаю, что по этому поводу могут возникнуть серьезные сомнения. [157]

Но я готов признать, что туркменские племена действительно были, как предполагается, финского происхождения. Давайте перейдем к более позднему периоду — мусульманской эпохе. Затем мы находим эти племена, принадлежащие к различным конфессиям и находящиеся в столь же различных ситуациях, рассеянными по Персии и Малой Азии. В то время османлы еще не существовали, а их предшественники, сельджуки, уже были сильно смешаны с расами, принявшими исламизм. На примере Гайасед-дин-Кейкосрю, жившего в 1237 году, мы видим, что сельджукские князья имели обыкновение часто вступать в браки с арабскими женщинами. Должно быть, они пошли еще дальше, поскольку мы узнаем, что Аседдин, мать одной из династий сельджуков, была христианкой. Разумно предположить, что если вожди нации, которые повсюду больше всего заботятся о сохранении чистоты своей генеалогии, показали себя настолько лишенными предрассудков, то их подданные были еще менее щепетильны в этом вопросе. Их постоянные набеги, в ходе которых они охватывали обширные районы, давали им широкие возможности для захвата рабов, и есть все основания полагать, что уже в 13 веке древняя ветвь оргузов была сильно пропитана шемитской кровью.

К этой ветви принадлежал Осман, сын Ортогрула и отец османли. Но вокруг его палатки собралось всего несколько семей. Поначалу его армия была немногим лучше банды авантюристов, и тот же прием, который пополнил ряды первых строителей Рима, увеличил число приверженцев этого нового Ромула Степей. Каждый отчаянный авантюрист или беглец, какой бы нации он ни был, был желанным гостем среди них и был уверен в защите. Я предположу, что падение империи сельджуков привело к тому, что под их стандарты перешло большое количество представителей их собственной расы. Но мы уже говорили, что эта раса была очень смешанной; и, кроме того, этого пополнения было недостаточно, о чем свидетельствует тот факт, что с того времени турки начали захватывать рабов с общепризнанной целью восполнить таким образом потери, которые постоянные войны наносили в их собственных рядах. В начале 14 века султан Орхан, следуя совету своего визиря Халила Тендерели по прозвищу Черный, учредил знаменитое военное подразделение под названием "янычары". [158] Они полностью состояли из детей-христиан, захваченных в Польше,

Германии, Италии или Византийской империи, которые были воспитаны в мусульманской религии и умении обращаться с оружием. При Мухаммеде IV их численность возросла до 140 000 человек. Таким образом, здесь мы обнаруживаем приток по меньшей мере полумиллиона особей мужского пола европейской крови в течение четырех столетий.

Но вливание европейской крови этим не ограничилось. Пиратство, имевшее столь широкий размах во всем бассейне Средиземного моря, имело одной из своих главных целей пополнение гаремов. Каждая одержанная победа увеличивала число верующих в Пророка. Огромное количество военнопленных отrekliсь от христианства и с этого времени были причислены к истинно верующим. Местности, прилегающие к полю битвы, поставляли столько женщин, сколько могли захватить победители-мародеры. В некоторых случаях такого рода добыча была настолько обильной, что ею становилось неудобно распоряжаться. Хаммер рассказывает[159], что однажды самую красивую пленницу обменяли на *один ботинок*. Если учесть, что турецкое население всей Османской империи никогда не превышало двенадцати миллионов, становится очевидным, что история столь сплоченной нации не дает никаких аргументов ни за, ни против постоянства типа. Теперь мы перейдем ко второму историческому аргументу, выдвинутому верующими в единство.

"Магьяры, - говорят они, - финского происхождения, почти родственны лапландцам, самоедам и эскимосам, все они люди низкого роста, с крупными лицами, выступающими скулами и желтоватым или грязно-коричневым цветом лица. И все же магьяры высоки, хорошо сложены и имеют красивые черты лица. Финны всегда были слабыми, неразумными и угнетенными; магьяры, напротив, занимают выдающееся положение среди завоевателей земли и известны своей любовью к свободе и независимости. Поскольку они настолько превосходят, как физически, так и морально, все побочные ветви финского рода, из этого следует, что они претерпели огромную трансформацию".[160]

Если бы такая трансформация когда-либо имела место, она действительно была бы удивительной и необъяснимой даже для тех, кто приписывает типам наименьшую стабильность, поскольку она должна была произойти в течение последних 800 лет, в течение которых, как мы знаем, соотечественники святого Стефана[161] мало смешивались с окружающими народами. Но весь ход рассуждений основан на ложных предпосылках, поскольку венгры, несомненно, не финского происхождения. Г-н А. Де Герандо[162] поставил этот факт вне всяких сомнений. Он доказал, опираясь на авторитет греческих и арабских историков, а также венгерских летописцев и неоспоримые филологические аргументы, что магьяры являются осколком того великого наплыва народов, который захлестнул Европу под именем гуннов. Будут возражать, что это просто дает венграм другое происхождение, но которое не менее тесно связывает их с желтой расой. Это не так. Обозначение "гунны" применимо не только к нации, но и является собирательным наименованием очень разнородной массы. Среди племен, сплотившихся под знаменами Атиллы и его предков, были такие, которые во все времена отличались от остальных термином *белые гунны*. Среди них преобладала германская кровь.[163] Это правда, что тесный контакт с желтой расой несколько искажил породу; но сам этот факт особенно ярко проявляется в несколько угловатом и костлявом строении лица венгров. Следовательно, я прихожу к выводу, что магьяры были *белыми гуннами* германского происхождения, хотя и слегка смешанного с монгольской расой.

Филологическая трудность, связанная с тем, что они говорят на негерманском диалекте, не является непреодолимой. Я уже упоминал о монгольских скифах, которые все же говорили на арийском языке;[164] Более того, я мог бы сослаться на нормандских поселенцев во Франции, которые вскоре после своего завоевания в значительной степени сменили свой скандинавский диалект на кельтолатынь своих подданных,[165] откуда произошло то единственное соединение, называемое нормандско-французским, которое последователи Вильгельма Завоевателя завезли в Англию и которое сейчас составляет элемент английского языка.

Следовательно, нет оснований предполагать, что влияние климата и изменение привычек превратили лапландца, или остяка, или тунгуса, или пермяка в Святого Стефана или Кошута.

Таким образом, я, как мне кажется, опроверг единственные два исторических примера, которые приводят сторонники единства видов, - предполагаемое изменение типа под влиянием местных обстоятельств и перемены привычек, и, более того, привел несколько примеров, когда эти причины не могли вызвать никаких изменений; факт постоянства типа кажется мне неоспоримо установленным.[166] Таким образом, какую бы сторону мы ни приняли, верим ли мы в изначальное единство или изначальное разнообразие, несущественно; несколько групп человеческого вида в настоящее время настолько совершенно отделены друг от друга, что никакое внешнее влияние не может стереть их отличительные особенности. Постоянство этих различий, пока нет смешения, приводит к точно таким же физическим и моральным результатам, как если бы группы были множеством различных творений.

В заключение я повторяю то, что сказал выше, а именно, что у меня есть очень серьезные сомнения относительно единства происхождения. Эти сомнения, однако, я вынужден подавить, потому что они противоречат научному факту, который я не могу опровергнуть, — плодovitости полукровок; и, во-вторых, что имеет для меня гораздо больший вес, они ставят под сомнение религиозную интерпретацию, санкционированную церковью.

ГЛАВА XII.

Содержание

КЛАССИФИКАЦИЯ РАС.

Первичные разновидности —Тест для их распознавания; не всегда надежный—Эффекты смешения—Вторичные разновидности—Третичные разновидности—Слияние рас в больших городах—Относительный масштаб красоты в различных ветвях человеческого семейства —Их неравенство в мышечной силе и выносливости.

[Руководя публикацией этой работы, я счел уместным опустить в этом месте часть перевода, поскольку она содержит идеи и предположения, которые, хотя и могут быть новыми для французской публики, часто излагались английским читателям и столь же часто оказывались несостоятельными. Это упущение, однако, не затрагивает ни одной

существенной черты книги, ни одного звена в цепи аргументации. Это не идет дальше отвлеченной попытки автора объяснить различия, наблюдаемые в различных ветвях человеческой семьи, путем представления существования космогональных причин, давно исчезнувших, но действовавших некоторое время вскоре послесотворения человека, когда земной шар все еще находился в зарождающемся и хаотичном состоянии. Должно быть очевидно, что все подобные спекуляции никогда не смогут перебросить мост через широкую пропасть, которая отделяет *гипотезы* от *фактов*. Они предоставляют безграничное поле для игры богатому воображению, но никогда не выдержат испытания критикой. Даже если бы мы предположили, что такие причины вызвали разнообразие в человеческой семье в первобытные времена, все созданные таким образом типы должны были погибнуть во время потопа, за исключением того, к которому принадлежали Ной и его семья. Однако, если бы эти авторы были склонны отрицать универсальность Всемирного потопа, они, очевидно, совершили бы большее насилие над языком Священного Писания, чем сразу предположив множественность происхождения человечества.

Законной областью гуманитарной науки является исследование законов, которые *сейчас* управляют материальным миром. Дальше этого дело не может идти. Все, что признано не подпадающим под действие этих законов, не относится к его компетенции. Мы доказали, и я думаю, это общепризнано, что фактические разновидности человеческого семейства *постоянны*; что в настоящее время *не существует причин*, действующих в настоящее время, которые могли бы их преобразовать. Таким образом, нельзя с полным основанием сказать, что исследование этих причин относится к области гуманитарных наук. Что касается их различных систем классификации, натуралистам может быть позволено спорить о единстве или множественности видов, потому что использование слова "вид" более или менее произвольно; это средство обеспечить удобное расположение. Но никто, я надеюсь, никогда не осмелится проникнуть в тайны Созидательной Силы — бросить вызов воле Всемогущего и исследовать его *средства*. —X.]

При исследовании моральных и интеллектуальных различий рас нет такой большой трудности, как точная классификация. Я склонен считать, что разделения на три большие группы достаточно для всех практических целей. Эти группы я буду называть первичными разновидностями, не в смысле отдельных творений, а как обладающие очевидными и четко определенными отличительными характеристиками. Я бы обозначил их соответственно терминами "белый", "желтый" и "черный". Я осознаю неточность этих названий, потому что цвет лица не всегда является отличительной чертой этих групп: необходимо принимать во внимание другие, более важные физиологические особенности. Но поскольку я не имею права изобретать новые названия и, следовательно, вынужден выбирать из тех, которые уже используются, я выбрал эти, потому что, хотя они ни в коем случае не являются правильными, они показались мне предпочтительнее других, заимствованных из географии или истории, и не так склонны, как последние, вносить путаницу, которая и так уже достаточно сбивает с толку исследователя этого предмета. Чтобы устранить любое неправильное представление здесь и далее, я хочу, чтобы было четко понято, что под "белыми" расами я подразумеваю те, которые обычно объединяются под названием кавказская, шемитская, яфетическая; под "черной" - хамитская, африканская и т.д.; под "желтой" - алтайская, монгольская, финская и татарская. Я считаю, что это три категории, к которым можно отнести все расы человеческого семейства. Ниже я объясню свои причины, по которым я не выделяю американских индейцев в отдельную разновидность и причисляю их к желтым расам.[167]

Очевидно, что каждая из этих групп включает расы, очень непохожие друг на друга, каждая из которых, помимо общих характеристик, присущих всей группе, обладает и другими, присущими только ей. Таким образом, в группе черных рас мы находим заметные различия: племена с выступающим черепом и курчавыми волосами, индусы низкой касты Камауна и декхана, пелагианские негры Полинезии и т.д. В желтой группе - тунгусы, монголы, китайцы и др. Есть все основания полагать, что эти подвиды являются ровесниками; то есть те же причины, которые породили один, породили в то же время и все остальные.

Кроме того, чрезвычайно трудно определить типичный признак каждой разновидности. В белой, а также в желтой группе смешение подвидов настолько велико, что невозможно точно определить тип. В черной группе этот тип, возможно, различим; по крайней мере, он сохранен в своей наибольшей чистоте.

Для установления относительной чистоты или смешения рас многими был принят критерий, который они считают безошибочным: это сходство лица, формы, телосложения и т.д. Предполагается, что чем чище сохранила себя раса, тем больше должно быть внешнего сходства у всех составляющих ее индивидуумов. Напротив, значительные и разнообразные смешения привели бы к бесконечному разнообразию внешности у индивидуумов. Этот факт неоспорим и имеет большую ценность для этнологической науки, но я не думаю, что он настолько надежен, как некоторые предполагают.

Смешение рас действительно поначалу порождает индивидуальное притворство, ибо лишь немногие индивиды принадлежат в одинаковой степени к какой-либо из рас, составляющих смесь. Но предположим, что со временем слияние стало полным — что каждый отдельный представитель смешанной расы имел точно такую же долю смешанной крови, как и любой другой, — тогда он не мог бы сильно отличаться от своего соседа. Вся масса, в таком случае, должна представлять ту же общую однородность, что и чистая раса. Следовательно, совершенное слияние двух рас одной и той же группы привело бы к появлению нового типа, представляющего фиктивную видимость чистоты и воспроизводящего себя в последующих поколениях.

Следовательно, я полагаю возможным, что "вторичный" тип может со временем приобрести все характеристики "первичного" типа, а именно: сходство составляющих его индивидов. Время, затраченное на это полное слияние, обязательно было бы соизмеримо с первоначальным разнообразием составляющих элементов. Там, где объединяются две расы, принадлежащие к разным группам, такое полное слияние, вероятно, никогда не было бы возможным. Я могу проиллюстрировать это на примере отдельных людей. У родителей самых разных народов, как правило, есть дети, мало похожие друг на друга — некоторые, по-видимому, больше похожи на отца, некоторые - на мать. Но если оба родителя одного и того же или, по крайней мере, однородного происхождения, их потомство практически не отличается разнообразием; и хотя дети могут не походить ни на одного из родителей, они будут склонны походить друг на друга.

Чтобы отличать разновидности, образующиеся в результате слияния ближайших рас, от разновидностей, являющихся результатом смешения рас, принадлежащих к различным группам, я буду называть последние *третичными* разновидностями. Таким образом, курчавоголовый негр и пелагиец являются "первичными" разновидностями, принадлежащими к одной и той же группе; их потомство я бы назвал "вторичной" разновидностью; но девственная плева любого из них с расой, принадлежащей к белой или желтой группам, произвела бы

"третичную" разновидность. К этому последнему, таким образом, принадлежат мулаты, или помесь белого с черным, и полинезийцы, которые представляют собой помесь черного с желтым.^[168] Полукровки этого вида демонстрируют, в различных пропорциях и степени, особые характеристики обеих предковых рас. Но полное слияние, как в случае ветвей одной и той же группы, вероятно, никогда не является результатом объединения двух совершенно непохожих рас или, по крайней мере, потребовало бы несоизмеримого промежутка времени.

Если третичный тип снова модифицируется путем смешения с другим, как это имеет место при скрещивании мулата и монгола или полинезийца и европейца, этническая смесь слишком велика, чтобы позволить нам, при нынешнем состоянии науки, прийти к каким-либо общим выводам. Похоже, что каждая дополнительная смесь увеличивает трудность полного слияния. В популяции, состоящей из огромного количества разнородных этнических элементов, потребовались бы бесчисленные века для тщательного слияния, то есть настолько полного смешения, что каждый индивид имел бы точно такой же вид и относительную долю смешанной крови, как и любой другой. Следовательно, из этого следует, что в популяции, составленной таким образом, существует бесконечное разнообразие форм и черт среди индивидов, некоторые из которых больше относятся к одному типу, чем к другому. Другими словами, поскольку между различными типами нет равновесия, они появляются то тут, то там без какой-либо видимой причины.

Мы наблюдаем это зрелище среди великих цивилизованных наций Европы, особенно в их столицах и морских портах. В этих огромных человеческих водоворотах было поглощено все возможное разнообразие нашего биологического вида. Негры, китайцы, татары, готтентоты, индийцы, малайцы и все второстепенные разновидности, полученные в результате их смешения, внесли свой вклад в население наших крупных городов. Со времен римского владычества это слияние постоянно увеличивалось и продолжает увеличиваться пропорционально тому, как наши изобретения сближают различные части земного шара. В той или иной степени это затрагивает все классы, но особенно низшие. Среди них вы можете увидеть все более или менее представленные типы человеческого семейства. В Лондоне, Париже, Кадисе, Константинополе, на любом из крупных рынков и магистралей мира низшие *слои коренного* населения демонстрируют всевозможное разнообразие, от выступающего черепа до пирамидальной формы: вы найдете одного человека с волосами, торчащими, как у негра; другого с глазами древнего немца или раскосыми глазами китайца; третьего с совершенно шемитским выражением лица; однако все трое могут быть близкими родственниками и были бы очень удивлены, если бы им сказали, что в их жилах течет не самая чистая белая кровь. вены. В этих обширных местах скопления человечества, если бы вы могли взять первого встречного — местного жителя — и подняться по его генеалогическому древу на любую высоту, вы, вероятно, были бы поражены странной родословной на вершине.

Теперь можно спросить, существует ли для всех различных рас, о которых я говорил, только один стандарт красоты, или у каждой он свой? Гельвеций в своем "De l'Esprit" утверждает, что идея красоты чисто условна и изменчива. В свое время это утверждение нашло много сторонников, но в настоящее время оно вытеснено более философской теорией, согласно которой концепция прекрасного является абсолютной и неизменной идеей и никогда не может иметь чисто необязательного применения. Полагая, что последняя точка зрения верна, я без колебаний сравниваю различные человеческие расы с точки зрения красоты и устанавливаю регулярную шкалу градаций. Таким образом, если мы сравним различные расы, от нескладной

внешности пелагея или пещере до благородных пропорций Карла Великого, выразительной правильности черт лица Наполеона или величественного лика Людовика XIV, мы обнаружим у низших на шкале своего рода зачаточное развитие красоты, которая привлекает нас у высших; и пропорционально совершенству этого развития расы поднимаются по шкале красоты.[169] Принимая белую расу за эталон красоты, мы воспринимаем всех остальных более или менее отступающими от этой модели. Таким образом, существует неравенство в отношении красоты между различными человеческими расами, и это неравенство является постоянным и неизгладимым.[170]

Следующий вопрос, который необходимо решить, заключается в том, существует ли также неравенство в физической силе. Нельзя отрицать, что американские индейцы и индусы значительно уступают нам в этом отношении. То же самое можно смело утверждать и об австралийцах. Даже негры обладают меньшей мускульной силой.[171] Необходимо, однако, различать чисто мышечную силу — ту, которая проявляется внезапно в данный момент, — и силу сопротивления или способность к выносливости. Степень первого измеряется его интенсивностью, второго — продолжительностью. Из двух последний является типичным — стандартом, по которому можно судить о возможностях рас. Огромная мускульная сила встречается среди рас, заведомо слабых. Например, среди низших негритянских племен было бы нетрудно найти людей, которые могли бы сравниться с опытным европейским борцом или английским боксером. Это в равной степени верно для ласкаров и малайцев. Но мы должны взять массы и судить по количеству продолжительного, упорного труда и усталости, на которые они способны. В этом отношении белые расы, несомненно, имеют право на превосходство.

Но, опять же, среди белых рас есть различия как в красоте, так и в силе, которые даже обширное этническое смешение, присущее европейским нациям, не полностью уничтожило. Итальянцы красивее французов и испанцев, но еще красивее швейцарцев и немцев. Англичане также отличаются высокой степенью телесной красоты; славянские народы сравнительно скромны.

По мускульной силе англичане стоят намного выше всех других европейских наций; но французы и испанцы значительно превосходят их в выносливости: они меньше страдают от усталости, лишений, суровости и перемен климата. Этот вопрос был бесспорно решен роковой кампанией в России. В то время как немцы и другие войска с Севера, которые все же привыкли к суровым холодам, были почти полностью уничтожены, французские полки, хотя и заплатили страшно дорогую цену за свое отступление, тем не менее спасли наибольшее количество людей. Некоторые пытались объяснить это предполагаемым превосходством французов в военном воспитании и воинском духе. Но немецкие офицеры, несомненно, имели такое же высокое представление о солдатском долге, такое же возвышенное чувство чести, как и наши солдаты; и все же они гибли в невероятно большем количестве. Я думаю, вряд ли можно оспаривать тот факт, что массы населения Франции обладают превосходством в определенных физических качествах, которое позволяет им с большей безнаказанностью, чем большинству других наций, противостоять ледяным снегам России и жгучим пескам Египта.

ПРИМЕЧАНИЕ К ПРЕДЫДУЩЕЙ ГЛАВЕ.

Положение и обращение с женщиной среди различных рас мужчин являются доказательством их морального и интеллектуального разнообразия.

Читатель простит меня, если к предложенной г-ном Гобино шкале градаций красоты и физической силы я добавлю другую, столь же точную, как мне кажется, если не более важную, и, безусловно, не менее интересную. Я имею в виду то, как относятся к слабому полу среди различных человеческих рас.

По словам Ван Амринджа, "от жестокого новголландца, который защищает свою жену, сбивая ее с ног дубинкой и таща добычу в свою пещеру, до утонченного европейца, который со страхом, но уважительно и усердно проводит испытательный срок в месяцы или годы для своей лучшей половины, восхождение можно проследить с неизменной точностью". Тот же автор справедливо утверждает, что если бы какой-либо принцип можно было вывести из аналогии с животными, то это, несомненно, было бы единообразное отношение к женскому полу среди всех человеческих рас; ибо животные удивительно единообразны в отношениях самца и самки у одного и того же вида. И все же среди некоторых человеческих рас *полигамия преобладала всегда, среди других - никогда*. Разве ни один натуралист не стал бы рассматривать в качестве отдельных видов животных одного и того же рода, столь отличающихся друг от друга? Эта тема до сих пор не привлекла должного внимания этнологов. "Когда мы слышим о расе людей, - говорит тот же автор, - подвергающейся тирании другой расы либо из-за личного рабства, либо из-за более легких условий уплаты дани, наши симпатии заручаются их поддержкой, и наши постоянные добрые пожелания, если не наши усилия, сопровождают их. Но когда мы слышим о сотнях миллионов самых искренних и мягкосердечных человеческих созданий, которые попираются во всем, что дорого человеческому сердцу, наше сочувствие, которое так свободно расходуется на более незначительные поводы или воображаемое зло, едва пробуждается к их сокрушительному горю".

Вместе с автором, из которого я уже сделал многочисленные выдержки, я считаю, что *моральное и интеллектуальное разнообразие* человеческих рас не может быть тщательно и точно исследовано без принятия во внимание отношений, которые в наибольшей степени влияют как на индивидуальный, так и на национальный прогресс и развитие и которые являются результатом положения, занимаемого женщиной по отношению к мужчине. Эта истина не ускользнула от внимания бывших исследователей — было бы странно, если бы это произошло, — но они удовлетворились утверждением, что состояние женского пола указывало на уровень цивилизации. Если бы они сказали о внутренней ценности различных рас, я бы с радостью согласился. Но возвышение или деградация женщины на социальной лестнице обычно рассматривается как *результат*, а не как *причина*. Говорят, что все варвары обращаются со своими женщинами как с рабынями; но по мере того, как они развиваются в цивилизации, женщина постепенно поднимается до своего законного положения.

Ради аргументации я предположу, что все ныне цивилизованные нации поначалу относились к своим женщинам так, как настоящие варвары относятся к своим. То, что это не так, я надеюсь установить вне всякого сомнения; но, предполагая, что это так, не может ли тот факт, что некоторые отказались от такого обращения, в то время как другие этого не сделали, быть приведен как доказательство неравенства рас? "Закон соотношения полов, - говорит Ван Амриндж, - более глубоко запечатлен в природе человека, чем какой-либо другой; потому что,

какие бы теории ни были приняты в отношении происхождения общества, языков и т.д., нельзя сомневаться, что *влияние женщины должно было предшествовать каким-либо улучшениям первоначального состояния человека*. Следовательно, это было предшествующим и превосходящим образование и правительство. В том, что эти отношения сыграли важную роль в зарождении развития, придав ему направление и характер в соответствии с действующими и управляемыми природой, не может сомневаться ни один человек, который обращал хоть малейшее внимание на внутренние влияния, из которых и под влиянием которых зародились образование, обычаи и управление ".

Но я полностью отрицаю, что все расы на начальном этапе своего развития одинаково относились к своим женщинам. Нет не только исторических свидетельств, подтверждающих, что *какая-либо* из белых рас когда-либо находилась в таком состоянии варварства и морального унижения, в каком большинство темных рас находятся по сей день и всегда были, но есть и положительные свидетельства того, что наши варварские предки отводили женщине то же положение, которое мы отводим ей сейчас: она была спутницей, а не рабыней мужчины. Я уже упоминал об этом в предыдущей заметке о тевтонских расах; однако я не могу не вернуться к этому снова.

Поскольку у меня нет места для пространного обсуждения, я упомяну лишь один факт, который я считаю убедительным и который основывается на неопровержимых исторических свидетельствах. "Для немецкого ума, - говорит Тацит (перевод Мерфи, том vii. 8), - мысль о женщине, уведенной в плен, невыносима. Вследствие этого преобладающего настроения государства, которые передают в качестве заложниц дочерей знатных семей, связаны самыми действенными обязательствами". Если бы это утверждение основывалось только на авторитете Тацита, оно, возможно, было бы поставлено под сомнение. Можно было бы сказать, что прославленный римлянин нарисовал идеальную картину и т.д. Но Цезарь имел дело с реальностью, а не с идеалами; он был проницательным, практичным государственным деятелем и способным полководцем; и все же Цезарь брал в заложницы женщин из германских племен, предпочитая их мужчинам. Предположим, что Цезарь развязал войну против короля Ашанти и забрал некоторых из его трех тысяч трехсот тридцати трех жен, и мистическое число, таким образом насильственно измененное, могло бы встревожить нацию, чье благополучие, как предполагается, зависит от этого; но несчастье вскоре было бы устранено.

Но можно продемонстрировать не только то, что не все расы одинаково относились к своим женщинам на первой стадии своего развития, но также и то, что ни одна раса, которая изначально отводила женщине низшее положение, никогда не поднимала ее с него на какой-либо последующей стадии развития. Я выбираю китайцев для иллюстрации, потому что они дают нам пример продолжительного и регулярного интеллектуального прогресса,^[172] который, однако, никогда не приводил к изменению положения женщины в социальной структуре. Упадочные китайцы наших дней смотрят на женскую половину своей нации так же, как быстро прогрессирующие китайцы седьмого и восьмого веков; а последние - точно так же, как их варварские предки, подданные императора Фоу, более двадцати веков назад.

Я повторяю, что отношения полов у различных рас одинаково различны на каждой стадии развития. Состояние общества может измениться, тенденция расы - никогда. Способности могут быть развиты, но никогда не утрачены.

Подобно тому, как матери и жены наших тевтонских предков находились рядом с полем битвы, чтобы подкрепить измученных бойцов, остановить кровотечение из их ран и вселить новую отвагу в отчаявшихся, так и в наше время матроны и девицы высочайшего ранга - достойные дочери героических предков — были найдены тысячами, готовыми пожертвовать домашним комфортом и тишиной ради ужасов больницы.^[173] Как грубый воин прежних времен завоевывал свою возлюбленную доблестными делами, так и для его цивилизованного потомка рука его любовницы является призом и наградой за усилия. Жены и матери древних германцев и кельтов были советчиками своих сыновей и мужей в самых важных делах; наши жены и матери являются нашими советчиками в наших более мирных занятиях.

Но араб, достигнув кульминации своей цивилизации и став учителем наших средневековых предков в науке и искусстве, смотрел на своих многочисленных жен в том же свете, в каком его брат, скитающийся по пустыне, смотрел раньше и смотрит сейчас. Я не требую от всех этих рас, чтобы они присваивали своим женщинам тот же ранг, что и мы. Если бы интеллектуальный прогресс и социальное развитие среди них показали хоть малейшую тенденцию к тому, чтобы в конечном итоге изменить положение женщины по отношению к своему господину, я мог бы согласиться с мнением тех, кто рассматривает это положение как результат такого прогресса и такого развития. Но я не могу найти в истории этих рас ни малейшего указания на такой результат, и все мои наблюдения приводят меня к выводу, что отношения между полами являются причиной, а не следствием.

Характер женщин разных рас отличается в существенных чертах. Какая огромная разница, например, между женщинами грубых крестоносцев, захвативших Константинополь, и более цивилизованными византийскими греками, которых они так легко покорили; между героической матроной из варварской Германии и высокоцивилизованной китайкой! Эти различия не могут быть полностью результатом воспитания, в противном случае мы вынуждены рассматривать женский пол как простые автоматы. Они должны быть результатом разнообразия характеров. И почему бы при исследовании морального и интеллектуального разнообразия рас и естественной истории человека не принять во внимание особенности, характеризующие женскую часть каждой расы, часть — я вынужден сделать это банальное замечание, потому что многие исследователи, похоже, забывают об этом, — которая составляет по крайней мере половину особей, подлежащих описанию? -X.

ГЛАВА XIII.

Содержание

СПОСОБНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ.

Несовершенные представления о возможностях диких племен—Параллель между нашей цивилизацией и теми, что ей предшествовали—Наши современные политические теории не новы—Политические партии Рима—Общества мира—Искусство печатать средства, результаты которого зависят от их использования—Что представляет собой "живую" цивилизацию—Пределы сферы интеллектуальных приобретений.

Чтобы в совершенстве понять различия, существующие между расами в отношении их интеллектуальных способностей, необходимо установить самую низкую степень глупости, на которую способно человечество. Низшие ветви человеческой семьи до сих пор представлялись большинством научных наблюдателей значительно более униженными, чем они есть на самом деле. Первые рассказы о племени дикарей почти всегда изображают их в преувеличенных красках самого мрачного оттенка и приписывают им такую крайнюю интеллектуальную неспособность рассуждать, что они, кажется, опускаются до уровня обезьяны и ниже уровня слона. Действительно, есть некоторые контрасты. Пусть мореплавателя хорошо примут на каком-нибудь острове, пусть ему удастся убедить нескольких туземцев поработать, пусть даже немного, с моряками, и счастливое племя будет осыпано похвалами: его объявят способным ко всякому усовершенствованию; и, возможно, хвалебник зайдет так далеко, что заявит, что нашел среди них умы самого высокого порядка.

Против обоих этих суждений мы должны возразить — одно слишком благоприятно, другое слишком сурово. Из того, что какие-то уроженцы Таити помогали ремонтировать китобойное судно или какой-то житель Тонга Табу проявлял добрые чувства к белым чужеземцам, высадившимся на его острове, не следует, что они способны воспринять нашу цивилизацию или подняться на один уровень с нами. Мы также не вправе причислять к животным бедных обитателей недавно открытого побережья, которые встречают своих первых посетителей градом камней и стрел или которых застают за изысканным ужином из сырых ящериц и комьев глины. Такая еда, на самом деле, не свидетельствует об очень высоком интеллекте или утонченных манерах. Но даже в самом отвратительном каннибале скрыта искра божественного пламени, и разум может быть до известной степени пробужден. Нет племен, настолько деградировавших, чтобы они в какой-то степени не рассуждали, правильно или нет, о вещах, которые их окружают. Этот луч человеческого разума, каким бы слабым он ни был, отличает самого деградировавшего дикаря от самого разумного животного и делает его способным воспринять религиозные учения.

Но подвержены ли эти умственные способности, которыми обладает каждый индивид нашего вида, неограниченному развитию? Обладают ли все люди одинаковой способностью к интеллектуальному прогрессу? Другими словами, может ли самосовершенствование поднять все различные расы до одинакового интеллектуального уровня? и не накладывается ли никаких ограничений на возможности совершенствования нашего вида? Мой ответ на эти вопросы таков: все расы способны совершенствоваться, но все не могут достичь одинаковой степени совершенства, и даже самые избранные не могут превысить определенный предел.

Идея бесконечного совершенства приобрела много сторонников в наше время, потому что мы, как и все, кто был до нас, гордимся тем, что обладаем преимуществами и пунктами превосходства, неизвестными нашим предшественникам. Я уже говорил об отличительных чертах нашей цивилизации, но охотно вернусь к этой теме снова.

Можно сказать, что во всех областях науки мы обладаем более ясными и правильными представлениями; что в целом наши манеры более утонченны, а наш моральный кодекс предпочтительнее кодекса древних. Далее утверждается, как главное доказательство нашего превосходства, что у нас более четкие, справедливые и терпимые идеи в отношении политической свободы. Нет недостатка в теоретиках-сангвиниках, которые утверждают, что наши открытия в области политической науки и наши просвещенные взгляды на права

человека в конечном итоге приведут нас к тому всеобщему счастью и гармонии, которые древние тщетно искали в легендарном саду Гесперид.

Эти высокие претензии вряд ли выдержат проверку суровой исторической критикой.

Если мы превосходим предыдущие поколения в научных знаниях, то это потому, что мы внесли свою лепту в открытия, которые они нам завещали. Мы их наследники, их ученики, их продолжатели, точно так же, как будущие поколения будут нашими. Мы добиваемся больших результатов, применяя силу пара; мы решили множество великих проблем в механике и поставили стихии себе на службу, как покорных рабов. Но приближают ли нас эти успехи к всеведению? Самое большее, они могут позволить нам в конечном итоге постичь все тайны материального мира. И когда мы достигнем этого великого завоевания, для которого еще предстоит сделать так много такого, что еще не начато и даже не предвидится, продвинулись ли мы хоть на шаг дальше простого изложения законов, управляющих материальным миром? Возможно, мы научились направлять свой полет по воздуху, приближаясь к границам пригодной для дыхания атмосферы; возможно, мы открыли и разъяснили несколько интересных астрономических проблем; возможно, у нас больше возможностей управлять природой и заставлять ее удовлетворять наши потребности, но могут ли все эти знания сделать нас лучше, счастливее? Предположим, мы сосчитали бы все планетные системы и измерили необъятные области космоса, знали бы мы о великой тайне существования больше, чем те, что были до нас? Добавит ли это одну новую способность человеческому уму или облагородит человеческую природу путем искоренения одной дурной страсти?

Признавая, что мы более просвещены в некоторых вопросах, во многих ли других отношениях мы уступаем нашим более отдаленным предкам? Можно ли сомневаться, например, в том, что в времена Авраама о первобытных традициях было известно гораздо больше, чем о сомнительных лучах, дошедших до нас? Сколькими открытиями, которыми мы обязаны простой случайности или которые являются плодами мучительных усилий, были утрачены в далекие века? Сколько еще не восстановлено? Что есть в самых великолепных наших произведениях такого, что может сравниться с теми чудесами, которыми Египет, Индия, Греция и Америка все еще свидетельствуют о величии и великолепии стольких зданий, которые исчезли под тяжестью веков, гораздо большей, чем из-за бессильного опустошения человека? Каковы наши произведения искусства по сравнению с произведениями Афин; наши мыслители по сравнению с александрийскими или индийскими; наши поэты по сравнению с Вальмики, Калидасой, Гомером, Пиндаром?

Правда в том, что мы следуем в направлении, отличном от направления человеческих обществ, цивилизация которых предшествовала нашей. Мы применяем наш разум к разным целям и разным исследованиям; но в то время как мы расчищаем и возделываем новые земли, мы вынуждены пренебрегать и предавать бесплодию те, которым они посвятили свое внимание. То, что мы приобретаем в одном направлении, мы теряем в другом. Мы не можем назвать себя выше древних, если только мы не сохранили по крайней мере основные приобретения предшествующих эпох во всей их целостности и не преуспели в установлении рядом с ними великих результатов, к которым стремились как они, так и мы. Наши науки и искусства, дополняющие их собственные, не позволили нам ни на шаг приблизиться к решению великих проблем существования, тайн жизни и смерти. "Я ищу, но не нахожу" всегда было и всегда будет унижительным признанием науки, пытающейся проникнуть в тайны, скрытые завесой,

приподнять которую не дано смертному. В критике[174] мы, несомненно, намного опережаем наших предшественников; но критика подразумевает классификацию, а не обобщение.

Мы также не можем справедливо гордиться каким-либо превосходством в отношении политических идей. Политические и социальные теории были столь же распространены в Афинах после эпохи Перикла, как и в наши дни. Чтобы убедиться в этом, необходимо только изучить Аристофана, комедии которого Платон рекомендует к прочтению всем, кто желает познакомиться с общественной моралью города Минервы. Утверждалось, что наша нынешняя структура общества и структура общества древних не допускают сравнения из-за института рабства, который составлял элемент последнего. Но единственная реальная разница заключается в том, что тогда у демагогии была еще более плодородная почва, на которой она пустила корни. Рабы тех дней находят своего точного аналога в наших рабочих классах и пролетариях.[175] Афинский народ, умиловляющий свой рабский класс после битвы при Аргинусах, можно принять за картину девятнадцатого века.

Посмотрите на Рим. Откройте письма Цицерона. Каким образом умеренного тори был этот великий римский оратор; какое сходство между его республикой и нашими конституционными политическими органами в том, что касается языка партий и парламентских дебатов! Там тоже фон картины был занят деградировавшими массами раболепного и привилегированного населения, всегда стремящегося к переменам и готового подняться на настоящий бунт.

Давайте оставим те отбросы населения, чье гражданское существование закон игнорировал, и которые имели значение в политике лишь как грозный инструмент создания индивидуумов свободного рождения. Но разве свободное население Рима не является идеальным аналогом современного политического органа? Есть толпа, требующая хлеба, жадная до зрелищ, лести, безвозмездных раздач и развлечений; средние классы (*буржуазия*), монополизирующие и делящие между собой государственные должности; наследственная аристократия, на которую постоянно нападают со всех сторон, которая постоянно теряет позиции, пока не вынуждена в целях простой самообороны отказаться от всех притязаний на превосходство и установить равные права для всех. Разве это не совершенное сходство?

Среди безграничного разнообразия мнений, которые звучат в наши дни, нет ни одного, у которого не было бы сторонников в Риме. Некоторое время назад я упоминал о письмах, написанных с виллы в Тускулуме; они выражают настроения римской консервативной *прогрессистской* партии. Рядом с Суллой радикалами были Помпей и Цицерон.[176] Их взгляды были недостаточно радикальны для Цезаря; слишком радикальны для Катона. В более поздний период мы находим у Плиния младшего мягкого роялиста, друга спокойствия, пусть и некоторой ценой. Опасаясь слишком большой свободы, но в то же время завидуя слишком абсолютной власти; очень практичный в своих взглядах, мало заботящийся о поэтическом великолепии эпохи Фабиев, он предпочел более прозаичное правление Траяна. Были и другие, не разделявшие его мнения, хорошие люди, которые боялись восстания, возглавляемого каким-нибудь новым Спартаксом, и которые поэтому считали, что император не может слишком крепко держать бразды правления. Затем были другие, из провинций, которые неистово требовали и получали то, что сейчас назвали бы "конституционными гарантиями". Опять же, были социалисты, и их взгляды нашли не меньшего толкователя, чем галльский цезарь К. Юний Постумий, который восклицает: "Div et pauper, inimici", богатые и бедные - враги прирожденные.

Каждый человек, который хоть как-то претендовал на участие в событиях дня, заявлял об абсолютном равенстве всех людей, их "неотъемлемых правах", очевидной необходимости и конечной универсальности греко-латинской цивилизации, ее превосходстве, ее мягкости, ее будущем прогрессе, даже гораздо большем, чем тот, который был достигнут на самом деле, и, прежде всего, о ее вечности. Эти идеи не были простой гордостью и утешением язычников; они были твердыми надеждами и чаяниями первых и наиболее прославленных Отцов Церкви, чьи чувства нашли столь красноречивого истолкователя у Тертуллиана.

И в качестве последнего штриха, завершающего картину, давайте не будем забывать тех людей, которые тогда, как и сейчас, составляли самую многочисленную из всех партий: тех, кто ни к кому не принадлежал, — людей, которые слишком слабоумны, или безразличны, или боязливы, или испытывают отвращение, чтобы ухватиться за истину среди витающих вокруг них противоречивых теорий, - людей, которые довольствуются порядком, когда он существует, пассивно подчиняются во времена беспорядка и неразберихи; которые восхищаются увеличением удобств жизни, неизвестных их предкам, и которые, не думая дальше, сосредоточивают свои надежды на будущем и на том, чтобы жить в согласии с ним. гордость за настоящее, за размышления: "Какими замечательными удобствами мы пользуемся сейчас".

Были бы какие-то основания верить в улучшение политической науки, если бы мы изобрели какой-нибудь правительственный механизм, который до сих пор был неизвестен или, по крайней мере, никогда не применялся на практике. Мы не можем присвоить себе эту славу. Ограниченные монархии были известны во все века. Есть даже несколько очень любопытных примеров этой формы правления, встречающихся у некоторых индейских племен, которые, тем не менее, остались дикарями. Демократические и аристократические республики всех форм, сбалансированные самым разнообразным образом, процветали как в новом, так и в старом свете. Тлашкала является такой же совершенной моделью такого рода, как Афины, Спарта или Мекка до времен Мухаммеда. И даже если предположить, что мы применили к государственной науке какой-то вторичный принцип нашего собственного изобретения, оправдывает ли это нашу преувеличенную претензию на неограниченное совершенствование? Давайте лучше будем скромнее и скажем вместе с мудрейшим из королей: *"Ноль новизны под солнцем"*.^[177]

Говорят, что наши нравы мягче, чем в других великих человеческих обществах; это утверждение также очень открыто для критики. Есть некоторые филантропы, которые хотели бы побудить народы больше не прибегать к помощи армий для разрешения своих ссор. Идея заимствована у Сенеки. Некоторые восточные мудрецы исповедовали в этом отношении те же принципы, что и моравские братья. Но если предположить, что членам Конгресса мира удастся вызвать в Европе отвращение к беспорядкам и невзгодам войны, перед ними все равно останется трудная задача - навсегда изменить человеческие страсти. Ни Сенека, ни восточные мудрецы не смогли достичь этого, и можно обоснованно усомниться в том, что это великое достижение принадлежит нашему поколению. Я признаю, что у нас есть чистые и возвышенные принципы, но претворяются ли они в жизнь? Посмотрите на наши поля, на улицы наших городов — кровавые следы сражений, самых жестоких в истории, еще едва стерты. Никогда с момента зарождения нашей цивилизации не было пятидесятилетнего мирного периода, и мы в этом отношении далеко отстаем от древней Италии, которая при римлянах когда-то наслаждалась двумя столетиями совершенного спокойствия. Но даже столь длительный покой не дает нам права делать вывод о том, что храм Януса отныне будет закрыт навсегда.

Таким образом, состояние нашей цивилизации не доказывает безграничного совершенствования человека. Если он многому научился, он забыл другое. Он не добавил ничего нового к своим чувствам; его душа не обогатилась ни одной новой способностью. Я не могу слишком настаивать на великой, хотя и печальной истине, что все, что мы приобретаем в одном направлении, уравнивается некоторой потерей в другом; что, какой бы ограниченной ни была наша интеллектуальная сфера, мы обречены никогда не овладеть ею целиком сразу. Если бы не этот фатальный закон, мы могли бы представить, что в какой-то период, каким бы отдаленным он ни был, человек, овладев опытом последовательных эпох и приобретая все, что в его силах приобрести, научился бы, наконец, применять свои приобретения для своего благополучия - жить, не сражаясь с себе подобными и с нищетой; наслаждаться состоянием если не беспримесного счастья, то, по крайней мере, изобилия и покоя.

Но даже столь ограниченное счастье не обещано нам здесь, внизу, ибо по мере того, как человек учится, он разучивается; все, что он приобретает, происходит за счет какого-то предыдущего приобретения; чем бы он ни обладал, ему всегда грозит опасность потерять.

Мы льстим себе верой в то, что наша цивилизация вечна, потому что мы владеем искусством книгопечатания, порохом, паровой машиной и т. Д. Это ценные средства для достижения отличных результатов, но достижение зависит от их использования.

Искусство книгопечатания известно многим другим народам, помимо нас, и используется ими так же широко, как и нами.^[178] Давайте посмотрим на его плоды. В Тонкине, Анам, Япония, книг в изобилии, они намного дешевле, чем у нас, — настолько дешевые, что они доступны даже самым бедным, и даже самые бедные их читают. Как же тогда получается, что эти люди так ослабли, так деградировали, так погрязли в лени и пороке^[179] — так близко к той стадии, на которой даже цивилизованный человек, растратив свои физические и умственные силы, может бесконечно опуститься ниже грубого варвара, который при первой удобной возможности становится его хозяином? Откуда такой результат? Именно потому, что искусство печати - это средство, а не агент. Пока она используется для распространения здоровых, безупречных идей, для обеспечения здоровой и освежающей пищи энергичных умов, цивилизация никогда не приходит в упадок. Но когда оно становится отвратительным поставщиком порочного вкуса, когда оно служит только для умножения болезненных произведений ослабленных или извращенных умов, бессмысленных придилок сектантского богословия вместо религии, ядовитой грубости клеветников вместо политики, грязных непристойностей распущенных рифмоплетов вместо поэзии — как и почему искусство книгопечатания должно спасти цивилизацию от гибели?

Возражают, что искусство книгопечатания способствует сохранению цивилизации благодаря легкости, с которой оно умножает и распространяет шедевры человеческого разума, так что даже во времена интеллектуальной стерильности, когда им больше нельзя подражать, они по-прежнему являются эталоном вкуса и своим ясным и устойчивым светом предотвращают возможность наступления полной темноты. Но следует помнить, что копаться в накопленных сокровищах мысли и использовать их в целях умственного совершенствования предполагает обладание величайшим из земных благ — просветленным умом. И в эпохи интеллектуального вырождения мало кого волнуют эти памятники утраченных добродетелей и способностей; они

остаются нетронутыми на своих пыльных полках в библиотеках, тишину которых лишь изредка нарушают шаги встревоженного, усердного студента.

Долговечность, которую изобретение Гуттенберга обеспечивает гениальным произведениям, сильно преувеличена. Есть несколько произведений, которые пользуются честью быть воспроизведенными время от времени; за этим исключением, книги сейчас умирают точно так же, как раньше умирали рукописи. Особенно научные произведения с необычайной быстротой исчезают из сферы литературы. Сначала списывается несколько сотен экземпляров, и о них редко, а через некоторое время о большем и не слышно. С большим трудом вы можете найти их в какой-нибудь большой коллекции. Посмотрите, что стало с тысячами превосходных работ, появившихся с тех пор, как из типографии вышла первая печатная страница. Большая часть забыта. Многие из тех, о ком до сих пор говорят, никогда не читаются; даже названия других, которые тщательно разыскивались пятьдесят лет назад, постепенно стираются из памяти каждого.

Пока цивилизация сильна и процветает, это исчезновение старых книг - всего лишь небольшое несчастье. Они вытесняются; их ценные части воплощаются в новых; семя больше не существует, но плод развивается. Во времена интеллектуального вырождения дело обстоит иначе. Ослабленные силы не могут справиться с цельной мыслью более энергичных эпох; она дробится на более удобные фрагменты, которые, так сказать, становятся более переносимыми; крепкий напиток, который когда-то был достоянием столь же крепких умов, должен быть разбавлен в соответствии с нынешним вкусом; и бесчисленные разведения, одно слабее другого, немедленно завоевывают общественную благосклонность; задача обучения должна быть облегчена пропорционально уменьшающейся способности к усвоению; все становится поверхностным; то, что стоит наименьших усилий, получает наибольшее уважение; игра словами считается остроумием; поверхностность - ученостью; поверхности предпочитают остроумие. глубина. Так было всегда в периоды упадка; так будет и с нами, когда мы однажды достигнем той точки, с которой каждое движение становится регрессивным. Кто знает, может быть, мы уже близки к этому? — и искусство книгопечатания не спасет нас от этого.

Чтобы подчеркнуть преимущества, которые мы извлекаем из этого искусства, количество и распространение рукописей были слишком сильно недооценены. Верно, что в эпоху, непосредственно предшествовавшую этому, они были редкостью; но в последние периоды существования Римской империи они были гораздо многочисленнее и гораздо шире распространены, чем принято думать. В те времена средства обучения отнюдь не были труднодоступными; книги, действительно, были довольно распространены. Мы можем судить об этом по необычайному количеству потрепанных грамматистов, которыми кишели даже самые маленькие деревни; это был сорт людей, очень похожих на мелких романистов, юристов и редакторов нового времени, чьи распущенные нравы, убогость и страстная любовь к удовольствиям описаны в "Сатириконе" Претрония. Даже когда упадок был полным, те, кто желал книг, могли легко их раздобыть. Вергилия читали повсюду; настолько, что неграмотные крестьяне, так много слышавшие о нем, представляли его каким-то опасным и могущественным колдуном. Монахи копировали его; они копировали Плиния, Диоскорида, Платона и Аристотеля; они копировали Катутла и Марциала. Следовательно, эти книги не могли быть очень редкими. Опять же, когда мы рассматриваем, какое огромное количество дошло до нас, несмотря на столетия войн и опустошений — несмотря на такое количество пожаров монастырей, замков, библиотек и т.д. — мы не можем не признать, что, несмотря на трудоемкий процесс

транскрипции, литературные произведения, должно быть, были размножены в очень большой степени. Поэтому можно сильно преувеличивать обязательства, которые наука, поэзия, мораль и истинная цивилизация возлагают на типографское искусство; и я повторяю, что искусство - это чудесный инструмент, но если рука, которая им владеет, и голова, которая направляет руку, не являются, инструмент не может принести большой пользы.

Некоторые люди считают, что обладание порохом освобождает современные общества от многих опасностей, которые оказались фатальными для древних. Они утверждают, что это уменьшает ужасы войны и уменьшает ее частоту, делая справедливым, следовательно, установление со временем состояния всеобщего мира. Если таковы благотворные результаты, сопутствующие этому случайному изобретению, то они еще не проявили себя.

О различных применениях пара и других промышленных изобретений я бы сказал, как и об искусстве печати, что они являются отличными средствами, но их результаты зависят от агента. Подобными искусствами можно было бы заниматься наизусть еще долгое время после того, как интеллектуальная деятельность, породившая их, прекратилась. Существуют бесчисленные примеры процессов, которые продолжают использоваться, хотя теоретический секрет утерян. Поэтому вполне разумно предположить, что практика использования наших изобретений могла бы пережить нашу цивилизацию; то есть она могла бы продолжаться, когда эти изобретения были бы уже невозможны, когда не на что было надеяться на дальнейшие улучшения. Материальное благополучие - это всего лишь внешний придаток цивилизации; интеллектуальная деятельность и, как следствие, прогресс - это ее жизнь. Следовательно, состояние интеллектуального оцепенения не может быть состоянием цивилизации, даже если люди, пребывающие в таком застое, имеют средства для быстрого перемещения с места на место или украшения себя и своих жилищ. Это доказало бы только то, что они были *наследниками* прежней цивилизации, но не то, что они действительно обладали таковой. Я уже говорил в другом месте, что цивилизация может таким образом сохранить на какое-то время все признаки жизни: следствие может продолжаться после того, как причина прекратилась. Но поскольку непрерывные изменения, по-видимому, являются естественным порядком во всех материальных и нематериальных вещах, вскоре проявляется тенденция к снижению. Ранее я сравнивал цивилизацию с человеческим телом. Пока он жив, он претерпевает постоянные изменения: каждый час вносит изменения; когда он мертв, он сохраняет на какое-то время видимость жизни, возможно, даже ее красоту; но постепенно проявляются симптомы разложения, и каждая стадия разложения более стремительна, чем предыдущая, подобно камню, подброшенному в воздух, который удерживается там в течение незначительной доли времени, затем падает с постоянно возрастающей скоростью, все быстрее и быстрее по мере приближения к земле.

Каждая цивилизация порождает в тех, кто наслаждался ее плодами, твердую убежденность в ее стабильности, в ее вечности.

Когда паланкины инков быстро проезжали по гладким, великолепным дамбам, которые до сих пор соединяют Куско и Кито, расстояние в полторы тысячи миль, с каким чувством ликования, должно быть, они созерцали завоевания настоящего, какие великолепные перспективы будущего должны были представляться их воображению! Суровое время одним взмахом своих гигантских крыльев швырнуло их империю в глубочайшие глубины бездн забвения. Эти гордые правители Перу - у них тоже были свои науки, свои механические изобретения, свои мощные

машины: на то, что они совершили, мы созерцаем с изумлением и тщетно пытаемся угадать использованные средства. Как эти каменные блоки длиной тридцать пять футов и толщиной восемнадцать были подняты один на другой? Как их транспортировали на огромное расстояние от карьеров, где они были обтесаны? С помощью какого изобретения инженеры того народа подняли эти огромные массы на головокружительную высоту? Это действительно проблема — проблема, которую мы никогда не решим. Руины Тихуанако также не имеют аналогов среди остатков европейских цивилизаций доисторических времен. Циклопические стены, которыми изобилует Южная Европа и которые тысячи и тысячи лет выдерживали всеокрушающий натиск времени, — кто их построил? Кто нагромоздил эти чудовищные массы, которые современное искусство едва могло сдвинуть с места?

Давайте не будем ошибочно принимать результаты цивилизации за ее причины. Причины исчезают, результаты сохраняются некоторое время, а затем исчезают. Если они снова приносят плоды, то это потому, что новый дух присвоил их и обратил для целей, часто сильно отличающихся от тех, которые у них были вначале. Человеческий интеллект конечен и никогда не может царить сразу во всей своей сфере:^[180] он может использовать для учета только одну его часть, оставляя другую незащищенной; он превозносит то, чем обладает, и пренебрежительно относится к тому, что потерял. Таким образом, каждое поколение одновременно превосходит и уступает своим предшественникам. Следовательно, человек не может превзойти самого себя: возможности человека к совершенствованию не бесконечны.

ГЛАВА XIV.

Содержание

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Необходимые последствия предполагаемого равенства всех рас —Единообразные свидетельства истории об обратном —Следы исчезнувших цивилизаций среди варварских племен—Законы, регулирующие переход покоренного населения к цивилизованному состоянию —Антагонизм различных форм культуры; эллинской и персидской, европейской и арабской и т.д.

Если бы воля Создателя заключалась в том, чтобы наделить все ветви человеческой семьи равными интеллектуальными способностями, какая великолепная картина не предстала бы перед нами в истории. Будучи одинаково разумными, одинаково осознающими свои истинные интересы, одинаково способными преодолевать препятствия, ряд одновременных и процветающих цивилизаций принесли бы радость каждой части обитаемого земного шара. В то время как древнейшие санскритские народы покрывали Северную Индию урожаями, городами, дворцами и храмами, а равнины Тигра и Евфрата сотрясались под топотом конницы и колесниц Нимрода, первобытные племена Африки формировали бы и развили социальную систему, мудро сконструированную и приносящую блестящие результаты.

Некоторые несчастные племена, которых судьба забросила в негостеприимный климат, в обжигающие пески или ледниковые области, в горные ущелья или безрадостные степи, продуваемые пронизывающими северными ветрами, были бы вынуждены вести более длительную и суровую борьбу с такими неблагоприятными обстоятельствами, чем более удачливые народы. Но, не уступая им в уме и проницательности, они не заставили бы себя долго ждать, чтобы найти средства улучшить свое положение. Подобно исландцам, датчанам и норвежцам, они заставили бы сопротивляющуюся почву обеспечивать их средствами к существованию; если бы жители горных регионов, они, подобно швейцарцам, наслаждались бы преимуществами скотоводческой жизни или, подобно кашмерийцам, занялись обрабатывающей промышленностью. Но если бы их географическое положение было настолько неблагоприятным, что не допускало наличия ресурсов, они бы подумали, что мир велик, в нем много приятных долин и плодородных равнин, где они могли бы пожинать плоды разумной деятельности, в которых им отказала их родная земля-мачеха.

Таким образом, все народы земли были бы одинаково просвещены, одинаково процветали; одни благодаря торговле в приморских городах, другие - благодаря продуктивному сельскому хозяйству во внутренних регионах или успешной промышленности в бесплодных и высокогорных районах. Хотя они не могли бы освободить себя от несчастий, к которым приводит несовершенство человеческой природы, — временных разногласий, гражданских войн, мятежей и т.д., — их личные интересы вскоре привели бы их к изобретению какой-нибудь системы относительного равенства. Поскольку различия в их цивилизациях были результатом просто случайных обстоятельств, а не врожденного неравенства, взаимный обмен вскоре объединил бы их во всех существенных аспектах. Тогда ничто не могло бы помешать созданию всемирной конфедерации, этой мечте стольких веков; и жители самых отдаленных уголков земного шара были бы членами одного великого космополитического народа.

Давайте сопоставим эту фантастическую картину с реальностью. Первые нации, достойные этого названия, были обязаны своим образованием инстинкту объединения, которого соседние с ними варварские племена не только не испытывали тогда, но и никогда впоследствии. Эти нации распространились за пределы своих первоначальных границ и вынудили других подчиниться их власти. Но побежденные не приняли и не поняли принципов навязанной им цивилизации. Сила примера также не помогла тем, у кого отсутствовали врожденные способности. Коренное население испанского полуострова, а также Трансальпийской и Лигурийской Галлии видело, как финикийцы, греки и карфагеняне последовательно основывали цветущие города на своих побережьях, не испытывая ни малейшего побуждения подражать манерам или формам правления этих преуспевающих купцов.

Какого великолепного зрелища только не видят индейцы Северной Америки в этот момент. Перед их глазами великая и процветающая нация, прославившаяся успешным практическим применением современных теорий и наук к политическим и социальным формам, а также к промышленному искусству. Превосходство этой чужеземной расы, которая так прочно обосновалась на его бывшем наследии, очевидно для краснокожего человека. Он видит их великолепные города, тысячи судов на некогда тихих реках, их успешное сельское хозяйство; он знает, что даже его собственные грубые потребности, одеяло, которым он укрывается, оружие, которым он убивает свою дичь, пылкий дух, который он научился так хорошо любить, может удовлетворить только незнакомец. Последняя слабая надежда увидеть свою родную землю освобожденной от присутствия расы завоевателей давно исчезла из его груди; он чувствует, что

земля его отцов ему не принадлежит. И все же он упрямо отказывается входить в черту этой цивилизации, которая приглашает его, домогается его, пытается соблазнить превосходящими преимуществами и комфортом. Он предпочитает отступить от уединения к уединению, все глубже и глубже в первобытный лес. Он обречен на гибель, и он знает это; но таинственная сила удерживает его под гнетом непобедимого отвращения, и хотя он восхищается силой и превосходством белых, его совесть, вся его натура восстают при мысли об уподоблении им. Он не может забыть или подавить инстинкты своей расы.

Предполагается, что аборигены Испанской Америки проявляют менее непреодолимое отвращение. Это потому, что правительство испанской метрополии никогда не пыталось их цивилизовать. При условии, что они были христианами, по крайней мере номинально, они были предоставлены своим собственным обычаям и привычкам и, во многих случаях, находились под управлением своих казиков. Испанцы колонизировали совсем немного, и когда завоевание было завершено, а их кровожадные аппетиты утолены теми беспримерными зверствами, которые заклеили их несмываемым позором, они проявили ленивую терпимость и направили свою тиранию скорее против отдельных людей, чем против образа мыслей и образа жизни. Индейцы в значительной степени смешались со своими завоевателями и будут продолжать жить, в то время как их собратья по соседству с англосаксонской расой неизбежно обречены на гибель.

Но не только дикари, даже нации более высокого интеллектуального уровня неспособны принять чужую цивилизацию. Мы уже упоминали о неудаче англичан в Индии и голландцев на Яве в попытках внедрить свои собственные идеи в свои зарубежные владения. Французская филантропия в настоящее время приобретает тот же опыт в новом французском владении Алжиром. Не может быть более сильного и убедительного доказательства различных дарований различных рас.

Если бы у нас не было другого аргумента в доказательство врожденного сходства рас, кроме действительного состояния некоторых варварских племен и предположения, что они всегда были в этом состоянии и, следовательно, всегда будут такими, мы подвергли бы себя серьезным возражениям. Ибо многие варварские народы сохраняют следы былой культуры и утонченности. Есть некоторые племена, очень деградировавшие во всех других отношениях, которые все же придерживаются традиционных правил, касающихся бракосочетания, форм правосудия и раздела наследства, которые, очевидно, являются пережитками более высокого состояния общества, хотя обряды давно потеряли всякий смысл. В качестве примеров такого рода можно привести многие индейские племена, которые кочуют по территориям, некогда населенным аллеганской расой. Туземцы Марианских островов и многие другие дикари механически применяют определенные производственные процессы, изобретение которых предполагает степень изобретательности и знаний, совершенно не соответствующую их теперешней глупости и невежеству. Чтобы избежать поспешных и ошибочных выводов относительно этого кажущегося упадка, следует принять во внимание несколько обстоятельств.

Предположим, что дикое население попадает в сферу деятельности ближайшей, но высшей расы. В этом случае они могут постепенно научиться внешне соответствовать цивилизации своих хозяев и овладеть техническими приемами их искусства и изобретений. Если господствующая раса исчезнет либо путем изгнания, либо поглощения, цивилизация исчезнет, но некоторые из ее внешних форм могут быть сохранены и увековечены. Определенный уровень

механического мастерства может пережить научные принципы, на которых он был основан. Другими словами, практика может продолжаться еще долго после того, как теория будет утрачена. История дает нам ряд примеров в поддержку этого утверждения.

Таково, например, было отношение ассирийцев к цивилизации халдеев; иберийцев, кельтов и иллирийцев - к цивилизации римлян. Если, таким образом, чероки, катоба, маскоги, семинолы, натчез и другие племена все еще сохраняют слабый отпечаток аллеганской цивилизации, я не должен отсюда делать вывод, что они являются чистыми и прямыми потомками инициатического элемента этого народа, что означало бы, что раса, возможно, когда-то была цивилизованной, но больше таковой не является. Я бы сказал, напротив, что чероки, если вообще этнически связаны с древним доминирующим типом, являются таковыми лишь побочными узлами кровного родства, иначе они никогда бы не скатились к состоянию варварства. Другие племена, которые практически не проявляют признаков прежней цивилизации, вероятно, являются потомками другого завоеванного населения, которое не составляло составного элемента общества, а скорее служило субстратом, на котором было возведено здание. Если это так, то неудивительно, что они сохраняют — не понимая их и испытывая своего рода суеверное почтение — обычаи, законы и обряды, изобретенные другими, гораздо более умными, чем они сами.

То же самое можно сказать и о механических искусствах. Аборигены Каролинских островов, пожалуй, самые интересные из жителей островов Южных морей. Их ткацкие станки, скульптурные каноэ, их вкус к мореплаванию и торговле показывают, что они значительно превосходят пелагианских негров, своих соседей. Это превосходство легко объяснить хорошо подтвержденной примесью малайской крови. Но поскольку этот элемент сильно ослаблен, изобретения, которые он привнес, не принесли местных плодов, а, напротив, постепенно, но верно исчезают.

Предыдущих наблюдений, я думаю, будет достаточно, чтобы показать, что следы цивилизации среди варварского племени не являются необходимым доказательством того, что само это племя когда-либо было действительно цивилизованным. Возможно, оно либо жило под господством высшей, но кровнородственной расы, либо, живя по соседству с ней, в скромной и слабой степени извлекло пользу из ее уроков. Этот результат, однако, возможен только тогда, когда между высшей и низшей расой существует определенное этническое родство, то есть когда первая является либо благородной ветвью того же происхождения, либо облагорожена смешением с другой. Когда неравенство между расами слишком велико и слишком определено, и нет промежуточного звена, соединяющего их, контакт всегда фатален для низшей расы, что со всей очевидностью доказано исчезновением аборигенов Северной Америки и Полинезии.

Теперь я расскажу об отношениях, возникающих в результате контакта различных цивилизаций.

Персидская цивилизация вступила в контакт с греческой; египетская - с греческой и римской; римская - с греческой; и, наконец, современная цивилизация Европы - со всеми теми, что в настоящее время существуют на земном шаре, и особенно с арабской.

Контакт греческой интеллигенции с культурой персов был столь же частым, сколь и обязательным. Большая часть эллинского населения и самое богатое, хотя и не самое

независимое, было сосредоточено в городах сирийского побережья, греческих колониях Малой Азии и на берегах Эвксинского моря, все из которых составляли часть персидских владений. Хотя эти колонии сохраняли свои собственные местные законы и политику, они находились под властью сатрапов великого царя. Более того, между европейской Грецией и Азией поддерживались тесные отношения. То, что персы в то время обладали высокой степенью цивилизации, доказывается их политической организацией и финансовым управлением, великолепными руинами, которые до сих пор свидетельствуют о великолепии их городов. Но принципы правления и религии, способы и привычки жизни, гениальность искусств были совершенно по-разному поняты двумя нациями; и поэтому, несмотря на их постоянные сношения, ни одна из них не сделала ни малейшего шага к ассимиляции с другой. Греки называли своих могущественных соседей варварами, и последние, без сомнения, щедро отвечали на этот комплимент.

В Экбатане невозможно было представить себе никакой другой формы правления, кроме безраздельной наследственной власти, ограниченной только определенными религиозными предписаниями и придворным церемониалом. Гений греков тяготел к бесконечному разнообразию форм правления, разделенных на ряд мелких суверенитетов. Греческое общество представляло собой своеобразную мозаику политических структур; олигархические в Спарте, демократические в Афинах, тиранические на Сикионе, монархические в Македонии - формы правления были одинаковыми едва ли в двух городах или округах. Государственная религия персов проявляла ту же тенденцию к единству, что и их политика, и носила скорее метафизический и моральный, чем материальный характер. У греков, напротив, была символическая система религии, состоящая в поклонении природным объектам и влияниям, которая постепенно превратилась в совершенную просопопуляцию, представляющую богов как разумных существ, подверженных тем же страстям и занимающихся теми же занятиями, что и жители земли. Богослужение состояло главным образом в исполнении обрядов и демонстрации уважения к божествам; совесть была оставлена на усмотрение гражданских законов. Кроме того, обряды, а также божества и герои, в честь которых они совершались, были разными в каждом месте.

Что касается манер и привычек жизни, нет необходимости указывать, насколько сильно они отличались от персидских. Общественное презрение наказало молодого, богатого, любящего удовольствия космополита, который пытался жить в персидском стиле. Таким образом, до времен Александра, когда могущество Греции достигло своей кульминации, Персия, при всем своем превосходстве, не могла обратить Элладу в свою цивилизацию.

Во времена Александра эта несовместимость различных форм культуры была особенно ярко продемонстрирована. Когда империя Дария пала под натиском македонских фаланг, какое-то время ожидалось, что эллинская цивилизация распространится по Азии. Казалось, для этого было еще больше оснований, когда завоеватель в момент помешательства обошелся с памятниками этой страны с таким агрессивным насилием, которое, казалось, выражало равную ненависть и презрение. Но распутный поджигатель Персеполя вскоре изменил свое мнение, причем настолько полностью, что стало очевидным его намерение просто занять место в династии Ахименесов и править Персией как персидский царь, добавив к своим владениям Грецию. Как ни велика была власть Александра, ее было недостаточно для осуществления такого проекта. Его генералы и солдаты не могли смириться с тем, что их командир облачился в длинные развевающиеся одежды восточных царей, окружил себя евнухами и отказался от

привычек и манер своей родной страны. Хотя после его смерти некоторые из его преемников придерживались той же системы, они были вынуждены в значительной степени смягчить ее. Там, где население состояло из разношерстной смеси греков, сирийцев и арабов, как в Египте и на побережье Малой Азии, своего рода компромисс между двумя цивилизациями стал с тех пор нормальным состоянием страны; но там, где расы не смешивались, национальные нравы сохранялись.

В последние периоды существования Римской империи две цивилизации полностью смешались на всем Востоке, включая континентальную Грецию; но это было окрашено скорее азиатскими, чем греческими тенденциями, потому что массы гораздо больше принадлежали к первому элементу, чем ко второму. Эллинские формы, это правда, все еще существовали, но нетрудно обнаружить в идеях тех периодов и стран восточную основу, на которой были привиты отпрыски александрийской школы. Соответствующее влияние различных элементов было строго пропорционально количеству крови; интеллектуальное превосходство принадлежало тому, кто внес наибольший вклад.

Тот же антагонизм, на который я указывал между интеллектуальной культурой греков и культурой персов, будет обнаружен в результате контакта всех других, совершенно различных цивилизаций. Я упомяну лишь еще один пример: отношения между арабской цивилизацией[181] и нашей собственной.

Было время, когда искусства и науки, музы и их свита, казалось, покинули свои прежние обитатели, чтобы сплотиться вокруг знамени Мухаммеда. То, что наши предки не были слепы к совершенствам арабской цивилизации, доказывается тем, что они посылали своих сыновей в школы Кордовы. Но в Европе не осталось и следа духа этой цивилизации, за исключением тех стран, в которых все еще сохранилась часть измаильтской крови. Арабская цивилизация также не нашла более благоприятной почвы в Индии, на которую также распространялось ее господство. Подобно тем частям Европы, которые были подчинены мусульманским хозяевам, эта страна сохранила в неприкосновенности свой собственный образ мышления.

Но если давление арабской цивилизации во времена ее величайшего расцвета и нашего величайшего невежества не могло повлиять на образ мышления народов Западной Европы, то и мы, в настоящее время, когда позиции поменялись местами, не можем повлиять ни в малейшей степени на слабые остатки этой некогда столь процветающей цивилизации. Наше воздействие на эти пережитки непрерывно — давление нашей интеллектуальной деятельности на них огромно; мы преуспеваем только в разрушении, а не в трансформации или переделке.[182]

Однако эта цивилизация даже не была оригинальной, и поэтому можно было бы предположить, что она обладала менее упрямой жизнеспособностью. Хорошо известно, что арабская нация основала свою империю и свою интеллектуальную культуру на фрагментах рас, которые она объединила силой меча. Такое пестрое соединение, как исламитское население, не могло не развить цивилизацию столь же пестрого характера, в которую каждый этнический элемент внес свою лепту. Эти элементы нетрудно определить и указать на них.

Ядром, вокруг которого собрались эти бесчисленные толпы, была небольшая группа доблестных воинов, которые развернули в своих родных пустынях знамя нового вероучения. До времен Мухаммеда они не были новым или неизвестным народом. Они часто вступали в контакт с евреями и финикийцами, и в их жилах текла кровь обоих этих народов. Пользуясь своим

благоприятным положением для торговли, они осуществляли транспортную торговлю по Красному морю и восточному побережью Африки и Индии для самых знаменитых народов древности, евреев и финикийцев, а еще позже - для римлян и персов. У них были те же традиции, что и у шемитских и хамитских семей, из которых они произошли.[183] Они даже принимали активное участие в политической жизни соседних народов. При Аршакидах и сыновьях Сасана некоторые из их племен оказывали большое влияние на политику Персидской империи. Один из их авантюристов[184] стал императором Рима; один из их князей защитил величие Рима от завоевателя, перед которым трепетал весь восток, и разделил императорский пурпур с римским сувереном;[185] один из их городов стал при Зенобии центром и столицей огромной империи, которая соперничала с Римом и даже угрожала ему.[186]

Таким образом, очевидно, что арабская нация с самой глубокой древности никогда не переставала поддерживать тесные отношения с самыми могущественными и прославленными древними обществами. Оно принимало участие в их политической и интеллектуальной деятельности; и его вполне уместно сравнить с телом, наполовину погруженным в воду и наполовину выставленным на солнце, поскольку оно одновременно являлось частью развитой цивилизации и полного варварства.

Мухаммед изобрел религию, наиболее соответствующую идеям народа, среди которого у идолопоклонства все еще было много ревностных приверженцев, но где христианство, хотя и обратило множество людей, теряло популярность из-за бесконечных расколов и раздоров своих последователей.[188] Религиозная догма курайшитского пророка была искусным компромиссом между различными противоборствующими мнениями. Это примирило иудейское устройство с Новым Законом лучше, чем могла Церковь в то время, и таким образом решило проблему, которая тревожила совесть многих ранних христиан и которая, особенно на востоке, дала начало многим еретическим сектам. Это само по себе было очень заманчивой приманкой, и, кроме того, любое богословское новшество определяло шансы на успех среди сирийцев и египтян.[189] Более того, новая религия появлялась с мечом в руке, что в те времена раскольнической пропаганды казалось гарантией успеха, на который массы, к которым она обращалась, больше полагались, чем на мирное убеждение.

Таким образом, исламизм вышел из своих родных пустынь. Высокомерный и обладавший лишь в очень малой степени способностью к изобретательству, он не развил никакой присущей ему цивилизации, но перенял, насколько это было возможно, уже существовавшую незаконнорожденную греко-азиатскую цивилизацию. По мере того как ее триумфальные знамена продвигались по востоку и югу Средиземноморья, она объединяла массы, проникнутые теми же тенденциями и духом. У каждого из них она что-то заимствовала. Как его религиозные догмы были лоскутным одеялом из догматов Церкви, синагоги и искаженных традиций Хеджаза и Йемена, так и его свод законов представлял собой смесь персидского и римского, его наука была греко-сирийской[190] и египетской, его администрация с самого начала была терпимой, как и у любого политического органа, который включает в себя множество разнородных элементов.

Это вызвало много бесполезного удивления, что мусульманское общество сделало такие быстрые шаги к утончению манер. Но основная масса людей, над которыми простиралась его власть, просто изменила название своего вероучения; они были старыми и хорошо известными актерами на сцене истории, и их просто приняли за новую нацию, когда они взялись играть роль

апостолов перед миром. Эти люди вносили в общее хранилище свою прежнюю утонченность и роскошь; каждое новое дополнение к стандарту исламизма вносило какую-то долю его приобретений. Оживляющим принципом общества, движущей силой этой громоздкой массы было небольшое ядро арабских племен, вышедших из сердца полуострова. Они обставляли не художников и ученых мужей, а фанатиков, солдат, победителей и повелителей.

Таким образом, арабская цивилизация - это не что иное, как греко-сирийская цивилизация, омоложенная и оживленная на время новым и энергичным, но недолговечным гением. Кроме того, он был немного отремонтирован и видоизменен с легким привкусом персидской цивилизации.

И все же, какими бы пестрыми и несообразными ни были элементы, из которых оно состоит, и способное растягиваться и приспосабливаться, каким и должно быть такое соединение, оно не может приспособиться ни к какой социальной структуре, возведенной другими элементами, кроме его собственных. Другими словами, как бы ни были многочисленны расы, внесшие свой вклад в его формирование, он не подходит ни для одной, которая не внесла в него свой вклад.

Этому учит нас весь ход истории. У каждой расы есть свой собственный образ мышления; каждая раса, способная развить цивилизацию, развивает свойственный ей образ мышления, который она не может привить никакому другому, кроме как путем смешения крови, и то лишь в измененной степени. Европейец не может расположить азиата к своему образу мышления; он не может цивилизовать австралийца или негра; он может передать лишь часть своего интеллекта своему потомству-полукровке из низшей расы; потомство этого полукровки и более благородная ветвь его предков лишь на одну ступень ближе, но не равна этой ветви по способностям: пропорции крови строго соблюдаются. Я привел примеры этой истины из истории различных ветвей человеческой семьи, как низших, так и высших по шкале интеллектуального прогресса. Разве мы не вправе тогда заключить, что наблюдаемое между ними разнообразие является конституционным, врожденным, а не результатом случайности или обстоятельств — что существует абсолютное неравенство в их интеллектуальных способностях?

ГЛАВА XV.

Содержание

МОРАЛЬНЫЕ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТРЕХ ВЕЛИКИХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ.

Неуместность делать общие выводы из отдельных случаев—Краткий очерк ведущих черт негритянской, желтой и Белой рас—Превосходство последней—Заключение тома первого.

На предыдущих страницах я попытался показать, что, хотя существуют как научные, так и религиозные причины для неверия во множественность происхождения нашего вида, различные ветви человеческого семейства отличаются постоянными и необратимыми различиями как в умственном, так и в физическом плане. Они неравны по интеллектуальным

способностям,[191] личной красоте и физической силе. Я снова повторяю, что, придя к этому выводу, я полностью отказался от метода, к которому, к несчастью для науки, слишком часто прибегают этнологи и который, мягко говоря, просто нелеп. Дискуссия не касалась моральной и интеллектуальной ценности отдельных личностей.

Что касается моральной ценности, я доказал, что все люди, к какой бы расе они ни принадлежали, способны воспринять свет истинной религии и в достаточной степени оценить это благословение, чтобы осуществить свое собственное спасение. Что касается интеллектуальных способностей, я решительно протестую против того способа аргументации, который заключается в утверждении: "каждый негр - болван"; потому что, следуя той же логике, я был бы вынужден признать, что "каждый белый человек умен"; и я позабочусь о том, чтобы не допустить подобной нелепости.

Я даже не стану ждать, пока защитники абсолютного равенства всех рас приведут мне такой-то отрывок из дневника какого-нибудь миссионера или мореплавателя, из которого явствует, что какой-нибудь Йолоф стал искусным плотником, что какой-нибудь готтентот стал превосходной прислугой, что какой-нибудь Каффре хорошо играет на скрипке или что какой-нибудь Бамбарра добился весьма приличных успехов в арифметике.

Я готов допустить — и допустить без доказательств — что-либо в этом роде, каким бы замечательным оно ни было, что может быть связано с самыми деградировавшими дикарями. Я уже отрицал чрезмерную глупость, неизлечимый идиотизм даже самых низших представителей человечества. Более того, я иду дальше своих оппонентов и ни в малейшей степени не склонен сомневаться в том, что среди вождей грубых негров Африки можно было бы найти значительное количество активных и энергичных умов, значительно превосходящих по плодородию идей и умственным ресурсам средний показатель нашего крестьянства и даже некоторых представителей наших средних классов. Но несправедливость выводов, основанных на сравнении самых умных черных и наименее умных белых, должна быть очевидна каждому непредвзятому уму.

Раз и навсегда, подобные аргументы кажутся мне недостойными настоящей науки, и я не хочу ставить себя на столь узкую и небезопасную почву. Если бы Манго Парк или братья Ландер выдали какому-нибудь негру свидетельство о превосходном интеллекте, кто поручится нам, что другой путешественник, встретив того же человека, не пришел бы к диаметрально противоположному выводу относительно него? Давайте оставим это ребячество и сравним не отдельных людей, а массы. Когда мы четко установим, на что способны последние, какими тенденциями они характеризуются и какими пределами ограничены их интеллектуальная активность и развитие, действовали ли они с начала исторической эпохи или на них действовали другие группы — когда мы четко установим эти моменты, мы сможем перейти к деталям и, возможно, однажды сможем решить, почему величайшие умы одной группы уступают самым блестящим гениям другой, в каких отношениях ассимилируются вульгарные стада всех типов, и в чем другие они отличаются, и почему они не могут быть ассимилированы. почему? Но эта трудная и деликатная задача не может быть выполнена до тех пор, пока относительное положение всей массы каждой расы не будет точно и, так сказать, математически определено. Я не знаю, можем ли мы надеяться когда-нибудь прийти к результатам такой неоспоримой ясности и точности, чтобы иметь возможность больше не доверять исключительно общим фактам, а охватить различные оттенки интеллекта в каждой

группе, определить и классифицировать низшие слои каждого населения и их влияние на деятельность в целом. Если бы было возможно таким образом разделить каждую группу на определенные слои и сравнить их с соответствующими слоями всех остальных: наиболее одаренных из доминирующих рас с наиболее одаренными из доминируемых рас и так далее, превосходство некоторых в способностях, энергии и активности было бы продемонстрировано само собой.

После того, как я упомянул факты, доказывающие неравенство различных ветвей человеческого семейства, и изложил метод, с помощью которого это доказательство должно быть установлено, я пришел к заключению, что весь наш вид делится на три большие группы, которые я называю первичными разновидностями, чтобы отличать их от других, образованных путем смешения. Теперь мне остается присвоить каждой из этих групп основные характеристики, по которым она отличается от других.

Темные расы стоят на самой низкой ступени шкалы. Форма таза имеет анималистический характер, который запечатлевается у представителей этой расы еще до их рождения и, по-видимому, предвещает их судьбу. Круг интеллектуального развития этой группы более сужен, чем у любой из двух других.

Если узкий и скошенный лоб негра, по-видимому, указывает на его низшие мыслительные способности, то другие части его черепа столь же определенно указывают на способности более скромного, но не менее сильного характера. Он обладает энергией небезызвестного порядка, которая иногда проявляется с поистине устрашающей интенсивностью. Он способен на неистовые страсти и страстные привязанности. Некоторые из его чувств обладают остротой, неизвестной другим расам: например, чувство вкуса и обоняния.

Но именно это развитие животных способностей ставит на негра печать неполноценности по сравнению с другими расами. Я сказал, что у него было острое чувство вкуса; оно ни в коем случае не является привередливым. Любая пища приятна его вкусу; ни одна не вызывает у него отвращения[192]; нет ни мяса, ни птицы, слишком мерзких, чтобы найти место в его желудке. Так же обстоит дело и с запахом. Его обоняние скорее можно было бы назвать жадным, чем острым. Он легко приспосабливается к самому отталкивающему.

К этим чертам характера он присоединяет детскую неустойчивость юмора. Его чувства сильны, но недолговечны. Его горе столь же преходяще, сколь и остро, и он быстро переходит от него к крайней веселости. Он редко бывает мстительным — его гнев яростен, но вскоре утихает. Можно было бы почти сказать, что эта изменчивость чувств сводит для него на нет существование как добродетели, так и порока. Сама пылкость, до которой возбуждены его чувства, предполагает быстрое угасание; интенсивность его желания, быстрое удовлетворение, легко забываются. Он не цепляется за жизнь с таким упорством, как белые. Но в меру осторожный по отношению к себе, он легко жертвует чужими и убивает, хотя и не совсем кровожадно, без особых провокаций или последующих угрызений совести.[193] При сильных страданиях он проявляет моральную трусость, которая с готовностью ищет убежища в смерти или в некоем чудовищном бесстрашии.[194]

Что касается его моральных способностей, то можно сказать, что он в значительной степени подвержен религиозным эмоциям; но если ему не помогает свет Евангелия, его религиозные чувства носят явно чувственный характер.

Продemonстрировав малоинтеллектуальный и сильно чувственный[195] характер черной разновидности, за тип которой я взял негра Западной Африки, я теперь перейду к изучению моральных и интеллектуальных характеристик второй по шкале — желтой.

Это, по-видимому, образует полную противоположность первому. В них череп не запрокинут назад, а выступает вперед. Лоб большой, часто выступающий, и респектабельной высоты. Форма лица несколько треугольная, но ни подбородок, ни нос не имеют того грубого, животного развития, которое характеризует негра. Склонность к ожирению не является в точности специфической чертой, но она чаще встречается среди желтых рас, чем среди любых других. По мускульной силе, интенсивности чувств и желаний они значительно уступают черным. Они гибкие и проворные, но не сильные. У них ярко выраженный вкус к чувственным удовольствиям, но их чувственность менее бурная и, если можно так выразиться, более порочная, чем у негров, и менее быстро утоляется. Они придают человеческой жизни несколько большую ценность, чем негры, но они более жестоки ради жестокости. Они такие же прожорливые, как негры, но более привередливы в выборе яств, о чем свидетельствует неумеренное внимание, уделяемое кулинарному искусству среди более цивилизованных из этих рас. Другими словами, желтые расы менее импульсивны, чем черные. Их воля характеризуется упрямством, а не энергичным насилием; их гнев скорее мстительный, чем крикливый; их жестокость скорее выученная, чем страстная; их чувственность скорее утонченно порочная, чем всепоглощающая. Поэтому они редко склонны к крайностям. В морали, как и в интеллекте, они проявляют посредственность: они склонны к низкопоклонству, а не к темным преступлениям; когда они добродетельны, они чаще исходят из чувства практической полезности, чем из возвышенных чувств. Что касается интеллектуальных способностей, они легко понимают все, что не является ни очень глубоким, ни очень возвышенным; они остро ценят полезное и практичное, очень любят тишину и порядок и даже имеют определенное представление о небольшой личной или муниципальной свободе. Представители желтой расы - практичные люди в самом узком смысле этого слова. У них мало воображения, и поэтому они мало что изобретают, поскольку великие изобретения, даже самые исключительно утилитарные, требуют высокой степени воображения. Но они легко понимают и перенимают все, что имеет практическую ценность. *Высшее благо* их желаний и устремлений заключается в том, чтобы плавно и спокойно идти по жизни.

Из этого наброска очевидно, что они превосходят чернокожих по способностям и интеллектуальным способностям. Теоретик, который хотел бы создать некую модель общества, мог бы пожелать, чтобы такое население служило основой для возведения его структуры; но общество, полностью состоящее из таких элементов, не проявило бы ни большой выносливости, ни способности к чему-либо великому и возвышенному.

Теперь мы подошли к третьему и последнему из "основных" сортов - белому. Среди них мы находим огромную физическую силу и способность к выносливости; интенсивность воли и желания, но которые уравниваются и регулируются интеллектуальными способностями. Великие дела предпринимаются, но не вслепую, не без полного осознания препятствий, которые необходимо преодолеть, и систематических усилий по их преодолению. Утилитарная тенденция сильна, но соединена с мощной способностью к воображению, которая возвышает, облагораживает, идеализирует ее. Отсюда сила изобретения; в то время как негр может просто подражать, китайцы лишь в определенной степени используют практические результаты, достигнутые белыми, последние постоянно добавляют новые к уже достигнутым. Его способность комбинировать идеи постоянно приводит его к конструированию новых фактов из

фрагментов старых; подталкивает его к серии непрерывных модификаций и перемен. У него такое же острое чувство порядка, как и у человека желтой расы, но не из любви, как у него, к покою и инертности, а из желания защитить и сохранить свои приобретения. В то же время он испытывает горячую любовь к свободе, которая часто доводится до крайности; инстинктивное отвращение к оковам этой жестко формалистической организации, в рамках которой китайцы прозябают с роскошной непринужденностью; и он с негодованием отвергает надменный деспотизм, который один является достаточным ограничением для черных рас.

Для белого человека также характерна исключительная любовь к жизни. Возможно, именно потому, что он лучше других рас знает, как им пользоваться, он придает ему большую ценность и бережнее относится к нему как к себе, так и к другим. В крайней степени своей жестокости он сознает свои излишества; чувство, в существовании которого среди чернокожих вполне можно усомниться. И все же, хотя он любит жизнь больше, чем другие расы, он обнаружил ряд причин для того, чтобы пожертвовать ею или отказаться от нее безропотно. Его доблесть, его отвага - это не грубые, бездумные страсти, не результат бессердечия или бесстрастия: они проистекают из возвышенных, хотя часто ошибочных чувств, главное из которых выражается словом "честь". Это чувство под различными названиями и применениями с незапамятных времен служило движущей силой деятельности большинства представителей белой расы. Оно приспосабливается к любому способу существования, к любой сфере жизни. Она столь же могущественна за кафедрой и у костра мучеников, как и на поле битвы; в самых мирных и скромных занятиях жизнью, как и в самых возвышенных и волнующих. Было бы невозможно определить все идеи, которые заключает в себе это слово; они лучше ощущаются, чем выражаются. Но это чувство — мы могли бы назвать его инстинктивным — неизвестно желтым и неизвестно черным расам: в то время как у белых оно пробуждает все благородные чувства — чувство справедливости, свободы, патриотизма, любви, религии — ему нет названия в языке, нет места в сердцах других рас. Это я считаю главной причиной превосходства нашей ветви человеческой семьи над всеми остальными; потому что даже в самых низших, самых униженных представителях нашей расы мы обычно находим какую-то искру этой спасительной черты, и как бы неправильно она часто ни использовалась, и, безусловно, так оно и есть, она не позволяет нам, даже в наших глубочайших заблуждениях, пасть так ужасно низко, как другие. Степень морального унижения, в которой мы находим столь многих представителей желтой и черной рас, абсолютно непостижима даже для самых низших слоев нашего общества. Последние могут сравняться, нет, превзойти их в преступлениях; но даже они содрогнулись бы от той отвратительной бездны разъедающих пороков, которая открывается перед другим человечеством при более внимательном изучении этих рас.[196]

Прежде чем завершить эту картину, я хотел бы добавить, что огромное превосходство белых рас во всем, что касается интеллектуальных способностей, сочетается с ярко выраженной неполноценностью в интенсивности ощущений. Хотя вся его структура более энергична, белый человек менее одарен в том, что касается совершенства чувств, чем черный или желтый, и, следовательно, менее склонен к животным удовольствиям и менее поглощен ими.

Теперь я подошел к исторической части моего предмета. Там я представлю истины, изложенные в этом томе, в более ясном свете и представлю неопровержимые доказательства того факта, который составляет основу моей теории, а именно, что нации вырождаются только вследствие и пропорционально их смешению с низшей расой, что обществу наносится смертельный удар, когда из числа разнообразных этнических элементов, которые оно

включает, ряд различных способов мышления и интересов борются за преобладание; когда эти способы мышления и эти интересы возникли в такой многообразии, что любая попытка согласовать их, подчинить какой—либо великой цели становится невозможной. , напрасно; следовательно, когда единственные естественные узы, которые могут связывать большие массы людей, однородность мыслей и чувств, разорваны, единственный прочный фундамент социальной структуры подорван и прогнил.

Чтобы предоставить необходимые детали для подтверждения этого утверждения, устранить возможность даже малейшего сомнения, я рассмотрю отдельно каждую великую и независимую цивилизацию, которую мир видел процветающей. Я прослежу его первые зачатки, последующие стадии развития, его упадок и окончательный распад. Итак, вот надлежащая проверка моей теории; здесь мы можем увидеть законы, управляющие этническими отношениями, в полной силе в великолепном масштабе; мы можем убедиться в их неумолимо единообразном и неукоснительном применении. Тема необъятна, перед нами расстилается самая грандиозная и внушительная панорама, которую только может созерцать философ, поскольку ее картины представляют собой сцену действия каждого случая, когда человек действительно выполнял свою миссию "владычества над землей".

Задача велика — возможно, даже слишком велика для любого предприятия. Тем не менее, при более тщательном исследовании многие из кажущихся непреодолимыми трудностей, которые обескураживали исследователя, исчезнут; в великолепной последовательности сцен, которые предстанут перед его взором, он увидит единообразие, интимную связь, которая, подобно нити Ариадны, позволит неустрашимому и настойчивому исследователю найти свой путь в лабиринтах лабиринта: мы обнаружим, что каждая цивилизация обязана своим происхождением, своим развитием, своим великолепием деятельности белых рас. В Китае и в Индии, на огромном Западном континенте, за столетия до того, как его обнаружил Колумб, именно одна из групп белых рас дала толчок и, пока он продолжался, поддерживала его. Каким бы поразительным ни показалось это утверждение большому числу читателей, я надеюсь продемонстрировать его правильность с помощью неопровержимых исторических свидетельств. Повсюду белые расы проявляли инициативу, везде они *приносили* другим цивилизацию — везде они сеяли семена: сила и красота растения зависели от того, была ли почва, которую оно нашло, благоприятной или нет.

Таким образом, миграции белой расы дают нам одновременно руководство для наших исторических исследований и ключ ко многим, казалось бы, необъяснимым тайнам: мы научимся понимать, почему в одной огромной стране развитие цивилизации остановилось и было заменено регрессивным движением; почему в другой без видимой причины исчезли все, кроме слабых следов высокого уровня культуры; почему люди, стоящие на самой низкой ступени интеллекта, все же владеют искусствами и механическими процессами, которые сделали бы честь расе с высоким интеллектом.

Среди группы белых рас самой благородной, наиболее высоко одаренной интеллектом и личной красотой, наиболее активной в деле развития цивилизации является арийская[197] раса. Его история тесно связана почти с любыми усилиями человека по развитию своих моральных и интеллектуальных сил.

Теперь мне остается очертить область исследований, в которую я предлагаю войти в следующих томах. Список великих независимых цивилизаций не так уж велик. Среди всех

бесчисленных наций, которые "провели свой краткий час на сцене" мира, только десять достигли состояния целостных обществ, породив различные формы интеллектуальной культуры. Все остальные были имитаторами или зависимыми; подобно планетам, они вращались вокруг и черпали свой свет от солнц систем, к которым принадлежали. Во главе своего списка я бы поставил:—

1. Индийская цивилизация. Она распространилась среди островов Индийского океана, на север, за Гималаи, и на восток, за Брахмапутру. Он был создан белой расой арийского происхождения.
2. Следующей идет египетская цивилизация. В качестве ее спутников можно упомянуть менее совершенные цивилизации эфиопов, нубийцев и нескольких других малых народов к западу от оазиса Амона. Арийская колония из Индии, обосновавшаяся в верхней части долины Нила, основала это общество.
3. Ассирийцы, вокруг которых сплотились евреи, финикийцы, лидийцы, карфагеняне и химиариты, были обязаны своим социальным интеллектом неоднократным вторжениям белого населения. Иранцы-зороастрийцы, которые процветали в Дальней Азии под именами мидийцев, персов и бактрийцев, все были ветвями арийской семьи.
4. Греки принадлежали к тому же роду, но были изменены шемитскими элементами, которые со временем полностью изменили их характер.
5. Китай представляет собой точную копию Египта. Свет цивилизации был принесен туда арийскими колониями. Субстрат социальной структуры состоял из элементов желтой расы, но белые цивилизаторы в разное время получали подкрепление их кровью.
6. Древняя цивилизация Итальянского полуострова (этрусская цивилизация) была развита мозаикой населения кельтского, иберийского и шемитского происхождения, но скреплена арийскими элементами. Из него возникла римская цивилизация.
7. Своим тоном и характером наша цивилизация обязана германским завоевателям пятого века. Они были ветвью арианской семьи.
- 8, 9, 10. Под этими названиями я классифицирую три цивилизации западного континента: аллеганскую, мексиканскую и перуанскую.

Это область, которую я наметил для своих исследований, результаты которых будут представлены читателю в следующих томах. Первая часть моей работы здесь подходит к концу — вестибюль сооружения, которое я хочу возвести, завершен.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Автор Дж. К. НОТТ, доктор медицины,
МОБИЛ, АЛАБАМА.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Содержание

Я редко перечитывал труд, доставлявший мне столько удовольствия и поучений, как труд графа Гобино "К истории человеческих рас", и считаю большинство его выводов неопровержимыми. Однако в его аргументации есть несколько моментов, которые не следует оставлять без комментариев, а другие недостаточно проработаны. Моим первоначальным намерением было сказать многое, но, к счастью для меня, мой коллега г-н Хотц настолько полно и умело предвосхитил меня в своем Вступлении и Примечаниях, что мне осталось добавить мало важного.

Эссе графа Гобино в высшей степени практично и полезно по своему замыслу. Он рассматривает различные человеческие расы скорее как историк, чем натуралист, и, хотя он оставляет открытым давно обсуждаемый вопрос о *единстве* происхождения, он настолько полно устанавливает *постоянство* действительных моральных, интеллектуальных и физических различий рас, что не оставляет почвы для противостояния. Какими бы *отдаленными причинами* ни были названы, вывод о том, что белые, черные, монгольские и другие расы были полностью развиты в нациях примерно за 3000 лет до Рождества Христова, не привлекателен и что на протяжении этого долгого периода времени не действовали никакие физические причины, способные превратить один тип человека в другой. Граф Гобино, таким образом, принимает *существующее* разнообразие рас, по крайней мере, как *свершившийся факт*, и извлекает уроки мудрости из простых учений истории. Человек с ним перестает быть абстракцией; каждая раса, каждая нация становятся предметом отдельного изучения, и нашему взору открывается плодородное, но неисследованное поле.

Наш автор твердо придерживается веры в *первоначальное разнообразие* рас, но, очевидно, был сильно сбит с толку религиозными соображениями и недостатком точных знаний в той части естественной истории, которая касается обозначения *видов* и законов *гибридности*; его научили верить, что два различных вида не могут производить идеально плодовитое потомство, и поэтому он приходит к выводу, что все человеческие расы *должны* быть одного происхождения, потому что они плодовиты *сами по себе*. Поэтому мое приложение будет посвящено главным образом этому вопросу о видах.

А.

Содержание

Наш автор взял факты доктора Мортон из вторых рук и, более того, не имел перед собой более поздних таблиц доктора Мортон и более зрелых выводов; поэтому я приведу краткое

изложение его результатов, опубликованное им самим в 1849 году, с некоторыми моими собственными комментариями. Цифры представляют внутренний объем черепа в кубических дюймах и были получены путем заполнения полости дробью и последующей заливки ее в точно отмеренную меру.

Следует признать, что коллекция Мортонa недостаточно полна во всех своих отделах, чтобы позволить нам прийти к абсолютному определению размеров черепа у различных рас; но она достаточно полна, чтобы без всяких придилок установить тот факт, что череп белых людей намного больше, чем у темных рас. Его таблица очень неполна для монголов, малайцев и некоторых других; но для белых рас Европы, черных рас и американцев результаты в основном верны. У меня самого было достаточно возможностей исследовать головы ныне живущих негров и индейцев Америки, а также значительное количество черепов, и я могу полностью согласиться с результатами доктора Мортонa. Будет видно, что его черепов у американских аборигенов насчитывается 338.

Таблица, показывающая размер мозга в кубических дюймах, полученная путем измерения 623 черепов различных рас и семейств людей.

РАСЫ И СЕМЬИ.	Количество черепов.	Самая большая внутренняя емкость.	Наименьшая внутренняя емкость.	Среднее значение.	Среднее значение.		
СОВРЕМЕННАЯ КАВКАЗСКАЯ ГРУППА.							
Тевтонская семья—	немцы	18	114	70	90	}	92
Англичане	5	105	91	96			
Англо-американцы	7	97	82	90			
Пеласгическая семья—	персы	}	10	94	75	84	
Армяне черкесы							
Кельтская семья—	коренные ирландцы	6	97	78	87		

РАСЫ И СЕМЬИ.	Количество черепов.	Самая большая внутренняя емкость.	Наименьшая внутренняя емкость.	Среднее значение.	Среднее значение.
Индостанская семья—	Бенгальцы и др.	32	91	67	80
Шемитская семья—	арабы	3	98	84	89
Нилотская семья—	феллахи	17	96	66	80
ДРЕВНЯЯ КАВКАЗСКАЯ ГРУППА.					
Пеласгическая семья—	греко-египтяне (из катакомб)	18	97	74	88
Нилотская семья—	египтяне (из катакомб)	55	96	68	80
МОНГОЛЬСКАЯ ГРУППА.					
Китайская семья	6	91	70	82	
МАЛАЙСКАЯ ГРУППА.					
Малайская семья	20	97	68	86	} 85
Полинезийская семья	8	84	82	83	
АМЕРИКАНСКАЯ ГРУППА.					
Семья толтеков—	перуанцы	155	101	58	75 } 79

РАСЫ И СЕМЬИ.	Количество черепов.	Самая большая внутренняя емкость.	Наименьшая внутренняя емкость.	Среднее значение.	Среднее значение.	
Мексиканцы	22	92	67	79		
Варварские племена — ленапе, чероки, шошоны и др.	ирокезы }		161	104	70	84
ГРУППА НЕГРОВ.						
Коренная африканская семья	62	99	65	83	}	83
Негры американского происхождения	12	89	73	82		
Семья готтентотов	3	83	68	75		
Семья альфореи-цев-	австралийцы	8	83	63	75	

Из этой таблицы видно, что разум доктора Мортонa еще не освободился от гнета искусственных и неестественных классификаций. Подобно Тидеману и другим, он сгруппировал расы, которые не имеют ни малейшего сходства в физических, моральных или языковых характеристиках. В *кавказскую* группу, например, входят тевтонская, индостанская, шемитская и нилотская семьи, каждая из которых, как можно показать, существовала совершенно отдельно в течение 5000 лет, не говоря уже о многих подразделениях.

Таблица доктора Мортонa дает некоторые любопытные результаты. Его древние головы пеласгов и головы современных белых рас дают одинаковый размер мозга, а именно: 88 кубических дюймов; а его древние египтяне и их современные представители, феллахи, дают одинаковое среднее значение - 80 кубических дюймов; разница между двумя группами составляет 8 кубических дюймов. Эти факты имеют сильное отношение к вопросу

опостоянстве типов. У мелкоголовых индусов такой же объем черепа, как и у египтян, и хотя каждая из этих рас была хранилищем ранней цивилизации, остается вопросом, была ли какая-либо из них зачинателем цивилизации. Египетская раса с самого раннего монументального рассвета демонстрирует шемитскую фальсификацию; и Лэтем доказывает, что санскритский язык не был коренным для Индии, но был принесен туда из Северной Европы в ранние века завоевателями.

Опять же, в негритянской группе, хотя абсолютно доказано, что некоторые африканские расы, независимо от того, родились ли они в Африке или принадлежат к десятому поколению в Америке, дают почти одинаковый объем черепа - 83 кубических дюйма; мы видим, напротив, что у готтентотов и австралийцев средний показатель составляет всего 75 дюймов, тем самым демонстрируя одинаковую разницу в восемь кубических дюймов.

Та же параллель прослеживается и в американской группе. Семья толтеков, самая цивилизованная раса, демонстрирует средний рост всего 77 дюймов, в то время как варварские племена дают 84, то есть разница в 7 дюймов в пользу дикарей. Однако, хотя у толтеков головы меньше, у них, по словам Комба, гораздо более развиты передние, или *интеллектуальные* доли, что может служить объяснением этого очевидного парадокса.

Когда мы сравниваем высшую и низшую расы друг с другом, контраст становится еще более разительным, а именно: тевтонцев с готтентотами и австралийцами. Первое семейство дает среднюю вместимость 92 дюйма, в то время как два последних дают всего 75, или разницу в 17 кубических дюймов между черепами этих типов!

Теперь, насколько позволяют судить история и памятники, а также черепа и другие свидетельства, эти различные типы были *постоянными*; и большинство из них мы можем проследить на протяжении нескольких тысяч лет. Если такое постоянство типа на протяжении тысячелетий и вопреки всем климатическим влияниям не формирует *конкретных* характеров, то натуралист оказывается в море без компаса, который мог бы его направлять.

Эти факты ясно определяют произвольный характер всех классификаций, принятых до сих пор; германец, еврей, индус, египтянин и т. Д. - Все они были включены в понятие *европеец*; и все же они, насколько нам известно, во все времена отличались друг от друга по физическим и моральным качествам, как негритянские расы Африки и Океании. Такое же разнообразие типов встречается и среди всех других групп, или произвольных подразделений человеческого семейства.

Какой бы богатой и редкой ни была коллекция доктора Мортон, многие ее разделы весьма несовершенны, и мне пришло в голову, что этот недостаток в какой-то степени могли восполнить производители шляп разных стран; несмотря на то, что информация, полученная из этого источника, может дать только одно измерение, а именно: *горизонтальную периферию*. И все же одно это измерение в расширенном масштабе позволило бы значительно приблизиться к определению общего размера мозга. Соответственно, я обратился к трем шляпным дилерам в Мобиле и крупному производителю в Нью-Джерси за информацией об относительном количестве шляп каждого размера, проданных взрослым мужчинам; их таблицы совпадают настолько идеально, что не оставляют сомнений относительно окружности голов белого населения Соединенных Штатов. Три дома вместе выбрасывают около 15 000 головных уборов в год.

Следующая таблица была любезно прислана мне господами . Вейл и Йейтс из Ньюарка; и они сопроводили это замечанием, что их шляпы были отправлены в основном в наши Западные Штаты, где проживает значительная часть немецкого населения; также, что размеры этих шляп были немного больше (примерно на четверть дюйма), чем те, что продаются в Южных Штатах. Это замечание было подтверждено тремя торговцами в Мобиле. В нашей таблице указано, во-первых. Количество или размер шляпы. во-вторых. Соответствующая окружность головы. 3D. Окружность шляпы; и, наконец, относительная доля каждого проданного номера из 12 шляп.

Размер—дюймы.	Обхват. головы.	Обхват. из шляпы.	Относительно опоры. в 12.
6 $\frac{7}{8}$	21 $\frac{5}{8}$	22 $\frac{3}{8}$	1
7	22	22 $\frac{3}{4}$	2
7 $\frac{1}{8}$	22 $\frac{3}{8}$	23 $\frac{1}{8}$	3
7 $\frac{1}{4}$	22 $\frac{3}{4}$	23 $\frac{1}{2}$	3
7 $\frac{3}{8}$	23 $\frac{1}{8}$	23 $\frac{7}{8}$	2
7 $\frac{1}{2}$	23 $\frac{1}{2}$	24 $\frac{1}{4}$	1

Все шляпы большего размера называются "дополнительными размерами".

Таким образом, средний размер черепа представителей белых рас в Соединенных Штатах составляет около 22 $\frac{1}{2}$ дюймов в окружности, включая волосы и кожу головы, из которых следует вычесть около 1 $\frac{1}{2}$ дюйма, оставляя среднюю горизонтальную периферию для взрослых мужчин равной 21 дюйму. Измерения наиболее чистокровных тевтонских рас в Германии и других странах дали бы большее среднее значение; и у меня есть основания полагать, что население Франции, которое в основном кельтское, дало бы меньшее среднее значение. Я надеюсь, что другие расширят эти наблюдения.

Измерения, проведенные доктором Мортонем для коренных народов Америки, дают в среднем всего 19 с половиной дюймов; и это утверждение значительно подкрепляется тем фактом, что мексиканцы и другие индейские расы носят шляпы гораздо меньшего размера, чем наши белые расы. (См. Типы человечества, стр. 289 и 453.)

Профессор Тидеманн, в Гейдельберге, утверждает, что голова негра такой большой, как у белого человека, но это мы показали свою ошибку. (Типы человечества, стр. 453.)

Тидеман допустил вульгарную ошибку, объединив под термином *европеоидные* все индогерманские, шемитские и нилотские расы; также все черные и смуглые расы Африки под термином *негритянские*. Теперь я показал, что у индуистской и египетской рас объем мозга примерно на 12 кубических дюймов меньше, чем у тевтонцев; а у готтентотов примерно на 8 дюймов меньше, чем у собственно негров. Я утверждаю, что никогда не приводилось никаких веских причин, по которым германца и индуса, или готтентота и негра следует классифицировать вместе по их черепным размерам. Я не могу обнаружить никаких фактов, которые могли бы указать возраст одной из этих рас больше, чем другой; и если профессор Тидеман не сможет преодолеть эти трудности, он не имеет права отождествлять различные расы, которые ему угодно сгруппировать под каждым из своих произвольных подразделений. Мумии из катакомб и портреты на памятниках показывают, что головы народов по обе стороны Красного моря оставались неизменными 4000 лет.

Поскольку доктор Мортон составил таблицу своих черепов на той же произвольной основе, я отказываюсь от его систематизации и представляю факты такими, какие они есть в природе, позволяя читателю сравнивать и судить самому. В следующей таблице приведена *внутренняя емкость* в кубических дюймах, и будет видно, что измерения проводятся в скользящей шкале в 17 кубических дюймов от германского языка до готтентотского и австралийского.

Внутренний объем мозга в кубических дюймах.

РАСЫ.	Внутренний потенциал. Средний.	Внутренний потенциал. Имею в виду.
Современные белые расы—		
Тевтонская группа	92	92
Пеласгическая группа	84	}
Кельтская группа	87	
шемитская группа	89	
Древние пеласги	88	
малайцы	85	}
китайцы	82	
Негры (африканцы)	83	83
индостанцы	80	}
феллахи (современные египтяне)	80	
египтяне (древняя)	80	
Американская группа—		
семья толтеков	77	}
Варварские племена	84	
Готтентоты	75	}
Австралийцы	75	75

На протяжении нескольких тысяч лет непрерывное смешение рас было таким, что мы вольны признать, что абсолютной точности в измерениях черепа сейчас достичь невозможно. И все же результаты в противоположных группах настолько постоянны, что ни один непредубежденный человек не сможет отрицать, что существует большое и хорошо заметное неравенство в развитии черепа у разных рас.

В.

Содержание

Поскольку дискуссия продолжается и по сей день, мы можем предположить, что научный мир разделился примерно поровну по вопросу о единстве человеческой семьи, и этот вопрос следует решать с помощью фактов, а не имен. Естественная история - сравнительно новая и все еще быстро развивающаяся наука, и изучение человека было одним из последних разделов, привлечших серьезное внимание. Блюменбах и Причард, которых можно считать одними из первых исследователей в этой обширной области, совсем недавно были причислены к мертвым; и мы можем с уверенностью утверждать, что за последние десять лет появились материалы, которые пролили совершенно новый свет на этот предмет.

Г-н Агассис, д-р Мортон, проф. Лейди и многие другие натуралисты Соединенных Штатов утверждают об изначальном разнообразии человеческих рас, и мы продолжим приводить некоторые из причин, по которым мы придерживаемся схожих взглядов. Двое из последних сколько-нибудь заметных авторов противоположной стороны - преподобный д-р Бахман из Чарльстона и М. Флуранс из Парижа; и поскольку эти джентльмены очень подробно рассмотрели аргументы, выдвинутые против нас, мы возьмем на себя смелость в ходе наших замечаний предложить некоторые возражения против их взглядов.

Большая трудность в этом обсуждении состоит в том, чтобы четко определить, какое значение следует придавать термину *вид*; и иллюстрацией этого пункта, главным образом, и ограничатся наши труды. *Роды*, по большей части, четко определяются по *анатомическим* признакам, и в отношении них существует мало споров; но до сих пор не было предпринято успешных попыток обозначить *виды* таким образом, и только их *постоянство типа*, как установлено из письменных или монументальных источников, может определять наше решение.

ВИДЫ.

Следующие определения видов были выбраны доктором Бахманом и могут быть приняты столь же безошибочно, как и любые другие; но мы покажем, что они далеки от истинных трудностей данного случая.

"Мы вынуждены признать существование определенных форм, которые сохраняли себя с самого начала мира, не выходя за предписанные пределы: все особи, принадлежащие к одной из этих форм, составляют *вид*". — Кювье.

"Мы объединяем под обозначением вида всех тех особей, которые взаимно имеют друг с другом настолько близкое сходство, что позволяют нам предположить, что они могли произойти первоначально от одного существа или от одной пары". — Де Кандоль.

"Название "вид" применяется к совокупности особей, которые имеют сильное сходство друг с другом и которые увековечены одними и теми же существенными качествами. Таким образом, человек, собака, лошадь составляют для зоолога так много различных видов". — Милн Эдвардс и Ахилл Компте.

У нас нет возражений против этого определения, но приведенные примеры являются спорными и не принимаются многими ведущими натуралистами того времени.

"Виды - это фиксированные и постоянные формы бытия, действительно проявляющие определенные способы вариации, которым они могут быть более или менее подвержены, но сохраняющие во всех этих модификациях одинаковость структурных основ, передаваемых из поколения в поколение и никогда не теряющихся под влиянием причин, которые в противном случае производят очевидные следствия. *Разновидности* либо случайны, либо являются результатом заботы и культуры человека". [198] —Мартин.

Доктор Бахман приводит другое, по существу то же самое, из Агассиса; а также свое собственное, к которому он добавляет, в качестве дополнительного видового критерия, получение "*плодовитого потомства путем ассоциации*". В этом определении врач *предполагает* один из основных спорных моментов.

"*Разновидности*, - говорит доктор Бахман, - это те, которые производятся в пределах определенного вида и не существовали с момента его возникновения. Иногда они происходят от диких видов, особенно тех, которые имеют широкий географический ареал и, следовательно, подвержены изменению климата и температуры" и т.д. * * * "*Постоянные разновидности* - это такие, которые, однажды появившись, размножаются вечно и не меняют своих характеристик, если не скрещиваются с другими разновидностями".

Мы можем отметить, что существование таких *постоянных разновидностей*, как здесь описано, также оспаривается.

Тот же автор продолжает:—

"При сравнении этих определений, данных различными натуралистами, каждый на своем языке, будет видно, что нет существенной разницы в различных взглядах, выражаемых в отношении признаков, которыми обозначается вид. Все они рассматривают его как "низший термин, к которому мы опускаемся, за исключением *разновидностей*, таких, какие наблюдаются у домашних животных". Они предназначены для изучения внешней и внутренней организации животного или растения — они предназначены для сравнения его с родственными видами, и если в результате этого исследования обнаруживается, что они обладают *постоянными признаками, отличающимися от таковых у других видов, это доказывает, что это отдельный вид*. Когда этот факт удовлетворительно установлен и обнаружен экземпляр, не относящийся к домашнему виду, у которого всегда встречаются разновидности, предоставляются предполагаемые доказательства того, что он существовал в первобытном виде. Мы выводим это из того факта, что ни один вид не является продуктом слепой случайности, и что в пределах *исторических знаний* в мире не появилось ни одного истинного вида, а только *разновидности*, происхождение которых можно отчетливо проследить до существующих и хорошо известных видов. Таким образом, это единственное известное человеку средство, с помощью которого можно показать, что любой вид растения или животного является изначальным. Особая форма и знаки обозначали вид, и его происхождение было необходимым выводом, полученным из символов, нанесенных на него рукой Создателя".

Мы охотно присоединяемся ко всем позициям, которые до сих пор занимал доктор Бахман; они строго научны, и только с помощью таких критериев мы желаем проверить единство человеческой семьи; но мы должны решительно возразить против следующего утверждения, а именно: "согласно общепринятому определению видов, доказано, что все особи человеческой

расы принадлежат к одному виду". Когда будет показано, что все расы людей, собак, лошадей, крупного рогатого скота, волков, лисиц и т. Д. Являются "только разновидностями, происхождение которых можно отчетливо проследить до существующих ихорозо известных видов", мы можем тогда уступить; но нам должно быть позволено сказать, что доктор Бахман - единственный натуралист, насколько нам известно, который предположил, что знал эти первоначальные типы.

Теперь, если читатель обратится назад и внимательно рассмотрит все приведенные определения видов, он увидит, что они основаны не на *анатомических признаках*, а просто на *постоянстве* определенных органических форм, и что это постоянство формы определяется только ее *историей*.

Профессор Оуэн из Лондона бросил на чашу весов свое великое имя и говорит нам, что "человек - единственный вид своего рода, единственный представитель своего отряда". Но доказательство того, что человек не обезьяна, как это сделал профессор в упомянутой лекции, не доказывает, что все люди принадлежат *к одному* виду согласно какому-либо еще полученному определению: он сделал это утверждение, но не привел научных оснований для его подтверждения. Никто не был бы рад больше нас, если бы увидел, что огромный талант и ученость профессора Оуэна были полностью задействованы в этом вопросе; но, как и большинство натуралистов, он упустил из виду один из наиболее важных моментов в этой дискуссии — *монументальную историю человека*.

Скажут ли нам профессор Оуэн или доктор Бахман, чем лев и тигр — собака, волк, лиса и шакал - ископаемая лошадь и живые виды — сибирский мамонт и индийский слон - отличаются друг от друга больше, чем белый человек и негр? Разве все они не рассматриваются натуралистами как отдельные виды, и все же кто претендует на то, что способен отличить скелет одного от другого по специфическим признакам?

Только что приведенные примеры живых видов были выбраны просто на основании постоянства их типа, вытекающего из их истории; и мы утверждаем, что с помощью того же процесса рассуждений расы людей, изображенные на памятниках Египта пять тысяч лет назад и сохранившие свои типы с тех пор во все времена и при любом климате, являются *отдельными видами*.

Доктор Мортон определяет виды как "первичную органическую форму" и определяет эти формы по их постоянству во всех человеческих записях; и м—р Агассис, который принимает это определение, добавляет: "Таким образом, виды - это отдельные формы органической жизни, происхождение которых теряется при первичном установлении существующего ныне положения вещей; а разновидности - это такая модификация вида, которая может вернуться к типичной форме под временными воздействиями".

Доктор Бахман очень решительно возражает против этого определения и объявляет его "хитрым приемом и, во всех отношениях, *законом задним числом*", внезапно придуманным во время полемики, чтобы избежать трудностей дела; но у нас есть серьезные сомнения, способны ли эти джентльмены на такие уловки в вопросах науки, и признаем, что мы не видим никакой существенной разницы между их определением и тем, которое дал доктор Бахман. Мортон и Агассис определяют форму как "*изначальную*" благодаря ее постоянству, что доказано историей, и другие определения не устанавливают никакого другого критерия.

Профессор Лейди, который изучал не только "низшие отделы зоологии", как м-р Агассис, но и "высшие формы животной жизни", говорит, что "термину "вид" придавалось слишком большое значение", и дает следующее определение: "Вид растения или животного может быть определен как неизменяемая органическая форма, характерные различия которой всегда можно распознать *при изучении его истории*".[199]

М. Журден в своем Словаре терминов естественных наук, озаглавленном "Сущность", после цитирования длинного списка определений ведущих авторов, завершает статью следующими замечаниями, которые, поскольку вопрос сейчас стоит перед миром, помещают термин "вид" именно там, где он должен быть:

"Очевидно, что среди организованных организмов мы можем рассматривать как *вид* только такую совокупность существ, которые похожи друг на друга больше, чем они похожи на других, и которые по более или менее единодушному согласию принято обозначать общим названием; ибо *вид* - это всего лишь простая *абстракция разума*, а не группа, точно определенная самой природой, такой древней, как она есть, и границы которой она безвозвратно установила. Именно в определении видов мы осознаем, насколько сильно влияние идей, необдуманно принятых в молодости, затуманивающих самые простые идеи общей физики".

Хотя я и не рассчитывал на публикацию, я возьму на себя смелость опубликовать следующее частное письмо, только что полученное от профессора. Лейди. Он вообще не появлялся в этом споре перед публикой, и мы можем с уверенностью сказать, что никто не может быть более квалифицированным, чем он, чтобы выразить мнение по этому вопросу о видах.

"При всех разногласиях по вопросу о том, что представляет собой *вид*, по-видимому, практически нет трудностей в его практическом распознавании. Виды растений и животных определяются ежедневно, и признаки, которые даны для их различения, рассматриваются большинством натуралистов как достаточные. Однако все определения, которые были даны для вида, вызывают возражения. Мортон говорит: "Вид - это первичная органическая форма". Но как нам отличить последнюю? Как можно доказать, что какие-либо существующие формы изначально были различными? Я думаю, что в моей попытке определения я потерпел неудачу, поскольку я только указываю, как обнаруживаются виды.

"В соответствии с практическим определением вида натуралистами в последнем номере "Трудов нашей академии" (том vii, стр. 201) я замечаю: "Вид - это просто удобное слово, которым натуралисты эмпирически обозначают группы организованных существ, обладающих признаками сравнительного постоянства, насколько исторический опыт помог им придать должное значение такому постоянству".

Согласно этому определению, человеческие расы, очевидно, являются отдельными видами. Но можно сказать, что определение дано с учетом обстоятельств. Так оно и есть, и так должно быть; или, если нет, то все охарактеризованные виды должны соответствовать произвольному определению. Виды *gypætus*, *haliaetus*, *tanagra* и многих других родов птиц различимы не более, чем виды людей; и, повторяю, анатомия одного вида *haliaetus* или любого другого рода будет отвечать анатомии всех других видов того же рода. То же самое происходит и с млекопитающими. Один вид *felis*, *ursus* или *equus* даст точную анатомию всех других видов в каждом роде, точно так же, как вы можете изучать анатомию белого человека по сравнению с черным человеком. В то время как проф. Ричард Оуэн сравнивает

оранга с человеком и, следовательно, выводит, что все расы последнего принадлежат к одному виду, он делит род *servus* на несколько других родов, и все же нет разницы в их внутренней анатомии; в то время как он рассматривает лошадь и осла как два разных рода и говорит, что определенный ископаемый лошадиный зуб, тщательно сравненный с соответствующим зубом современной лошади, не выявил различий, за исключением того, что он был немного более изогнутым, он считает его отдельным видом под названием *equus curvidens*; и все же, с более значительными различиями в строении зубов. челюсти негра и белого человека, он считает их одинаковыми.

"В ограниченных родах позвоночных современных натуралистов специфические признаки основаны на внешних придатках, по большей части — различиях в чешуе, рогах, роговицах, перьях, волосках или клювах. Точно так же, как вы разделяете черного и белого человека по различию в цвете кожи и характере волос, мы разделяем виды медведей, кошек и т.д.

"Филадельфия, 18 апреля 1855 года".

Таким образом, мы могли бы продолжать и умножать до объема в октаво томов свидетельства, показывающие, насколько расплывчатым и неурегулированным является термин "вид" среди натуралистов, и что, когда мы отказываемся от исторических записей, у нас не остается надежного ориентира. Более того, даже если бы мы смогли установить совершенно надежные ориентиры между видами, у нас все равно нет средств определить, были ли они изначально созданы одной парой или многими парами. Последнее, безусловно, является наиболее рациональным предположением: есть все основания полагать, что земля и море произвели "в изобилии" представителей каждого вида.

Из приведенных выше доказательств читателю должно быть ясно, что доктор Бахман претендует на слишком многое, когда утверждает, что...

"В Европе и Америке можно найти натуралистов, которые без какого-либо *тщеславного хвастовства* могут различать все виды птиц и четвероногих на своих отдельных континентах; и признаки, которые различают несколько видов, столь же отчетливы и непогрешимы, как и те, которые образуют роды".[200]

И снова, когда он говорит:—

"Благодаря возможностям, которыми мы пользовались при изучении разновидностей и видов одомашненных четвероногих и птиц, мы никогда не сталкивались с какими-либо трудностями при выборе вида, к которому принадлежат эти разновидности".

Те из нас, кто все еще блуждает ощупью в темноте, безусловно, имеют право спросить, кто такие упомянутые авторитеты и что это за "признаки, которые различают виды" так же отчетливо и безошибочно, как "роды"? Они, конечно, не напечатаны.

Доктор должен извинить нас за то, что мы напоминаем ему, что есть печатные свидетельства того, что его собственный разум не всегда свободен от сомнений. Во введении к книге Одюбона и Бахмана "Четвероногие Америки", стр. vii, сказано:

"Хотя *роды* можно легко определить по характерным для каждого из них формам и расположению зубов, многие *виды* настолько приближаются друг к другу по размеру, в то

время как они настолько различны по окраске, что чрезвычайно трудно разделить их с полной уверенностью".

Опять же, говоря о роде *vulpes* (лисицы), в той же работе говорится:—

"Признаки этого рода так незначительно отличаются от признаков рода *canis*, что мы вынуждены остановиться, прежде чем исключить его из подрода, в котором он так долго оставался. Как общее правило, мы вынуждены *признать, что большая лиса - это волк, а маленького волка можно назвать лисой*. Однако список видов старого рода *canis* настолько неудобно велик, что, по нашему мнению, целесообразно разделить на отдельные группы те виды, которые обладают какими-либо признаками, отличными от настоящих волков".

Говоря о происхождении домашней собаки, доктор Бахман в своей работе "Единство рас", стр. 63, говорит:—

"Несмотря на все эти трудности — и мы признаемся, что не свободны от некоторых сомнений относительно их идентичности (собаки и волка) — если бы нам пришлось выбирать какой-либо дикий вид в качестве прародителя наших собак, мы бы скорее остановили свой выбор на крупном волке, чем на любой другой собаке, гиене или шакале" и т.д.

По крайней мере, здесь врач не в состоянии (и мы можем указать на множество других случаев) "определить вид"; и недавние исследования Флуранса в Ботаническом саду доказывают, что он ошибался относительно происхождения собаки. Собака не происходит от "большого волка", но вместе с ним производит гибриды, стерильные после третьего поколения. Собака образует отдельный род.

Итак, мы повторяем, что у большого числа *родов* виды не могут быть разделены никакими анатомическими признаками и что только на основе их истории натуралисты пришли к тем мелким разделениям, которые в настоящее время общеприняты. Мы можем, не опасаясь противоречия, пойти еще дальше и утверждать, что некоторые из человеческих рас столь же широко разделены по физической организации, физиологическим и психологическим признакам, как и псовые, равноногие, кошачьи, слоны, медведи и другие. Когда белые расы Европы, монголы Азии, аборигены Америки, черные расы Африки и океании помещаются рядом друг с другом, они отмечаются более сильными различиями, чем виды вышеназванных родов. Было высказано возражение, что эти промежутки заполняются промежуточными звеньями, которые делают цепь завершенной от одного конца до другого. Признание этого факта не отменяет нашей позиции, поскольку мы показали в другом месте (см. Типы человечества), что *градиация* - это закон природы. Мы доказали, что крайние типы различаются уже более 5000 лет, и никакие существующие причины за это время не превратили один тип в другой. Хорошо выраженный негритянский тип, например, стоит лицом к лицу с белым типом на памятниках Египта; и они отличаются друг от друга больше, чем собака и волк, осел и *Equis Hemionus*, лев и тигр и т. д. Волосы и кожа, размер и форма головы, таза, конечностей и другие особенности отличают некоторых африканских и океанических негров более широко, чем вышеупомянутые виды. Это не подлежит сомнению, какие бы расхождения во мнениях ни существовали относительно постоянства этих форм. Выражаясь языком проф. Дж. Лейди, "вопрос, который необходимо решить, заключается в том, являются ли различия в человеческих расах такими же

постоянными и имеющими такую же ценность, как те, которые характеризуют виды низших родов животных". Этими человеческими расами также управляют те же законы географического распространения, что и видами низших родов; насколько позволяет проследить история, они находятся как можно дальше друг от друга и окружены местной флорой и фауной.

РАЗНОВИДНОСТИ.

Этот термин очень удобно введен для объяснения всех трудностей, затрудняющих данное обсуждение. Доктор Бахман настаивает на том, что все человеческие расы представляют собой всего лишь *разновидности*, и подкрепляет свое мнение повторением тех аналогий, которые Причард и его школа так часто проводили из животного царства. Хорошо известно, что те животные, которые были одомашнены, претерпевают в течение нескольких поколений весьма заметные изменения в окраске, форме, размере, привычках и т. Д. Например, все свиньи, черные, белые, бурые, серые, пятнистые и т. Д., Которые сейчас встречаются разбросанными по земле, происходят, как говорят, от одной пары диких свиней. "Принимая это во внимание, - говорит доктор Б., - мы приглашаем сторонников множественности человеческого вида показать, в чем эти различия менее поразительны, чем их восемь (имеется в виду Агассис) первоначально созданных наций". Снова—

- А как было сделано открытие, что все постоянные расы являются простыми разновидностями, а не "первоначально созданными" видами или "примитивными разновидностями"? Просто потому, что натуралисты Германии, обнаружив, что первоначальные дикие свиньи все еще существуют в их лесах, в тысячах случаев возвращали их обратно из лесов. Таким образом, они обнаружили, что их потомки, *через несколько поколений*, теряют свою свирепость, приобретают все цвета кожи" и т. Д.

Те же рассуждения применимы к лошадям, крупному рогатому скоту, козам, овцам и т. Д., В то время как многие, если не большинство лучших натуралистов современности отрицают, что мы что-либо знаем о происхождении наших домашних животных. Жоффруа Сент-Илер в своей работе "just out" полностью отрицает это. Мы, однако, ради аргументации готовы принять все приведенные примеры и все, что он утверждает относительно происхождения бесконечных разновидностей у домашних животных.[201]

Давайте, с другой стороны, "предложим сторонникам *единства* человеческого рода" сказать, когда и где в человеческой семье появились такие разновидности. У нас есть не только письменная история человека за 2000 лет, но и его монументальная история еще за 2000; и все же, в то время как натуралисты Германии ловят диких свиней и фиксируют в тысячах случаев "через несколько поколений" эти удивительные изменения, никто еще не указал на что-либо аналогичное в человеческом семействе; семейство дикобразов в Англии, несколько пятнистых мексиканцев и т.д., не соответствуют этому случаю; история не зафиксировала происхождения ни одной постоянной разновидности. Ни одна раса людей в одной и той же стране не становилась черной, коричневой, серой, белой и пятнистой. Негры в Америке за десять поколений не приобрели всех цветов кожи, хотя и были полностью *одомашнены*, как свиньи и индейки. Евреи во всех странах на протяжении 2000 лет остаются евреями. Цыгане повсюду

остаются цыганами. В Индии разные касты, разного цвета кожи живут вместе несколько тысяч лет и до сих пор отличаются друг от друга и т.д.

Также одомашнивание не влияет одинаково на всех животных и домашнюю птицу; сравните верблюда, осла и оленя со свиньей и собакой; цесарку, гороховую курочку и гуся с голубями, индюшками и обыкновенными домашними птицами. На самом деле, ни одно животное не может быть взято в качестве аналога для другого: у каждого свои физиологические законы; на каждого по-разному и в разной степени влияют одни и те же внешние воздействия. Как же тогда животное может быть принято за аналог человека?

Мы также располагаем достаточным авторитетом, чтобы показать, что не все дикие виды обладают одинаковым единообразием во внешних признаках.

"Все стаи американских волков обычно состоят из различных оттенков окраски, и разновидности, почти черные, иногда встречались в каждой части Соединенных Штатов. ... В стае волков, которая существовала в округе Коллетон, Южная Каролина, несколько лет назад (шестнадцать из которых были убиты охотниками за восемнадцать месяцев), нам сообщили, что примерно пятая часть была черной, а остальные всех оттенков окраса, от черного до темно-серого и желтовато—белого". -Audubon & Bachman, 2-е американское издание, том ii. стр. 130-1.

Говоря о белом американском волке, те же авторы говорят:—

"Их походка и движения в точности такие же, как у обычной собаки, а их способ совокупления и количество детенышей, появляющихся в помете, примерно такие же". (Можно было бы добавить, что количество костей, зубов и вся анатомическая структура у них одинаковы.) "Разнообразие их размеров и окраски поразительно, нет двух совершенно одинаковых". ... "Волки прерий ... производят от шести до одиннадцати особей при рождении, из которых очень редко бывает два одинаковых по цвету". —Цит. по., стр. 159.

"Обыкновенный американский волк, - замечает Ричардсон, - иногда демонстрирует поразительное разнообразие окраса. На берегу реки Маккензи я видел пятерых молодых волков, прыгающих и кувыркающихся друг через друга со всей игривостью щенков домашней собаки, и не исключено, что все они были из одного помета. Один из них был пестрым, другой черным, а остальные имели окрас обычных серых волков".

Такое же разнообразие наблюдается и у степного волка, и натуралисты испытывали большие затруднения при классификации различных волков по цвету, размеру и т.д.

Все это не зависит от *одомашнивания* и показывает неопределенность аналогов; и все же замечательно, что, хотя у аборигенных собак Америки существует значительное разнообразие в окрасе и размерах, они не впадают в тысячи гротескных форм, наблюдаемых на старом континенте, где существует гораздо большее смешение. Собаки Америки, как и аборигенные расы людей, сравнительно однородны. На Востоке, где объединились различные расы, люди, как и собаки, представлены бесконечным разнообразием: Египет, Ассирия, Индия и т. Д.

Предположим, что одна разновидность свиней была обнаружена в Африке, одна в Азии, одна в Европе, одна в Австралии, другая в Америке, так же хорошо отмеченная, как те, которые описывает доктор Б.; что эти разновидности были перенесены в другие климатические условия, как евреи, цыгане, негры и т. Д., И оставались веками без изменения формы или цвета, будут ли

они рассматриваться как отдельные виды или нет?—может ли кто-нибудь сомневаться? Правило должно работать в обоих направлениях, иначе аргумент теряет силу.

Фактически сам доктор делает признания, которые полностью опровергают всю его теорию.

"Хотя, - говорит он, - мы готовы придать некоторый вес аргументу, выдвинутому президентом Смитом, который пытается объяснить разнообразие в человеке совокупным влиянием трех причин: "климата, состояния общества и образа жизни", мы вольны признать, что разнообразие в человеческом семействе невозможно объяснить причинами, которые он назвал".[202]

Далее в той же работе Доктор признает, что расы были *постоянными* со времен древней египетской империи, и *предполагает*, что в какое-то чрезвычайно отдаленное время, о котором у нас нет записей, "они были более восприимчивы к образованию разновидностей, чем в более поздний период". Эти предположения отвечают очень хорошей цели в теологии, но не соответствуют требованиям науки.

ГИБРИДНОСТЬ.

Показав недостаточность всех остальных аргументов в установлении ориентиров *видов*, давайте теперь обратимся к аргументам, основанным на *гибридности*, которая, по-видимому, является последним оплотом партии единства. С этим связаны все трудности г-на Гобино, и если бы он был здесь в курсе событий, все его сомнения рассеялись бы. За последние двенадцать месяцев к ранее опубликованным фактам добавилось несколько очень важных, и мы представим этот предмет в его новейшем свете с как можно меньшим количеством подробностей.

Утверждается, что когда два животных разных видов или, другими словами, разного происхождения скрещиваются вместе, они дают гибрид, который является *бесплодным* или который, по крайней мере, становится стерильным через несколько поколений, если его сохранить свободным от примеси родительского поголовья. Предполагается, что неограниченная плодовитость является определенным критерием общности происхождения.

Мы, напротив, утверждаем, что не существует резкой демаркационной линии; что еще не установлены полные законы гибридности; что существует *регулярная градация* в плодовитости вида и что, согласно лучшим источникам, которыми мы сейчас располагаем, существует непрерывный ряд от совершенной стерильности к совершенной плодовитости. Степени могут быть выражены следующим языком:—

1. То, при котором гибриды никогда не размножаются; другими словами, где смешанное потомство начинается и заканчивается первым скрещиванием.
2. Тот, при котором гибриды неспособны производить *inter se*, но размножаются путем объединения с родительским подвоем.
3. То, при котором животные несомненно различных видов производят плодовитое *само по себепотомство*, но имеющее тенденцию к истощению.

4. То, что происходит между близкородственными видами; среди человечества, например, и среди тех домашних животных, которые наиболее необходимы для удовлетворения человеческих потребностей и счастья; здесь плодовитость безгранична.

По-видимому, существует закон, согласно которому в тех родах, где существует несколько видов, существует определенная градация, проявляющаяся в степенях гибридности; некоторые из них имеют большее сродство, чем другие. Эксперименты все еще стремятся сделать наши знания совершенными, но мы знаем достаточно, чтобы обосновать наши доводы.

Есть много моментов, на которых у нас нет места останавливаться, таких как относительное влияние самца и самки на потомство; тенденция одного вида преобладать над другим; тенденция типов "прорасти" после бездействия в течение многих поколений; тот факт, что у определенных видов часть потомства идет в одного родителя, а часть - в другого, в то время как в других случаях потомство представляет средний тип и т.д.

Род *Equus* (Лошадь) включает шесть видов, из которых три принадлежат Азии, а три - Африке. Азиатскими видами являются *Equus Caballus* (Лошадь), *Equus Hemionus* (джиггетай) и *Equus Asinus* (Осел). Обитателями Африки являются *Equus Zebra* (зебра), *Equus Montanus* (галка) и *Equus Quaccha* (квагга). Только лошадь и осел были одомашнены с незапамятных времен; остальные остались дикими.

Хорошо известно, что лошадь и осел вместе производят неплодоносящего мула, и поскольку эти два вида наиболее далеки друг от друга по своему физическому строению, доктор Мортон уже давно предположил, что промежуточные виды, скрещенные вместе, будут демонстрировать более высокую степень плодовитости, и это предсказание было подтверждено экспериментами, недавно проведенными в Саду растений в Париже, где осла и джиггетая разводили вместе в течение последних десяти лет. "Что очень примечательно, эти гибриды значительно отличаются друг от друга; некоторые гораздо больше напоминают джиггетая, другие - осла". Что касается продукта мужского джиггетая и дженни, г—н Жоффруа Сент-Илер говорит:[203]-

"Другим фактом, не менее заслуживающим интереса, является плодовитость, если не всех мулов, то, по крайней мере, первенцев среди них; в отношении этого факт несомненен: он несколько раз рожал с Дженни и один раз с самкой джиггетай, единственной, которую он покрыл".[204]

На заседании "Зоологического общества адаптации",

M. Richard (du Cantal) "parle des essais de croisements de l'hémione avec l'anesse, et dit qu'ils ont donné un mulet beaucoup *plus ardent* que l'âne. Il asserte que les produits de l'hémione avec l'âne, sont féconds, et que le métis, nommé Polka, à déjà produit."

До какой степени повысится плодовитость этих двух видов, еще предстоит определить, и среди других видов этого рода все еще открыта неизученная область; весьма вероятно, что может быть установлена градация от стерильности до совершенной плодовитости.

Не только самка осла и самец-онагр размножаются вместе, но и потомство мужского пола от этой помеси с кобылой дает животное более послушное, чем любой из родителей, и сочетающее в себе лучшие физические качества, такие как сила, скорость и т.д.; поэтому

древние предпочитали онагра ослу для производства мулов.[205] М-р Глиддон, проживший более двадцати лет в Египте и других восточных странах, сообщает мне, что это мнение все еще преобладает в Египте, и на него особенно действуют в Аравии, Персии и т. Д., Гдегур, или дикий осел, все еще бродит по пустыне. Зебру также несколько раз скрещивали с лошастью.

Род *canis* содержит великое множество видов, таких как домашние собаки, волки, лисицы, шакалы и т. Д., И существует много дискуссий относительно того, какие из них действительно виды, а какие просто разновидности. У этого рода эксперименты по скрещиванию продвинулись на шаг дальше, чем у *Equidae*, но многое еще предстоит сделать. Все виды дают плодовитое потомство, но неизвестно, насколько далеко это может простираться в каждом конкретном случае; есть основания полагать, что будут обнаружены все степени, кроме абсолютной стерильности, которая наблюдается у потомства лошади и осла.

Следующие факты приведены М. Флурансом и являются результатом его собственных наблюдений в Ботаническом саду.

Гибриды собаки и волка стерильны после *третьего* поколения; гибриды шакала и собаки - после *четвертого*.

Более того, если один из этих гибридов скрещивается с одним из примитивных видов, они вскоре полностью возвращаются к этому виду.

"Мои эксперименты по скрещиванию видов дали мне возможность сделать очень много наблюдений такого рода.

"Союз собаки и шакала приводит к образованию гибрида — смешанного животного, в котором почти в равной степени присутствуют оба типа, но в котором, однако, тип *шакала* преобладает над типом *собаки*.

"На самом деле, в своих экспериментах я заметил, что не все типы одинаково доминируют и устойчивы. Тип собаки более настойчив, чем тип волка; тип шакала более настойчив, чем тип собаки; тип лошади менее настойчив, чем тип осла, и т. Д. Гибрид собаки и волка больше похож на собаку, чем на волка; гибрид шакала и собаки больше похож на шакала, чем на собаку; гибрид лошади и осла меньше похож на лошадь, чем на осла; у него уши, спина, круп, голос осла; лошадь ржет, осел ревет, а мул ревет, как осел, и т.д.

"Таким образом, гибрид собаки и шакала больше напоминает шакала, чем собаку — у него прямые уши, висячий хвост, он не лает и дикий — в нем больше шакальского, чем собачьего.

"Вот и все для **первого** продукта скрещивания собаки с шакалом. Я продолжаю объединять, из поколения в поколение, последовательные продукты с одним из двух примитивных видов — с собакой, например. Гибрид *второго* поколения еще не лает, но уши у него уже висят на концах, и он менее свиреп. Гибрид третьего поколения лает, уши у него висячие, хвост вздернут вверх, и он больше не дикий. Гибрид *четвертого* поколения - это полностью собака.

"Итак, четырех поколений было достаточно, чтобы восстановить один из двух примитивных типов - тип собаки; и четырех поколений также достаточно, чтобы вернуть другой тип".[206]

Из вышеизложенных фактов М. Флуранс выводит, без объяснения причин, следующее *non sequitur*:—

"Таким образом, либо гибриды, рожденные от союза двух различных видов, объединяются и вскоре становятся стерильными, либо они объединяются с одним из родительских стад и вскоре возвращаются к этому типу — они ни в коем случае не дают того, что можно назвать новым видом, то есть промежуточно долговечным видом".[207]

Собака также производит гибриды с лисой и гиеной, но в какой степени, пока не определено. Гибридная лиса, безусловно, плодовита на протяжении нескольких поколений.

В животном мире встречаются также крупный рогатый скот, верблюды, каприны, овцы, кошки, олени с бараном и бесконечное множество других гибридов, но они являются лишь повторением вышеупомянутых фактов, и эксперименты по установлению *степеней*, присущих каждому из двух видов, все еще далеки от завершения. Однако у нас есть множество доказательств трех первых степеней гибридности. 1. Когда гибрид бесплоден. 2. Когда он дает потомство с родительским подвоем. 3d. Где он плодовит в течение одного, двух, трех или четырех поколений, а затем становится бесплодным. До этого момента нет разнообразия мнений. Давайте теперь выясним, какие существуют доказательства существования 4-й ступени, при которой гибриды могут образовать новую и постоянную расу.

Чтобы показать, насколько медленным было наше продвижение в этом вопросе и какие трудности встречались на нашем пути, нам достаточно заявить, что факты о собаке, волке и шакале, приведенные выше у Флуранса, были опубликованы только в течение последних двенадцати месяцев. Идентичность собаки и волка до сих пор не была установлена, и *степени* гибридизации собаки с волком и шакалом ранее были неизвестны. Эти эксперименты не распространяются за пределы одного вида волков.

Мсье Флуранс говорит:—

"Les espèces ne s'altèrent point, ne changent point, ne passent point de l'une à l'autre; les espèces sont fixés."

"Если виды имеют тенденцию к трансформации, переходу один в другой, почему время, которое во всем влияет на все, что может произойти, не закончилось раскрытием, предательством, подразумеванием этой тенденции.

"Но времени, - могут сказать мне, - не хватает. Это не недостаток. Прошло 2000 лет с тех пор, как писал Аристотель, и в наши дни мы узнаем всех животных, которых он описывает; и мы узнаем их по признакам, которые он присваивает. ... Кювье утверждает, что история слона более точна у Аристотеля, чем у Бюффона. Нам каждый день привозят из Египта останки животных, которые жили там две или три тысячи лет назад, — быков, крокодилов, ибисов и т. Д., Которые такие же, как и в наши дни. Перед нашими глазами *человеческие мумии*— скелет того времени идентичен скелету египтянина наших дней ".

(М. Флуранс мог бы добавить, что мумии белой и черной рас показывают, что они были такими же разными тогда, как и сейчас, и что монументальные рисунки представляют разные расы более чем на тысячу лет назад.)

Таким образом, за три тысячи лет ни один биологический вид не изменился. Эксперимент, который продолжается в течение трех тысяч лет, — это не эксперимент, который нужно проводить, - это *сделанный* эксперимент. Виды не меняются".[208]

Постоянство типа, таким образом, является единственным критерием, который он может привести для обозначения видов, и здесь он явно возвращается к позиции, которую мы заняли. Давайте теперь проверим человеческие расы по этому правилу. Белые азиатские расы, евреи, арабы, египтяне, негры, по крайней мере, отчетливо изображены на памятниках Египта и Ассирии, такими же отчетливыми, как и сейчас, *ивреям* и перемена климата не превратили ни один тип в другой. В каких бы неизведанных регионах земли ни побывали первые путешественники, они находили расы, одинаково хорошо различимые. Все эти расы плодovиты *сами по себе*, и есть все основания полагать, что здесь мы обнаруживаем четвертую и последнюю степень гибридности. Является ли плодovитость *неограниченной* между всеми расами или биологическими видами людей, все еще остается нерешенным вопросом, и эксперименты для полного и объективного определения этого вопроса еще не были проведены. Собака и волк становятся бесплодными на *третьем* сроке. Собака и шакал в четвертом поколении, и кто может сказать, не проявится ли закон гибридизации в человеке после более длительной череды поколений. Пока нет наблюдений такого рода в человеческой семье. В наших Южных Штатах распространено мнение, что мулаты менее плодovиты и достигают меньшей продолжительности жизни, чем родительские особи. Я убежден в справедливости этого замечания, когда оно применяется к мулатам строго белой и черной рас, и я в равной степени убежден, исходя из длительного личного наблюдения, что *темнокожие европейские* расы, такие как испанцы, португальцы, итальянцы, баски и т. Д., Смешиваются с неграми гораздо совершеннее, чем со светлыми расами, таким образом выполняя закон градации в гибридности. Если сравнить мулатов Нового Орлеана и Мобила с мулатами Атлантических Штатов, факт станет очевидным.

Аргумент в пользу неограниченного размножения между видами может быть убедительно подтвержден обращением к истории наших домашних животных, история которых окутана той же непроницаемой тайной, что и история человека. М. Жоффруа Сент-Илер очень справедливо замечает, что мы ничего не знаем о происхождении наших домашних животных; поскольку мы находим диких свиней, коз, овец и т. Д. В определенных частях Европы, спустя несколько тысяч лет после ранних миграций человека, это не доказывает, что домашние произошли от этих диких. Может быть и наоборот.[209]

Мы уже сделали некоторые общие замечания относительно *рода canis*, естественная история которого наиболее тесно связана с историей человека. Давайте теперь зададимся вопросом, является ли домашняя собака всего лишь одним видом, или же под эту рубрику были включены многие ближайшие виды неограниченного размножения. Если мы попытаемся ответить на этот вопрос с помощью *постоянства типа*, подобно человеческим расам и всем хорошо выраженным видам, сомнения должны быть устранены.

Доктор Мортон и другие натуралисты приводят веские доводы в пользу предположения, что нашим обычным собакам, независимо от смешения их различных рас, также может быть вкраплена кровь лисиц, волков, шакалов и даже гиены; таким образом, образуются, как мы видим каждый день вокруг нас, *дворняги* всех возможных сортов; но если оставить в стороне все это, у нас есть множество свидетельств того, что в каждой зоологической области есть своя оригинальная собака, и, возможно, нередко несколько.

В одной из глав о гибридности в "Типах человечества" показано, что наши индейские собаки в Америке представлены несколькими хорошо выраженными типами, не похожими ни на какие

другие в Старом Свете, и которые являются коренными жителями этой почвы. Например, эскимосская собака, индийская собака-заяц, североамериканская собака и некоторые другие. У нас нет места здесь, чтобы полностью ознакомиться с фактами, но они будут подробно изложены в вышеупомянутой работе. Эти собаки также явно относятся к диким видам этого континента.

В других частях света мы находим другие виды, столь же хорошо обозначенные, но мы удовлетворимся фактами, почерпнутыми из древних памятников Египта. Уже не подлежит сомнению, что по крайней мере со времен двенадцатой династии, примерно за 2300 лет до Рождества Христова, мы находим обычных египетских мелких собак, борзую, оленью гончую, тернспита и несколько других видов, которые не соответствуют ни одним собакам, которые сейчас можно идентифицировать.[210] Мы находим также, что мастиф превосходно изображен на памятниках Вавилона, собака которого была впервые завезена с Востока в Грецию Александром Македонским за 300 лет до н.э. Музеи естественной истории также повсюду изобилуют останками *ископаемых* собак, которые задолго до всех ныне живущих видов.

Волк, шакал и гиена также отчетливо изображены на ранних памятниках Египта, а борзая, в точности похожая на английскую борзую, с полувисящими ушами, изображена на статуе в Ватикане, в Риме. Таким образом, ясно, что ведущие типы собак наших дней (и, вероятно, все остальные) существовали более четырех тысяч лет назад, и столь же несомненно, что этот тип собаки, если его содержать в чистоте, будет существовать в противоположных климатических условиях веками. Наши стейгхаунды, борзые, мастифы, тернспиты, пойнтеры, терьеры и т.д. разводятся веками не только в Египте и Европе без потери своих типов, но и в любом климате, который их не уничтожает. Никто не отрицает, что климат сильно влияет на этих животных, но борзая, оленья или бульдог никогда не смогут трансформироваться друг в друга.

Изложенные выше факты не подлежат сомнению, и следует признать, что все эти виды безгранично плодотворны *по себе*.

Лама дает еще один веский аргумент в пользу четвертой степени гибридности. Кювье признает только два вида — ламу (*camelus llama*), разновидностью которой он считает альпаку, и вигонь (*camelus vicunna*). Более поздние натуралисты рассматривают альпаку как отдельный вид, среди которых М. Жоффруа Сент-Илер.[211] Во всяком случае, кажется устоявшимся, что они все неограниченно размножаются вместе.

"A son tour, après la vigogne, viendra bientôt l'alpavigogne, fruit du croisement de l'alpaca avec la vigogne. Don Francisco de Thérans, il y a quarante ans, et M. de Castelnau, avaient annoncé déjà que ce métis est fécond, et qu'il porte une laine presque aussi longue que celle de l'alpaca, presque aussi fine que celle de la vigogne. ... M. Weddell a mis tout récemment l'Académie des Sciences à même de voir et d'admirer cette admirable toison. Il a confirmé en même temps un fait que n'avait trouvé que des incrédules parmi les naturalists—la fécondité de l'alpaca-vigogne: l'abbé Cabrera, curé de la petite ville de Macusani, a obtenu une race qui se perpétue et dont il possède déjà tout un troupeau. C'est, donc, pour ainsi dire, une nouvelle espèce créée par l'homme; et si paradoxal qu'il ait pu sembler ce résultat, il est, fort heureusement pour l'industrie, *définitivement acquis à la science*.

"Ce résultat n'aurait rien de paradoxal, si l'alpaca n'était, comme l'ont pensé plusieurs auteurs, qu'une race domestique et très modifiée de la vigogne. Cette objection contre le prétendu

principe de l'infécondite des mulets ne serait d'ailleurs levée que pour faire place à une autre; l'alpa-llama serait alors un mulet, issu de deux espèces distincts, et l'alpa-llama est fécond comme l'alpa-vigogne." [212]

Недавно мы видели выставленный в Мобиле прекрасный гибрид альпаки и обыкновенной овцы, и владелец сообщил нам, что у него дома есть стадо, которое прекрасно размножается.

Доктор Бахман признается, что он не изучал рисунки различных животных, изображенных на памятниках, приведенные в работах Лепсиуса, Шампольона, Росселлини и других египтологов, и высмеивает идею об их признании авторитетом в вопросах естественной истории. Хотя многие рисунки выполнены грубо, большинство из них в общих чертах выполнены прекрасно, и доктор Б., насколько нам известно, первый, кто поставил этот факт под сомнение. Доктор Час. Доктор Б. считает Пикеринга высоким авторитетом в научных вопросах — он исследовал не только эти рисунки, но и их оригиналы. Лепсиус, Шампольон, Росселлини, Уилкинсон и все египтологи засвидетельствовали достоверность этих рисунков и перечислили сотни животных и растений, которые точно идентифицированы.

Мартин, автор работы "Человек и обезьяны", безусловно, является хорошим авторитетом. Он говорит:—

"Сейчас у нас в современном Египте и Аравии, а также в Персии есть разновидности борзых, очень похожие на те, что изображены на древних памятниках искусства, и, по-видимому, существуют две или три разновидности — одна гладкошерстная, другая длинношерстная, и еще одна гладкошерстная с длинношерстными ушами, напоминающими уши спаниеля. В Персии борзая, судя по виденным нами образцам, шелковистошерстная, с бахромчатым хвостом. Они черного окраса, но, как нам сообщили, прекрасная порода имеет грифельный или пепельный оттенок, как и некоторые гладкошерстные борзые, изображенные на египетских картинах. В Аравии существует крупная, грубая, сильная раса; а около Акабы, по словам Лаборда, порода стройного телосложения, быстрая, с длинным хвостом, очень волосатая, в форме кисточки, с ушами стоячими и заостренными, очень похожая, фактически, на многие из тех, что изображались древними египтянами". [213]

Далее он цитирует полковника. Сайкс и другие упоминают о других разновидностях борзых на востоке, не похожих ни на одну из европейских.

Доктор Пикеринг, после перечисления различных объектов, идентифицированных на памятниках третьей и четвертой династий, таких как нубийцы, белые расы, страусы, ибисы, шакалы, антилопы, ежи, гуси, домашние птицы, утки, быки, ослы, козы, обезьяны с собачьим лицом, гиены, дикобразы, волки, лисы и т. Д., Когда он переходит к двенадцатой династии, говорит: -

Картины на стенах представляют огромное разнообразие сюжетов; включая, что самое неожиданное, большую часть *искусств и ремесел*, практикуемых среди цивилизованных народов в наши дни; также птиц, четвероногих, рыб и насекомых, составляющих *расширенный трактат по зоологии*, вполне заслуживающий внимания натуралистов. Дата, сопровождающая эти изображения, была астрономически определена Био, примерно в 2200 году до н.э. (Шампольон-Фигака, Египет); и хронологические вычисления Лепсиуса соответствуют". [214]

Доктор П. дает нам описание фауны и флоры Египта, уходящее еще дальше в прошлое, чем указанная Ашером дата создания, и не может быть сомнений в том, что рисунки столь же достоверны, как и в любой современной работе по естественной истории.

С.

Содержание

Г-н Гобино замечает (стр. 367), что у него есть очень серьезные сомнения относительно единства происхождения. "Однако эти сомнения, — продолжает он, — я вынужден подавить, потому что они противоречат научному факту, который я не могу опровергнуть, — плодovitости полукровок; и, во-вторых, что имеет для меня гораздо больший вес, они ставят под сомнение религиозную интерпретацию, санкционированную церковью".

Что касается плодovitости полукровок, я уже упоминал такие факты, которые могли бы рассеять сомнения ученого писателя, если бы он был с ними знаком. Что касается другого, более серьезного препятствия к его признанию множественности источников, он сам намекает (стр. 339), что авторитетность этого толкования, возможно, можно было бы поставить под сомнение, не выходя за рамки, установленные церковью. Полагая, что эта точка зрения верна, я рискну высказать несколько замечаний по поводу этого последнего сомнения автора, которое разделяют многие исследователи этого интересного предмета.

"Строгое правило научного исследования, — говорит самый образованный и грозный оппонент в стане противника,[215] "требует, по мнению современных философов, в вопросах индуктивного рассуждения исключительного уважения. Это требует, чтобы мы закрыли глаза на все предполагаемые и внешние свидетельства и *абстрагировали наш разум от всех соображений, не вытекающих из фактических вопросов, которые непосредственно касаются вопроса*. Максима, которой мы должны следовать в таких спорах, — "fiat justitia, ruat cœlum". *На самом деле, всегда желательно знать, что на самом деле является правдой, какие бы последствия ни повлекло за собой ее признание.*"

Я с радостью присоединяюсь к этому мнению: это всегда было моей максимой. И все же я считаю необходимым, рассматривая эту тему, коснуться ее *библейских* связей, ибо, хотя у нас есть большие основания радоваться возросшему тону терпимости или даже либеральности, царящей в этой стране, еще не наступил день, когда науку можно будет отделить от теологии, и изучающий природу сможет спокойно следовать ее истинам, независимо от того, к чему они могут привести. Какую унижительную картину мы наблюдаем в истории астрономии, геологии, хронологии, космогонии, географического распространения животных и т. Д.; они были вынуждены шаг за шагом пробивать себе дорогу через человеческие страсти и предрассудки, освобождаясь от предполагаемого противоречия Священному Писанию. Но наука была подтверждена — их великие истины были установлены, и Библия стоит так же твердо, как и прежде. Последняя великая битва между наукой и теологией — это та, в которой мы сейчас участвуем, — *естественная история человека* — теперь она впервые получила справедливое

рассмотрение в христианском мире, и все, что должен задавать любой вопрос, - это "*дневной свет и честная игра*".

Библию не следует рассматривать как учебник естественной истории. Напротив, следует признать, что ни один из авторов Ветхого или Нового Завета не приводит ни малейшего свидетельства знаний в какой-либо области науки, кроме знаний их современников-профанов; и мы считаем, что естественная история человека - это раздел науки, который следует поставить наравне с другими, а его факты беспристрастно исследовать. То, что нам требуется для руководства в этом мире, - это истина, и история науки показывает, как долго она была подавлена фанатизмом и ошибками.

Веками учили, что солнце вращается вокруг земли; что организованные существа были созданы всего лишь однажды; что наша земля была создана всего шесть тысяч лет назад и что звезды были созданы для того, чтобы проливать на нее свет; что земля представляет собой плоскость со сторонами и концами; что все животные на земле произошли из Ноева ковчега и т.д. Но какое другое откровение дает нам наука? Теперь мы знаем, что земля вращается вокруг Солнца, что земля - это шар, который вращается вокруг своей оси, что имела место череда разрушений и сотворений живых существ, что земля существует бесчисленные века и что существуют звезды, настолько далекие, что их свету требуются миллионы лет, чтобы достичь нас; что вместо одного центра творения существующих животных и растений существует множество и т.д.

Если среди теологов было допущено так много ложных толкований Библии, то у кого есть авторитет или мудрость, чтобы сказать науке— "Так далеко ты зайдешь, и не дальше?" Доктрина *о единстве* человеческой семьи может быть еще одним большим заблуждением, и, конечно, отрицание ее истинности наносит не больше, нет, меньше вреда языку Библии, чем приведенные выше примеры.

Распространенным заблуждением, которое трудно искоренить, является утверждение, что все виды животных, обитающие сейчас на земле, являются потомками пар и семерок, сохранившихся в Ноевом ковчеге, и, конечно, язык Книги Бытия по этому вопросу слишком прост, чтобы допускать какие-либо придирки; он действительно учит, что все живые существа погибли от потопа, за исключением тех, кто был спасен в ковчеге. Однако ни один из ныне живущих натуралистов, как в церкви, так и вне ее, не верит в правильность этого утверждения. Центры творения так многочисленны, а количество животных так велико, что это невозможно, так и должно быть.

С другой стороны, первая глава Книги Бытия дает отчет полностью в соответствии с научными учениями.

"И сказал Бог: да произрастит земля *зелень*, траву, сеющую семя, и дерево плодовитое, приносящее плод по роду своему, семя которого само по себе на земле; и это было так". Быт. i. 11.

"И сказал Бог: да произведут воды *обильно* пресмыкающихся, имеющих жизнь, и птиц, которые могут летать над землей по открытой тверди небесной". ст. 20.

"И сотворил Бог больших *китов* и всякое живое существо, пресмыкающееся, которых воды произвели в *изобилии*" и др., ст. 21.

"И сказал Бог: да произведет земля живое существо по роду его, крупный рогатый скот и пресмыкающихся, и зверей земных по роду их, и это было так". ст. 24.

"Бог сотворил *человека* по своему образу и подобию; *мужчину* и *женщину* сотворил он *их*".

На процитированном выше языке ничего не говорится об одном семени или одной травинке, об одном фруктовом дереве или об *отдельных парах* животных или людей. Напротив, эта глава завершается отчетливым впечатлением в сознании, что все было создано с *избытком*.

Единственная трудность возникает в отношении человеческой семьи, и здесь мы сбиты с толку противоречивыми утверждениями первой и второй глав. В первой главе мужчина был сотворен *мужчиной и женщиной* на шестой день - во второй главе женщина была сотворена только после того, как Адам был помещен в Эдемский сад. Комментаторы объясняют это расхождение различием в стиле двух глав и выводом о том, что Книга Бытия - это компиляция, составленная Моисеем из двух или трех разных авторов; но в наши цели здесь не входит начинать эти богословские дискуссии. Обе стороны поддерживаются бесчисленными авторитетами. Из того, что мы показали ранее, ясно, что вдохновенные писатели не обладали знаниями в области физических наук и так же мало интересовались естественной историей человека, как и в любой другой области.

Их *нравственная* миссия не касается нашей темы, и мы оставляем это теологам, которым это более подобает. С другой стороны, мы просим оставить нас в покое при изучении физических законов Вселенной. У богослова и естествоиспытателя есть обширное поле деятельности без необходимости вмешиваться друг в друга.

Библия здесь рассматривается только в ее связи с физической наукой. Мы уже упоминали тот факт, что в астрономии, геологии и т. Д. Авторы Библии не обладали никакими знаниями, кроме знаний своих нечестивых современников, и беспристрастное изучение текста от Бытия до Откровения покажет, что авторы имели лишь несовершенные знания осовременных расах и не намеревались преподавать доктрину единства человечества или, скорее, происхождения от одной пары. Автор Пятикнижия мог бы придать мало значения такой идее, поскольку он нигде не упоминает о будущем существовании или наградах и наказаниях - все хорошее и зло, что касается человеческой расы, для него было чисто временным.

Эта идея будущего государства отчетливо появляется в еврейских писаниях только после их возвращения из вавилонского плена.

Протяженность поверхности земного шара, известная даже авторам Нового Завета, составляла лишь малую ее часть — немногим больше границ Римской империи. Нет даже намек на Южную и Восточную Азию; Африку, южнее пустыни; Австралию, Америку и т. Д.; Все они были заселены задолго до времен Моисея; и о расах людей, населявших эти страны, и их языках они, конечно, ничего не знали. Китайская и индийская империи, по крайней мере, неоспоримы. Ранние евреи были скотоводческим народом; имели мало торговых или иных сношений с остальным миром и были далеки от того, чтобы быть "сведущими во всей мудрости египтян". Египетская империя была полностью развита — процветали искусства и наука, — пирамиды и великолепные храмы были построены не только до времен Моисея, но и задолго до патриарха Авраама, который вместе с Сарой отправился в Египет покупать зерно для правящего фараона. Что также примечательно, у египтян были свои этнографы, которые уже разделили

человечество на четыре расы и изображали их на памятниках, а именно: черную, белую, желтую и красную.[216]

На самом деле, ничто не может быть более неполным, противоречивым и неудовлетворительным, чем этнография Книги Бытия. Мы видим, как Каин отправляется в чужую страну и берет жену до того, как у его родителей родились женщины. Во втором и третьем поколениях во всех направлениях появляются города и т.д. Все это показывает, что в Книге Бытия у нас нет удовлетворительной истории человеческой семьи и что мы можем полагаться на ее этнографию не больше, чем на ее географию, астрономию, космогонию, геологию, зоологию и т.д.

Мы уже упоминали о том факте, что авторы Нового Завета не приводят никаких свидетельств наличия дополнительных знаний в подобных вопросах. Нагорная проповедь нисходит подобно свету с Небес, но в этой книге умалчивается все, что относится к физическим законам Вселенной.

Если бы общее происхождение человека было таким важным моментом в глазах Всемогущего, как нас учили верить, разумно ли предполагать, что богодухновенные авторы оставили бы его в таком крайнем замешательстве и сомнении? Пришествие Христа изменило весь вопрос, и мы должны ожидать, по крайней мере, в четырех Евангелиях, наличия какого-либо авторитета, который разрешил бы этот жизненно важный вопрос; но каким бы странным ни казалось утверждение, здесь нельзя найти ни одного отрывка, который каким-либо искажением мог бы поддержать это *единство*; и, тщательно изучив Новый Завет от конца до другого, мы были немало удивлены, обнаружив лишь один текст, который, казалось, имеет к нему непосредственное отношение, а именно: часто цитируемый отрывок из Деяний XVII. 26: "И сотворил из *одной крови* все народы человеческие, чтобы они обитали по всему лицу земли" и т.д. Будучи пораженным тем фактом, что этот великий вопрос об общем происхождении человека был таким образом сосредоточен на одном стихе, мне пришло в голову, что в тексте могла быть какая-то ошибка, какая-то интерполяция, и, не имея под рукой материала для такого исследования в Мобиле, я написал компетентному другу в Филадельфию с просьбой изучить для меня все греческие тексты и старые версии, и его ответ полностью подтвердил мои подозрения. Слово *blood* является вставкой и не встречается в оригинальных текстах. Слово *кровь* было отвергнуто католической церковью, со времен святого Иеронима и по сей день. Текст Тишендорфа, как я полагаю, в целом считается наиболее точным из известных греческих текстов, и в нем слово "кровь" не встречается. У меня под рукой длинный список авторитетных источников на тот же счет, но поскольку предполагается, что ни один компетентный орган не поставит наше утверждение под сомнение, нет необходимости приводить их. Следовательно, приведенный выше стих, упомянутый в Деяниях, должен гласить:—

"И сотворил из *одного* все расы (род) людей" и т.д.

Слово *кровь* - это лозунг, и мы имеем такое же право обозначать *одну форму, одно вещество, одну природу, одну ответственность* или что-либо еще, как и *кровь*.

Эти замечания об этнографии Библии можно было бы значительно расширить, но моя цель здесь - просто показать, что Библия, мягко говоря, оставляет поле открытым, и что я вступил на него трезво, осмотрительно и обдуманно.

КОНЕЦ.

СНОСКИ:

Содержание

1. Исследования физической истории человечества. Джеймс Коулз Причард, доктор медицины, Лондон, 1841. Том i. стр. 1.
[\[1\]](#)
2. "Мистер *Постоянное разнообразие* Причарда, по его собственному определению, во всех отношениях является *видом*". Введение Коленанда к "Естественной истории человеческого вида" Гамильтона Смита, стр. 84.
[\[2\]](#)
3. "Богатство народов" Смита, американское изд., том i, стр. 29.
[\[3\]](#)
4. *Посмотрите* на влияние физических и моральных причин Бигленда на характер и обстоятельства наций. Лондон, 1828, стр. 282.
[\[4\]](#)
5. Указ. соч., стр. 7.
[\[5\]](#)
6. Святой Матфей, гл. xi, ст. 25.
[\[6\]](#)
7. *Посмотрите* "Естественную историю человека" Причарда, стр. 66, *et passim*. "Его теория, - говорит Ван Амриндж, - требовала, чтобы животные были аналогичны человеку. Поэтому было очень важно, чтобы, поскольку он тогда закладывал основу для всех своих будущих аргументов и выводов, он возвел животных на подобающую высоту, чтобы они были аналогичны; вместо того, чтобы, как это сделал мистер Лоуренс, низводить человека до уровня животных. Это было остроумное изобретение, с помощью которого он мог получить все преимущества и избежать порицания ученого лектора. К тому же это такое простое изобретение — просто заменить слово "психологические" на "инстинктивные характеристики", и все животное царство мгновенно поднялось бы на надлежащую ступень, став типами человеческой семьи. Связать таким образом психологию людей и животных, не утруждая себя философским достижением столь невозможной вещи, простым использованием слова, было остроумным, хотя и не бесхитростным достижением. Это дало ему видимое право использовать пчел и ос, крыс и собак, овец, коз и кроликов — короче говоря, все животное царство — в качестве психических аналогов человека, что было бы удивительно удобно при проведении выводов". — Естественная история человека, У. Ф. Ван Амриндж, 1848, стр. 459.
[\[7\]](#)

8. Этот факт рассматривается доктором Ноттом как доказательство *специфических* различий между собаками.—Типы человечества. Филадельфия, 1854.

[8]

9. В 1497 году Васко ди Гама обогнул мыс Доброй Надежды; еще до этого португальские суда плавали вдоль западных берегов Африки. С тех пор европейцы подчинили себе весь американский континент, южную Азию и островной мир Тихого океана, в то время как Африка почти так же неизвестна, как и прежде. Капская колония не находится на исконной территории негров. В Либерии и Сьерра-Леоне проживает популяция метисов, и нынешние эксперименты никоим образом не проверены. Можно справедливо утверждать, что нигде сила и интеллект белой расы не производили меньшего впечатления, не приносили меньших результатов, чем во владениях негров.

[9]

10. Робертс, президент Либерийской республики, может похвастаться лишь небольшой долей африканской крови в своих жилах. Секвойя, часто упоминаемый изобретатель алфавита чероки, был далек от того, чтобы быть чистокровным индейцем, а скорее сыном белого человека.

[10]

11. О великом совершенстве, до которого китайцы довели роскошь и удобства жизни, читайте, в частности, в книге М. Хука "Путешествия по Китаю". Он прожил среди них много лет и, что случается с немногими путешественниками, говорил на их языке так бегло и в совершенстве, что в течение значительного количества лет мог выполнять обязанности миссионера, выдавая себя за местного жителя.

[11]

12. Было бы бесполезно напоминать нашим читателям о знаменитой Великой китайской стене, Императорских каналах, о крупнейшем из городов мира — Пекине. Различные трактаты китайцев о морали и политике, особенно Конфуция, вызывали восхищение у всех европейских мыслителей. *Ознакомьтесь с подробной работой Патье по Китаю.* Столь же хорошо известно, что китайцы овладели искусством книгопечатания, порохом и его применением, морским компасом и т.д. За столетия до нас. Об общем распространении элементарных знаний среди китайцев читайте в Очерках Дэвиса и других авторов. Тем, кто может показаться мне предвзятым панегиристом китайцам, я ссылаюсь на следующие работы как на одни из наиболее достоверных из огромного числа написанных на эту тему: —

- Description Historique, Géographique, et Littéraire de la Chine. Par M. G. Pauthier. Париж, 1839 год.
- Открытие Китая. Преподобный Ч. С. Гутцлафф. Лондон, 1838.
- Китай, политический, коммерческий и социальный. Р. Монтгомери Мартин. Лондон, 1847.
- Зарисовки Китая. Джон Ф. Дэвис. Лондон, 1841.

И прежде всего, для занимательного и поучительного чтения,

- Путешествие по Китайской империи. М. Хук. Нью-Йорк, 1855; и
- Mélanges Asiatiques. Пар Абель Ремюза. Париж, 1835.

[12]

- Не желая приносить статистический педантизм в сочинение со столь скромными претензиями, как введение, я воздержался от приведения цифр — признаю, не всегда очень точных, — на которых основана предыдущая градация, а именно: числа людей, умеющих читать и писать в каждой из вышеназванных стран. Насколько Англия и Франция отстали в этом

отношении по сравнению либо с нами, либо с другими европейскими нациями, достаточно хорошо известно; но тот факт, что не только в самом Китае, но и в Тибете, Японии, Анаме, Тонкине и т. Д. Мало кто может быть лишен этого навыка, вероятно, встретит недоверчивых читателей, хотя об этом упоминает почти каждый путешественник. (См. Ежегодный отчет Дж. Мола Азиатскому обществу за 1851 год.) Но можно с уверенностью утверждать, что во всей той части Азии, которая лежит к югу от Алтайских гор, включая Японию, в целом самый густонаселенный регион земного шара, процент мужчин, не умеющих читать и писать, намного меньше, чем во всем населении Европы. Да будет вам хорошо известно, что я, следовательно, не претендую на какое-либо превосходство жителей первого региона над жителями второго.

"В Китае, - говорит М. Хук, - нет, как в Европе, публичных библиотек и читальных залов; но те, у кого есть вкус к чтению и желание учиться, могут очень легко удовлетворить свои наклонности, поскольку книги здесь продаются по более низкой цене, чем в любой другой стране. Кроме того, китайцы везде находят, что почитать; они едва ли могут сделать шаг, не увидев некоторых иероглифов, которыми они так гордятся. Фактически, можно сказать, что весь Китай представляет собой огромную библиотеку, ибо надписи, предложения, моральные предписания можно найти в каждом углу, написанные буквами всех цветов и размеров. Фасады трибуналов, пагоды, общественные памятники, вывески магазинов, двери домов, интерьер квартир, коридоры - все это пестрит прекрасными цитатами из лучших авторов. Чайные чашки, тарелки, вазы, веера - это множество подборок стихотворений, часто подобранных с большим вкусом и красиво напечатанных. Китайцу не нужно утруждать себя, чтобы насладиться лучшими произведениями литературы своей страны. Ему нужно только взять свою трубку и, задрвав нос, пройтись по главным улицам первого попавшегося города. Пусть он войдет в самый бедный дом в самой убогой деревне; нужда может быть полной, не будет самого необходимого; но он уверен, что найдет несколько прекрасных правил, написанных на полосках красной бумаги. Таким образом, если эти величественные крупные иероглифы, которые выглядят так потрясающе в наших глазах, хотя и восхищают китайцев, на самом деле так трудны для изучения, то, по крайней мере, у людей есть самые широкие возможности изучать их почти в игре и неизгладимо запечатлеть в своей памяти". — Путешествие по Китайской империи, т. i., стр. 327-328.

[13]

- Нужно ли напоминать читателю, что самые выдающиеся врачи, величайшие химики, лучшие математики были французами и что к той же нации принадлежат Конты, де Местры, Гизо, Де Токвилли; или что, несмотря на политическую экстравагантность, каждая либеральная теория сначала зарождалась в ее недрах? Отец нашей демократической партии был учеником французской правительственной философии, уроки которой принесли не меньшую пользу даже его политическим противникам, чем ее ошибки.

[14]

- Брейс в книге "Его домашняя жизнь в Германии" упоминает пример такого рода, но, не имея под рукой книги, я не могу привести эту страницу. Однако каждому, кто путешествовал по Европе или нет, такие факты знакомы. Хорошо известно, например, что в некоторых из самых изысканных европейских стран до сих пор используется деревянный лемех плуга; и что в Париже, этой столице искусств и моды, каждую каплю воды приходится носить в ведрах из общественных фонтанов в *будуар* голландки на первом этаже и на чердак гризетки на седьмом. Сравните это с Соединенными Штатами, где, не говоря уже о Фэрмаунте и Кротоне, почти самом

маленьком городке, есть свои водопроводные станции, если того требует его рельеф. Неужели мы настолько бесконечно более цивилизованны, чем Франция?

[15]

- С момента написания вышеизложенного я наткнулся на следующее поразительное подтверждение моей идеи доктором Пикерингом, чей аналогизм здесь настолько похож на мой, что я почти заподозрил себя в бессознательном плагиате. "Признавая общую истину, что люди по сути своей похожи, никто не сомневается в существовании характера, отличающего не только отдельных людей, но и сообщества и нации. Я убежден, что, кроме того, существует расовый характер. Было бы нетрудно подобрать эпитеты, такие как "земноводный, выносливый, проницательный", или указать на достижение одной человеческой расы того, что казалось неподвластным другой. Каждая раса обладала своими особыми достоинствами и, в то же время, уравнивала недостатки, поэтому, возможно, союз был необходим для достижения полной степени цивилизации. В органическом мире каждая область требует нового творения; каждое изменение обстоятельств, выходящее за рамки строения растения или животного, встречает новое приспособление, пока вся вселенная не наполнится; в то время как среди огромного разнообразия сотворенных существ вряд ли можно найти два вида, выполняющих одну и ту же точную цель. Некоторая аналогия, возможно, существует в человеческом семействе; и можно даже поставить под сомнение, распространилась ли бы какая-либо из отдельно существующих рас вплоть до настоящего времени по всей поверхности земного шара". —Человеческие расы и их географическое распространение. Чарльз Пикеринг, доктор медицины, Бостон, 1811 г. (Исследовательская экспедиция США, том ix, стр. 200)

[16]

- Со времени удачного открытия Шампольоном Розеттского камня, который дал ключ к иероглифам, расшифровка этих некогда столь загадочных символов достигла такого прогресса, что Лепсиус, великий современный египтолог, заявляет, что можно написать подробный придворный вестник о правлении Рамзеса II, греческого Сесостриса и даже монархов времен IV династии. Чтобы понять, что это не напрасное хвастовство, читатель должен помнить, что эти иероглифы в основном содержат записи о частной или царской жизни, и что настенные росписи в храмах и погребальных камерах обычно представляют сцены, иллюстрирующие ремесла или другие занятия, игры и т.д., практиковавшиеся среди людей того раннего времени.

[17]

- Этнологический журнал под редакцией Люка Берка, Лондон, 1848; 1 июня, № 1, из "Типов человечества". Нотт и Глиддон, стр. 49.

[18]

- Из "Типов человечества". Нотт и Глиддон, стр. 52.

[19]

- Термин "раса" имеет относительное значение и, хотя часто ошибочно используется как синоним *вида*, ни в коем случае не означает то же самое. Наиболее ярые сторонники одинаковости видов используют его для обозначения четко определенных групп, таких как белые и черные. Если мы считаем, что язык Библии позволяет нам верить в отдельное происхождение человеческой семьи, тогда, действительно, это слово можно рассматривать как сходное по значению с видом; в противном случае оно должно обозначать лишь подразделения одного вида. Следовательно, мы можем говорить о десяти или ста человеческих расах, не подвергая сомнению их происхождение от одного и того же корня. Все, на что здесь

претендуют, это то, что отличительные черты таких рас, каким бы образом они ни возникли, в настоящее время сохраняются. Два человека могут: один достичь высших государственных почестей, другой, со всеми доступными ему возможностями, навсегда остаться посредственностью. И все же эти двое мужчин могут быть братьями.

То, что вопрос о видах, когда он не имеет никакого теологического отношения, относится исключительно к компетенции натуралиста и в котором метафизик может играть лишь второстепенную роль, можно проиллюстрировать простым сравнением. Разнообразие талантов в одной семье не вызывает сомнений в происхождении; но если один ребенок рождается с черной кожей и лохматыми волосами, действительно могут возникнуть вопросы об отцовстве.

[20]

- Естественная история разновидностей человека. Роберт Гордон Лэтем. Лондон, 1850.

[21]

- Столкновение между этими двумя национальностями всего несколько лет назад сопровождалось настолько отвратительными сценами, превосходящими даже ужасы корсиканского мятежа, разграбление Магдебурга или самую кровавую страницу Французской революции, что, ради чести человеческой натуры, я бы с радостью не поверил рассказам о них. Но показания получены из нейтральных источников, друзья любой из сторон заинтересованы в сохранении тишины. У меня будет возможность еще раз коснуться этой темы, и поэтому я оставляю дальнейшие подробности для примечания в основной части работы.

[22]

- Даже историки Древней Греции удивлялись этим гигантским руинам, многие из которых сохранились до наших дней. Об этих циклопических останках, как их часто называли, никто не знал ни строителей, ни истории, и они считались трудами сказочных героев традиционной эпохи. Чтобы узнать об этих памятниках *доэллинской цивилизации в Греции, о которых у нас нет никаких сведений*, особенно о руинах Орхомоноса, Тиргуса, Микены и туннелях озера Копайс, см. "Древнюю историю" Нибура, том i, стр. 241, *et passim*.

[23]

- Демократия в Америке, том ii. глава xviii. стр. 424.

[24]

- Daniel ii. 44.

[25]

- Даниил ii. с 31 по 35.

[26]

- Среди множества отрывков, иллюстрирующих крайний утилитаризм китайцев, я могу найти место только для одного, да и то выбранного почти наугад. Поговорив о образцовом распространении начального образования среди масс, он говорит, что, хотя все они читают, и часто, все же даже их чтение носит строго утилитарный характер и никогда не отвечает ничему, кроме практических целей или временного развлечения. Имя автора редко известно, и о нем никогда не спрашивают. "В их глазах этот класс - всего лишь праздные люди, проводящие время за сочинением прозы или стихов. Они не возражают против такого преследования. Человек может, говорят они, "забавляться своим пером, как воздушным змеем, если ему это тоже нравится — все дело вкуса". Жители поднебесной империи никогда бы не оправились от изумления, если бы узнали, до какой степени интеллектуальный труд может быть в Европе источником почестей, а часто и богатства. Если бы им сказали, что кто-то из нас может

прославиться, написав драму или роман, они либо не поверили бы этому, либо сочли бы это дополнительным доказательством нашего хорошо известного недостатка здравого смысла. Что было бы, если бы им рассказали о славе танцора или скрипача и о том, что один из них не может ни прыгнуть, ни натянуть смычок, чтобы тысячи газет не поспешили разнести важную новость по всем королевствам Европы!

"Китайцы слишком убежденные утилитаристы, чтобы разделять наши взгляды на искусство. По их мнению, человек достоин восхищения своих ближних только тогда, когда он хорошо выполнил социальные обязанности, и особенно если он лучше, чем кто-либо другой, знает, как выпутаться из передраги. Вас считают гениальным человеком, если вы знаете, как управлять своей семьей, сделать свои земли плодородными, умело торговать и получать большую прибыль. По крайней мере, это единственный вид гениальности, который имеет какую-либо ценность в глазах этих в высшей степени практичных людей". Путешествия в Китай, пер. М. Хук, Амер. пер., т. i. стр. 316 и 317.

[27]

- Природа. История. разновидности человека. Лондон.

[28]

- Согласно классификации Лэтема, op. cit.

[29]

- A. de Humboldt, Examen Critique de l'Histoire de la Géographie du Nouveau Continent. Париж.

[30]

- Amadée Thierry, La Gaule sous l'Administration Romaine, vol. i. p. 244.

[31]

- См. "Историю завоевания Мексики" Прескотта.

[32]

- К. Ф. Вебер, М. А. Лучани Фарсалия. Лейпциг, 1828, т. i. стр. 122-123, примечание.

[33]

- Причард, "Естественная история человека".—Д-р Мартиус выражается еще более определенно. (См. Мартиус и Спикс, Работа в Бразилии. Мюнхен, том i, стр. 379-380.)

Г-н Гобино цитирует французский перевод великого труда Причарда М. Рулена, и поскольку я не всегда мог найти соответствующие страницы в оригинале, я иногда был вынужден опускать цитирование страницы, которая во французском переводе бесполезна для английских читателей.— Пер.

[34]

- Я сильно сомневаюсь, что фанатизм даже древних мексиканцев мог превзойти тот, который проявляли некоторые из наших не очень отдаленных предков. Кто из тех, кто читает судебные процессы по обвинению в колдовстве в судебных отчетах Шотландии и, улыбнувшись легкомысленным, непоследовательным показаниям против обвиняемых, доходит до холодной, без комментариев заметки репортера на полях: "Convicta et combusta", не чувствует, как его сердце подпрыгивает от ужаса? Но если он доходит до записи, подобной следующей, ему кажется, что молния с небес могла бы лишь навлечь слишком мягкое наказание на виновных в таких противоестественных преступлениях.

"1608, 1 декабря. — Граф Мар объявил совету, что некоторые женщины были схвачены в Бротоне как ведьмы, и когда они предстали перед судом присяжных и были осуждены, хотя они

до конца упорствовали в своем отрицании, их быстро сожгли (заживо) таким жестоким образом, что некоторые из них умерли в отчаянии, отрекаясь и богохульствуя; *адругих, наполовину обгоревших, вытаскивали из огня и снова бросали в него, пока они не сгорели заживо*". Запись в протоколе заседаний Тайного совета сэра Томаса Гамильтона. (Из "Писем У. Скотта о демонологии и колдовстве", стр. 315.)

На самом деле, я не верю, что перуанцы когда-либо заходили так далеко в фанатизме. Тем не менее, аналог этой ужасной картины можно найти в истории Новой Англии. Мужчина по имени Кори, обвиненный в колдовстве и отказавшийся признать себя виновным, был приговорен к смертной казни. И когда в предсмертной агонии несчастный высунул язык, шериф без малейших эмоций запихнул его обратно в рот своей тростью. (См. Книгу Коттона Мазера "Magnalia Christi Americana", Хардфорд. Спасибо. Pneu, с. vii. p. 383, *et passim*.)

Изобрела ли когда-нибудь свирепость самых жестоких дикарей пытку более мучительную, чем та, что применялась на Британских островах немногим более двух столетий назад для того, чтобы заставить бедных, дряхлых старух признаться в преступлении, которое существовало только в обезумевших мозгах фанатиков? "Гвозди были вырваны из пальцев щипцами Смита; булавки вбиты в места, которые защищали гвозди; колени были раздроблены *вботинках*, кости пальцев раздроблены в *пильневинках*" и т. Д. (Скотт, указ. соч., стр. 312.) Но тогда, это правда, у них была более *щадящая* пытка, которую английский лорд (Эглингтон) имел честь и гуманность изобрести! Это заключалось в том, что ноги бедной женщины заковывали в колодки, а затем *нагружали голени железными прутьями*. Более тридцати железных камней было прикреплено к конечностям несчастной женщины, прежде чем ее смогли привести к признанию, которое привело ее на костер. (Скотт, указ. соч., стр. 321, 324, 327 и т.д. и т.п.)

Еще в 1682 году, менее 200 лет назад, в Англии были повешены три женщины за колдовство; и роковой закон против этого не был отменен до 1751 года, когда чернь самым ужасным образом предала смерти старую нищенку и чуть не убила другую.

А в середине прошлого века восемьдесят пять человек были сожжены или иным образом казнены за колдовство в Море, Швеция. Среди них было пятнадцать маленьких детей.

Если Бог predetermined, что фанатизм должен быть наказан национальным крахом, разве эти преступления, в которых в большинстве случаев участвовала вся нация, не были ли они достаточно ужасны, чтобы навлечь на виновных судьбу Содома и Гоморры? Несомненно, если бы фанатизм был причиной национального разложения, большинство европейских наций давно были бы сметены с лица земли, "так что им нигде не нашлось бы места". —Х.

[35]

- На первый взгляд кажется, что существуют исключения из истинности утверждения о том, что роскошь сама по себе не ведет к разорению нации. Венеция, Генуя, Пиза и т.д. Были *аристократическими* республиками, в которых, как и в монархиях, высокая степень роскоши не только совместима с процветанием государства, но даже может в значительной степени способствовать ему. Но основой *демократической* республики является более или менее совершенное равенство среди ее граждан, которое часто нарушается и, в конце концов, подрывается слишком большим неравенством в благосостоянии. Тем не менее, даже в них вопиющие контрасты между экстравагантной роскошью и крайней нищетой являются скорее признаком, чем причиной исчезновения демократических принципов. Можно привести примеры из истории демократий, в которых большое богатство не разрушало демократических идей и вытекающую из этого простоту нравов. Эти идеи должны быть сначала забыты, прежде чем богатство сможет породить роскошь, а роскошь - сопутствующее ей зло. Хотя это и ускоряет

падение демократической республики, следовательно, не является основной причиной этого падения.—Х.

[36]

- Balzac, Lettre à Madame la Duchesse de Montausier.

[37]

- То, что это ограничение не является слишком суровым, будет очевидно любому, кто задумается о принципах, на которых было основано это законодательство. Внушая, что война - великое дело жизни, и что быть ужасным для своих врагов - единственная цель мужских амбиций, спартанские законы приносили в жертву самые благородные личные добродетели и семейные привязанности. Они лишили женский характер тех прелестей, которые больше всего украшают его, — скромности, нежности и чувствительности; они сделали мужчин грубыми и безжалостными. Они сдерживали индивидуальные таланты; Спарта произвела на свет лишь немногих великих людей, и они, говорит Маколей, стали великими только тогда, когда перестали быть лакедемонянами. Много неуместной сентиментальности было потрачено на восхваление Спарты, от Ксенофонта до Митфорда, и все же вердикт беспристрастного историка не может сильно отличаться от вердикта Маколей: "Спартанцы купили своему правительству продление его существования, пожертвовав счастьем дома и достоинством за границей. Они пресмыкались перед сильными, они топтали слабых, они истребляли своих илотов, они предавали своих союзников, они умудрились опоздать на день к Марафонской битве, они пытались избежать битвы при Саламине, они позволили персам во второй раз изгнать афинян, которым они были обязаны своими жизнями и свободами, из своей страны, чтобы те могли закончить свои собственные укрепления на Перешейке; они пытались воспользоваться бедствием, в которое повергли их защитники, прилагая усилия для их дела, для того чтобы спасти афинян. чтобы сделать их своими рабами; они стремились помешать тем, кто оставил свои стены, чтобы защитить их, восстановить их, чтобы защитить себя; они начали Пелопоннесскую войну в нарушение своих обязательств перед союзниками; они предавали мечу целые города, которые перешли под их защиту; они обменивали на преимущества, ограниченные их интересами, свободой и жизнями тех, кто служил им наиболее верно; они принимали, с одинаковым самодовольством и равным позором, удары Элиды и взятки Персии; они никогда не выражали ни негодования, ни благодарности. они не причинили никому вреда и никому не отомстили. Прежде всего, они смотрели на гражданина, который хорошо им служил, как на своего злейшего врага". — Очерки, iii. 389.—Н.

[38]

- Ужасные сцены калифорнийской жизни, ее законы линча, убийства и список всех возможных преступлений все еще звучат в наших ушах и не прекратились полностью, хотя их количество уменьшилось, и они быстро исчезают перед законным порядком. Австралия предлагала и продолжает предлагать то же зрелище. Техас, но несколько лет назад, и все недавно заселенные страны в наши дни представляют собой еще одну яркую иллюстрацию замечания автора. Молодые сообщества всегда привлекают большое количество беззаконных и отчаявшихся мужчин; и так было во все века. Рим был основан бандой беглецов от правосудия, и если критически проанализировать его раннюю историю, то окажется, что она раскрывает состояние общества, с которым выгодно отличается Рим, описанный сатириками и порицаемый цензурами. Любой, кто бросит взгляд в "Древности" епископа Поттера, может убедить себя, что состояние нравов в Афинах в периоды их наивысшего расцвета было ничуть не лучше, чем во времена их падения, если, конечно, было таким же хорошим, несмотря на яркие краски, в

которых Исократ и его последователи описывают добродетели периода ее молодости и вырождение эпохи. Кто может сомневаться в том, что общественная мораль достигла более высокого уровня в Англии в наши дни, когда ее сила, кажется, покинула ее, чем в любую предыдущую эпоху ее истории. Где жестокие деревенские сквайры прошлых веков, охотящиеся на лис? старые добрые обычаи, когда гостеприимство заключалось в том, чтобы напоить гостя под столом? Какая публика могла бы сейчас вынести пьесы Конгрива и Отвэя или что полиция разрешает? Даже Шекспир должен быть подвергнут строгой моральной цензуре, прежде чем он сможет очаровать наш слух. Сам Аддисон, никто другой не внес большего вклада в очищение нравов его эпохи, несет на себе безошибочные следы грубости того времени, в которое он писал. Нам возразят, что мы всего лишь более чопорные, ничуть не лучше в самом низу. Но даже если предположить, что те же пороки все еще существуют, разве это не большой шаг вперед, что они больше не осмеливаются выставлять себя напоказ с беззастенчивой наглостью? Многие, кто черпает свои представления о средневековье, рыцарстве и т.д. Из рассказов романистов, имеют весьма ошибочные представления о нравах того периода. "Так уж случилось, - говорит Байрон, - что старые добрые времена, когда процветала *"любовь во время войны, любовь античная"*, были самым расточительным из всех возможных столетий. Те, у кого есть какие-либо сомнения по этому поводу, могут обратиться к святому Палею, в частности, к тому ii, стр. 69. Рыцарские обеты соблюдались не лучше, чем любые другие, и песни трубадура были не более пристойными и уж точно гораздо менее утонченными, чем песни Овидия. В *"cours d'amour, парламентахлюбви, о куртуазии и благородстве"* было гораздо больше любви, чем вежливости и мягкости. (См. Роланда на ту же тему со святым Палеем.)" Предисловие к *"Чайльд Гарольду"*. Я не стал бы ссылаться на авторитет поэта в исторических вопросах, если бы на основании моих собственных исследований не убедился, что его едкие замечания совершенно верны. В качестве дальнейшего подтверждения я могу упомянуть, что несколько лет назад, роясь в томах большой европейской библиотеки, я случайно наткнулся на записи судебных разбирательств четырнадцатого и пятнадцатого веков в маленьком государстве, простота нравов и чистота общественной морали которого, особенно в тот период, были высоко воспеты историками. Там я нашел список преступлений, которым не может быть аналогии в самом коррумпированном из современных больших городов. По ужасу и адской изобретательности к ним может приблизиться только последовавшее за ними наказание. Из многих наше поколение игнорирует даже названия, а из других не осмеливается их произносить.—X.

[39]

- Это утверждение может удивить тех, кто, по словам остроумного автора о парижской жизни, "думал о Париже только в двух аспектах: во—первых, как о торговом центре моды, веселья и утонченности; обиталище хороших парней, несколько рассеянных, очаровательных дам, несколько чересчур любезных; сочных обедов, несколько неудобоваримых; удовольствий, несколько недозволенных; - во—вторых, как о месте *par excellence* революций, *эмиграции* баррикад". И все же все, кто заглянул под блестящую поверхность и проник в тайники нищеты и преступности, увидели ангела милосердия, выполняющего свое поручение, и могут засвидетельствовать правдивость замечания автора. Ни один город не может похвастаться большим количеством благотворительных учреждений, ни одной более активной и практичной *частной* благотворительностью, которая не интересуется страной или вероисповеданием своего объекта.—X.

[40]

- Шатающаяся, падающая Греция породила Демосфена, фокийца; периодом падения римской республики была эпоха Цицерона, Брута и Катона.—Х.
[41]
- Объединенная картина нравов франкских завоевателей Галлии выбрана из-за весомого авторитета, от которого она исходит, из ряда еще более мрачных. "История Григория Турского показывает нам, с одной стороны, свирепую и варварскую нацию, а с другой - королей с таким же дурным характером. Эти князья были кровожадны, несправедливы и жестоки, потому что таким был весь народ. Если иногда казалось, что христианство смягчает их, то только благодаря ужасу, который эта религия внушает виновным; церковь защищалась от них чудесами и умопомрачениями своих святых. Короли не были святотатцами, потому что они боялись наказаний, которым подвергались святотатцы; но за исключением этого, они совершали, либо в порыве страсти, либо хладнокровно, всевозможные преступления и несправедливость, потому что в них карающая рука Божества не была так заметна. Франки, как я уже отмечал, терпели кровавых королей, потому что сами любили кровь; их не трогали злобность и вымогательство своих князей, потому что таков был их собственный характер. Было установлено великое множество законов, но короли сделали их все бесполезными, издавая *предписания*, своего рода указы, наподобие рескриптов римских императоров. Эти предписания были приказом судьям совершать или терпеть действия, противоречащие закону. Их выдавали за незаконные браки, и даже с посвященными девственницами; за передачу наследства и лишение родственников их прав; за предание смерти лиц, которые не были осуждены ни за какое преступление и не были заслушаны в их защиту, и т.д." —Монтескье, "Дух Луи", р. 31, с. 2.—Х.
[42]
- Augustin Thierry, Récit des Temps Mérovingiens. (См., в частности, Историю Муммола.)
[43]
- Лукреций был автором "De Rerum Natura" и одним из самых выдающихся языческих "вольнодумцев". Он трудился над тем, чтобы объединить философию Эпикура, Евгения и других в своего рода нравственную религию, во многом по образцу некоторых немецких мистиков и платоников нашего времени.—Х.
[44]
- Цезарь, чьи личные мнения были одновременно демократическими и скептическими, счел удобным говорить совсем по-другому публично, о чем свидетельствует надгробная речь в честь его тети. "По материнской линии, - сказал он, - моя тетя Джулия происходит от королей; по отцовской - от бессмертных богов. Ибо мать моей тети происходила из рода Марциев, которые происходят от короля Анка Марция; а Юлии, к которым принадлежит наша семья, ведут свое происхождение от Венеры. Таким образом, в ее крови смешались величие королей, самых могущественных из людей, и святость богов, в чьей власти даже короли". — Светоний, Юлий, 5. Разве эти чувства не слишком монархичны для демократа; не слишком религиозны для атеиста?
[45]
- Хорошо известно, что Константин принял обряд крещения только в последние часы своей жизни, хотя и заявлял, что искренне верит. Кроме того, все монеты, отчеканенные во время его правления, имели языческие эмблемы.—Х.
[46]
- Деяния xxvi. 24, 28, 31.

[47]

- Следует понимать, что я говорю здесь не о политическом существовании центра суверенитета, а о жизни целой нации, о процветании цивилизации. Вот место, где можно применить приведенное выше определение, [страница 114](#).

[48]

- Это утверждение покажется парадоксальным тем, кто привык смотреть на Испанию как на образец безнадежной национальной деградации. Но тот, кто изучает историю последних тридцати лет, представляющую собой всего лишь череду попыток подняться с этой позиции, вероятно, придет к тем же выводам, что и автор. Революция 1820 года искупила характер нации. "Конституция Испании" стала лозунгом сторонников конституционной свободы на Юге Европы, и не прошло и тринадцати месяцев, как она стала основным законом трех других стран — Португалии, Неаполя и Сардинии. При одном звуке этих слов два короля сложили свои короны. Эти революции не отличались эксцессами. Они, по большей части, были совершены мирно, спокойно и организованно. Они не были результатом временных страстей возбужденной толпы. Самой необычной чертой этих стран является то, что самые низкие отбросы населения являются самыми ревностными приверженцами абсолютизма. Нет, эти революции были делом рук лучших слоев населения, самых умных классов, людей, которые знали, чего они хотят и как этого добиться. И затем, когда Испания подала этот всегда славный пример своим соседям, великие державы во главе с Англией пришли к выводу восстановить прежнее положение вещей. На тех памятных конгрессах полномочных представителей самым влиятельным был представитель Англии герцог Веллингтон. И по его совету или, по крайней мере, с его санкции австрийская армия вошла в Сардинию и отменила новую конституцию; австрийская армия вошла в Неаполь и отменила новую конституцию; английские военные корабли угрожали Лиссабону, и Португалия отменила свою новую конституцию; и, наконец, французская армия вошла в Испанию и отменила новую конституцию. Так Неаполь и Португалия вновь обрели своих тиранов, а Испания - свою слабоумную династию. В течение многих лет испанцы пытались избавиться от этого, и только английское влияние удерживалось на троне великой нации, негодяя, который опозорил бы самые низкие слои частной жизни. Но день испанской свободы и испанской *независимости* наступит, и, возможно, уже наступил. Усилия последних кортесов были мудро направлены, и их действия отличались мужеством, умеренностью и твердостью, которые служат хорошим предзнаменованием для будущего процветания Испании.—X.

[49]

- Кому не вспоминается знаменитое высказывание Оксеншерны своему сыну: "Cum parva sapientia mundus gubernatur".—X.

[50]

- Очевидно, что до тех пор, пока жизнеспособность нации остается неизменной, неправильное управление может быть лишь временной болезнью. Восстановительный принцип будет работать, чтобы устранить зло и залечить нанесенные им раны; и хотя лекарство иногда бывает жестоким и повергает государство в страшные конвульсии, оно редко оказывается неэффективным. Пока дух свободы господствовал среди римлян, Тарквинии и Аппиусы были как соломинка перед бурей народного негодования; но смерть Цезаря могла лишь заменить деспота мягким и великодушным узурпатором. Первый Брут мог спасти нацию, потому что он был выразителем национальных чувств; второй не мог, потому что он был одним человеком, противостоящим миллионам. Распространенная ошибка - приписывать слишком много

индивидуальным усилиям, и капризные философы развлекались тем, что сводили великие события к мелким причинам; но более глубокое исследование продемонстрирует, что великие катастрофы, которые привлекают наше внимание и формируют вехи истории, являются всего лишь неизбежным результатом всей цепочки предшествующих событий. Юлий Цезарь и Наполеон Бонапарт действительно были особенно одарены для своих великих свершений, но те же самые дары не смогли бы поднять их до столь высокого положения ни в какую другую эпоху, кроме той, в которую каждый жил. Эти мелкие причины - всего лишь капля, которая приводит к переполнению меры, сиюминутный предлог; или как небольшая трещина в дамбе, которая образует *расселину*: стена воды стояла позади. Ни один человек не может узурпировать верховную власть, если этому не благоприятствует преобладающая тенденция нации; ни один человек не может долго настаивать на том, чтобы подталкивать нацию к противоположному ей пути; и поэтому в этом смысле, а не в отношении его абстрактной справедливости, несомненно верно, что голос нации - это голос Бога. Это выражение того, что должно быть.—Н.

[51]

- Автор пренебрег одним очень четким объяснением этого слова, которое, учитывая его широкую популярность, как мне кажется, заслуживает некоторого внимания. Говорят, и в это очень часто верят, что в человечестве наблюдается физическое вырождение; что нация, долгое время культивирующая искусство мира и наслаждающаяся плодами хорошо направленной промышленности, теряет способность к войне; другими словами, становится изнеженной и, следовательно, менее способной защитить себя от более грубых и, следовательно, более воинственных захватчиков. Далее говорится, хотя и с меньшей правдоподобностью, что имеет место общее вырождение человеческой расы — что мы уступаем в физической силе нашим предкам и т.д. Если бы эту теорию можно было подкрепить неоспоримыми фактами — а есть многие, кто считает это возможным, — это придало бы термину "вырождение" тот реальный и осязаемый смысл, которого, как утверждает автор, не хватает. Но небольшое исследование покажет, что это скорее надуманно, чем правильно.

Во-первых, чтобы доказать, что прогресс цивилизации не уменьшает материального могущества нации, а скорее увеличивает его, мы можем указать на хорошо известный факт, что наиболее цивилизованные нации являются самыми грозными противниками в войне, потому что они довели средства нападения и защиты до величайшего совершенства.

Но что своей силой они обязаны не только искусственным средствам, доказывает история современных цивилизованных государств. Французы сейчас сражаются с таким же воинственным пылом и бесстрашием и с большим успехом, чем во времена Франциска I или Людовика XIV, хотя с тех пор они достигли значительного прогресса в цивилизации, и этот прогресс был наиболее заметен в тех классах, которые составляют основную массу армий. Англия, хотя, возможно, и не смогла собрать такую большую армию, как в прежние времена, обладает такими же мужественными сердцами и такими же сильными руками, как те, что снискали ей нетленную славу при Азенкуре и Пуатье. Атака под Балаклавой, опрометчивая и бесполезная, как ее ни назови, была достойна последователей Черного принца.

Теория, чтобы быть правильной, должна допускать математическое доказательство. Тогда самые цивилизованные нации были бы самыми женственными, самыми варварскими, самыми воинственными. И, переходя от наций к отдельным личностям, самый культурный и утонченный ум сопровождался бы недостатком многих мужских добродетелей. Такое утверждение нелепо. Самый утонченный и привередливый джентльмен как класс никогда не проявлял меньшего мужества и стойкости, чем хулиган и драчун по профессии. Люди, вышедшие из самых

утонченных кругов самых цивилизованных сообществ, превзошли самых воинственных варваров в отваге и героической доблести.

Таким образом, цивилизация не приводит к вырождению; культивирование искусства мира не приводит к умалению мужских добродетелей. Мы видели, как мирные бюргеры вольных городов успешно противостояли обученным бандам превосходящего противника; мы видели, как ремесленники и торговцы Голландии были непобедимы перед армиями ветеранов самого могущественного в то время князя христианского мира, опирающегося на неисчерпаемые сокровища недавно открытого полушария; мы видели, как в наше время войска, состоящие из добровольцев, оставивших свои очаги, чтобы сражаться за свою страну, разбивали невероятные силы постоянных армий врага, который последние тридцать лет не знал мира.

Я полагаю, что развитое состояние цивилизации, сопровождаемое длительным миром, порождает определенное *приручение* человека, то есть оно отшлифовывает более свирепые или драчливые наклонности его натуры; потому что это в какой-то мере лишает его возможностей их проявлять, но не может лишить его власти, если представится такая возможность. Давайте предположим, что два брата родились в каком-нибудь из наших крупных торговых городов, один поступил в контору, другой поселился в западной глуши. Первый может стать лощеным, элегантным, возможно, даже щеголеватым молодым джентльменом; другой может проявлять крайнее презрение ко всем удобствам жизни, быть всегда готовым обнажить свой охотничий нож или револьвер, какой бы незначительной ни была провокация. Страна нуждается в услугах обоих; на карту поставлен великий принцип, и в какой-нибудь битве при Матаморасе или Буэна-Виста два брата сражаются бок о бок; кто окажется храбрее?

Я полагаю, что как индивидуальный, так и национальный характер допускают определенную степень давления окружающих обстоятельств; когда давление устраняется, характер сразу же обретает свою первоначальную форму. Посмотрите, с какой добротой цивилизованный потомок дикого тевтонского охотника относится к жизни охотника в новых странах и как быстро он учится презирать удобства цивилизованной жизни и устраивать свое пристанище в уединенной дикой местности. Норманны более шести столетий жили в прекрасной провинции Франции, которой они дали свое имя; их знать часто бывала при самом изысканном дворе в Европе, приспособилась к моде и требованиям жизни в роскошной столице; они сами научились пахать землю, а не плавать на волнах; однако в другом полушарии они сразу же вернулись к своим древним привычкам и — как шестьсот лет назад — стали самыми страшными пиратами морей, которыми они кишели; свирепыми пиратами испанского побережья. Я не вижу разницы между Лолоннуа и его последователями и ужасными людьми севера (его прямыми предками), которые опустошали берега Сены и Рейна и чье имя до сих пор с ужасом произносят каждый вечер в другом полушарии тысячи молящихся детей: "Боже, сохрани нас от северян". Морган, уэльский пират, который с тысячей человек победил в пять раз больше хорошо вооруженных испанцев, взял их главные города, Порто-Белло и Панаму; который пытал своих пленников, чтобы заставить их раскрыть тайник с их сокровищами; Морган мог быть — несмотря на шестнадцать столетий — вождем-данником Карактака или одним из тех, кто сопротивлялся высадке Цезаря в Британии. Чтобы сделать сходство еще более полным, законы и предписания этих незаконных банд были точной копией тех, которым подчинялись их не более дикие предки.

Я сожалею, что ограниченность места не позволяет мне перейти к более подробному изложению тщетности теории о том, что цивилизация или длительное мирное состояние могут привести к физическому вырождению или непригодности к более грубым обязанностям на поле боя; но я полагаю, что сказанного мною будет достаточно, чтобы предложить вдумчивому

читателю многочисленные подтверждения моей позиции; и поэтому я могу сейчас отослать его к объяснению термина "вырождение" г-ном Гобино.—Н.

[52]

- "Ничто, кроме большого количества граждан в государстве, не может способствовать процветанию искусств и наук. Соответственно, мы видим, что во все века этим преимуществом пользовались только великие империи. В этих великих государствах искусства, особенно земледелие, вскоре были доведены до большого совершенства, и, таким образом, значительному числу людей был предоставлен досуг, столь необходимый для учебы и размышлений. Вавилоняне, ассирийцы и египтяне имели то преимущество, что были сформированы в правильные, хорошоустроенные государства". —Происхождение законов и наук и их развитие у самых древних народов. Президентом Де Гоге. Эдинбург, 1761, том i. Стр. 272-273.—Х.

[53]

- "Завоевания, объединившие множество наций под властью одного суверена, сформировали великие и могущественные империи на руинах множества мелких государств. В этих великих империях люди незаметно начали формировать более ясные взгляды на политику, более справедливые и благотворные представления о правительстве. Опыт научил их избегать ошибок, которые привели к гибели покоренных ими народов, и побудил их принимать меры для предотвращения неожиданностей, вторжений и тому подобных несчастий. Руководствуясь этими взглядами, они укрепляли города, охраняли такие проходы, которые могли впустить врага в их страну, и постоянно держали определенное количество пеших войск. Благодаря этим мерам предосторожности несколько государств стали грозными для своих соседей, и ни одно не осмеливалось легкомысленно нападать на державы, которые были во всех отношениях столь респектабельны. Внутренние районы таких могущественных монархий больше не подвергались опустошениям. Война была перенесена далеко от центра и затронула только границы. Жители страны и городов начали дышать в безопасности. Бедствия, вызванные завоеваниями и революциями, исчезли; но благословения, выросшие из них, остались. Изобретательные и деятельные души, ободренные отдыхом, которым они наслаждались, посвятили себя учебе. *Именно в недрах великих империй были изобретены искусства и родились науки.*" — Цит. по., том i, книга 5, стр. 326.—Н.

[54]

- История каждой великой империи доказывает правильность этого замечания. Завоеватель никогда не пытался изменить нравы или местные учреждения покоренных народов, но довольствовался признанием своего превосходства, выплатой дани и оказанием помощи в войне. Тех, кто избрал противоположный курс, можно сравнить с разлившейся рекой, которая, хотя и оставляет временные следы своего разрушительного течения, рано или поздно должна вернуться в свое русло, и через короткое время о ее вторжениях забывают, а их следы стираются.—Х.

[55]

- Наиболее яркую иллюстрацию правильности этого рассуждения можно найти в римской истории, более ранняя часть которой — благодаря гению Нибура — только начинает пониматься. Беззаконные последователи Ромула сначала объединились с сабинянами; два народа объединились, затем вынудили альбанов стереть их город с лица земли и поселиться в Риме. Затем пришли латиняне, которым также была отведена часть города для поселения. Этим двум покоренным нациям, конечно, не были предоставлены те же гражданские и политические

привилегии, что и завоевателям, и, за исключением нескольких знатных семей среди них (что, вероятно, с самого начала было в интересах завоевателей), эти племена составляли *плебс*. Различие между нациями было забыто и превратилось в различие между *классами*. Затем начался прогресс, который описывает г-н Гобино. Плебеи сначала получили своих *трибунов*, которые могли защищать их интересы от одностороннего законодательства господствующего класса; затем право обсуждать и решать определенные общественные вопросы во *comitia*, или общественном собрании. Затем был отменен закон, запрещающий смешанные браки между патрициями и плебеями; и таким образом, со временем форма правления сменилась с олигархической на демократическую. Я мог бы вдаваться в подробности или упомянуть другие страны, в которых тот же процесс проявляется в равной степени, но я думаю, что приведенных выше хорошо известных фактов достаточно, чтобы представить идею автора в ясном свете и проиллюстрировать ее правильность. История Средних веков, установление крепостного права и его постепенная отмена также дают аналог.

Везде, где мы видим наследственную аристократию (называемую классом или кастой), обнаруживается, что она происходит от расы, которая, если и больше не *доминирует*, то когда-то была завоевателем. До нормандского завоевания английская аристократия была *саксонской*, к востоку от Уэльса не было дворян древней британской крови; после завоевания аристократия была *нормандской*, и девять десятых благородных семей Англии по сей день ведут свое происхождение от этого рода или делают вид, что ведут. Знатные французские семьи, существовавшие до революции, почти все были *франкского* или *бургундского* происхождения. То же самое наблюдение применимо и везде еще. В подтверждение моего мнения у меня есть большой авторитет Нибура: "Где бы ни существовали касты, они являются следствием иностранного завоевания и порабощения; нация не может подчиниться такой системе, если только ее не вынудят бедствия завоевания. Только это означает, что вопреки воле народа возникают обстоятельства, которые впоследствии принимают характер разделения на классы или касты".—Лекция. о предках. История. (В английском переводе этот отрывок встречается в томе i, стр. 90.)

В заключение я хотел бы заметить, что всякий раз, когда становится политичным льстить массам людей, факт завоевания отрицается. Таким образом, английские писатели упорно трудились, чтобы доказать, что Вильгельм Нормандский на самом деле не завоевывал саксов. Незадолго до Французской революции то же самое пытались доказать в случае с германскими племенами во Франции. Аббат дю Бос и другие писатели напрягали всю свою изобретательность, чтобы замаскировать очевидный факт и спрятать правду под грудой увесистых томов.—X.

[56]

- "Излюбленным тезисом многих авторов было делать вид, что саксонское правительство во время завоевания никоим образом не было ниспровергнуто; что Вильгельм Нормандский законно вступил на трон и, следовательно, на обязательства саксонских королей. ... Но, если мы примем во внимание, что способ формирования публичной власти в государстве является столь важной частью его управления, и что завоевание внесло в Англию основательные изменения в этом отношении, мы без колебаний допустим, что было установлено *новое правительство*. Более того, поскольку почти вся земельная собственность в королевстве была в то время передана в другие руки, введена новая система уголовного правосудия и, более того, изменен язык закона, можно сказать, что революция была такой, какой, возможно, не найти аналогов в истории какой—либо другой страны". — Английская конституция Де Лольма, с. i.,

примечание с. - "Битва при Гастингсе и последовавшие за ней события не только возвели герцога Нормандского на английский трон, но и предали все население Англии тирании короля. Нормандская раса. Порабощение нации редко, даже в Азии, было более полным". —История Англии Маколея, том i, стр. 10.—Н.

[57]

- Это утверждение кажется самоочевидным; возможно, однако, что оно не совсем не относится к предмету, стоит обратить внимание на несколько фактов, иллюстрирующих его. Великие национальные бедствия, такие как войны, проскрипции и революции, подобны ударам молнии, поражающим в основном объекты наибольшего возвышения. Мы видели, что раса-завоеватель обычно на долгое время, даже после того, как завоевание было забыто, формирует аристократию, которая обычно монополизирует выдающиеся позиции. В великих политических потрясениях эта аристократия страдает больше всего, часто численно и всегда пропорционально. Так, в битве при Каннах, как говорят, было убито от 5000 до 6000 римских рыцарей, и во все времена форма офицера была самой заметной и в то же время самой важной мишенью для смертельного удара. В тех страшных проскрипциях, в ходе которых Сулла и Марий соперничали друг с другом в массовой резне, число жертв включало двести сенаторов и тридцать три бывших консула. То, что большая часть остальных были выдающимися людьми и, следовательно, патрициями, очевидно из характера этого преследования. Революции чаще всего, хотя и не всегда, вызываются брожением среди массы населения, которому приходится сводить тяжелые счета с классом, который доминировал над ними и тиранизировал. Следовательно, их ярость направлена против этой аристократии. Сейчас передо мной любопытный документ (впервые опубликованный в "Прусском государственном вестнике" в 1828 году, и которым я обязан небольшому немецкому изданию "Das Menschengeschlecht auf seinem Gegenwärtigen Standpuncte" Шмидта-Физельдека), содержащий список жертв, которые попали под гильотину по приговору революционного трибунала с августа 1792 года по 27 июля 1794 года, то есть чуть менее чем за два года. Приведенное там число жертв составляет 2774 человека. Из них 941 человек неизвестного ранга. Оставшиеся 1833 человека можно разделить в следующих пропорциях:—

1084	представителей высшей знати (принцы, герцоги, маршалы Франции, генералы и другие офицеры и т.д. и т.п.)
636	представителей дворянства (члены парламента, судьи и т.д. и т.п.)
113	представителей буржуазии (включая унтер-офицеров и солдат.)
1833	

Такие факты не требуют комментариев.—Х.

[58]

- Недавнее восстание в Китае породило множество спекуляций, и относительно него сформировались различные мнения. Но сейчас почти все признают, что это великое национальное движение, и, следовательно, оно в конечном счете должно быть успешным. История этого восстания, рассказанная мистером Каллери и доктором Иваном (один переводчик, а другой врач французского посольства в Китае, оба хорошо известные и заслуживающие доверия авторитетные лица), не оставляет сомнений по этому поводу. Одним из наиболее значимых признаков этого движения является обрезание хвостов и отрастание волос, что практикуется, по словам доктора Айвена, во всех крупных городах и даже на зубах мандаринов. (Ins. в Китае, стр. 243.) Пусть читатель не улыбается этой, казалось бы, ребяческой

демонстрации и не недооценивает ее важность. Внешне тривиальные происшествия часто являются предвестниками самых важных событий. Если бы я увидел на улицах Берлина или Вены людей с длинными бородами или в шляпах определенной формы, я бы знал, что следует ожидать серьезных неприятностей; и пропорционально количеству таких людей я бы считал, что катастрофа более или менее близка, а корона монарха в опасности. Когда ломбардец перестает курить на улицах, он замышляет революцию; и Франция находится в относительной безопасности, хотя каждая улица в Париже забаррикадирована и кровь льется потоками; но когда оркестры маршируют по улицам, распевая "*ça ira*", мы знаем, что завтра будет провозглашена "*Красная Республика*". Все это молчаливые, но выразительные демонстрации преобладания определенного принципа в массах. Таким принципом является отрубание хвоста у китайцев. И это не просто эмблема. Бритая макушка и хвост - это клейма завоевания, знак деградации, наложенный манчу на поработленную расу. Китайцы никогда не оставляли надежды однажды изгнать своих завоевателей, как они это уже однажды сделали. "С момента падения династии Мингов, - говорит доктор Айвен, - и восшествия на престол династии Манчу подпольные ассоциации — эти интеллектуальные лаборатории приходящих в упадок государств — непрерывно функционировали. Самое знаменитое из этих тайных обществ, Триада, или *три принципа*, располагает настолько обширной и могущественной организацией, что ее членов можно найти по всему Китаю и везде, куда бы китайцы ни эмигрировали; так что в китайской поговорке нет большого преувеличения: "Когда мы трое вместе, Триада среди нас". (Hist. страховщика. в гл., стр. 112.) И снова автор говорит: "Революционный импульс сейчас настолько силен, дела претендента или вождя восстания в столь благополучном состоянии, что успеху его дела нечего бояться проигрыша битвы. Потребовалась бы серия беспрецедентных неудач, чтобы разрушить его надежды" (стр. 243 и 245).

Я написал это несколько пространное примечание, чтобы показать, что г—н Гобино не делает опрометчивых заявлений, когда говорит, что мантху вот-вот постигнет та же участь, что и их татарских предшественников.-X.

[59]

- Автор мог бы упомянуть Россию в качестве иллюстрации своей позиции. Ни одна звезда из известных нам стран не подвергалась столь полному и затяжному затмению и не появлялась вновь с таким блеском. Россия, история которой, по мнению многих, восходит только ко временам Петра Великого, была одним из первых действующих лиц на сцене современной истории. Его народ принял христианство, когда наши предки были еще язычниками; его князья заключали брачные союзы с монархами византийского Рима, в то время как Карл Великий тысячами загонял сопротивляющихся саксонских варваров в реки, чтобы те массово крестились. В России были великолепные города до того, как Париж стал чем-то большим, чем скопление лачуг на маленьком острове Сены. Ее монархи действительно намеревались, и не без вполне обоснованных надежд, завоевать Константинополь, в то время как нормандские баржи опустошали побережья Западной Европы. Более того, в этот далекий, почти полярный регион предприимчивость жителей привлекла гений коммерции и ее помощников - процветание и изобилие. Одним из величайших торговых городов первых веков после Рождества Христова, одним из первых ганзейских городов был великий город Новгород, столица республики, поставлявшей триста тысяч воинов. Но востоку Европы не суждено было опередить запад в великой гонке прогресса. Миллионы татар, которые, подобно саранче, но более грозные, отмечали свое продвижение безнадежными опустошениями, превратили большую часть Азии в пустыню и теперь искали новое поле для своих диких подвигов. Россия

выдержала первый удар, и ее завоевание истощило силы безжалостного врага и спасло Западную Европу от сокрушительного разорения. В начале тринадцатого века пятьсот тысяч татарских всадников пересекли Уральские горы. Их продвижение было медленным, но постепенным. Русские армии были растоптаны этой бесчисленной кавалерией. Но сопротивление, должно быть, было храбрым и энергичным, поскольку немногие из захватчиков прожили достаточно долго, чтобы увидеть завоевание. Только после отчаянной пятидесятилетней борьбы Россия признала татарского повелителя. И даже тогда завоевателям не позволили спокойно насладиться своей добычей. Еще два столетия русские не прекращали своих усилий по восстановлению своей независимости. Каждое поколение передавало своим потомкам память об этом драгоценном сокровище и заботу о его возвращении. И их усилия не были безуспешными. Год за годом татары видели, как добыча ускользает из их рук, и к концу пятнадцатого века мы обнаруживаем, что они были вытеснены на берега Волги и Черного моря. Россия теперь снова начала дышать. Но, о чудо! во время долгой борьбы поляк и швед соперничали с татаринами в лишении ее самых прекрасных владений. Ее территория простиралась всего на двести миль в любом направлении от Москвы. Само ее имя было неизвестно. Западная Европа забыла ее. Те же причины, которые установили там феодальную систему, в течение двух с половиной столетий превратили нацию свободных людей в нацию крепостных. Искусство мира было утрачено, военный элемент приобрел неоправданное преобладание, и банда солдат, подобно римской преторианской гвардии, устанавливала и низлагала суверенов и потрясала государство до самых его основ. И все же то тут, то там появлялся энергичный монарх, который обуздывал свирепую стихию и направлял ее на благо государства. Смоленск, самая прекрасная часть древних русских владений, был вновь отвоеван у поляков. Швед также был вынужден отдать часть своей добычи. Но Петру Великому и его преемникам оставалось восстановить в России то положение, которое она когда-то занимала и на которое имела право.

Теперь, когда мы подошли к той части российской истории, которая многим кажется первой, я больше не буду испытывать терпение читателя. Я бы просто заметил, что Петр не только не присоединил к своей империи ни одной территории, которая ей ранее не принадлежала, но даже Екатерина при первом разделе Польши (я не говорю о последующих) просто вернула под свои владения то, что когда-то было неотъемлемой частью. Быстрый рост России с тех пор, как она вновь заняла свое место среди народов земли, хорошо известен. Города возникли в местах, где когда-то кочевник ставил свой шатер. Великая столица, самая красивая в мире, поднялась из болота всего через сто пятьдесят лет после того, как основатель, чье имя она увековечила, заложил первый камень. Другой восстал из пепла менее чем через десять лет после того, как его пламя возвестило миру о мести нации невожатому агрессору — холокосту на алтаре патриотизма.

По правде говоря, мне кажется, что Гобино не мог бы найти лучшей иллюстрации своей позиции о том, что простое случайное завоевание не может уничтожить нацию, чем эта великая империя, в истории которой завоевание составляет такой ужасный и долгий эпизод, что предшествующая ему часть почти забыта по сей день. -Н.

[60]

- Автор книги "Демократия в Америке" (том ii, книга 3, гл. 1), размышляя о полном отсутствии сочувствия среди различных классов аристократического сообщества, говорит: "У каждой касты есть свои мнения, чувства, права, манеры и образ жизни. Члены каждой касты не похожи на остальных своих сограждан; они не думают и не чувствуют одинаково и считают себя

отдельной расой. ... Когда средневековые хронисты, которые все принадлежали к аристократии по рождению и образованию, рассказывают о трагическом конце дворянина, их скорбь неиссякаема; в то время как они с предельным равнодушием рассказывают о массовых убийствах и пытках, которым подвергались простые люди. При этом ими двигал скорее *инстинкт* чем страсть, поскольку они не испытывали привычной ненависти или систематического презрения к людям: война между несколькими классами общества еще не была объявлена ". Автор приводит выдержки из писем мадам де Севинье, демонстрируя, по его собственным словам, "жестокую шутливость, на которую в наши дни не отважился бы самый суровый человек, пишущий самому бесчувственному человеку из своих знакомых; и все же мадам де Севинье не была эгоистичной или жестокой; она была страстно привязана к своим детям и всегда готова посочувствовать своим друзьям, и она относилась к своим слугам и вассалам с добротой и снисхождением". "Откуда это берется?" - спрашивает г-н Де Токвиль. "Неужели у нас действительно больше чувствительности, чем у наших предков?" Если вспомнить, как указывалось в предыдущем примечании, что дворянство Франции было германского происхождения, а крестьянство кельтского, мы найдем в этом дополнительное доказательство правильности теории нашего автора. Благодаря революции были разрушены барьеры, разделявшие различные сословия, и постоянное смешение смешало кровь франкской знати и галльского невежества. Везде, где это слияние еще не произошло или произошло несовершенно, замечания г-на Де Токвиля все еще применимы. -Х.

[61]

- Дух клановости настолько силен в арабских племенах, а их инстинкт этнической изоляции настолько силен, что часто проявляется довольно странным образом. Путешественник (мистер Фульженс Френель, если я не ошибаюсь) рассказывает, что в Джидде, где мораль находится на довольно низком уровне, та же бедуинка, которая не может устоять перед малейшим денежным искушением, сочла бы себя навеки обесчещенной, если бы вступила в законный брак с турком или европейцем, в объятия которого она охотно отдается, хотя и презирает его.

[62]

- Человек
С добродетельной душой не приказывает и не повинуетя.
Власть, подобно опустошающей заразе,
загрязняет все, к чему прикасается; а послушание,
Проклятие всего гениального, добродетельного, свободного, истинного,
Делает людей рабами, а человеческое тело
механизированным автоматом.
Шелли, королева Мэб.

[63]

- Монтескье выражает аналогичную идею в своем обычном эпиграмматическом стиле. "Обычаи порабощенного народа, — говорит он, — являются частью его рабства; обычаи свободного народа - частью его свободы". - *Esprit des Lois*, b. xix. c. 27.-Н.

[64]

- "Значительная часть особенностей спартанского устройства и их институтов, несомненно, имела древнедорское происхождение и, должно быть, была скорее отвергнута другими

дорийцами, чем вновь изобретена и учреждена спартанцами". — Древняя история Нибура, том i, стр. 306.—Н.

[65]

- Смотрите примечание на [странице 121](#).

[66]

- Слияние рас в Южной Америке, должно быть, действительно непостижимо. "Я нахожу", - говорит Алекс. фон Гумбольдт в 1826 году: "по нескольким заявлениям, если мы оценим население всех испанских колоний в четырнадцать или пятнадцать миллионов душ, в этом числе будет самое большее *три* миллиона чистокровных белых, включая около 200 000 европейцев". (Пер. Нар., том i, стр. 400.) О прогрессе, которого эта беспородная популяция достигла в цивилизации, я не могу дать лучшего представления, чем отрывок из работы доктора Чуди, описывающий способ вспашки в некоторых частях Чили. "Если нужно вспахать поле, это делают два туземца, которые вооружены длинными шестами, заостренными с одного конца. Один из них довольно глубоко и под наклоном втыкает свой шест в землю, так что он образует угол с поверхностью земли. Другой индеец втыкает свой шест на небольшом расстоянии и также наискось и подсунувает его под шест своего товарища по работе, так что первый шест как бы лежит на втором. Затем первый индеец нажимает на свой шест и заставляет его воздействовать на другого, как рычаг на свою точку опоры, и земля подбрасывается концом шеста вверх. Таким образом, они постепенно продвигаются вперед, пока этим трудоемким процессом не будет изрыто все поле". (Доктор Чуди, Путешествия по Перу, 1838-1842 годы. Лондон, 1847, стр. 14.) Я действительно не думаю, что аналог этому можно было бы найти, за исключением, возможно, способа разработки рудников по всей Южной Америке. И Дарвин, и Чуди говорят об этом с удивлением. Каждый фунт руды извлекается из шахт на плечах людей. Из шахт таким же образом удаляют скапливающуюся в них воду с помощью водонепроницаемых мешков. Доктор Чуди описывает процесс, используемый для объединения ртути с серебряной рудой. Это делается путем растоптания их лошадиными или человеческими ногами. Этот метод не только сопряжен с невероятной тратой материала и, следовательно, очень дорог, но и вскоре убивает лошадей, используемых при нем, в то время как люди заболевают самыми страшными и, как правило, неизлечимыми болезнями! (Указ. соч., стр. 331-334.) —Н.

[67]

- A. von Humboldt, Examen critique de l'Histoire et de la Géographie du N. C., vol. ii. p. 129–130. То же мнение выражает м-р Гумбольдт в своем личном повествовании. Лондон, 1852, т. i., стр. 296.—Н.

[68]

- Говоря о привычке делать татуировки среди жителей островов Южных морей, мистер Дарвин говорит, что даже девочек, воспитанных в домах миссионеров, невозможно было отговорить от этой практики, хотя во всем остальном они, казалось, забыли дикие инстинкты своей расы. Жены миссионеров пытались помешать им, но с Юга прибыл известный оператор, и они сказали: "Нам действительно нужно иметь всего несколько линий на губах, иначе, когда мы состаримся, мы будем такими уродливыми". — Журнал натуралиста, том ii. стр. 208.—Н.

[69]

- Последние подробности смотрите в статьях Гюстава д'Ало в "Ревю де Монд" за 1853 год.

[70]

- Приведенное ниже сравнение экспорта основных продуктов питания Haytien может быть небезынтесным для многих наших читателей, в то время как оно служит подтверждением утверждения автора. Я извлекаю это из статистической таблицы в отчете Маккензи британскому правительству о состоянии тогдашней республики (ныне империи). Мистер Маккензи проживал там в качестве специального *посланника* несколько лет с целью сбора достоверной информации для своего правительства, и поэтому на его заявления можно положиться. (Заметки о Хайти, том II. примечание следующее. Лондон, 1830.)

	САХАР. фунтов.	ХЛОПОК. фунтов.	КОФЕ. фунтов.
1789	г.	7,004,274	76,835,219
1826	32,864	620,972	32 189 784, ,

Из этих цифр видно, что наибольшее снижение наблюдается в том основном продукте, который требует наиболее трудоемкого выращивания. Таким образом, сахар требует почти неустанного труда; кофе - сравнительно небольшого. Все отрасли промышленности пришли в ужасающий упадок; некоторые из них прекратились совсем; и мелкая и постоянно сокращающаяся торговля этой несчастной страны состоит теперь главным образом из товаров, произведенных спонтанно. Статистика импорта полностью соответствует статистике экспорта. (Указ. соч., т. ii. стр. 183.) Как и следовало ожидать при таком положении вещей, ежегодные расходы в 1827 году оценивались чуть более чем *вдвойной* объем годового дохода! (Там же, "Финансы".)

То, что дела не улучшились под управлением этого Милостивейшего, христианнейшего монарха, императора Фостина I., будет видно из прошлогоднего ежегодного журнала "Ревю мира", "Гаити", стр. 876, *и далее.*, где будут найдены некоторые любопытные подробности о его величестве и его подданных.

[71]

- По этому вопросу проконсультируйтесь с Причардом, д'Орбиньи и А. де Гумбольдтом.

[72]

- Я припоминаю, что несколько лет назад прочитал в иезуитском миссионерском журнале (я забыл его название и дату, но уверен, что авторитету можно доверять) довольно нелепый отчет о случае подобного рода. Одному из отцов, на попечении которого была маленькая изолированная деревушка, довелось на время покинуть свою паству, и его место, к сожалению, не могло быть заменено другим. Поэтому он призвал самых многообещающих из своих неофитов и поручил их заботам домашних животных и сельскохозяйственные орудия, которыми общество снабдило новообращенных дикарей, а затем оставил им множество наставлений. Поскольку его отсутствие затянулось сверх ожидаемого срока, индейцы сочли его мертвым и устроили в его честь грандиозный траурный пир, на котором зарезали всех быков и зажарили их на кострах, разведенных из плугов, черенков мотыг и т. Д.; И он прибыл как раз вовремя, чтобы стать свидетелем заключительных сцен этой траурной церемонии.-Х.

[73]

- Consult, among others, Carus: *Über ungleiche Befähigung der verschiedenen Menschen-stämme für höhere geistige Entwicklung.* Leipzig, 1849, p. 96 *et passim.*

[74]

- Причард, Естественная история человека, том ii.

Посмотрите, в частности, недавние исследования Э. Г. Сквайера, опубликованные в 1847 году под названием "Наблюдения над памятниками аборигенов долины Миссисипи", а также в различных поздних обзорах и других периодических изданиях.

[75]

- Весьма необычная конструкция этих курганов и многочисленная утварь, найденная в них, в настоящее время свидетельствуют о проницательности и таланте американских антикваров. В следующем томе у меня будет возможность высказать мнение относительно их ценности для изучения древней цивилизации; в настоящее время я скажу только, что их почти невероятная древность не может быть поставлена под сомнение. М-р Скуайер прав, считая, что это доказывается простым фактом, что скелеты, извлеченные из этих курганов, рассыпаются в пыль, как только попадают в атмосферу, хотя состояние почвы, в которой они лежат, является наиболее благоприятным из возможных; в то время как человеческие останки под британскими кромлихами, которые были захоронены по меньшей мере восемнадцать столетий назад, совершенно твердые. Таким образом, легко понять, что между первыми владельцами американской земли и ленни-ленапе и другими племенами нет никакой связи. Прежде чем завершить эту заметку, я не могу удержаться от похвалы трудолюбию и мастерству, проявленным американскими учеными при изучении древностей их огромного континента. Чтобы устранить трудности, возникающие из-за чрезмерной хрупкости эксгумированных черепов, было предпринято множество тщетных попыток, но в конце концов цель была достигнута путем заливки в них битумного препарата, который мгновенно затвердевает и таким образом сохраняет костные части. Говорят, что этот процесс, требующий многих мер предосторожности и как можно большего мастерства, чем оперативность, в целом проходит успешно.

[76]

- Древняя Индия требовала от своих первых белых колонистов огромного труда по возделыванию и благоустройству. (См. Лассен, *Indische Alterthumskunde*, том i.) Что касается Египта, посмотрите, что шевалье Бунзен в "Египетской стеле в мировоззрении" говорит об оплодотворении Фаума, этой гигантской работе первых государей.

[77]

- "Почему случайные обстоятельства всегда мешали одним подняться, в то время как других они только стимулировали к более высоким достижениям?" — Доктор Вступление Найленда. к книге Гамильтона Смита "Природа. История. Человека", стр. 95.—Н.

[78]

- Salvador, *Histoire des Juifs*.

[79]

- M. Saint-Marc Girardin, *Revue des Deux Mondes*.

[80]

1. Смотрите, по этому часто обсуждаемому вопросу высказывается мнение - несколько язвительное — ученого историка и филолога:

"Огромное количество авторов позволили убедить себя, что страна создала нацию; что баварцам и саксонцам было предопределено природой их почвы стать такими, какие они есть сегодня; что протестантизм не принадлежал регионам юга; и что католицизм не мог

проникнуть в районы севера; и многое подобное. Люди, которые интерпретируют историю в соответствии со своими собственными скудными знаниями, своими узкими сердцами и близорукими умами, с помощью тех же рассуждений заставили бы нас поверить, что евреи обладали такими—то и такими-то качествами - более или менее ясно понятыми — потому что они населяли Палестину, а не Индию или Грецию. Но если бы эти философы, столь искусные в доказательстве того, что льстит их представлениям, задумались о том, что Святая Земля содержит в своем ограниченном пространстве народы самых непохожих религий и способов мышления, что между ними, опять же, и их нынешними преемниками существует предельная разница, которую только можно себе представить, хотя страна все та же; они бы поняли, как мало влияния на характер и цивилизацию нации оказывает страна, в которой они живут ". — Эвальд, "История народов Израиля ", т. i., стр. 259.

[81]

2. Хотя успех китайских миссий не был пропорционален самоотверженному рвению их работников, в Китае все же есть огромное количество приверженцев истинной веры. М. Хук рассказывает нам в рассказе о своем путешествии, что почти в каждом месте, где останавливались он и его попутчик, они могли заметить среди толп, пришедших поглазеть на двух "западных дьяволов" (как небожители вежливо называют нас, европейцев), людей, украдкой, а иногда и совершенно открыто осеменяющих себя крестным знаменем. Среди кочевых орд, населяющих плоскогорья Центральной Азии, число христиан намного больше, чем среди китайцев, и гораздо больше, чем обычно предполагается. (См. "Анналы распространения веры", № 135 и далее.) —Х.

[82]

3. Божество-покровитель, как правило, было олицетворением национального характера. Торговая или морская нация поклонялась бы Меркурию или Нептуну; агрессивная и воинственная - Геркулесу или Марсу; скотоводческая - Пану; сельскохозяйственная - Церере или Триптолему; утопающая в роскоши, как Коринф, оказывала бы почти исключительное почтение Венере. Как отмечает автор, все древние правительства были более или менее теократическими. Кастовые правила у индусов и египтян приписывались богам, и даже самый абсолютный монарх не осмеливался и не мог преступить пределы, которые бессмертные установили для его власти. Это так называемое божественное законодательство часто служило той же цели, что и хартии современных конституционных монархий. Власть персидских царей была ограничена религиозными установлениями, и так всегда было с турецкими султанами. Даже в Риме, население которого имело большую склонность к позитивному и практическому, чем к вещам иного мира, мы находим следы теократического правления. Сивиллиные книги, авгуры и т.д. были чем-то большим, чем вульгарное суеверие; и последние, которые могли остановить или отсрочить самые важные события, объявив предзнаменования неблагоприятными, должно быть, обладали очень значительным политическим влиянием, особенно в более ранние периоды. Грубые, свободолюбивые племена Скандинавии, Германии, Галлии и Британии также подчинялись своим друидам или другим священникам, без разрешения которых они никогда не предпринимали никаких важных предприятий, будь то государственных или частных. Наш автор справедливо замечает, что христианство пришло, чтобы освободить человечество от таких уз, хотя ошибочное или заинтересованное рвение некоторых из его слуг так часто и успешно пыталось закрепить их снова. Насколько плохо христианство было бы приспособлено, даже с политической точки зрения, к теократической формуле, хорошо показано г-ном Гизо в его Истории. о цивилизации, том i, стр. 213.—Н.

[83]

4. Я уже указывал в своем введении (стр. 41–43) на некоторые фатальные последствия, вытекающие из этой доктрины. Возможно, однако, здесь будет уместно упомянуть еще об одном. Коммунисты, социалисты, фурьериты, или какие бы названия ни принимали эти враги нашей социальной системы, часто соблазняли неосторожных и слабоумных правдоподобным утверждением, что они хотели восстановить социальную систему первых христиан, у которых все было общим, и т.д. Многие религиозные сектанты устроили серьезные беспорядки под тем же предлогом. Кажется, действительно, разумным предположить, что если христианство дало свою исключительную санкцию какой-либо конкретной социальной и политической системе, то это должна была быть та, которую приняли первые христианские общины.—Х.

[84]

5. Смотрите примечание на странице 188.—Н.

[85]

6. Естественная история человека, стр. 390. Лондон, 1843.

[86]

7. Краткий обзор индейских племен Северной Америки.

[87]

8. Если бы я хотел оспорить точность утверждений, на которых мистер Причард основывает свои аргументы в данном случае, я бы имел в своей пользу весомый авторитет мистера Де Токвиля, который, говоря о чероки, говорит: "Что в значительной степени способствовало внедрению европейских привычек среди этих индейцев, так это присутствие такого большого количества полукровок. Человек смешанной расы, участвующий, в определенной степени, в просвещении отца, не отказываясь, однако, полностью от диких манер матери, образует естественное связующее звено между цивилизацией и варварством. По мере того как среди них становится все больше полукровок, мы обнаруживаем, что дикари меняют свое социальное положение и свои манеры". (Dem. in Am., vol. i., стр. 412.) М-р Де Токвиль заканчивает предсказанием, что чероки и крики, хотя они и полукровки, а не, как утверждает м-р Причард, чистокровные аборигены, тем не менее исчезнут перед вторжением белых.

[88]

9. Когда перед ними будут разложены четыре части карт, каждая из которых имеет номер, произнесенный *один раз* в связи с ней, они, после перестановки частей, выберут любую, названную по ее номеру. Они также играют в домино, причем с таким мастерством, что одерживают победу над двуногими противниками, скупая, если противник разыгрывает неправильную фигуру или если им самим не хватает правильной". — Вестник Кр., стр. 236.—Х.

[89]

10. В этих частях нынешней Франции более полутора миллионов жителей говорят по-немецки. Чистокровные галлы в Ландах еще не выучили французского языка и говорят на своеобразном — вероятно, их исконном — *наречии*.

[90]

11. За исключением Нормандии.

[91]

12. См. стр. 183.

[92]

13. Я не знаю, чтобы какой-либо писатель когда-либо осмеливался сомневаться в этом факте, за исключением мистера Гизо, который отвергает его с насмешкой. К счастью, насмешка - это не аргумент, хотя часто она имеет большой вес.

[93]

14. Перевод Хэзлитта, том i. стр. 21. Нью—Йорк, 1855.-Х.

[94]

15. Тщательное сравнение взглядов г-на Гизо с мнениями, выраженными графом Гобино по этому интересному вопросу, убедило меня в том, что различия во мнениях между этими двумя исследователями требуют более тщательного и детального изучения, чем автор считал необходимым. С этой целью я привожу дальнейшие выдержки из знаменитой "Истории цивилизации в Европе", из которых, я думаю, явствует, что немногие из великих истин, содержащихся в определении *цивилизации*, ускользнули от проникновения и исследования прославленного писателя, но, будучи неспособным отказаться от идеи *единства* цивилизации, он неизбежно впал в ошибку, в которой великий метафизик справедливо обвиняет столь многих рассуждателей. "Трудно, - говорит Локк, говоря о злоупотреблении словами, - найти рассуждение, написанное на какую-либо тему, особенно спорную, в котором человек, если он внимательно читает, не заметил бы, что одни и те же слова (и те, которые обычно являются наиболее существенными в рассуждении и на которых строится аргументация) используются иногда для обозначения одной совокупности простых идей, а иногда для обозначения другой. ... Человек, сотрудничая с другим человеком, мог бы с такой же справедливостью обозначать символами чисел иногда одну, а иногда другую совокупность единиц (например, этот символ, 3, иногда обозначает три, иногда четыре, а иногда восемь), как в своей речи или рассуждениях одни и те же слова обозначают разные совокупности простых идей". Г-н Гизо начинает свою первую лекцию с заявления о своем намерении дать "общий обзор истории *европейской цивилизации*, ее происхождения, ее прогресса, ее конца, ее характера". Я говорю "европейская цивилизация", потому что, очевидно, в цивилизации различных государств Европы наблюдается столь поразительное единообразие, что оно полностью оправдывает это название. Цивилизация пришла ко всем им из столь схожих источников, она настолько связана во всех них — несмотря на большие различия во времени, месте и обстоятельствах — одними и теми же принципами и стремится во всех них приводить к одним и тем же результатам, что никто не усомнится в существовании *цивилизации, по существу европейской*."

Итак, здесь г-н Гизо признает одну великую истину, отстаиваемую в этой книге; он фактически признает тот факт, что могут существовать другие цивилизации, имеющие иное происхождение, иной прогресс, другие характеры, другие цели.

"В то же время следует отметить, что эту цивилизацию нельзя найти в истории какого-либо отдельного государства Европы — ее историю невозможно почерпнуть из нее. Каким бы схожим ни был его общий вид во всем мире, его разнообразие не менее примечательно, и ни в одной конкретной стране он еще никогда полностью не развивался. Его характерные черты широко распространены, и мы будем вынуждены искать элементы его истории, если того потребует случай, в Англии, Франции, Германии, Испании".

Это именно та идея, которая выражена в моем введении, что в зависимости от характера нации ее цивилизация проявляется различными способами; у одних - совершенством в искусстве, полезном или вежливом; у других - развитием политических форм и их практическим

применением и т.д. Если бы я тогда пожелал подкрепить свое мнение большим авторитетом, я бы, несомненно, процитировал г—на Гизо, который несколькими страницами далее говорит: "Везде, где внешнее состояние человека расширяется, оживляется и совершенствуется; везде, где интеллектуальная природа человека отличается своей энергией, блеском и величием; везде, где проявляются эти признаки, несмотря на серьезнейшие несовершенства социальной системы, человек провозглашает цивилизацию и приветствует ее".

"Несмотря на серьезнейшие несовершенства социальной системы", - говорит Гизо, однако в серии гипотез, приведенных в тексте, в которых он пытается дать негативное определение цивилизации, показывая, чем *неявляется* цивилизация, он фактически делает политическую форму критерием цивилизованности.

В другом отрывке он снова говорит, что цивилизация "это курс— по которому должно идти человечество, предназначение, которое оно должно выполнить. Народы передавали из века в век своим преемникам нечто такое, что никогда не теряется, но что растет и сохраняется как общий запас, и таким образом будет сохраняться до конца всего сущего. Со своей стороны (продолжает он), я уверен, что человеческой природе уготовано такое предназначение; что всеобщая цивилизация пронизывает человеческий род; что в каждую эпоху она приумножается; и что, следовательно, должна быть написана всеобщая история цивилизации". Читателю, который сравнивает эти отрывки, должно быть очевидно, что Гизо выражает в каждом из них совершенно отдельную идею или совокупность идей.

Во-первых, цивилизация определенной нации, которая существует "везде, где интеллектуальная природа человека отличается своей энергией, блеском и величием". Такая цивилизация может процветать, "несмотря на величайшее несовершенство социальной системы".

Во-вторых, *идеал* Гизо о лучшей, наиболее совершенной цивилизации, где политические формы обеспечивают величайшее счастье, способствуют наиболее быстрому, но хорошо регулируемому прогрессу.

В-третьих, великая система отдельных цивилизаций, как, например, европейская, различные элементы которой "связаны одними и теми же принципами и имеют тенденцию приводить к одним и тем же общим результатам".

В-четвертых, предполагаемый общий прогресс всего человечества к более высокому состоянию совершенства.

Со всеми этими идеями, при условии, что они не смешиваются одна с другой, я уже дал свое согласие. (См. Введение, [стр. 51.](#)) Однако в отношении последнего я бы заметил, что оно никоим образом не противоречит вере в интеллектуальную общность рас и постоянство этой общности. Как в обществе, состоящем из индивидуумов, все пользуются плодами общего прогресса, хотя не все внесли в него свой вклад в равной мере, а некоторые и вовсе нет: так и в этом обществе, членами которого, как мы можем предположить, являются различные ветви человеческой семьи, даже низшие в большей или меньшей степени пользуются благами интеллектуального труда, на что они были бы неспособны. Из того, что я могу переноситься с быстротой птицы из одного места в другое, не следует, что, хотя я пользуюсь гением Уатта, я мог бы изобрести паровую машину или даже что я понимаю принципы, на которых основано это изобретение.—X.

16. W. Von Humboldt, Ueber die Kawi-Sprache auf der Insel Java; Einleitung, vol. i. p. 37. Berlin. "Die *Civilization* ist die Vermenschlichung der Völker in ihren äusseren Einrichtungen und Gebräuchen, und der darauf Bezug habenden inneren Gesinnung."

[96]

17. William Von Humboldt. "Die Kultur fügt dieser Veredlung des gesellschaftlichen Zustandes Wissenschaft und Kunst hinzu."

[97]

18. W. Von Humboldt, op. cit., p. 37: "Wenn wir in unserer Sprache *Bildung* sagen, so meinen wir damit etwas zugleich Höheres und mehr Innerlicheres, nämlich die Sinnesart, die sich aus der Erkenntniss und dem Gefühle des gesammten geistigen und sittlichen Streben harmonisch auf die Empfindung und den Charakter ergiesst."

Поскольку ничто не может превзойти трудности перевода абстрактной идеи с французского на английский, за исключением передачи той же самой с немецкого на французский, и, как будто все эти процессы должны быть выполнены, идентичность идеи находится под большой угрозой, я счел уместным сразу перевести с немецкого оригинала и, следовательно, несколько отличаться от г-на Гобино, который излагает это так: "Человек в форме, самое страшное, человек в себе, данс с природой, обладатель чего-то, что выбрано плюс верх, плюс внутреннее". ла фуа, самый настоящий, без фасада понимания того, что такое управление и гармония, что такое чувствительность и характер впечатлений, что такое потребность в интеллектуальной деятельности и моральном состоянии ансамбля ". Я приложил немало усилий, чтобы ясно выразить идею мистера фон Гумбольдта, и поэтому расширил значение слова *Sinnesart*, которое не имеет точного эквивалента в английском языке.—Пер.

[98]

19. См . [страницу 154](#).

[99]

20. Г-н Клемм (*Allgemeine Culturgeschichte der Menschheit*, Лейпциг, 1849) также придерживается разделения всех рас на две категории, которые он называет соответственно *активными* и *пассивными*. У меня не было возможности ознакомиться с его книгой, и поэтому я не могу сказать, похожа ли его идея на мою. Неудивительно, что, следуя по одному и тому же пути, мы оба наткнулись на одну и ту же истину.

[100]

21. Переводчик позволил себе здесь отклонение от оригинала. Г-н Гобино, чтобы выразить свою идею, заимствует из символизма индусов, где женское начало представлено Пракрити, а мужское - Пуруча, и называет две категории рас соответственно женским и мужским началом. Но поскольку он "таким образом не желает выразить ничего, кроме взаимного оплодотворения, не приписывая никакого превосходства ни тому, ни другому", и поскольку идея, по—видимому, полностью передается словами, используемыми в переводе, последние были сочтены предпочтительными, поскольку они не так подвержены искажению и неправильному пониманию.-Н.

[101]

22. См. цитату из Де Токвиля на тот же счет, стр. 77.

[102]

23. Одно поразительное наблюдение в связи с этим фактом г-н Гобино не привел, вероятно, не потому, что оно ускользнуло от его проницательности, а потому, что он сам католик. Везде, где

преобладает тевтонский элемент в населении, как в Дании, Швеции, Голландии, Англии, Шотландии, Северной Германии и Соединенных Штатах, преобладает протестантизм; везде, наоборот, германский элемент находится в подчиненном положении, как в некоторых частях Ирландии, в Южной Америке и на Юге Европы, римский католицизм находит неприступную крепость в сердцах людей. Тщательно составленная этнографическая карта указала бы границы каждого из них в христианском мире. Я здесь не хочу утверждать, что христианская религия доступна только определенным расам, поскольку уже решительно высказал свое мнение об обратном. Я твердо убежден, что римский католик может быть таким же хорошим и благочестивым христианином, как и член любой другой христианской церкви, какой бы она ни была, но я вижу в этом факте демонстрацию ведущей характеристики германских рас — независимости мышления, которая побуждает их искать истину, даже в религии, для себя; исследовать все и ничего не принимать на веру.

Более того, в пользу моей позиции говорит высокий авторитет мистера Маколея: "Реформация, - говорит этот выдающийся публицист и историк, - была как национальным, так и моральным бунтом. Это было не только восстание мирян против духовенства, *но также восстание великой германской расы против чужеземного господства*. Наиболее важным обстоятельством является то, что ни одно крупное общество, язык которого не был бы тевтонским, никогда не становилось протестантским, и что везде, где говорят на языке, происходящем от древнего Рима, по сей день преобладает религия современного Рима ". (История. Англии, том i, стр. 53.) — Х.

[103]

24. Таким образом, Спарта и Афины, соответственно, стояли во главе олигархической и демократической партий, и попеременное преобладание любой из двух партий часто заливало каждое государство кровью. И все же Спарта и Афины, а также сторонники каждого из них в каждом государстве в равной степени обладали духом свободы и независимости. Фемистокл и Аристид, два великих партийных лидера Афин, соперничали друг с другом в патриотизме. Это единообразие общих взглядов и целей г-н Де Токвиль обнаружил в Соединенных Штатах, и он правильно выводит из этого вывод о том, что "хотя граждане разделены на 24 (31) отдельных государства, они, тем не менее, составляют единую нацию и образуют более подлинное общественное состояние, чем многие народы Европы, живущие под одним законодательством и одним правителем". (Том i, стр. 425.) Это наблюдение европейцы делают в последнюю очередь, потому что они не находят его дома; и, в свою очередь, оно мешает американцу составить четкое представление о состоянии Европы, потому что он думает, что споры там затрагивают не более глубокие вопросы, чем споры вокруг него. В определенных фундаментальных принципах согласны все американцы, к какой бы партии они ни принадлежали; определенные общие характеристики присущи им всем, каковы бы ни были различия во вкусах и индивидуальных предпочтениях; это не так в Европе — за исключением, возможно, Англии, Швеции и Дании. Но я не буду предвосхищать автора.—Х.

[104]

25. Хорошо известно, что как в Греции, так и в Риме воспитание детей из богатых семей, как правило, поручалось рабам. Некоторые из величайших философов Древней Греции были рабами. —Х.

[105]

26. В Китае нет наследственного дворянства. Класс мандаринов состоит из тех, кто получил дипломы в крупных колледжах, которыми изобилует страна. Указ императора *Цзинь-Цзуна*,

правившего с 1023 по 1063 год, регламентировал способы сдачи экзаменов, к которым допускаются все без разбора. Кандидаты проверяются более одного раза, и принимаются все меры предосторожности для предотвращения мошенничества. Таким образом, сын беднейшего крестьянина может стать мандарином, но, поскольку впоследствии он зависит от императора в плане должности или трудоустройства, это достоинство часто имеет лишь небольшую практическую ценность. Тем не менее, в истории Китая известны многочисленные случаи, когда люди поднимались от низших чинов до первых государственных должностей и даже до императорского достоинства. (См. "Историю Китая" Потье.) —X.

[106]

27. Джон Ф. Дэвис, китаец. Лондон, 1840, стр. 274. "Три или четыре тома любого обычного произведения размером и формой в октаво можно приобрести за сумму, эквивалентную двум шиллингам. В каталоге рукописей кантонского книготорговца была указана цена на четыре книги Конфуция, включая комментарии, по цене чуть меньше полкроны. Дешевизна их обычной литературы отчасти обусловлена способом печатания, но отчасти также и низкой ценой бумаги".

Это кантонские цены; во внутренних районах империи книги все еще дешевле, даже пропорционально стоимости денег в Китае. Их классические произведения продаются по пропорционально более низкой цене, чем отбросы нашей литературы. Брошюру или небольшой рассказ можно купить за сапек, примерно семнадцатую часть цента; обычный роман — чуть больше или меньше одного цента.—X.

[107]

28. Существуют определенные правонарушения, за которые наказание смягчается, если виновный способен доходчиво объяснить природу и цель закона, касающегося их. (См. "Путешествие Хука по Китаю", том ii, стр. 252.) Там же г-н Хук свидетельствует о правильности утверждения нашего автора. "Принимаются меры, - говорит он, - не только для того, чтобы дать магистратам возможность в совершенстве понимать законы, которые они призваны применять, но и для распространения знаний о них среди широких слоев населения. Всем лицам, состоящим на государственной службе, приказано особо изучать кодекс; и специальный закон предусматривает, что в определенные периоды все должностные лица во всех населенных пунктах должны проверяться на знание законов их соответствующими начальниками; и если их ответы неудовлетворительны, они наказываются: высшие должностные лица удержанием месячного жалования; низшие - сорока ударами бамбука ". Не следует воображать, что мистер Хук говорит о китайцах в духе панегириста. Любой, кто прочтет эту в высшей степени поучительную и забавную книгу (теперь английским читателям доступен перевод), вскоре убедится в обратном. Он редко говорит о них, чтобы похвалить. —X.

[108]

29. Указ. соч., стр. 100.

[109]

30. Читатель, вероятно, помнит, что *Диоклетиан*, который, будучи сыном рабыни, поднялся из ранга простого солдата на трон мировой империи, связал с собой в правительстве своего друга *Максимиана* в 286 году нашей эры. После шести лет этого совместного правления они взяли двух других партнеров, *Галерия* и *Констанция*. Таким образом, империя, хотя и была номинально единым государством, на самом деле имела четырех верховных глав. При Константине Великом имперское единство было восстановлено; но после его смерти пурпур снова был разделен между его сыновьями и племянниками. Постоянный раздел империи,

однако, не был осуществлен до смерти Феодосия Великого, который в течение шестнадцати лет пользовался безраздельной властью.

[110]

31. Не всем известно, что различные группы населения Франции различаются не только по характеру, но и по внешнему виду. Уроженца южных департаментов легко отличить от уроженца центральных и северных. Говорят, что средний рост на севере на полтора дюйма выше, чем на юге. Эта разница легко заметна в полках, набранных из обоих.—X.

[111]

32. Многие из этих диалектов имеют лишь небольшое сходство с французским языком: жители Ландов, например, говорят на своем собственном языке, корни которого, я полагаю, совершенно иные. По большей части они непонятны тем, кто их не изучал. Более полутора миллионов населения Франции говорят по—немецки или на немецких диалектах.—X.

[112]

33. Замечания г-на Гобино применимы с равной, а в некоторых случаях и с большей силой к другим частям Европы, поскольку у меня самого было достаточно средств для наблюдения. Я всегда рассматривал характер европейского крестьянства как самую сложную проблему в социальной системе этих стран. Институты не во всех случаях могут ее объяснить. В Германии, например, образование является общим и даже обязательным: я никогда не встречал мужчину моложе тридцати лет, который не умел бы читать и писать. Тем не менее, в каждом месте есть свой местный *говор*, от которого не отказывается ни один деревенский житель, поскольку его товарищи сочли бы это самым невыносимым притворством. Я слышал, как служители за кафедрой использовали местные диалекты, которых в одной только Германии насчитывается более пятисот, и большинство из них сильно отличаются друг от друга. Наряду со своим *патуа*, сельские жители сохранили свои местные костюмы, которые в основном относятся к средневековью. Но особенность их манер, обычаев и образа мыслей еще более поразительна. Их суеверия часто носят самый мрачный и, в лучшем случае, самый жалкий характер. Я видел сотни бедных созданий, мужчин и женщин, совершающих паломничество к какому-нибудь далекому святилищу во искупление своих собственных грехов или грехов других, которые платят им за то, чтобы они пошли вместо них. В эти экспедиции они отправляются в большом количестве, распевая *Авес* по пути целый день напролет, так что вы можете услышать их большую группу на многие мили вокруг. Каждый носит на спине или голове сумку, в которой находится весь их запас провизии для путешествия продолжительностью обычно от одной до двух недель. Ночью они спят в сараях или на стогах сена в полях. Если вы поговорите с ними, то обнаружите, что они пропитаны суевериями, абсолютно идолопоклонническими. Однако все они умеют читать и писать. Совершенная изоляция, в которой эти существа живут от мира, несмотря на это знание, совершенно непостижима для американца. Как говорит г-н Гобино о французских крестьянах, они считают себя особой расой. Среди них мало недовольства или его вообще нет; революционный пожар находит лишь скудное топливо среди этого сельского населения. Но они смотрят на тех, кто управляет и устанавливает законы, как на разных существ, созданных специально для этой цели; принципы, которые регулируют их частное поведение, всю сферу их идей, присущи только им самим. Одним словом, они образуют не класс, а касту, с демаркационными линиями, столь же четко определенными, как касты в Индии. Я уже говорил ранее, что это происходит не от недостатка образования, и невозможно найти никакого другого объяснения этой тайне. Это не бедность, потому что среди этих сельских жителей много богатых людей, и, в общем, они не так бедны, как низшие классы в

городах. Законы также не ограничивают их рамками касты. В Германии наследственная аристократия почти устарела. Ряды настоящей аристократии ежедневно пополняются из бюргерских классов. Высшие должности в различных штатах часто занимают люди без титулов или с недавно созданными титулами. Колледжи и университеты открыты для всех, и даже самым бедным предоставляются отличные условия. И все же эти различия между различными частями населения сохраняются, и это, как правило, в тех местностях, которые этнограф описывает как сильно насыщенные нетевтонскими элементами.-Н.

[113]

34. Медсестра из Тура вложила птичку в руки своего маленького подопечного и учила его выдергивать перья и крылья у бедного создания. Когда родители упрекали ее за то, что она преподавала ему этот урок безнравственности, она отвечала: "Это для того, чтобы рандре *былогненнее*". — (Это делается для того, чтобы сделать его свирепым или возвышенным духом.) Этот ответ 1847 года находится в строгом соответствии с наиболее одобренными принципами воспитания предков кормилицы во времена Верцингеторикса.

[114]

35. Несколько лет назад в очень маленьком и очень малоизвестном приходе французской Бретани, той части бывшей провинции, которую настоящие бритты привыкли называть *pays Gallais*, или галльской землей, должны были избрать церковного старосту. Выборщики, которые все были крестьянами, совещались два дня, так и не сумев прийти к согласию по поводу выбора, потому что кандидат, очень честный, богатый и весьма уважаемый человек и добрый христианин, *былиностраницем*. Так вот, этот *иностраниец* родился в этой местности, и его отец жил там до него, и он тоже там родился, но вспомнили, что его дед, который умер много лет назад и которого никто в собрании не знал, был родом откуда-то еще.

[115]

36. Это не преувеличение, как известно каждому, кто знаком с французской историей. В великой революции прошлого века французское крестьянство не проявляло никакого интереса и не участвовало в ней. В Вандее, действительно, они сражались, и сражались храбро, за древние формы, своего короля и своих феодальных лордов. Повсюду сельские районы оставались в совершенной апатии. Революции с тех пор вершились в Париже. *Эмуты* редко выходили за пределы стен больших городов. Хорошо известен факт, что во многих сельских округах крестьяне слышали об изгнании династии Бурбонов только спустя годы, и даже тогда не имели представления о природе перемен. Бурбон, Орлеан, Республика - слова, не имеющие для них определенного значения. Единственное имя, которое может вывести их из апатии, - это "Наполеон". При этом звуке сердце галла трепещет от энтузиазма и жажды славы. Отсюда беспрецедентный успех, с которым нынешний император апеллировал ко всеобщему избирательному праву.—Х.

[116]

37. Обычно не осознают, насколько мы обязаны восточным цивилизациям нашей более легкой и изящной литературой. Нашими первыми художественными произведениями были переводы или перефразировки восточных сказок, привезенных в Западную Европу вернувшимися крестоносцами. Песни трубадура, многотомные романы средневековья — эти тяжеловесные сюжеты современных романов - все исходило из этого источника. Работы Данте, Тассо, Ариосто, Боккаччо и более близких к ним работ Чосера и Спенсера являются неоспоримыми доказательствами этого факта. Даже сам Мильтон черпал вдохновение из неисчерпаемых запасов восточных легенд и романсов. Наши волшебные сказки и почти вся наша самая

изящная лирическая поэзия, которая не заимствована из Греции, имеют персидское происхождение. Почти каждый популярный поэт Англии и континента обращался к восточной музе, и никто так успешно, как Саути и Мур. Было бы бесполезно ссылаться на огромную популярность признанных версий восточной литературы, таких как "Тысяча и одна ночь", "Апологии", "Аллегии" и тому подобное. То, чего мы не должны Востоку, мы взяли у греков. Даже по сей день греческая мифология является неиссякаемым источником лирических поэтов, и эти изящные образы стали нам настолько знакомы, что мы вводим их, часто *случайно*, даже в наш разговорный язык.

Также и в метафизике мы, по общему признанию, сделали немногим больше, чем возродили труды греков.—X.

[117]

38. M. Flourens, Eloge de Blumenbach, Mémoires de l'Académie des Sciences. Париж, 1847, стр. xiii. Этот *ученый* справедливо протестует против такого метода.

[118]

39. За описание типов в этой и других частях этой главы я в долгу перед М. Уильям Лоуренс, Лекция о природе. История. Человека. Лондон, 1844. Но особенно для ученых Джеймс Коулз Причард, урожденный. История. человека. Лондон, 1848.

[119]

40. Причард, указ. соч., стр. 129.

[120]

41. Невозможно составить представление о скудной человеческой форме этих существ без помощи живописных изображений. В "Естественной истории человека" Причарда можно найти табличку (№ 23, стр. 355) из атласа М. д'Юрвиля, которая, возможно, поможет читателю составить представление о предельном уродстве, на которое способен человеческий облик. Я не могу не поверить, что приведенная там картина значительно преувеличена, но при всем должном допущении в этом отношении останется достаточно уродства, чтобы нам было почти стыдно признавать этих существ принадлежащими к нашему виду.—X.

[121]

42. Указ. соч., стр. 111.

[122]

43. Следует заметить, что Причард и Кемпер, а далее Блюменбах, используют здесь слово *нация* как синоним *расы*. См. Мое введение, стр. 65.—H.

[123]

44. Причард, указ. соч., стр. 115.

[124]

45. Указ. соч., стр. 117.

[125]

46. Carus, Ueber ungleiche Befähigung, etc., p. 19.

[126]

47. Указ. соч., стр. 20.

[127]

48. Поскольку мистер Гобино взял факты, представленные доктором Мортоном, из вторых рук и, более того, не имел перед собой более поздних таблиц доктора Мортон и более зрелых выводов, доктор Нотт привел краткое изложение результата, к которому пришел ученый краниолог, опубликованное им самим в 1849 году. Это резюме и ценные комментарии самого доктора Нотта можно найти в Приложении, в разделе А.—Н.

[128]

49. Я боюсь, что наш автор впал здесь в ошибку, которую опровергают его собственные факты и которая до сих пор повсеместно принимается без исследования, а именно: что культивирование может изменять форму или размер головы как у отдельных людей, так и у рас; мнение, в поддержку которого нельзя привести никаких фактов вообще. Головы варварских рас Европы были точно такими же, как у цивилизованной Европы наших дней; это доказывается извлеченными из-под земли черепами древних рас и другими фактами. Мы также не видим вокруг себя среди необразованных людей голов, уступающих по форме и размеру головам представителей более привилегированных классов. Неужели кто-нибудь претендует на то, что дворянство Англии, которое веками было образованным классом, обладает большими головами или большим умом, чем низшие слои общества? Напротив, разве большая часть талантов Англии не происходит из плебейских слоев? Везде, где цивилизация была принесена населению белой расы, они принимали ее сразу - их головы не нуждались в развитии. Там, где, напротив, она была передана неграм, монголам и индийцам, они отвергли ее. У египтян и индусов маленькие головы, но мы мало знаем о ранней истории их цивилизации. Египетские памятники доказывают, что древние люди и язык Египта были сильно пропитаны семитскими элементами. Лэтем показал, что санскритский язык был перенесен из Европы в Индию, а вместе с ним, вероятно, и цивилизация.

Я двадцать лет тщетно искал доказательства того, что совершенствование может увеличить мозг, в то время как оно расширяет разум. Голова двенадцатилетнего мальчика такая же большая, как и всегда.—Н.

[129]

50. Карус, указ. соч., стр. 12.

[130]

51. Есть несколько очень незначительных, которые, тем не менее, очень характерны. К этому числу я бы отнес определенное увеличение с каждой стороны нижней губы, которое встречается у англичан и немцев. Я нахожу это указание на германское происхождение в нескольких картинах фламандской школы, в "Мадонне" Рубенса, находящейся в Дрезденском музее, в "Сатирах и нимфах" той же коллекции, в "Лютнисте" Миериса, и т.д. Ни один краниоскопический метод не смог бы охватить такие детали, которые, однако, не лишены ценности при большом смещении рас, которое представляет Европа.

[131]

52. Причард, указ. соч., стр. 329.

[132]

53. Джоб Лудольф, чьи возможности наблюдения неизбежно должны были быть весьма несовершенными по сравнению с теми, которыми мы пользуемся в наши дни, тем не менее, очень убедительным языком и неопровержимыми аргументами — в том, что касается негров, — отстаивает мнение, принятое здесь мистером Причардом. Я не могу удержаться от того, чтобы процитировать его в этом месте, не из-за какой-либо новизны, содержащейся в его аргументах,

но чтобы показать их очень древность: "О нигредине Этиопуме, который живет ноздря в ноздю, не существует института, плерик ардорибуса солиса в горячей зоне и трибуанте. Verum etiam intra solis orbitam populi dantur, si non plane albi, saltem non prorsus nigri. Multi extra utrumque tropicum a media mundi linea longius absunt quam Persæ aut Syri, veluti pramontorii Bonæ Spei habitantes, et tamen iste sunt nigerrimi. Si Africæ tantum et Chami posteris id inspectari velis, Malabares et Ceilonii alique remotiores Asiæ populi æque nigri excipiendi erunt. Quod si causam ad cœli solique naturam referas, non homines albi in illis regionibus renascentes non nigrescunt? Aut qui ad occultas qualitates confugiunt, melius fecerint si sese nescire fateantur."—Jobus Ludolfus, Commentarium ad Historiam Æthiopicam, fol. Norimb. стр. 56.

[133]

54. Причард, указ. соч., стр. 124.

[134]

55. Причард, указ. соч., стр. 433.

[135]

56. Ни швейцарцы, ни тирольцы, ни горцы Шотландии, ни склавы Балкан, ни племена Гималаев, ни какие-либо другие горцы вообще не имеют чудовищного облика кичуа.

[136]

57. Выдающийся специалист по микроскопии, доктор Питер А. Браун из Филадельфии, опубликовал самые подробные наблюдения за волосами из всех авторов, которых я встречал; и он утверждает, что ворс негра - это *шерсть*, а не волосы. Он зашел так далеко, что различал ведущие человеческие расы по направлению, форме и структуре волос. Читатель обращается к его работам, чтобы узнать много очень любопытного, нового и ценного.—Н.

Для тех наших читателей, у которых, возможно, нет желания или возможности ознакомиться с работой м-ра Брауна, не может быть неприемлемым следующий краткий и превосходный обзор его взглядов, который я позаимствовал из Введения доктора Найленда к "Естественной истории человека" Гамильтона Смита: "При микроскопическом исследовании можно выделить три преобладающие формы поперечного сечения нити, а именно: цилиндрическую, овальную и эксцентрично-эллиптическую. Есть также три направления, в которых он проникает в эпидермис. Прямые и вялые, струящиеся или завитые, а также хрустящие или завитые, различаются соответственно углом, который нить образует с кожей при выходе из нее. Цилиндрический и овальный ворс имеет косой угол наклона. Эксцентрично-эллиптический ворс проникает в эпидермис под прямым углом и лежит перпендикулярно в дерме. Волосы белого человека овальные; у чокто и некоторых других американских индейцев цилиндрические; у негра эксцентрично-эллиптические или плоские. Волосы белого человека имеют, помимо коры и промежуточных волокон, центральный канал, который содержит красящее вещество, когда оно присутствует. Ворс негра не имеет центрального канала, и красящее вещество, когда оно присутствует, распределено либо по корковому веществу, либо по промежуточным волокнам. Согласно этим наблюдениям, волосы более сложны по своей структуре, чем шерсть. В волосах обволакивающих чешуек сравнительно немного, они гладкие, закругленные на концах и плотно охватывают стержень. В шерсти они многочисленные, грубые, заостренные и выступают из стержня. Следовательно, волосы белого человека не будут чувствоваться, в отличие от волос негра. Следовательно, в этом отношении она приближается к настоящей шерсти" —стр. 88, 89.—Х.

[137]

58. Полный ответ на это возражение можно найти в нашем Приложении, в разделе [B](#).—N.

[138]

59. Аргументы, которые можно вывести из языка Священного Писания в пользу множественности источников, см. в [Приложении C](#).—Н.

[139]

60. Among others, Frédéric Cuvier, Annales du Muséum, vol. xi. p. 458.

[140]

61. Читатель будет поражен замечательной иллюстрацией истинности этого замечания, которую дает вид лошадей. Нет необходимости указывать на огромную разницу между быстрым скакуном, который вызывает энтузиазм восхищенных толп, и обычным халтурщиком, и так же хорошо известно, что и тот, и другой, если порода будет сохранена без смешения, передадут свои отличительные качества бесчисленному потомству.—Н.

[141]

62. Свободный мулат, получивший очень хорошее образование во Франции, однажды серьезно взялся доказывать мне, что земной облик Спасителя в одно и то же время обладал характеристиками белой и черной рас; другими словами, был обликом полукровки. Аргументы, которыми он поддерживал эту необычную гипотезу, были почерпнуты из теологии, а также библейской этнологии и были удивительно правдоподобными и остроумными. Я убежден, что если бы можно было собрать реальное мнение цветных христиан по этому вопросу, то оказалось бы, что подавляющее большинство согласилось бы с моим информатором.—Х.

[142]

63. Наш автор здесь приводит свидетельство недостатка критического изучения рас — обнаруженного им сходства не существует. Ни в Африке к югу от экватора, ни среди аборигенов Америки нет типа, который имел бы какое—либо сходство с какой-либо расой в Европе или Азии.—N.

[143]

64. Müller, Handbuch der Physiologie des Menschen, vol. ii. p. 639.

[144]

65. Причард, указ. соч., стр. 484, 485.

[145]

66. Исключение, однако, должно быть сделано в случае с Шекспиром, когда он рисует на итальянском холсте. В "Ромео и Джульетте" Капулетти говорит: —

"Мое дитя все еще чужое в этом мире,
За четырнадцать лет оно не видело перемен;
Пусть еще два лета увянут в своей гордыне,
Прежде чем мы сможем считать ее зрелой для того, чтобы стать невестой".

На что Пэрис отвечает:—

"Счастливыми матерями становятся моложе, чем она".

[146]

67. По словам М. Крапфа, протестантского священника из Восточной Африки, у ванико оба пола вступают в брак в возрасте двенадцати лет. (Zeitschrift der deutschen morgenländischen

Gesellschaft, vol. iii. p. 317.) В Парагвае иезуиты установили обычай, существующий и по сей день, выдавать замуж своих неофитов - девочек в возрасте десяти лет, мальчиков - в возрасте тринадцати. В этой стране нередко можно встретить вдовцов в возрасте одиннадцати-двенадцати лет. (А. д'Орбини, "Человек Американский", том i, стр. 40.) На юге Бразилии женщины выходят замуж в возрасте десяти-одиннадцати лет. Менструации там также начинаются в очень раннем возрасте и так же рано прекращаются. (Мартинус и Спикс, Reise in Brasilien, том i, стр. 382.) Я мог бы увеличивать количество подобных цитат до бесконечности.

[147]

68. Причард, указ. соч., стр. 486.

[148]

69. Botta, Monumens de Ninive. Париж, 1850 год.

[149]

70. Эдинбургское обозрение, "Этнология, или Наука о расах", октябрь 1844 г., стр. 144, *et passim*. "Вероятно, нет доказательств первоначального расового разнообразия, на которое так широко и без колебаний полагались бы, как на то, что вытекает из *цвета кожи* и *характера волос*; ... но мы думаем, что они не выдержат испытания серьезным исследованием. ... Среди кабиллов Алжира и Туниса, туаритов Сахары, шелахов или горцев Южного Марокко и других людей той же расы существуют очень значительные различия в цвете лица". (стр. 448.)

[150]

71. Там же, цит. по изданию, стр. 453. "Доктор Дэви описывает чингалезцев как людей разного цвета от светло-коричневого до черного, преобладающий оттенок их волос и глаз черный, но карие глаза и каштановые волосы не так уж редки; иногда встречаются серые глаза и рыжие волосы, хотя и редко, а иногда светло-голубые или красные глаза и льняные волосы альбиноса".

[151]

72. Там же, цит. по. "Самоеды, тунгусы и другие народы, живущие на берегах Ледяного моря, имеют грязно-коричневый или смуглый цвет лица".

[152]

73. Эдинбургское обозрение, стр. 439.

[153]

74. Hammer, Geschichte des Osmanischen Reiches, vol. i. p. 2. (History of the Ottoman Empire.)

[154]

75. Ritter, Erdkunde Asien, vol. i. p. 433, *et passim*, p. 1115, etc. Лассен, "Время знаний о Моргенландии", том ii. стр. 65. Бенфей, Энциклопедия Эрша и Грубера, Индия, стр. 12. Александр фон Гумбольдт, говоря об этом факте, называет его одним из важнейших открытий нашего времени. (Asie Centrale, том ii. стр. 649.) Что касается его влияния на историческую науку, то ничто не может быть более верным.

[155]

76. Нуширван, правление которого приходится на первую половину шестого века нашей эры, женился на Шаруз, дочери турецкого хакана. Она была самой красивой женщиной своего времени. (Haneberg, Zeitschr. f. d. K. des Morgenl., vol. i. p. 187.) Это ни в коем случае не единичный пример; Шахнаме приводит ряд подобных примеров.

[156]

77. Скифы, хотя и усвоили язык арийских классов, были, тем не менее, монгольской нацией; поэтому не было бы ничего удивительного, если бы оргусы были арийской нацией, хотя и говорившей на финском диалекте. Эта гипотеза подтверждается отрывком из рассказов путешественника Рубруки, который был направлен Людовиком Святым в качестве посла к монгольскому государю. "Я был поражен, - говорит достойный монах, - сходством принца с покойным *месье Джоном де Бомоном*, чье лицо было таким же свежим и румяным". Александр Фон Гумбольдт, справедливо заинтересованный этим замечанием, добавляет: "Это физиогномическое наблюдение приобретает важность, когда мы вспоминаем, что монарх, о котором здесь говорится, принадлежал к семье Чингизов, которые на самом деле были турецкого, а не монгольского происхождения". И, идя по этому следу, великий *ученый* находит еще один подтверждающий факт: "Отсутствие монгольских черт, - говорит он, - поражает нас также на имеющихся у нас портретах Бабуридов, завоевателей Индии". (*Asie Centrale*, том i, стр. 248, и примечание.)

[157]

78. Можно видеть, что г-н Гобино отличается датой учреждения янычар, которую он приводит, от всех других европейских авторов, которые единодушно приписывают создание этого корпуса Мураду I, третьему принцу из рода Османов. Эта ошибка, в которую впал сам Гиббон, возникла из-за Кантемира: но совпадающие свидетельства всех турецких историков относят эпоху их образования и посвящения дервишем Хаджи-Бекташем ко времени правления Орхана, отца Мурада, который в 1328 году записал в солдаты группу христианских юношей под этим именем (что означает "новые регулярные войска") по совету своего двоюродного брата Чендерли, советам которого в основном приписываются мудрые и простые правила молодой империи. Сначала их число составляло всего тысячу; но оно значительно увеличилось, когда Мурад в 1361 году своим указом назначил на эту службу *императорскую пятую* часть европейских пленников, взятых на войне, — мера, которую обычно путают с первым набором в корпус. При восшествии на престол Солимана Великолепного их реальная численность достигла 40 000 человек; а при Мухаммеде IV, в середине семнадцатого века, это число было более чем удвоено. Но хотя первоначальный состав янычар описывается каждым писателем, писавшим о них, не было столь широко замечено, что на протяжении более чем двух с половиной столетий ни один турок—уроженец не был принят в их ряды, которые набирались, как и у мамлюков, исключительно за счет постоянных поставок рабов-христиан, сначала пленников нежного возраста, захваченных на войне, а впоследствии, когда этого источника оказалось недостаточно для удовлетворения возросшего спроса, за счет ежегодного сбора с детей низших слоев христиан по всей империи - ужасного налога, на который часто ссылаются христиане. Бусбекиус, и который окончательно не прекращался вплоть до правления Мухаммеда IV.

В более поздний период, когда крымские татары стали вассалами Порты, ежегодные набеги свирепой кавалерии этого народа в южные провинции России сыграли главную роль в пополнении этого рассадника солдат; и Флетчер, который был послом королевы Елизаветы к Ивану Грозному, своим причудливым языком описывает метод, применявшийся при этих грабежах: "Главное, к чему стремятся татары во всех своих войнах, - это запастись пленными, особенно молодыми мальчиками и девушками, которых они продают военным". Турки или другие их соседи. С этой целью они берут с собой большие корзины, сделанные наподобие корзин для выпечки, *чтобы бережно нести их*; и если кто-нибудь из них заболевает по дороге

шиной или пчелиной болезнью, они швыряют его о землю или какое-нибудь дерево и таким образом оставляют умирать ". ("Пилигримы Пурчаса", том iii, стр. 441.)

Мальчики, набранные таким образом из разных источников, были собраны в Константинополе, где после общей проверки те, чьи личные достоинства или признаки выдающегося таланта выделяли их из толпы, были распределены в качестве пажей сераля или мамелюков в домах пашей и других офицеров, откуда в должное время они были повышены до военных командиров или других назначений; но остальная масса была отдана на попечение крестьян или ремесленников турецкой расы, главным образом в Анатолии, у которых они обучались, пока не достигли зрелого возраста, в армии. догматы мусульманской веры и приученный ко всем лишениям и трудностям тяжелой жизни. После этого сурового испытания они были снова переведены в столицу и зачислены в различные *odas* или полки; и здесь началось их военное образование.—Н.

[158]

79. Erdkunde, Asien, vol. i. p. 448.

[159]

80. Этнология и др., стр. 439: "Венгерское дворянство ... историческими и филологическими свидетельствами доказано, что он был ветвью великого североазиатского племени, тесно связанного по крови с глупыми и слабыми остиаками и неукротимыми лапландцами".

[160]

81. Святой Стефан правил около 1000 года, почти через полтора столетия после первого нашествия мадьяр, под предводительством их вождей Арпада и Зульты. Он внедрил христианство среди своего народа, за что был канонизирован и теперь является святым-покровителем своего народа. Большинству наших читателей, возможно, неизвестно, что мадьяры, хотя они уже почти тысячу лет проживают в Венгрии, за немногими исключениями никогда не занимались обработкой земли. Сельское хозяйство и по сей день остается почти исключительно в руках коренного населения (Slowack или Sclavonian). Богатство мадьяра заключается в его стадах, или, если он владеет землей, то слоупаки обрабатывают ее для него. Станным явлением является то, что эти две расы, хотя и исповедуют одну и ту же религию, почти полностью не смешались, и каждая до сих пор сохраняет свой собственный язык.—Х.

[161]

82. Essai Historique sur l'Origine des Hongrois. Париж, 1844 год.

[162]

83. Похоже, что отныне мы будем вынуждены значительно изменить наши обычно принятые мнения относительно народов Центральной Азии. Теперь уже нельзя сомневаться в том, что многие из этих популяций содержат очень значительную примесь белой крови, факт, о котором наши предшественники при изучении истории не имели ни малейшего представления. Александр фон Гумбольдт делает очень важное замечание по этому поводу, говоря о киргизах-казаках, упомянутых Менандром Византийским и Константином Багрянородным; и он убедительно показывает, что киргизка (*херхис*) наложница, о которой упоминает первый автор, как подарок турецкого вождя Дитубула Земарху, послу Юстиниана II., в 569 году н.э., была девушкой смешанной крови — частично белой. Она - точная копия тех прекрасных турецких девушек, чьи прелести так высоко превозносят персидские писатели, и которые так же, как и она, принадлежали к монгольской расе. (Смотрите Центральную азию, том i, стр. 237, *et passim*, и том ii, стр. 130, 131.)

[163]

84. Schaffarick, Slawische Alterthümer, vol. i. p. 279, *et passim*.

[164]

85. Август. Thierry, Histoire de la Conquite de l'Angleterre. Париж, 1846, том i, стр. 155.

[165]

86. В моем вступительном примечании к главам VIII. и IX. (см. [стр. 244](#)), я упомянул замечательный пример постоянства характеристик даже у ветвей одной и той же расы. Не менее, если не более яркую иллюстрацию этого факта приводит Алекс. Von Humboldt.

Хорошо известно, что население Испании состоит из очень непохожих этнических элементов и что жители различных ее провинций существенно различаются не только по внешнему виду, но еще больше по ментальным характеристикам. Как и во всех недавно заселенных странах, иммигранты из одной и той же местности склонны выбирать одно и то же место, обширные испанские владения на этом континенте были колонизированы, каждое соответственно, какой-то определенной провинцией метрополии. Так, бискайцы заселили Мексику; андалузцы и уроженцы Канарских островов - Венесуэлу; каталонцы - Буэнос-Айрес; кастильцы - Перу и т. Д. Хотя со времени этих первоначальных поселений прошли столетия и хотя характер испаноамериканцев, должно быть, претерпел различные изменения в зависимости от физической природы их новых домов, расположенных ли поблизости от побережья, или в районах добычи полезных ископаемых, или на изолированных плоскогорьях, или в плодородных долинах, несмотря на все это, великий путешественник и опытный наблюдатель все еще ясно распознает в характере различных популяций Южной Америки отличительные особенности первых поселенцев. Он говорит: "Андалузцы и канарцы Венесуэлы, горцы и бискайцы Мексики, каталонцы Буэнос-Айреса обнаруживают значительные различия в своих способностях к сельскому хозяйству, механическим искусствам, торговле и ко всему, что связано с интеллектуальным развитием. *Каждая из этих рас сохранила, как в новом, так и в старом свете, оттенки, составляющие ее национальную физиономию*; ее резкость или мягкость характера; ее свободу от низменных чувств или чрезмерную любовь к наживе; ее общественное гостеприимство или вкус к одиночеству. ... В жителях Каракаса, Санта-Фе, Кито и Буэнос-Айреса мы все еще узнаем черты, присущие расе первых поселенцев". — Личное повествование, англ. Пер., т. i, с. 395.—X.

[166]

87. Я уже упоминал о классификации, принятой м-ром Лэтемом, великим этнографом, которая, хотя и отличается по обозначениям, в точности аналогична классификации м-ра Гобино. Гамильтон Смит также приходит к выводу, что "поскольку существует только три разновидности, достигающие типичного стандарта, мы имеем в виду, что это число является исключительно аборигенным". Поэтому он делит человеческие расы на три класса, которые он называет "типическими формами" и которые почти соответствуют "основным разновидностям" г-на Гобино и г-на Лэтема. Но, несмотря на весь вес авторитетов против меня, я не могу полностью согласиться с правильностью этой классификации. Мне кажется, что против предложенного Ван Амринджем возражений меньше, и я рекомендую их вниманию читателя, и, хотя, возможно, они неуместны в простом примечании, приведу их полностью. Следует помнить, что автор этой системы, хотя он и использует слово "виды" для разграничения различных групп, является одним из сторонников *единства происхождения*. (Слова *яфетический* и *семитский* также употребляются в смысле, несколько отличном от того, который им придает обычное употребление.)

ШЕМИТСКИЙ ВИД.

Содержание

Психический или Духовный характер, а именно:—

Все Физические атрибуты развиты гармонично.—Воинственный, но не жестокий и не разрушительный.

Темперамент.—Напряженный.

Физические характеристики, а именно:—

Высокая степень чувствительности; светлый цвет лица; густые, мягкие, ниспадающие волосы, часто завитые или развевающиеся; пышная борода; маленькое, овальное, перпендикулярное лицо с очень четкими чертами; расширенный лоб; большой и приподнятый череп; узкий приподнятый нос, отличный от других черт; маленький рот и тонкие губы; подбородок, круглый, полный и несколько выступающий, обычно на одном уровне с губами.

РАЗНОВИДНОСТИ.

Израильтяне, греки, римляне, германцы, славяне, кельты и т. Д. и многие другие разновидности.

ЯФЕТИЧЕСКИЙ ВИД.

Содержание

Психический или Духовный Характер, а именно:

неодинаково развитые атрибуты. Умеренно интеллектуальный, изобретательный, но не спекулятивный. Не воинственный, но разрушительный.

Темперамент.—Пассивный.

Физические характеристики, а именно:—

Средняя чувствительность; оливково-желтый цвет лица; волосы тонкие, жесткие и черные; почти нетбороды; широкое, приплюснутое и треугольное лицо; высокий, пирамидальной или квадратной формы череп; лоб маленький и низкий; широкий и не очень нос, особенно широкий у основания; линейные и высоко изогнутые брови; очень раскосые глаза, большие, неправильной формы и полузакрытые, верхнее веко немного выступает за нижнее; толстые губы.

РАЗНОВИДНОСТИ.

Китайцы, монголы, японцы, индейцы племени чин и т.д. и, вероятно, эскимосы, тольтеки, ацтеки, перуанцы.

РАЗНОВИДНОСТЬ ИЗМАИЛИТОВ.

Содержание

Психический или Духовный Характер, а именно: —

Атрибуты, обычно одинаково развитые. Умеренно умственный; не изобретательный, а умозрительный; бродячий, хищный, мстительный и чувственный. Воинственный и в высшей степени разрушительный.

Темперамент.—Черствый.

Физический характер. Чувствительность ниже среднего; смуглая кожа, более или менее красная или с медным оттенком; волосы черные, прямые и крепкие; лицо широкое, непосредственно под глазами; высокие скулы; нос выдающийся и отчетливый, особенно в профиль; рот и подбородок европейские.

РАЗНОВИДНОСТИ.

Большинство татарских и арабских племен и все американские индейцы, за исключением тех, которые упоминаются во втором виде, должны быть исключены.

ХАНААНСКИЙ ВИД.

Содержание

Психический или Духовный Характер, а именно:—

Атрибуты в равной степени неразвиты. Неполноценно мыслящий; не изобретательный и не спекулятивный; бродячий, мстительный, хищный и очень чувственный; воинственный и разрушительный.

Темперамент.—Вялый.

Физический характер. Вялая чувствительность, приближающаяся к оцепенению; смуглая или черная кожа; волосы черные, обычно лохматые; череп сжат с боков, узкий у лба, который наклонен назад; скулы очень выступающие; челюсти выступающие; зубы расположены косо, а подбородок отступает, образуя профиль в форме морды; нос широкий, плоский и сливается с лицом; глаза выпуклые; губы толстые.

РАЗНОВИДНОСТИ.

Негры Центральной Африки, готтентоты, кафиры, австралийские негры и т. Д.; И, вероятно, малайцы и т. Д.

Физ. История. о человеке, стр. 73 *et passim*.

Если читатель внимательно изучит психические характеристики этих групп, приведенные в приведенном выше отрывке, он обнаружит, что они лучше согласуются со всеми теориями м—ра Гобино, чем с собственной классификацией м-ра Гобино.-Н.

[167]

88. Вероятно, это типографская ошибка, которая заставляет г-на Флоуренса (Eloge de Blumenbach, стр. 11) говорить, что полинезийская раса была "смесью двух других, *кавказской* и *монгольской*". Черное и монгольское - это, несомненно, то, что хотел сказать ученый Академик.

[168]

89. Это может быть так в наших глазах. Для нас естественно считать наиболее приятными внешне тех, кто ближе всего к нашему типу. Но если бы африканец установил сравнительную шкалу красоты, разве он не поставил бы свою собственную расу выше всех и не заявил бы, что "все расы поднимаются по шкале красоты пропорционально совершенству развития" африканских черт? Я считаю это чрезвычайно вероятным — нет, положительно определенным.
- Мистер Гамильтон Смит занимает ту же сторону, что и автор. "Ошибочно полагать, - говорит он, - что стандартные представления о красоте и формах существенно различаются в любой стране. Мода может оказывать влияние, выдавая определенные уродства за совершенства, как в

Пекине, так и в Париже, но национальная гордость неизменно извиняет свои собственные недостатки. Юная красавица Кантона была бы красива (?) в Лондоне" и т.д.

М-р Ван Амриндж, напротив, после тщательного изучения фактов, выявленных путешественниками и другими исследователями, приходит к выводу, что "стандарты красоты у разных видов (см. [стр. 371](#), [примечание](#)) человека совершенно различны физически, морально и интеллектуально. Следовательно, этот вкус к личной красоте у каждого вида несовместим с восприятием сексуальной красоты вне этого вида". (Op. cit., стр. 656.) "Различие вкусов к сексуальной красоте у нескольких человеческих рас является великим естественным законом, который способствовал их разделению и сохранению различий более эффективно, чем горы, пустыни или океаны. Это разделение было совершенным на протяжении всего исторического периода и продолжает оставаться таким же широким, каким оно было у любых отдельных видов животных. Почему это было так? Действовали ли предрассудки четыре тысячи лет назад точно так же, как сейчас? Если это не так, то как получилось, что расы разделились на отдельные массы в самый ранний известный период и, добровольно или насильно, заняли отдельные географические районы обитания?" (Там же, стр. 41 и 42.)—X.

[169]

90. Это неравенство не становится ни менее значительным, ни менее постоянным, если мы предположим, что у каждого типа есть свой собственный стандарт. Более того, если верно последнее, то это признак более *радикального* различия между расами.—X.

[170]

91. Upon the aborigines of America, consult Martius and Spix, Reise in Brasilien, vol. i. p. 259; upon the negroes, Pruner, Der Neger, eine aphoristische Skizze aus der medicinischen Topographie von Cairo. Что касается превосходства в мускульной силе над всеми другими расами, см. Carus, Ueber ungl. Bef., стр. 84.

[171]

92. Поскольку мы сейчас находим китайцев явно неподвижными, многие люди бездумно заключают, что они всегда были такими; что предполагает, что китайцы были поселены на земле со способностью изготавливать фарфор, порох, бумагу и т.д., Чем-то наподобие того, как пчелы строят свои ячейки. Но в летописях китайской империи четко зафиксированы даты многих из их главных изобретений. У этого уникального народа был длительный период активной интеллектуальной деятельности, период, в течение которого были написаны хорошие книги и в быстрой последовательности были сделаны гениальные изобретения. Этот период закончился, но китайцы, следовательно, не стоят на месте. Они *отступают*. Ни один китайский мастер не может сейчас изготовить фарфор, равный фарфору прошлых эпох, который, следовательно, стоит непомерно дорого как предмет *добродетели*. Секреты многих из их искусств были утрачены, практика всех постепенно приходит в упадок. За эти сотни лет в этой великой империи не было написано ни одной сколько-нибудь значимой книги. Отсюда их страстная привязанность ко всему старому, которая не является, как принято считать, *причиной* их застоя: это *признак* интеллектуального упадка и тормоз, препятствующий еще более быстрому спуску. Всякий раз, когда нация начинает чрезмерно ценить произведения предыдущих эпох, это признание того, что она больше не может с ними сравняться: она начала отступать. Но сам регресс является доказательством того, что когда-то существовало противоположное движение.

[172]

93. Страшные сцены крови, свидетелями которых было начало нашего столетия, переполняли больницы ранеными и умирающими. Профессиональные медсестры мало чем могли помочь после сражений, подобных сражениям при Йене, Эйлау, Фельдбахе или Лейпциге. Именно тогда в Северной Германии тысячи женщин из первых семейств пожертвовали своим здоровьем, а во многих случаях и жизнью, ради христианского долга милосердия. Многие благородные дома до сих пор оплакивают потерю какой-нибудь прекрасной матроны или девушки, павшей жертвой своей самоотверженности. В последней войне между Данией и Пруссией датские дамы проявили не меньшее рвение. Скутари также будут помнить в последующие века как памятник того, на что способны женщины нашей расы. Но зачем возвращаться к прошлому и к далеким сценам? Разве мы ежедневно не находим вокруг себя доказательств того, что героические добродетели ушедших эпох все еще живут в нас?
[173]
94. Слово *критика* здесь использовано переводчиком в смысле, несколько необычном для английского языка, где оно обычно используется для обозначения "искусства оценки литературных или художественных произведений". В более широком смысле это означает *искусство различать истину и заблуждение*, или, скорее, возможно, между *вероятным и невероятным*. В этом смысле это слово часто используется континентальными метафизиками, а также, хотя и реже, английскими писателями. Поскольку определение полностью соответствует этимологии, я решил оставить приведенный выше отрывок таким, какой он есть.—Н.
[174]
95. Следует помнить, что г—н Гобино говорит о Европе.—Х.
[175]
96. Термин "Радикальный" используется на европейском континенте для обозначения той партии, которая желает основательных, бескомпромиссных реформ: вырывания зла с *корнем*.—Н.
[176]
97. Принципы правления, применявшиеся на практике при формировании нашей Конституции, г-н Гобино считает идентичными тем, которые были заложены в начале каждого общества, основанного германской расой. В последующих томах он упоминает несколько аналогов.—Н.
[177]
98. М. Дж. Мохл, Ежегодный отчет Азиатского общества, 1851, стр. 92: "Индийская книжная торговля произведениями коренных народов чрезвычайно оживлена и состоит из ряда произведений, о которых никогда не слышали в Европе и которые никогда не попадут в библиотеку европейца даже в Индии. Мистер Спрингер утверждает в письме, что в единственном городе Лукнау есть тринадцать литографических заведений, занимающихся исключительно размножением книг для школ, и он приводит список книг значительного объема, ни одна из которых, вероятно, никогда не поступала в Европу. То же самое происходит в Дели, Агре, Канпуре, Аллахабаде и других городах".
[178]
99. Сиамцы, вероятно, самые падшие в нравственном отношении из всех народов на земле. Они принадлежат к самым отдаленным окраинам индокитайской цивилизации, и все же среди них каждый умеет читать и писать. (Ritter, Erdkunde, Asien, vol. iii. p. 1152.)
[179]

100. Ни один индивид не может охватить весь круг человеческих знаний: ни одна цивилизация не включает в себя сразу все усовершенствования, возможные для человечества.—Х.

[180]

1. Слово *араб* здесь используется вместо более распространенного, но менее корректного термина *сарацин*, которым греки и латиняне называли первых распространителей ислама. Арабская цивилизация достигла своей кульминации во времена правления Харуна аль-Рашида. В то время она включала в себя почти все, что осталось от искусств и наук прошлых эпох. Великолепие, которым он отличался, до сих пор является темой романистов и поэтов; и по сей день его можно разглядеть в чувственном и роскошном образе жизни высших классов в тех странах, где он все еще сохранился, а также в остатках арабской архитектуры в Испании, наиболее сохранившимся и красивым из которых является хорошо известная Альгамбра. Хотя арабская цивилизация имела явно чувственную направленность и характер, она принесла человечеству немалую пользу. От нее наши предки научились некоторым ценным секретам сельского хозяйства и первым урокам садоводства. Персик, груша, абрикос, лучшие сорта яблок и слив и почти все наши самые ценные фрукты были завезены в Западную и Центральную Европу вернувшимися крестоносцами из земли сарацин. Многие ценные производственные процессы, и особенно искусство обработки металлов, происходят из того же источника. В медицинской науке арабы заложили фундамент той благородной структуры, которой мы сейчас восхищаемся. Хотя религиозные соображения не позволяли им препарировать человеческое тело и, следовательно, они оставались в неведении относительно важнейших фактов анатомии, они раскрыли бесчисленные секреты целебных свойств растительного царства; они первыми овладели искусством дистилляции и химического анализа. Они были новичками в науке химии, которой они дали название и в которой многие из самых распространенных технических терминов (таких как щелочь, перегонный куб, спирт и многие другие) до сих пор свидетельствуют об их трудах. В математических науках они были не менее трудолюбивы. Им мы обязаны тем простым и полезным методом, который так сильно облегчает более сложные процессы вычислений, без которого, действительно, некоторые из них были бы невозможны, и который до сих пор сохраняет свое арабское название — Алгебра. Но более того, им мы обязаны нашей системой счисления, настолько превосходящей греческую и римскую, настолько замечательной по своей эффективности и простоте, что она сделала арифметику доступной для самого скромного понимания; в настоящее время весь христианский мир пользуется арабскими цифрами.—Н.

[181]

2. Многие предполагают, что Турция в конечном итоге будет завоевана нашей цивилизацией, и в качестве доказательства этого большое значение придается усилиям нынешнего султана, а также его предшественника по "европеизации" турок. Всякий, кто внимательно и непредвзято изучал нынешнее состояние этой нации, знает, насколько безуспешными были и всегда будут эти усилия, хотя они и были подкреплены абсолютным авторитетом и огромным влиянием всей Западной Европы. Общеизвестно, что турки сражаются менее хорошо в своей полуевропейской одежде и со своей европейской тактикой, от которой так много ожидали, чем со своей собственной. Мусульманин теперь относится к христианину с теми же чувствами, что и в зените своего могущества, и эти чувства не становятся менее горькими оттого, что их больше нельзя так демонстративно демонстрировать.—Х.

[182]

3. Арабы считали себя потомками Измаила, сына Агари. Эта вера еще до времен Мухаммеда странным образом смешивалась с идолопоклонническими доктринами некоторых из их племен.—Х.

[183]

4. *Филипп*, арабский авантюрист, который был префектом преторианской гвардии при третьем Гордиане и который благодаря своей смелости и способностям сменил этого монарха на троне в 244 году н.э.—Н.

[184]

5. *Оденат*, сенатор Пальмиры, после того, как Сапор, царь Персии, взял в плен римского императора и опустошил империю, встретил безжалостного завоевателя отрядом пальмирцев и несколько раз разгромил его гораздо более многочисленные армии. Будучи единственным, кто мог защитить восточные владения Римской империи от агрессии персов, он был назначен *цезарем*, или коадьютором императора, Галлиеном, сыном плененного государя Валериана.—Н.

[185]

6. История *Зенобии*, царицы Востока, как она себя называла, и одного из самых интересных персонажей в истории, хорошо известна. Поэтому, как и в предыдущих заметках, я просто привлеку внимание к знакомым фактам с целью освежить память читателя, а не проинструктировать его.

Знаменитая арабская царица была вдовой Одената из Пальмиры, который завещал ей свое достоинство *цезаря*, или защитника восточных владений Рима. Вскоре, однако, стало очевидно, что она презирала присягу римским императорам и стремилась основать новую великую империю для себя и своих потомков. Хотя она была самой образованной и самой красивой женщиной своего времени, она лично руководила своими армиями и была настолько успешна в своих военных предприятиях, что вскоре расширила свои владения от Евфрата до Нила. Таким образом, Пальмира стала центром и столицей огромной империи, которая, как отмечает г-н Гобино, соперничала с самим Римом и даже угрожала ему. Однако она потерпела поражение от Аврелиана и в 273 году нашей эры украсила триумфом своего победителя его возвращение в Рим.

О былом великолепии ныне опустевшей Пальмиры свидетельствуют великолепные руины, которые до сих пор являются неиссякаемой темой для восхищения путешественников и антикваров.—Н.

[186]

7. Хотя основная масса народа не знала грамоты, у арабов уже до времен Мухаммеда было несколько известных писателей. Они даже совершали открытия, в ходе которых добирались до Китая. Самое раннее и, как доказали современные исследования, наиболее правдивое описание нравов и обычаев этой страны принадлежит арабским писателям.—Х.

[187]

8. Во времена появления лжепророка Аравия содержала в своих недрах все известные тогда религиозные секты. Это объяснялось не только центральным положением этой страны, но и свободой, которая тогда, как и сейчас, была прерогативой арабов. Среди них каждый был волен выбирать или сочинять для себя свою собственную религию. В то время как соседние страны сотрясались от бурь завоеваний и тирании, преследуемые секты бежали в счастливую страну, где они могли исповедовать то, что думали, и практиковать то, что исповедовали.

Религиозные преследования изгнали из Персии многих, кто исповедовал религию древних магов. Евреи также были первыми поселенцами в Аравии. За семь столетий до смерти Мухаммеда они прочно обосновались там. Разрушение Иерусалима привело к появлению еще большего числа этих трудолюбивых изгнанников, которые сразу же возвели синагоги и, чтобы защитить быстро нажитое богатство, построили сильно укрепленные города в различных частях дикой местности и разместили там гарнизоны. Библия в то время была переведена на арабский язык. Недостатка в христианских миссионерах не было, и их активное рвение было в высшей степени успешным. Несколько арабских племен стали новообращенными. В Йемене были христианские церкви; государства Хира и Гассан находились под юрисдикцией якобитских и несторианских епископов. Различные еретические секты нашли приют и безопасность среди гостеприимных арабов. Но сам этот факт оказался пагубным для прогресса христианской религии и открыл путь для вероучения Мухаммеда. Так многочисленны и разнообразны были христианские секты, которые теснились в этой стране, и некоторые из них так сильно отошли от истинного духа христианства, что между ними возникла ожесточенная вражда, и их религия стала предметом презрения. Восточные христиане седьмого века незаметно скатились к подобию язычества, одна из сект (еретики-коллиридианцы) даже зашла так далеко, что наделила деву Марию именем и почестями богини. Именно на это ссылается автор, говоря, что христианство теряло популярность в Аравии во время появления Мухаммеда.—X.

[188]

9. Изучающий церковную историю знает, какое количество сект возникло примерно в то время, чтобы огорчать и преследовать Церковь. Однако не столь широко признается тот факт, что в течение первых ста лет прогресс исламизма шел почти исключительно за счет христианства. Вся нынешняя Османская империя, и почти все северное побережье Африки ранее были христианскими странами. Я не знаю, стоит ли сильно сожалеть об этой потере, ибо сирийцы и египтяне из очень равнодушных христиан превратились в добрых мусульман. Эти группы населения были для христианской церкви подобны пораженной язвами конечности, отсечение которой, возможно, было предопределено премудрым Провидением для спасения того, что еще оставалось здоровым в теле.—X.

[189]

10. W. Von Humboldt. Ueber die Karo-Sprache, Einleitung, p. 243. "Durch die Richtung auf diese Bildung und durch innere Stammes-verwandschaft wurden sie wirklich für griechischen Geist und griechische Sprache empfänglich, da die Araber vorzugsweise nur an den wissenschaftlichen Resultaten griechischer Forschung hiengen."

[190]

11. Я без колебаний считаю безошибочным признаком интеллектуальной неполноценности чрезмерное развитие инстинктов, характерное для некоторых дикарей. Совершенство, которого достигают некоторые из их органов чувств, не может не происходить за счет способностей к рассуждению. Ознакомьтесь по этому поводу с мнением г-на Лекса де Папу в мемуарах, включенных в десятый том "Анналов естественных наук".

[191]

12. "Обоняние и вкус негра столь же сильны, сколь и невыбирающи. Он ест все, и у меня есть веские основания утверждать, что запахи, наиболее неприятные для нас, ему положительно приятны". (Прунер, Соч., т. i, стр. 133.)

Утверждения мистера Прюнера, я думаю, подтвердились бы каждым, кто много прожил среди негров. Общеизвестно, что чернокожие на наших южных плантациях поедают всех животных,

которые им попадаются. Я видел, как они с явным удовольствием обсуждали кусок лисицы или еще более ароматную полярную кошку. Более того, однажды я знал группу негров, которые целую неделю лакомились аллигатором, в течение этого времени обменивая свою порцию мяса на безделушки. Когда я выразил удивление по поводу столь необычного угощения, меня заверили, что в нем нет ничего необычного; что это любимое блюдо негров на их родине, и что даже здесь они часто убивают их в предвкушении вкусного жаркого или рагу. Я знаю, что некоторые люди к северу от линии Мейсона и Диксона могли бы объяснить это утверждением, что голод довел их до таких крайностей; но я могу засвидетельствовать, исходя из моих собственных наблюдений, что это не так. В упомянутых мною случаях и во многих других, которые слишком отвратительны, чтобы их можно было запечатлеть на бумаге, пирующих хорошо кормили, и, очевидно, они сами выбрали такой пир. В Южных Штатах есть много бедного белого населения, которое не так хорошо одето и не так хорошо питается, как эти негры, и все же я никогда не слышал, чтобы они прибегали к таким блюдам.

Что касается пристрастия негров к запахам, я менее компетентен говорить на основании собственных наблюдений, но почти в каждом описании нравов его родных краев, которое я читал, упоминался факт их обмазывания сильно пахнущей мускусом жидкостью, выделяемой многими животными — например, аллигатором. И я помню, как лесные жители Юга говорили, что, в то время как белый человек избегает хоря больше, чем гремучей змеи, и сделает значительный круг, чтобы убраться с его пути, негр почти не боится этого грозного животного и его отвратительного оружия. —X.

[192]

13. Это проиллюстрировано многими их практиками в их естественном состоянии. Например, хорошо известный обычай умерщвлять при кончине какого-нибудь принца или великого человека определенное количество его рабов, соответствующее рангу умершего, чтобы они могли прислуживать ему в потустороннем мире. Сотни несчастных часто подвергаются таким образом массовому убийству на похоронных торжествах в честь какого-нибудь короля или правительницы. И все же было бы несправедливо называть негра свирепым или жестокосердным. Это просто доказывает, как мало он ценит человеческую жизнь. —X.

[193]

14. В негре есть черствость, которая разительно отличает его от белых, хотя ею, возможно, в равной степени обладают и другие расы. Я беру взаймы у природы мистера Ван Амринджа. История. что касается Человека, то несколько замечаний по этому поводу доктора Мозли в его Трактате о тропических болезнях: "Негры, - говорит Доктор, - каковы бы ни были причины, в удивительной степени лишены чувствительности (физической). Они не подвержены нервным заболеваниям. Они крепко спят при любой болезни, и никакие психические расстройства никогда не мешают им бодрствовать. Они переносят хирургические операции намного лучше, чем белые люди, и то, что было бы причиной невыносимой боли для белого человека, негр почти не обратил бы внимания. Я ампутировал ноги многим неграм, которые сами держались за верхнюю часть конечности". Каждый плантатор с юга и каждый врач с опытом работы на Юге могли бы засвидетельствовать эти факты. —X.

[194]

15. Полагая, что некоторым нашим читателям, возможно, будет небезынтересно ознакомиться с мнениями о негре другого европейского писателя, помимо г-на Гобино, я привожу следующий отрывок из "Путешествий г-на Чуди по Южной Америке". Г-н Чуди - швейцарский натуралист с несомненной репутацией, опытный наблюдатель-философ и искренний искатель истины. Его

мнение несколько резче, чем могло бы быть у человека, всю свою жизнь прожившего среди представителей этого класса, но, тем не менее, оно содержит некоторые ценные истины и, по крайней мере, любопытно из-за источника, откуда оно исходит.

"В Лиме, как, впрочем, и во всем Перу, свободные негры являются чумой для общества.

Слишком ленивые, чтобы прокормить себя тяжелым трудом, они с готовностью прибегают к любым нечестным способам добывания денег. Почти все грабители, наводняющие дороги на побережье Перу, - свободные негры. Нечестность, по-видимому, является частью самой их натуры; и, более того, все их вкусы и склонности грубы и чувственны. Многие горячие защитники оправдывают эти качества, приписывая их недостатку образования, воспоминаниям о рабстве, духу мести и т.д. Но я здесь говорю о свободнорожденных неграх, которых принимают в дома богатых семей, которые с раннего детства получают такое же хорошее образование, какое выпадает на долю многих белых креолов, — с которыми обращаются по-доброму и щедро вознаграждают, и все же они ничем не отличаются от своих полудиких собратьев, лишенных этих преимуществ. Если негр научился читать и писать и благодаря этому немного продвинулся в образовании, он превращается в самодовольного хлыща, который, вместо того чтобы грабить проезжих на большой дороге, находит в городской жизни сферу для проявления своих порочных наклонностей. ... Мое мнение таково, что негры в отношении способности к умственному совершенствованию далеко отстают от европейцев; и что, взятые в совокупности, они не достигнут, даже при преимуществах тщательного образования, очень высокой степени культивирования. Это видно по строению черепа, от которого зависит развитие мозга и которое у негров близко к животной форме. Способность обезьяны к подражанию высоко развита у негра, который с готовностью схватывает все, что является чисто механическим, в то время как вещи, требующие интеллекта, находятся вне его досягаемости. Чувственность - это импульс, который управляет мыслями, поступками, всем существованием негров. Для них свобода может быть только номинальной, ибо если они ведут себя хорошо, то это потому, что их вынуждают, а не потому, что они склонны к этому. В этом заключается одновременно и причина, и извинение их дурного характера". (Путешествия по Перу, Лондон, 1848, стр. 110, *et passim*.) —X.

[195]

16. Отвратительная моральная деградация некоторых ветвей нашего вида хорошо известна изучающим антропологию, хотя по очевидным причинам деталям такого рода не может быть места в книгах, предназначенных для широкого читателя.—X.

[196]

17. Поскольку многие термины современной этнографии еще не вошли в словари, я предложу краткое объяснение значения этого слова для тех читателей, которые не обратили особого внимания на эту науку.

Слово "арийский" происходит от *Aryas* или *Ἀριοι*, соответственно коренного и греческого обозначения древних мидян, и применяется к расе или, скорее, семейству рас, первоначальный этнологический ареал которых еще точно не определен, но которые постепенно распространились из центра Азии к устью Ганга, на Британские острова и северные оконечности Скандинавии. К этой семье рас принадлежат, среди прочих, древние мидяне и персы, белые завоеватели Индии (ныне образующие касту брахманов), и *германские расы*. Всю эту группу часто называют индоевропейской. Сходство между греческим и немецким языками долгое время было интересным вопросом для филологов; но Шлегель, я полагаю, был первым, кто обнаружил тесную связь между этими двумя и санскритом, и он применил ко всем трем и их побочным ветвям название *индогерманских* языков. Это открытие привлекло внимание как

филологов, так и этнографов, и теперь бесспорно доказано, что цивилизаторы Индии и ниспровергатели Римской империи происходят из одного этнического корня. Известно, что санскрит так же непохож на все другие индийские языки, как брахманы высшей касты непохожи на париев и все другие коренные расы этой страны; и недавно Лэтем пришел к выводу, что на самом деле он был *занесен в Индию из Европы*. Из этого видно, что г-н Гобино в своем взгляде на происхождение различных цивилизаций находит поддержку по крайней мере в нескольких наиболее важных примерах.

Общеизвестно, что *цивилизация движется на запад*: если верить этнологам, арийские расы *всегда мигрировали в этом направлении*— из Центральной Азии в Индию, в Малую Азию, в Египет, Грецию, в Западную Европу, к западным берегам Атлантики, и тот же импульс миграции сейчас уносит их к Тихому океану.—Н.

[197]

18. Естественная история человека и обезьян.

[198]

19. Фауна и флора живых животных, стр. 9.

[199]

20. Учение о единстве Человеческого рода, стр. 10.

[200]

21. Нам говорят, что в одном департаменте Франции все свиньи черные, в другом - все белые, и назначают местные причины! Когда я был мальчиком, мой отец завез в Юнион-Дистрикт, Южная Каролина, тех, кого тогда называли китайскими свиньями; они были черными с белыми лицами. Посетив этот район около двенадцати лет назад, я обнаружил, что вся страна на протяжении 40 миль покрыта ими. Посетив их год назад, я обнаружил, что они были полностью вытеснены другими породами другого окраса: старый знакомый тип исчез.

[201]

22. Указ. соч., с. 177.

[202]

23. Domestication et Naturalization des Animaux utiles, par M. Isadore Geoffroy St. Hilaire, p. 71, Paris, 1854.

[203]

24. Там же.

[204]

25. Колумбия, стр. 135.

[205]

26. De la Longevité Humaine, &c., par P. Flourens, Paris, 1855.

[206]

27. М. Флоуренс здесь, пожалуй, высказывается слишком позитивно. Кровь явно исчезнувшего вида будет время от времени проявляться на протяжении многих, если не бесконечных поколений.

[207]

28. Указ. соч.

[208]

29. Указ. соч., с. 122.

[\[209\]](#)

30. Было высказано возражение, что на чертежи нельзя полагаться, поскольку некоторые из этих типов больше не найдены. Но на старых памятниках есть несколько хорошо заметных видов домашних животных, которых больше не существует, потому что они были вытеснены лучшими породами. В этой стране по той же причине быстро исчезают несколько разновидностей индийских собак. Лама должна таким же образом уступить место корове и лошади. Можно привести много других примеров.

[\[210\]](#)

31. Указ. соч., стр. 29. 1854.

[\[211\]](#)

32. Указ. соч., стр. 101.

[\[212\]](#)

33. Указ. соч., стр. 53.

[\[213\]](#)

34. Географический округ, стр. 17.

Эта работа, я полагаю, еще не издана, но доктор Пикеринг любезно прислал мне первые 150 страниц в напечатанном виде.

[\[214\]](#)

35. Причард, Нац. История. человека, стр. 8. Лондон, 1843.

[\[215\]](#)

36. Смотрите "Типы человечества" Нотта и Глиддона.

[\[216\]](#)

Возврат к началу Страницы или списку [Содержимого](#)
